

В этой игре нет победителя...

РИСКНИ

СЭМ КЕРРИНГТОН

USA TODAY BESTSELLER

Невинная игра. Шокирующее преступление. Мир, в котором полно тайн... Мейплдон, 1989 Две маленькие девочки играли в «Правду или вызов» на улице. Только одна из них вернулась домой... Десятилетняя девочка рассказала полиции, что она видела, как одинокий мужчина из деревни, Билл Коули, по прозвищу Жуткий, затащил ее подругу в фургон и уехал. Тело не было найдено, но из-за слов девочки Коули посадили в тюрьму за убийство. Убийца пойман, дело закрыто. Деревня может спать спокойно. И вот теперь... Анна думала, что она оставила Мейплдон и свои кошмары позади, как вдруг неожиданный звонок возвращает ее в прошлое. 30 лет назад кто-то солгал. 30 лет назад человек, которого осудили, был не единственным виновным. Теперь его выпустили из тюрьмы, и он жаждет мести. Вопрос в том, с кого он начнет?

Переведено специально для группы

~"*°†Мир фэнтези†°*~

vk.com/club43447162

Перевод: maryiv1205, Blackki007, Jasmine, Vespida, Mariia__

Редактор: Юлия Лагутина (главы 1–5), Анастасия Ярыгина (с 6 главы)

Пролог

1989 год

— Давай, Белла, сделай это! — прошипела девочка. Она прикрывала рот обеими руками, чтобы ее полуистерический смех не выдал их присутствие в саду мужчины.

Белла покачала головой, ее золотистые волосы разметались по ее спине как занавес, и посмотрела на свою подругу.

— Я не хочу.

Ее голос дрожал, слезы были на подходе.

— Ты собралась быть малышкой всю свою жизнь? Это всего лишь глупая игра. Он тебя даже не увидит, я обещаю. — Девочка осмелилась немного выйти из своего тайного убежища за металлическим мусорным баком перед садом, избегая зоны видимости кухонного окна.

У которого стоял он.

Белла проследила за взглядом подруги. Мужчина, занимавший весь проем окна, осматривал улицу своими похожими на темные щели глазами, спрятавшимися под густыми бровями.

Девочка пригнулась еще ниже. Белла знала, что её подруга не хочет быть пойманной: вчера она справилась со своим вызовом и сегодня была очередь Беллы.

— Это глупая игра, — сказала Белла, медленно продвигаясь вперед, сгорбившись, пока не достигла дома. Она прижалась к стене, чья бугристая поверхность тут же впилась в ее голые лодыжки. Она стояла неподвижно, как цапля — только ее глаза бегали в поисках подруги. Она пристально смотрела на нее, умоляя отменить желание.

— Жуткий Коули, жуткий Коули, — пела другая девочка приглушенным голосом, но достаточно громким, чтобы по спине у Беллы пробежал холодок. Ее ноги задрожали, страх

становился все явственнее. Она хотела, чтобы на ней сейчас были ее вельветовые штаны, а не глупые хлопковые шорты. Это всего лишь игра, здесь нечего бояться. Но, вместо того, чтобы успокоиться, в ее ушах прозвучали слова мамы, слова предупреждения: «Ты никогда не должна подходить к мистеру Коули. Ты меня поняла?» Она рассказала, что часто приезжает полиция, потому что дети нарушают границы его частной собственности. Раздражают его. Терроризируют. Это были слова ее мамы. Белла зажмурила глаза, вспомнив, как ее мама положила одну руку на бедро и водила указательным пальцем другой руки как метрономом, в то время как она повторяла строгим голосом: «Белла, важно, чтобы ты слушала. Каждое мое слово».

Ее мама говорила, что однажды кто-нибудь все-таки пострадает.

Белла не хотела, чтобы это случилось сегодня и, чтобы на месте этого кого-то оказалась она.

— Ты уже почти на месте! Давай!

— Но это совсем нехорошо. — Голос Беллы прорвался сквозь стиснутые зубы.

— Не будь трусишкой. Я не буду с тобой больше играть, если ты это не сделаешь.

Глаза Беллы, наполненные слезами, следили за дверью. До нее оставалось всего несколько шагов. Но, казалось, что это самое длинное путешествие за всю ее жизнь.

Глубоко вдохнув, она ринулась к двери и врезалась в нее, поскольку ноги стали ватными. С испугу она хотела убежать, так и не выполнив желание, но визг ее подруги, пронзивший сад:

— Стучи давай, дурочка! — все-таки заставил ее поступить, как было сказано.

Два тяжелых удара спустя, с трясущимися ногами, она все выполнила.

Две девочки побежали, визжа от странной смеси веселья и ужаса, прочь из сада Жуткого Коули, прочь из тупика, навстречу проезжей части и их родной улице.

Билли Коули улыбался, глядя им вслед.

Они еще вернутся.

И в следующий раз он будет готов.

В следующий раз он действительно оправдает свое прозвище и даст им реальную причину визжать от ужаса...

Глава 1

Рыжий, Рыжий, разбил оконце

Ударил разок — и треск!

Пекарь задать ему взбучку явился

И на спину завалился

Британское произведение малого фольклорного жанра 19-го века, которое, предположительно, породило детскую игру-розыгрыш «Тук-тук, Рыжик» (известную также как «Достучись, Рыжик» и другие региональные варианты).

Пятница, 12 июля 2019

Анна

Анна отложила телефонную трубку, убрала волосы за уши, и вышла из офиса секретаря, не говоря никому ни слова. Это был не первый звонок ее матери ей на работу, но один из самых тревожных. Она не хотела потворствовать матери, но ответила на просьбу Мюриэл тотчас же уйти с работы, взывая к ее ответственности перед детьми. Кроме того, до конца рабочего дня оставался всего час. А затем она отправится обратно в Мейплдон.

В дом, где она выросла.

В дом, который она стремилась покинуть задолго до того, как у нее появилась возможность это сделать.

— Миссис Дэнвер, Чарли разбрасывает везде папье-маше!

Пронзительный плач ребенка выдернул Анну из плена ее мыслей.

— Ему придется разобраться с тем, что он натворил, не так ли? — Она положила руку на плечо семилетней девочки и повела ее обратно в класс. Оставлять свой класс без присмотра, даже на несколько минут, никогда не было хорошей идеей, особенно в последний день четверти, когда все дети были в предвкушении летних каникул. «Вдохновленная толпа» — так описывал их завуч. Анна соглашалась, но также думала, что некоторые из них были просто непослушные. Она бы никогда не позволила Кэрри так себя вести, она ожидала от своей дочери большего — то ли в результате обучения чужих детей и наблюдения за их иногда непослушным поведением, то ли в результате ее собственного строгого воспитания, она не могла точно сказать. Также как в случае с курицей и яйцом.

Наконец-то поставив всех детей в пару с их родителями, Анна заметалась по классу, убирая все остатки деятельности, натываясь на комья смятых, липких газетных остатков, которые теперь прилипали к столам, как дерьмо к одеялу. Пока она пыталась отковырять затвердевшую бумагу, слова Мюриэл звучали в ее голове.

«Что-то не так, Анна. Что-то совсем не так.»

Анна вздохнула над словами матери, удивляясь, какая же мелодрама развернется на этот раз. Но у нее внутри все перевернулось, когда Мюриэл продолжила свой рассказ.

Теперь, вымыв и вытерев руки маленьким грубым полотенцем, Анна решила позвонить Джеймсу и попросить его взять Кэрри на ночь, несмотря на то, что сейчас была не его очередь. Поездка в Мейплдон займет всего два часа, или около того, от Бристоля, но она не хотела брать Кэрри туда, не хотела втягивать ее в происходящее. Или что там еще. Возможно, ее мать слишком остро реагирует. Когда Анна росла, это было ее МА — еще до того, как ушел отец Анны, а потом еще больше, когда на смену пришли стариковские выходки. Но, в любом случае, лучше поехать туда одной.

Схватив сумку, она попрощалась с оставшимися учителями, выскочила из здания и села в машину. Ее синий Эскорт ожил, и она выехала из школьных ворот. С болезненным ощущением в животе повернула направо, встраиваясь в поток машин, который вел к шоссе М5.

Слова матери продолжали повторяться в голове, пока она вела машину:

— Был такой шум перед домом, он меня до смерти напугал. И когда я собралась с силами и вышла из дома, я нашла ее.

— Что нашла, мам?

— Голову куклы. Прибитую к парадной двери.

Глава 2

2019

Лиззи

Конверт, чей угол выглядывал из вороха писем, втиснутых за фиолетовый горшок для ключей — тот, которым никто не пользовался, предпочитая проводить напряженные минуты разыскивая место, в которое они закинули ключи в последний раз — смотрел на неё с укоризной. Лиззи выхватила его, затем отбросила на столик, отступив на шаг, словно он мог укунить её.

Что-то подсказывало, что письмо может навредить. Во всяком случае, его содержание:

не физически, но морально. Физическая боль была ей знакома — через годы взросления в несчетном количестве приютов. С ней она могла справиться, закалилась против неё. Её душевное здоровье, однако, никогда не было на том же уровне. Оно всё еще оставалось хрупким, как крылья бабочки — нежным, готовым вот-вот разрушиться. Ей необходимо было защититься от внешних угроз.

Защититься от слов, скрывавшихся в конверте.

Она оттягивала столько, сколько было возможно. Скрывала от Дома. Пыталась забыть. Конверт стоило просто разорвать и выбросить. Почему она этого не сделала? Сон был позабыт, её мысли, её воображение не давали ей спать часами. Лиззи знала, что должна сделать.

Взяв конверт еще раз, она уставилась на почтовый штемпель. На его логотип. Он определенно был от юриста.

С тех пор прошло тридцать лет. Лиззи было всего восемь, но некоторые воспоминания навсегда остаются с тобой. С возрастом некоторые из них даже становятся сильнее. Многие она уже не помнила сама — но люди в детских домах часто заполняли эти пробелы за неё. Опекуны, учителя, другие дети — всем им было, что сказать.

Рот наполнился слюной с кислым привкусом.

Ей придется встретиться с этим лицом к лицу.

Не давая себе времени передумать, Лиззи разорвала конверт и вытащила из него хрустящий белый официальный бланк.

Дорогая миссис Бренфилд, согласно вашему запросу, хочу уведомить вас, что мистер Уильям Коули будет выпущен из Тюрьмы Её величества Беймейд, графства Девон 9-го июля 2019 года.

В глазах помутнело. Прежде чем Лиззи успела дочитать, письмо выскользнуло из её ослабевших рук.

Приговор Жуткого Коули длиной в тридцать лет подошел к концу три дня назад.

Он был на свободе.

Глава 3

Бовейский полицейский участок, окраина Мейплдон

21 июля 1989, пятница — 36 часов после инцидента

От потрясения лицо её превратилось в белую маску. Не помня, как здесь оказалась, она стояла рядом с матерью, чья длинная тонкая рука крепко обнимала её за плечи. Защищающая, но в то же время злая.

— Я ей говорила. Говорила им. Предупреждала их, — её голос был прерывистым, звучал так, будто она задыхалась. Быть может, она тоже была потрясена.

— Я верю, что вы сделали всё, что было в ваших силах, — произнес офицер Верн. — Как родитель, я знаю, как тяжело следить за своими детьми все время. Приходится давать им некоторую свободу, и, как вы и сказали, это маленькая деревня — трудно представить, что может случиться что-то подобное.

— Нет. Конечно, нет, — согласилась она, качая головой.

— Сожалею, что приходится вас задерживать, знаю, что вы предпочли бы отвести вашу дочь домой, но мне нужно с ней поговорить. Выяснить более полную картину — точные сроки случившегося. Крайне важно, чтобы мы больше не теряли время... Вы же это понимаете?

Её мать смотрела на неё сверху вниз, пока офицер говорил. Она ощутила трепет,

доходящий до самых кончиков пальцев, отчего начинало казаться, будто они охвачены огнем. Было что-то такое в голосе офицера — какое-то скрытое значение, которое оно не могла понять. Но по выражению лица матери, она знала, что это было что-то плохое. Всё было плохо. И теперь ей придется рассказать им, что случилось. Что случилось из-за неё.

Всё это была её вина. И ей придется отвечать.

Глава 4

Анна

Пятница, 12 июля 2019

Показалась посеревшая от времени и ржавая по краям табличка, и руки Анны сжали руль так, что побелели костяшки.

Мейплдон

Еще до того, как свернуть с главной дороги, она почувствовала, как мир вокруг начинает сжиматься. В то время, когда она еще жила здесь, деревня поглощала всё и вся: все знали друг друга, все посещали одни и те же события, проводили время в одном — единственном на всю округу баре; все родители были на виду друг у друга, общались между собой, некоторые даже работали вместе. В Мейплдоне не было секретов. Не было возможности играть не по правилам.

У неё не было причин думать, что в её отсутствие что-то изменилось к лучшему.

Когда она повернула направо у поста оплаты, дорога стала сужаться. Анна дернула руль, резко остановив машину. Свет угасал все быстрее, солнце садилось за темную гранитную скалу Хайтора на соседнем Дартмуре. Было все еще тепло, или, возможно, беспокойство Анны подогревало ей кровь. Она опустила окно, вдыхая медленно и глубоко. Даже запах был такой же. Она понимала, что это невозможно, но это перенесло ее обратно в детство. Обратно к воспоминаниям, связанных с Мейплдоном, к призракам, которых она оставила позади. С глубоким вздохом Анна стряхнула это чувство и попыталась обрести контроль. Она должна добраться до дома своей матери до наступления темноты, до появления призраков.

Включив первую передачу, она снова отправилась в путь, следуя ограничениям скорости в двадцать миль в час по деревне. По крайней мере, было что-то новое. Второй поворот направо, следующий налево... Она тяжело сглотнула, когда достигла поворота на дорогу, ведущую к дому своей матери. Медленно она въехала на нее. Ее сердце громко стучало. А вот и он. Дом с террасой цвета магнолии, построенный в 1960-х годах, в котором она выросла. Она не была в этом доме с тех пор, как ушла отсюда двадцать лет назад. Ее нога не ступала в эту деревню с тех пор, так как она избежала ее цепких лап. Все контакты с матерью осуществлялись посредством телефонных звонков и личных встреч раз в два года, когда ее мать гостила в доме Анны в Бристоле.

Мать никогда не спорила, когда Анна вежливо отклоняла каждое ее приглашение за все эти годы. Никогда не спрашивая, почему. Она догадывалась, что Мюриэл знала, не задавая вопросов. Напряженные отношения у Анны с ее мамой начались в тот день, когда ее отец ушел от них к другой женщине. Анна всегда считала себя папиной девочкой, поэтому она была опустошена, когда он ушел. Она обвиняла в этом всех на протяжении многих лет: мать, его и даже саму себя. Но чаще всего весь ее гнев и горечь были нацелены на ее мать — ведь, в конце концов, она была единственной присутствующей, и Анна считала, что Мюриэл была тем человеком, кто в первую очередь подтолкнул бедного мужчину в чужие руки.

Но он оставил и Анну тоже. За это она винила его. Он перебрался в другой конец

Соединенного Королевства — в Шотландию, как можно дальше, и разорвал все контакты: ни телефонного звонка, ни письма. Он бросил свою единственную дочь из-за того, что сделала ее мать. Это было непростительно.

Анна вытащила ключ из замка зажигания и с тянущим ощущением внизу живота вышла из машины.

— Черт побери, — Анна набрала полные легкие воздуха. Почему ее мать не сняла эту вещь с входной двери? Она вызвала холод глубоко внутри ее живота, который выбирался наружу. И было что-то еще, вне ее власти. Она представила, какое внимание Мюриэл получила бы от соседней — она бы обрадовалась этому, вне всяких сомнений. Приближаясь к крыльцу, Анна не могла отвести глаз от отвратительной головы, приколотой на дверь, словно в фильме ужасов. Ее мать должно быть оставила ее там, чтобы Анна могла ощутить полный эффект.

Ей пришлось признать, что созерцание этого добавило еще больше страха. Если бы она не увидела этого своими собственными глазами, она вполне могла бы сразу же отмахнуться от истерии Мюриэл. Вместо того, чтобы пройти мимо мрачной кукольной головы, Анна отступила и направилась к задней двери. Казалось, ничего в доме не изменилось — гравий на небольшой площадке сада со стороны сарая остался, сам сарай был в своем первоначальном виде — покрашенное красным дерево, теперь облупилось, расколосилось и побледнело от многих лет проливного дождя и жаркого лета; оранжерея, теперь с несколькими разбитыми стеклами, сохранилась. Садовые украшения выглядели так, как будто их расставили в тех же самых местах, что и когда она ушла.

Время будто остановилось здесь.

— Анна! Что ты делаешь на заднем дворе? Ради бога, дитя, ты чуть не довела меня до инфаркта... Я думала, кто-то пришел за мной... — дыхание Мюриэль было частым, одна костлявая рука была прижата к ее груди.

— Привет, мам. Прости, я просто не могла....

— Нет, нет, — перебила ее мать. — Видишь, о чем я? Я же не слишком остро реагирую?

— Кажется, нет. — Анна подошла к матери, быстро ее обняла и поцеловала в щеку, которая была ледяной, как будто мать уже была мертва. Войдя внутрь, она закрыла заднюю дверь и повернулась лицом к матери. — Итак, что говорят в полиции?

Мюриэл опустила глаза.

— Я им ничего не говорила, — сказала она отрывисто.

— Но это выглядит странно и, возможно, даже угрожающе. Почему ты звонишь мне в панике, но при этом не информируешь полицию? — Анна чувствовала как раздражение растекается по ее телу. Она была в доме всего тридцать секунд и уже теряла самообладание. Ей не следовало возвращаться сюда.

— Может, это дети? Им нечем занять себя. Ничего здесь не изменилось, не так ли?

— Ты серьезно думаешь, что дети прибили голову к твоей двери? Зачем им это?

— Сейчас уже никто не стучит в дверь и затем убегает, Анна.

Ее прохладные серо-голубые глаза пронзили Анну, и холодок пробежал вдоль позвоночника, как холодная вода из душа.

— Дети это были или нет, тебе надо звонить в полицию.

— Нет, нет.

Ее мама положила свою руку на руку Анны. Я думаю лучше всего будет просто проигнорировать это. Им станет скучно, они переедут, или что-то еще. Для них это всего

лишь игра.

— Если это всего лишь игра, почему ты была так напугана, когда позвонила мне?

— Это был шок. Когда она впервые появилась, я плохо отреагировала. Я позвонила до того, как смогла все нормально обдумать. Глупая шутка, вот и все.

— Но всего две минуты назад ты говорила «Я же не слишком остро реагирую?» И обвинила меня в том, что я чуть не довела тебя до сердечного приступа и сказала «Я думала кто-то пришел за мной...» Я мчусь сюда на всех парах гадая, что здесь в действительности с тобой происходит, и совсем не думаю, что это всего лишь глупая игра!

— Ты знаешь, как это бывает — теперь ты здесь, я внезапно чувствую себя глупо. Это и в половину не так страшно, как казалось раньше. Когда живешь одна, это плохо сказывается на тебе, милая. Заставляет тебя видеть вещи, которых на самом деле нет.

Но Анну это совсем не убедило.

— Но голова здесь. Это ясно как день. Это не та вещь, которой на самом деле нет.

— Да, голова куклы все еще там, я знаю. Я говорила о другом, я вижу значения, которых на самом деле нет — например, я придаю значение чему-то абсолютно обычному, предполагаю какие-то вещи. Думаю слишком много обо всем последнее время. Полагаю, все дело в возрасте.

Мюриэл криво улыбнулась, все лицо ее сморщилось, как папирусная бумага. Время не пощадило ее мать.

— Давай выпьем. Я полагаю, ты останешься на ночь, не так ли?

О, Боже. Нет. Она же не собиралась.

— О, хм... я только попросила Джеймса пригласить Кэрри на вечер, — соврала она. — Я собираюсь вернуться домой.

— Пожалуйста, Анна, останься. Ты так давно тут не была, и ты мне сейчас очень нужна. Всего одна ночь не убьет тебя.

На самом деле может.

Волна вины захлестнула ее. Если она останется сегодня на ночь, вполне вероятно, ее уболтают остаться на все выходные — не дай Бог, даже дольше, ведь школа прервалась на летние каникулы. Джеймс с удовольствием ухватится за возможность провести дополнительное время с Кэрри. Развод сильно повлиял на него, но, на самом деле, ограниченное время с Кэрри ранило сильнее всего. Хотя ее мать не должна была знать все это.

— Я позвоню Джеймсу, посмотрим, что он может сделать. Но я ничего не могу обещать, мам.

Лицо Мюриэл расслабилось, когда она взяла два стакана из витрины и щедро плеснула в каждый из них шерри — она прекрасно знала, что получит то, что хочет.

Она всегда получала.

Глава 5

Лиззи

Суббота 13 июля 2019

Ей не спалось, ночь текла так же медленно, как изображения из ее детства заполняли время, предназначенное для сна. Большую часть своей жизни Лиззи пыталась не вспоминать свое детство. Пытаясь похоронить воспоминания рядом с той, кем она должна была быть. Она больше не была той девушкой, но отлично знала, что та, другая личность, все еще лежит под землей в спячке. Она делала все, чтобы спрятать ее. И, вплоть до того вчерашнего

письма, ей это удавалось.

— Ты так беспокойно спала прошлой ночью, — произнес Дом, появляясь в дверном проеме с вибрирующей зубной щеткой во рту и стекающей по щеке белой пеной.

— Прости, я не давала тебе уснуть? — спросила Лиззи.

Он снова исчез, она услышала плевков в раковину, затем зазвучала вода. И вот, Дом вернулся уже без белой пасты на своем лице.

— Забудь. Не настолько, как я не даю тебе уснуть своим храпом, правда ведь? — Улыбаясь, он подошел к кровати. — Мне кажется, время расплаты настало.

Он взял Лиззи за плечи и толкнул ее на матрас так, что сам оказался верхом. Затем снял ее топ, а его язык стал отслеживать все изгибы ее груди, очертания ее тату в виде стрекозы. Она была не в настроении для всего этого, но ведь это не была вина Дома. Анна игриво взвизгнула и изогнулась под его телом.

Лиззи не могла поверить своей удаче, когда Дом впервые позвал ее на свидание. Она продолжала не верить, но годы шли, а Дом не только остался с ней, но и предложил выйти за него замуж. Не смотря на устойчивое нежелание Лиззи иметь детей, он хотел с ней быть. Говорил, что собирается провести с ней всю свою жизнь до того самого момента, когда они вместе состарятся и умрут. То, что Дома обещал это, волновало и пугало ее. Почему он оказался не таким, как остальные? Но вот же они, все ещё счастливые и влюбленные 17 лет спустя.

Она совершенно не хотела, чтобы что-либо это изменило. Меньше всего, чтобы это изменил человек, уже испортивший ей жизнь более 30 лет назад.

Ее не покидала мысль, как бы Дом отреагировал, если бы узнал о ее прошлом. Узнал, что она скрывала от него так много все это время. Брак строится на доверии; Скрытность-враг.

Она помнила эти слова так, будто он произнес их несколько моментов назад-они повторяли это, как мантру на протяжении нескольких первых лет, и спустя время эта истина стала незыблемой для них обоих. Дом чувствовал бы себя преданным, если бы узнал.

— Давай, ты опоздаешь на работу, — произнесла Лиззи, отталкивая его от себя.

— Окей. — Вспышка беспокойства отразилась на его лице. — Что тебя беспокоит?

Дом заправил рубашку в брюки и завязал галстук.

— Впрочем, на нашем горизонте сейчас работа?

— Нет...Ладно, на самом деле да. — Вот спасительная лазейка-она может сказать, что причиной всему была работа. — Я должна написать статью, осветить ту историю, которой я, если честно, совсем не увлечена.

— Разве не может другой журналист это сделать?

— В теории — да. Но для меня в последнее время и так практически ничего не было-когда ты фрилансер, то берешь все, что только дают.

— Что за история?

— Ты опаздываешь... я расскажу тебе об этом подробнее вечером.

Она ненавидела себя, когда лгала. Она просто должна была сказать ему правду. Может, она скажет, потом — вместо придумывания истории — она усадит его, раскрывая все. В конце концов, он или поймет, почему она не могла рассказать об этом раньше, или не поймет. Будет лучше, если этот трудный разговор произойдет сейчас, а не тогда, когда что-нибудь вскроется, когда он будет зол и обижен на нее за то, что она скрывала свое прошлое.

Дом хороший человек. Он поймет.

Чувствуя себя намного легче теперь, приняв решение раскрыть все позже, Лиззи вскочила с кровати и сама набросилась на Дома. Он коротко выдохнул, когда она запрыгнула на него, обхватывая его своими ногами.

— Полегче, детка. Ты уже не настолько легкая, как была, — сказал он, пошатнувшись назад.

— Ооо, тебе все сходит с рук. — Она поцеловала его, он ответил ей еще сильнее, втягивая и буквально вжимаясь в нее. Из его рта вырвался стон.

— Сейчас, из-за этого я действительно опоздаю, — прошептал он. — Люблю тебя.

— И я тебя люблю, — сказала она, заставляя себя отпустить его. — Увидимся вечером, милый.

Тишина в комнате, возникшая, как только Дом ушел, давила на нее. Она точно не будет сегодня работать.

Лиззи должна была сделать что-то конструктивное; что-то, способное выпустить нарастающее в животе напряжение. Ей необходимо было знать, где был Вильям Коули.

Она обязана была найти его до того, как он найдет её.

Глава 6

Участок Полиции Бовэй

Четверг, 21 Июля 1989

— Итак, Мисси, твоя мама сказала, что ты видела то, что может нам помочь?

Девочка уставилась на свои трясущиеся руки. Она не хотела быть здесь, в этом тускло освещенном, душном участке, хотела вернуться в свою спальню к таким знакомым постерам «New Kids on The Block» на стене, хотела, пританцовывая, подпевать своим любимым песнями, играющим из стереосистемы. Она любила выдумывать целые танцевальные программы в своей спальне. Вот, что бы она хотела делать, вместо свидания. Она не должна была вновь соглашаться на ту глупую игру — должна была послушать маму.

Она послушала ее и пошла в полицию. Она должна, она просто обязана сделать так, как ей было сказано, ради мамы. Даже если уже было слишком поздно. ‘Ты должна сделать это для подруги,’ она повторяла снова и снова. ‘Тебе нужно сделать это для нее.’

— Да... — ее голос дрожал. Она с бледным лицом повернулась к маме, которая ободряющее улыбнулась и толкнула локтем. — Я видела...

— Не спиши, — сказал офицер. Его широко раскрытые глаза говорили обратное. Он наклонился вперед, ожидая словно нетерпеливый ребенок, жаждущий свой рождественский подарок прямо сейчас. Она глубоко вздохнула и начала прокручивать слова в голове, она хотела правильно их подобрать. Затем она заговорила. — Я видела, как он затащил ее в грузовик. А после он завелся и умчался вниз по дороге — он приехал из Мейплдона. Она... она не должна была подходить. Слезы заглушали ее голос и слова были криком. — Я не знаю, зачем она подошла. Я не знаю, зачем она бросила меня.

Глава 7

Анна

Суббота, 13 июля 2019

В духе с остальным обликом дома, старая комната Анны совершенно не изменилась. Словно она вступила во временную петлю и это действовало ей на нервы — особенно темная тень, которую отбрасывала старая лампа в виде Пьеро. Старые пружины в матрасе тоже раздражали, впиваясь ей в бедро, если она лежала на боку; искривляя позвоночник, если она лежала на спине. Часами она не могла устроиться. Сейчас, когда ее тело

отказывалось по-юношески бодро встать с кровати, ей стало немного понятно, почему ей была несвойственна боль в спине теперь, когда она была взрослой. Как ей вообще удавалось здесь спать? На полу и то было бы удобнее.

Не отрывая взгляда от окружавших ее вещей из детства, Анна с удовольствием потянулась, выпрямляя спину — и резво поспешила вниз на кухню к холодильнику. Ей нужен был кофе. Но ее живот скрутило, едва она понюхала молоко. Анна так резко убрала пакет от лица, что умудрилась расплескать его прокисшее содержимое.

— О, боже! — Она быстро подскочила к раковине и открыла кран. Закрыв нос рукавом, девушка смотрела, как кислая, вязкая жидкость стекает в слив. Посмотрев на опустевшую упаковку, она заметила, что срок годности истек четыре дня назад.

— Мам, у тебя молоко скисло! — крикнула Анна. Она проверила холодильник на наличие свежего, но его там не было, как, в общем-то, и других продуктов. Анна разочарованно хлопнула дверцей. Отсутствие кофе с утра, чтобы вернуть ее к жизни, было подобно аду, и теперь ей ни за что не пережить этот день. Даже следующий час. Тем более здесь.

— Ох, прости, милая. — Мюриэл вошла на кухню, шаркая тапочками по линолеуму. — Я забыла купить свежее.

— Забыла? Срок годности у молока закончился несколько дней назад — ты что, не готовила себе хлопья или напитки?

— Просто я все как-то не доходила до магазина, используя для чая «Марвел» из коробочки в буфете.

— Ты используешь сухое молоко вместо того, чтобы купить свежее? Когда ты в последний раз использовала «Марвел»? Я даже не знала, что они все еще его выпускают.

— Не говори глупостей, милая, конечно же они его делают.

Анну так и подмывало проверить коробочку в буфете на срок годности, но она опасалась, что просрочка там будет исчисляться не днями, а годами.

— Тогда давай я отвезу тебя в магазин.

— Зачем я тебе там нужна? Ты же помнишь, где он находится? — Мюриэл плюхнулась на стул за обеденным столом.

— Мам, с тобой все в порядке? Ты выглядишь, будто совсем не спала.

— Я так выгляжу каждое утро. Но ты же этого не знаешь, верно?

Анна проглотила замечание; с ним было сложно поспорить.

— Напишешь список? — предложила она. Ее осенило, что мать уже не может хорошо о себе позаботиться, и наверняка плохо питается, судя по ее изможденному виду. Ей стало совестно — она всегда считала, что Мюриэл жилось в Мейплдоне вполне неплохо самой. Мать всегда справлялась сама, с тех самых пор, как отец бросил их и уехал, когда ей было одиннадцать. Она была подтянутой и здоровой, имела хороших друзей. Но теперь Анна задумалась, было ли это правдой, а не тем, во что ей хотелось верить. Она была готова верить во что угодно, лишь бы избежать возвращения в эту деревню.

— Да, это было бы кстати. Спасибо. — Голос Мюриэл повеселел, а лицо просветлело.

— Когда ты последний раз выходила из дома? — нахмурилась Анна. Реакция матери на ее предложение сходить для нее в магазин показалась ей чересчур радостной. Голова куклы на двери появилась только вчера — но не происходило ли раньше чего-то другого, что могло заставить ее бояться выходить из дома?

Мюриэл отмахнулась. — Я не помню... пару дней назад. Блокнот ты найдешь в верхнем

ящике комода, милая. — Мюриэл указала в сторону гостиной.

— Хорошо, — кивнула Анна.

Отыскав блокнот, Анна проверила и остальные ящики. Она сама не знала, что именно ищет, ведомая шестым чувством. Внутри оказалась куча старых счетов — к счастью, ни один не был просрочен — и старых писем. Она достала один из пожелтевших конвертов, так густо исписанный корявым черным почерком, что на нем едва осталось место для марки. Анна прищурилась, пытаясь разглядеть почтовый штемпель и дату.

— Нашла? — В дверях показалась Мюриэл. От неожиданности Анна подскочила, бросив письмо обратно в ящик и тут же его закрыв.

— Ага. Есть ручка? — Анна выпрямилась, надеясь, что мать не заметила, как она копалась в ее комод. Вернувшись на кухню, она отдала блокнот Мюриэл и подождала, пока та напишет список. Руки у матери подрагивали, почерк был резким и дерганным. Когда она закончила, Анна внимательно пробежала глазами список, проверяя, что сможет его различить.

— Вот, возьми. — Мюриэл сунула Анне в руку кошелек из фиолетового фетра. — Здесь наличные, их должно хватить. Купи и себе необходимое, хорошо?

Анна сжала по-детски маленькую сумочку — на ощупь та была пустой. Она ощутила еще один укол вины, стараясь не смотреть матери в глаза. Годами она была вдали от нее. От своей мамы. У нее были на это свои причины, но теперь ее мучила совесть.

Сев в машину, Анна заглянула в кошелек. Одна пятифунтовая банкнота. Написанный Мюриэл список будет стоить минимум двадцать; возможно, ее ум уже не был столь острым, как раньше. Оставалось надеяться, что это не было чем-то серьезным, вроде деменции. Не то чтобы Анна могла заметить ее ранние признаки. Ей нужно будет поговорить с соседями Мюриэл и узнать, что они думают на этот счет.

Перед тем, как завести мотор, Анна сделала звонок.

— Привет, солнышко. Прости, что у меня не получилось вернуться домой вчера. Тебе хорошо у папы?

— Почему ты осталась у бабушки? Ты уже возвращаешься домой? — ее голосок задрожал.

Все это, вкупе с тем, что Кэрри не ответила на вопрос, заставило сердце Анны биться чаще. Джеймс — хороший отец, она в этом ни секунды не сомневалась, но она знала, что Кэрри беспокоится, если что-то меняется. Она привыкла оставаться у отца каждые выходные, знала чего и когда ожидать. На самом деле, она не очень волновалась из-за этого нарушения.

— Бабушка чувствует себя не очень хорошо и нуждается в моей помощи. Я останусь здесь на выходные, но не волнуйся — постарайся хорошо провести время с папой. Какие у вас планы?

Послышался тихий вздох, затем шуршание.

— Привет, Анна.

Джеймс явно был рядом и забрал у дочери трубку.

— С ней все в порядке? Кажется, она расстроилась из-за меня.

— С ней все в порядке, правда. Ты же ее знаешь. Я взял нам билеты в кино — она и забудет, что ты ее бросила.

— Серьезно? Боже, Джеймс, ты же знаешь, что я бы не стала просить тебя побыть с ней, если бы это не было важно!

— Прости, ты права. Что такое срочное там стряслось, что тебе пришлось отправиться в Мэйплдон? Я думал, тебя и силой туда не затащишь.

— Я пока еще не разобралась, что здесь происходит. Похоже, у мамы могут быть проблемы с головой.

— О, замечательно. Ты уверена? С чего ты это взяла?

— Есть пара моментов, но у меня сейчас нет времени их обсуждать. Мне нужно в магазин. В общем, выходные мне придется провести здесь. Ты сможешь позаботиться о Кэрри?

— Конечно, без проблем. Оставайся там столько, сколько нужно.

— Спасибо, Джеймс. Я тебе очень признательна. Честно, мне не хотелось бы задерживаться здесь ни секундой дольше необходимого.

— Я в этом не сомневаюсь. — Помедлив немного, он добавил: — Береги себя, Анна.

Внутри нее все похолодело; его слова пробудили старую тревогу и старые воспоминания. Воспоминания, которые никак не хотели ее отпустить.

Глядя прямо вперед, Анна вошла в «Брук Коттедж Стор» — единственный магазин в Мейплдоне. В ту же секунду она будто бы снова очутилась в детстве. Как, скажите на милость, ему удалось ничуть не измениться за все эти годы? Анна прошла мимо полки со сладостями на развес — ей вспомнилось, как она наполняла здесь бумажные пакеты копеечными леденцами — и направилась к холодильникам. Она быстро прошла вдоль стеллажей, на ходу заполняя корзину продуктами. Ей не хотелось задерживаться в магазине. Чем дольше она здесь, тем вероятнее, что кто-нибудь узнает ее и станет задавать неудобные вопросы.

Сейчас Анна слышала все больше голосов, магазин неожиданно заполнялся посетителями. Она проверила свой телефон. 9 утра. Черт, она не вовремя — все жители Мейплдона как раз проснулись. Взглянув на список матери в последний раз, Анна схватила банку кофе и направилась к кассе. Два прилавка с кассами. Что-то новенькое. Когда она была маленькой, была всего одна касса и владелица магазина, Нэлл Эндрюс, всегда стояла за ней. Теперь, кажется, все обновили, но оказалось, только одна касса работает. Анна предположила, что Нэлл уже вышла на пенсию. Хоть что-то. Человек за прилавком вроде бы моложе, новенький. Он скорее всего не знает ничего об Анне.

В очереди перед ней было несколько людей. На ее верхней губе выступил пот. Давайте, поторапливайтесь. Она старалась держать голову опущенной и не встречаться ни с кем взглядом. Эти люди могли быть ей хорошо знакомы, но совершенно не интересны — ее не интересовало быть в курсе их жизни и последних новостей. До нее доносилось низкое бормотание парочки впереди — две женщины в очереди повернулись друг к другу, болтая. Анна смогла расслышать их приглушенный разговор.

— Можешь в это поверить? Вот уж не думала, что доживу до этого дня.

— Все в ужасе, Эли. Вся деревня в шоке.

Анна чуть повернула голову в сторону судачащей парочки.

— Бедная ее мать. Представь, как она себя чувствует?

Сердце Анны гулко застучало в груди; ей показалось, будто она сейчас вот-вот упадет. Опустив корзинку на пол, она оперлась рукой о хлебный стеллаж.

— Ой, и не говори. Но ведь он сюда не вернется?

— Думаю, люди этого не допустят. Все равно ему здесь нечего делать.

— А если мы его увидим? Представь, если бы он вошел сейчас в этот магазин или

вернулся обратно в свою развалюху? Она пустовала все эти годы. Очередь продвинулась и женщина перестали говорить, когда их обслуживали. У Анны пересохло во рту. Женщины могли говорить о ком угодно. За двадцать лет в этой деревне происходило множество вещей, о которых Анна не имела понятия. Вероятность, что они говорили именно о том случае, была ничтожна, убедила она себя.

Пока она не дошла до кассы.

У прилавка стояла стойка с газетами. На том же месте, что и всегда. Ее взгляд привлек заголовок «Геральд Экспресс».

МЭЙПЛДОНСКИЙ УБИЙЦА НА СВОБОДЕ

Звуки в магазине стихли. Перед глазами Анны стояла газета, чей заголовок крупными буквами врезался в ее сознание.

— Все здесь против этого. Вся деревня. — Мужской голос наконец отвлек Анну от ее мыслей.

— Когда? — Одно-единственное слово Анны было пронизано страхом.

— Четыре дня назад, — ответил мужчина, доставая продукты из корзинки Анны и сканируя их. — Пока его еще не видели. Только вы учтите, никто не знает, как он сейчас выглядит. Но он не посмеет сюда вернуться. Мама говорит, он был бы дураком так поступить и она не стала бы его обслуживать.

Анна не ответила, мысли в ее голове путались. Она покопалась в сумочке и расплатилась за покупки дебетовой картой. Приглядевшись получше к мужчине за прилавком, она узнала в нем сына Нелл Эндрюс, Роберта — его волосы поредели, а лицо стало худее, чем она помнила.

— Ваша мама ушла на пенсию? — спросила Анна, не потому, что ей было интересно, а потому что ей требовалась пара минут собраться с духом, прежде чем покинуть магазин.

— Боже, конечно же нет. Она будет здесь до окончания времен. Я ее просто подменяю, пока ей нездоровится. Скоро она вернется! — Мужчина широко улыбнулся. Анна решила, что он ее не узнал и была благодарна такому везению — разговора в духе «сто лет не виделись» ей только сейчас и не хватало. Она поблагодарила его и ушла, а его слова эхом повторялись у нее в голове: «Четыре дня назад. Пока его никто не видел».

Четыре дня назад. Ровно столько же, сколько ее мать не покидала дом.

Перед ее глазами промелькнула входная дверь Мюриэл.

Теперь приколоченная к ней голова куклы уже не казалась дурацкой случайностью.

Глава 8

2019

Лиззи

Все ее благие намерения усадить Дома и рассказать ему все о своем прошлом испарились из-за одного телефонного звонка. Теперь придется подождать.

Лиззи запихнула свою наспех собранную сумку в багажник Воксхола. Она давно собиралась обновить себе машину, откладывала последние три года, но пока еще не была готова расстаться со своим надежным старым другом. Они столько путешествовали вместе, она знала наизусть каждый дюйм этой машины, как лучше всего ей управлять. Она доверяла ей, несмотря на очевидные недостатки: окно со стороны водителя не до конца поднималось и опускалось, и провело в таком неопределенном состоянии около года, колпаки колес давно были сорваны, а бампер держался на честном слове. Дом ругал ее, умолял отвезти машину на проверку, но это точно не относилось к ее списку важных дел — поскольку она

считала все недочеты только внешними. Зная, что она и так собирается менять машину, она считала проверку бесполезной тратой денег. Но при этом она оттягивала этот момент как могла.

С некоторыми вещами так тяжело расставаться.

Лиззи отправилась в путь, открыв пачку ревеня и конфет с заварным кремом и положив на пассажирское сидение, чтобы было удобно их брать, наполнив термос кофе и закрепив в подстаканнике и включив радио. Она надеялась, что бабочки, стайкой кружащиеся у нее в животе, успокоятся, как только она выедет на шоссе. Тем не менее, был шанс что они останутся с ней, пока ее «работа» не будет закончена.

Подпевая Джеймсу Бланту с его композицией «You're Beautiful» на пределе своих возможностей, Лиззи старалась сконцентрироваться на дороге, вместо своего пункта назначения и того, что она может там обнаружить. Кого она там может обнаружить. Через двадцать минут она влилась в поток машин трассы М5. Теперь, единственное, что ей оставалось — следовать знакам до Дивона.

Глава 9

1989

Полицейский участок Боувей

Пятница, 21 июля

— Итак, это очень важно. Расскажите мне во всех подробностях, что именно вы видели.

Ей пришлось сесть на свои руки. Они начали трястись еще когда полицейский только начал задавать вопросы, а сейчас как будто уже прошло несколько часов, и он все спрашивал о всякой ерунде, так что ее живот стало странно покалывать. Почему ей нужно проходить через все это? Она повторяла свой рассказ снова и снова. Возможно, он просто не верил ей. Ей нужно было говорить более уверенно.

— Грузовик остановился перед нами пока мы гуляли...

— Это было на Элмор Роуд, — перебил он.

— Да, я думаю... Да, именно так. — Она не должна говорить «я думаю», ведь это раздражает и ее маму, и полицейского. — Я замешкалась и собиралась свернуть, чтобы срезать через парк, но когда я уже сообразила что к чему, она исчезла.

— Она подошла к грузовику?

— Да. Я не знаю, зачем она это сделала. Почему она покинула меня. — Ее глаза жгли подступающие слезы.

— И как выглядел этот грузовик?

Ее в какой-то мере воодушевил этот вопрос, по крайней мере он отличался от всех тех, какие ее заставляли повторять.

— Красный, — убежденно сказала она. — Отец говорит, что такие грузовики называются пикапы, потому что у них сзади открытое пространство для вещей.

— А еще? Есть что-то еще, что ты о нем помнишь?

— О, да. — Она сейчас была уверена в этом. — По всей машине сбоку была желтая полоса. Когда он отъезжал, он развернулся, так что проехал мимо меня. Я не могла двигаться. Я боялась, что он едет за мной тоже.

— Но он не попытался тебя забрать?

— Нет, я так не думаю. Грузовик притормозил, но не остановился. Но я видела нечто странное.

Полицейский выпрямился на стуле, его круглое румяное лицо засветилось. — Да? Что

это было?

— Я увидела что-то приклеенное спереди, на той части, на которую обычно вешают красные носы для машин для «Смешной помощи».

— Решетка, — сказал полицейский пока царапал что-то в блокноте. — Но это не был красный нос?

— Нет. Я видела лицо. Это была голова куклы. Только голова.

Глава 10

2019

Суббота, 13 июля

Анна

Подъезжая к дому матери, Анна заметила, что голову куклы наконец-то убрали: дырки от гвоздей были единственным знаком, что там действительно что-то было и ей это не привиделось. Лучше бы привиделось. Потому что в противном случае, все было намного тревожнее.

Анна осторожно вошла в дом и поставила сумку с покупками на кухонный стол. Она не стала говорить с Мюриэл — какое-то время она проигрывала у себя в голове возможное развитие предстоящей беседы с матерью. Это была сложная тема для разговора и ее следовало обдумать. Взвешивание последствий открытия «ящика Пандоры» было не только ради ее матери, ей и самой нужно было быть осторожной. Годы самосохранения могли быть запросто испорчены одним-единственным неверно заданным вопросом.

Пока Анна неторопливо раскладывала продукты в шкафчики и холодильник, в ее сознании снова всплыли непрошенные воспоминания. Она крепко зажмурилась, пытаясь не дать увиденному завладеть ей. Открыв глаза, она повернулась к тому месту, где сидела ее мать. Мюриэл смотрела на нее.

— Значит, ты все слышала, — произнесла Мюриэл, глядя на нее не мигающим взглядом. — Сплетни в магазине, не иначе. — Ее голос прозвучал равнодушно и смиренно.

По крайней мере, Анне не придется поднимать этот вопрос первой, первой копаться в прошлом.

— Да, слышала. Это было и на обложке газеты. — Она собиралась узнать, не из-за этого ли ее мать вызвала ее, когда услышала новости. Но она надеялась, без преувеличения, что Мюриэл продолжит разговор, не вынуждая Анну закидывать ее вопросами. Возможно это будут плохие вопросы — которые сделают больно и расстроят ее, а не позволят раздражить ее страхи. Анна была не уверена, что именно она должна сделать и сможет ли она вообще предложить какую-то реальную поддержку и помощь. Потому что страхи ее матери скорее всего такие же, как и ее. Какую помощь она сможет предложить, если сама ужасно напугана?

— Это все же может быть совпадением, или дети думают это смешно? — спросила Мюриэл.

— Да, может. — Анна попыталась воодушевиться. Очевидно, все знают сказку, я думаю, ее уж много лет рассказывают детям как предупреждение. Несколько подростков подумали, что будет весело устроить такой розыгрыш. — Да, ты права. Возможно, это безвредная шутка. — Обманчивая легкость появилась после этих слов. Это могли быть дети, действительно могли.

— На это я и надеюсь. Конечно, не об этом я подумала, когда впервые увидела это. Но в конце концов, я убедилась. И теперь, когда ты приехала, я чувствую себя гораздо лучше.

— Ну ладно. Смотри, это определенно не здорово, что он вышел, но, как сказал Роберт, зачем ему осмеливаться прийти сюда?

— Сын Нелл, Роберт?

— Да, он меня обслуживал.

— Нелл этим утром не было?

— Приболела, видимо. Он сказал, что ей нездоровится.

Ее мать взглянула в сторону окна и задумчиво хмыкнула.

— Ты думаешь, она тоже расстроилась?

— Что? — Мюриэл снова обратила внимание на Анну. — Не знаю. Я никого не видела, с тех пор, как об этом узнала.

— Кто тебе тогда рассказал?

Мюриэл поднялась со стула и побрела в гостиную.

— Мам?

— Мне позвонил какой-то незнакомец.

— Серьезно? Когда?

— Четыре дня назад. По видимому, когда он вышел на свободу.

— Это был он?

— Нет. Нет, милая, думаю, это был журналист или кто-то наподобие. Не в этом дело. Дело в том, как мы станем жить теперь, зная. Зная, что этот человек на свободе. Что он волен делать все, что ему взбредет в голову. Разве можно поверить, что они выпустили этого монстра?

— К сожалению, жизнь редко означает идеальную жизнь. Я надеюсь, он сделал выводы. — Анна пожала плечами. — Они же ведь так и не нашли тело?

И в этом то и была проблема, краугольный вопрос, на который вся семья и жители деревни хотели бы получить ответ.

Где он спрятал ее тело?

Глава 11

2019

Лиззи

Ей нужен был навигатор, чтобы добраться до Мэйплдона. Это было совсем не там, где она помнила, но в этом не было ничего удивительного, она была совсем ребенком, когда ее забрали из деревни. Она располагалась южнее Дартмура с его величественными гранитными скалами и простирающимися вересковыми зарослями, и пряталась в долине в 10 милях от ближайшего города. После многочасовых извилистых дорожек, длинных холмов и густых лесов она наконец-то добралась до более широкой дороги со знаком, утверждающим, что она добралась до Мэйплдона.

Годы жизни в других частях страны приглушили ее воспоминания об этом месте. Сейчас, двигаясь как улитка через центр маленькой деревушки, проезжая мимо разбросанных старых избушек с соломенными крышами, а затем нескольких более современных домов, сердце Лиззи стучало чаще. Но пока она еще ничего не узнала. Но дело было не в отсутствии чего-то знакомого, что заставило бы ее адреналин курсировать по венам. Это была мысль о том, что происходило здесь. О ее возвращении. Если бы Дом знал хоть что-то из ее истории, он бы не разрешил ей уехать. Но он не знал. Ее детские секреты остались при ней. Ну почти.

Были и другие люди, кто знал.

Интересно, они все еще живут в Мэйплдон?

А он здесь, ждет ее?

Причина, по которой она проделала весь этот путь, была выяснить, но сейчас ее почти поглотило желание развернуться и уехать, вернуться к своей жизни в Эбингсворс. Ей нужно снова позволить себе удрать отсюда, здесь ей не место.

Ее нога была все еще на педали газа. Это была та ее часть, которая была в тени все эти годы, которая не могла поддаться искушению. Эта часть ее хотела продолжать, не смотря ни на что.

Тридцать лет. Она громко выругалась. К черту это место. Не оно определяет меня. И не этот человек. Она хлопнула руками по рулю в качестве поддержки перед тем, как направиться к вершине холма. К церкви. Это было первое место, куда она решила пойти, единственный ориентир, который она видела. Если повезет, викарий будет там, он-то должен знать, что происходит в его пастве. С него было бы правильно начать.

Она сможет это сделать.

Ей нужно закрыть книгу «Уильям Коули».

Глава 12

1989

Коттеджный магазин Брука, Мэйплдон

Четверг, 20 июля — день после

Беспокойство о пропавшем ребенке растет.

Несмотря на активные поиски полиции и более тридцати местных жителей в Мэйплдон и близлежащей территории, десятилетняя Джони Хэйес все еще не была найдена. Она отсутствовала уже почти двадцать четыре часа и полицейские были обеспокоены ее безопасностью. Обращение будет озвучено полицией Дивона и Корнвола позже.

— Такие ужасные новости. Я все еще не могу поверить, что малышка так просто исчезла. Только не здесь. — Сказала Нелл, запаковывая консервы в сумку Миссис Перси за прилавком магазина.

— Мы в шоке. Как и вся деревня.

— Ну, почти вся деревня. — Мюриэл сказала, проталкиваясь вперед в очереди, заговорщически приглушив голос.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? О... ну ты знаешь о ком? — спросила Нэлл. Несколько других покупателей присоединились к женщинам, хотя они и не стояли в очереди.

— Ну, ты не можешь не подумать об этом, не так ли? Я имею в виду, после того, что случилось с его маленькой девочкой... — Мюриэл приподняла бровь высокой дугой и немного отступила от собравшихся жителей деревни. — Я просто говорю... я имею в виду, что он даже не выходил прошлой ночью, помогать искать Джони со всеми остальными, не так ли? Меня бы не удивило, если бы он имел к этому какое-то отношение, вот и все. — Она вздернула подбородок.

— Мы не должны делать поспешных выводов. Это не поможет, Мюриэл. — Позади нее раздался голос, заставивший вздрогнуть. Мюриэл развернулась лицом к преподобному Фарнли.

— Я не из тех, кто это делает, преподобный. — Она не отводила взгляда. — Вы видели его в последние несколько дней?

— Мюриэл. Пожалуйста. Сплетни — это орудие дьявола. Впредь будь осторожна.

— Это не сплетни, если это правда, преподобный. И я даже не упомянула его имени, но вы знали, о ком мы говорили... — Мюриэл поджала губы.

— Теперь я думаю об этом, я не видела его, вы правы, — пискнула Нелл в защиту Мюриэл, прежде чем краснолицый викарий смог ответить. — Хотя сплетничать бесполезно, было бы неправильно отмахиваться от чего-то, что на самом деле может быть ключевым. В конце концов, на карту поставлена жизнь маленькой девочки.

— Нет никаких доказательств того, что ее похитили, дамы, или что ее жизнь в опасности; она могла просто потеряться, — сказал преподобный Фарнли. — В любом случае, я уверен, что полиция хорошо разберётся в этом деле. Мы должны оставить их заниматься своей работой. Но мы можем молиться за благополучное возвращение юного Джони — положимся на Господа.

Мюриэл отвернулась от преподобного, направив закатывание глаз и легкое покачивание головой на Нелл и оставшуюся группу женщин. Она была воспитана в богобоязненности; однако в некоторых ситуациях требовалась рука помощи от тех, кто был на земле. По мнению Мюриэл, Бог мог сделать так много, и возлагать всю свою веру на Него было ошибкой. Конечно, Он хотел бы, чтобы Его дети время от времени сами разбирались в своих проблемах.

После нескольких вежливых заявлений разговор зашел о собрании в Мейплтоне, и преподобный Фарнли откланялся. Мюриэл и Нелл по очереди возглавляли ежемесячный сбор, место проведения которого чередовалось между их домами. Обычно это происходило в последний четверг каждого месяца; однако на этот раз они перенесли его на более ранний срок — обе согласились, что это была своего рода «экстренная встреча». Присутствовала небольшая избранная группа женщин из деревни, обычно двенадцать, но иногда и больше, если нужно было обсудить что-то срочное. Как сейчас. По общему признанию, это была одна из самых острых тем, с которыми когда — либо сталкивалась группа... хотя были и другие сложные вопросы, исчезновение Джони Хейс было худшим. Матери этой группы, в частности, были очень обеспокоены и нуждались в поддержке и утешении.

— Увидимся ровно в семь тридцать, Нелл. Я позабочусь о том, чтобы положить побольше кусочков... это будет напряженный день.

Глава 13

Анна

2019

13-е июля. Суббота

— Прятаться здесь, беспокоясь, не очень продуктивно. — Анна опустила занавеску, отойдя от окна гостиной и повернувшись лицом к Мюриэл. С момента своего разоблачения она была тихой, почти не разговаривала. Вместо этого она смотрела дневной телевизор с отсутствующим выражением на лице. Анна знала, что если она не сможет успокоить свою мать, если она не сможет уверенно сказать ей, что голова куклы не имеет никакого отношения к Билли Коули, это затянется; нависнет над их головами в обозримом будущем. Анна не хотела больше проводить время в Мейплдоне. Может быть, ей придется убедить маму переехать поближе к ней и Кэрри в Бристоль.

— И что ты предлагаешь мне делать? Маршировать по деревне, обвиняя местных детей в незаконном проникновении, преступном ущербе?

— Ну, нет. Хотя для начала было бы неплохо обратиться в полицию со своими подозрениями.

— Я же сказала тебе, Анна, я не пойду в полицию. — Она посмотрела мимо Анны куда-то вдаль. — Это только усугубит ситуацию.

— Для кого? Для детей? В этом вся идея, мам. И если это не дети...

— Это будет он, — сказала Мюриэл.

— Полиция сможет следить за происходящим. За ним. У него будет пожизненная лицензия. Что-то подобное отравило бы его напрямиком обратно в тюрьму.

— Или это может разворошить осиное гнездо, — сказала Мюриэл с каменным лицом.

В этом и заключалась проблема маленьких деревень. Анна всегда чувствовала это, когда росла, но теперь это стало еще более очевидным. Одно событие могло вызвать волновой эффект, то, что должно было содержаться в семейной ячейке, внезапно стало делом каждого человека в деревне. Каждому было что сказать, дать какой-нибудь совет, предложить решение проблем. Хотел он того или нет. Если бы стало известно, что Мюриэл считает, что дети Мейплдона ответственны за голову жуткой куклы, тогда она была права, посыпались бы обвинения, встревоженные члены сообщества взяли бы за оружие. Местный совет, вероятно, попытается ввести комендантский час, подростки взбунтуются. Ситуация, скорее всего, ухудшится. И тогда Мюриэл станет единственным центром внимания. Но тогда, может быть, она уже стала.

Почему она стала мишенью?

Если это действительно был он, то это было только начало. Анна вспомнила, что в то время все жители деревни были в ужасе от того, что произошло. Все звали его Билли Коули.

— Думаю, пойду подышу свежим воздухом, мам. — Анна не могла сидеть дома и ждать, пока к двери Мюриэл доставят следующий «подарок». Возможно, другие получили нечто подобное. Прогулка по деревне вполне могла дать ей возможность выяснить, не случилось ли еще чего-нибудь неладного в Мейплдоне.

Мюриэл покосилась на Анну.

— Я... я не уверена, что это хорошая идея. Не в одиночку.

Она попыталась не обращать внимания на хмурый взгляд матери, когда наклонилась, чтобы поцеловать ее в макушку.

— Мама. Уже рассвело. Я взрослая женщина, со мной все будет в порядке!

— Я не просила тебя приезжать сюда с миссией выследить преступника, Анна. Я просто хотела, чтобы ты была здесь, чтобы быть со мной.

— Я не могу сидеть взаперти. И я никого не отслеживаю, я собираюсь прогуляться.

Мюриэл вздохнула, ее плечи опустились в знак поражения.

— Тогда не задерживайся надолго.

Заметив встревоженное выражение лица матери, она поняла, что Мюриэл беспокоится не только об Анне. Но и за себя саму. Она не хотела оставаться одна в доме, на всякий случай.

— Не буду. И у меня есть мобильный. Позвони мне немедленно, если... — Анна замолчала.

— У тебя здесь полный сигнал? — Мюриэл выпрямилась на стуле, в ее голосе звучала паника.

— Ну, не полный, нет, — сказала Анна. Она не очень хорошо умела лгать. Она предполагала, что будут области, где сигнал ослабнет, даже станет несуществующим. Это была маленькая деревушка в долине на окраине Дартмура; этого следовало ожидать. — Но я никогда не буду далеко, не так ли? Боже, чтобы обойти все это место, потребуется всего

пятнадцать минут.

— Кому-то потребовалось меньше времени, чтобы похитить Джони Хейз, — прямо сказала она.

Анна проигнорировала комментарий и ушла, схватив худи с перил в холле, несмотря на теплый день. С поднятым капюшоном она, возможно, оставалась бы анонимной, прогуливаясь по деревне. Свернув направо в конце Мюриэл-роуд, Анна направилась по Форстрит. Единственные дома — три коттеджа в ряд — располагались прямо перед тем, как дорога заканчивалась и соединялась с главной дорогой Мейплдона: той, что вела к церкви. Поблизости никого не было. Коттеджи казались обычными, когда она проходила мимо. Но с другой стороны, если к их дверям и было что-то прибито, то, без сомнения, к настоящему времени это уже убрали. Анна на самом деле не ожидала увидеть ничего даже отдаленно странного: никаких кукольных голов. Не совсем. Но все же она посмотрела. Или, может быть, она надеялась что-то увидеть. Тогда она могла бы немного утешиться; это был бы общий страх, а не изолированный.

Направляясь к церкви, минуя другие столь же непримечательные дома вдоль Бриджстрит, Анна оказалась у входа в один из тупичков, отходящих от нее. Блэкстоун Клоуз. Любопытство заставило ее свернуть в него и начать идти до конца.

Она остановилась перед последним бунгалом. Краска облупилась, штукатурка осыпалась. Сад был заросшим. Даже при дневном свете в этом было что-то зловещее. Были звонки от разгневанных, скорбящих жителей деревни с требованием снести его после этого. Но грозные местные чиновники столкнулись с большим количеством бюрократических проволочек, чем они могли преодолеть. Итак, он устоял. Пустовал тридцать лет. Как какой-то странный мавзолей.

Анна не могла не задуматься о человеке, который там жил.

Неужели он действительно вернется?

Находился ли он сейчас внутри?

Ее сердце дрогнуло при этой мысли. Она хотела повернуться и уйти, но ее ноги оставались на месте. Она вынула руки из карманов толстовки и медленно потянулась к стене. Чей-то голос заставил ее быстро перегруппироваться.

— Привет, Белла. Я подумал, что ты, возможно, сейчас позвонишь.

Глава 14

2019

Лиззи

Лиззи припарковалась сразу за церковными воротами, не сводя глаз со входа, ее решимость колебалась. Регулярных служб по субботам не было... она не подумала об этом, когда решила, что церковь — лучшее место для начала. Хотя, возможно, викарий все еще был бы внутри. Там могла бы быть свадьба. Или похороны. Хотя и сомнительно. Конечно, ее удача была бы не так велика. Если бы она не набралась смелости, не вышла из чертовой машины и не посмотрела, она бы никогда не узнала. Но внезапный страх, что ее вера в викария неуместна — что он вообще не сможет ей помочь, — заставил ее заколебаться. Вряд ли это был тот же викарий, что и тридцать лет назад, и определенные события, как правило, заставляли замкнутое сообщество, такое как Мейплдон, замолкать, решая, что это слишком отвратительно, слишком мерзко, чтобы когда-либо говорить о нем снова. Новый викарий мог и не знать о том, что произошло. И Лиззи не могла вспомнить название первоисточника. Вообще не могла вспомнить многих имен.

Только эти три.

Она бессознательно потянула себя за волосы, собирая несколько коротких черных прядей в ладонь, ругая себя за то, что не потратила некоторое время на исследование, прежде чем прыгнуть в свою машину и уехать. Это было ошибкой. Если не считать местного викария, к кому бы ей обратиться, чтобы ответить на ее вопросы? Она смахнула выпавшие волосы в пространство для ног и вздохнула, звук был громким в тихой машине. Возможно, вопрос «как» был чем-то, о чем ей тоже следовало больше думать. Лиззи не подумала о том, какой эффект произведет ее присутствие в Мейплдоне. Она могла быть «ником» — в конце концов, теперь ее звали по-другому, — но это само по себе ей не помогло бы. Она сомневалась, что у Мейплдона было много случайных посетителей. Незнакомец в стаде вызвал бы интерес, побудил бы к осторожности. Смыканию рядов.

Посторонним нельзя доверять.

Они не стали бы сознательно разглашать что-либо постороннему. Но, в равной степени, она также не могла никому рассказать, кем она была на самом деле; кем она была раньше. У нее было неприятное предчувствие, что ее поездка сюда будет пустой тратой времени. Где она вообще собиралась остановиться? Она была у черта на куличках, и казалось, что Airbnb (платформа аренды жилья) — это не вариант. Она действительно не продумала это до конца.

Просто возвращайся домой, в безопасное место. Возвращайся Домой.

Лиззи наблюдала, как из церковных ворот вышли две женщины, одна из которых держала ножницы. Скорее всего, они ухаживали за могилой. Боль пронзила ее живот. Она просунула руки под кофту, вцепившись в кожу кончиками пальцев, и закрыла глаза. В темноте проплыло видение женщины: изображение с размытыми краями, лишенное черт лица. Потому что она ничего не могла вспомнить. Слезы скатились по ее щекам и потекли по подбородку.

Ее мать была похоронена на этом кладбище.

Или, как ей сказали, она никогда не видела сама. Долго подавляемый гнев начал бурлить. Подробности, связанные со смертью Розы, были смутны в сознании Лиззи, а то, что произошло потом, в лучшем случае обрывочно. Она просто знала, что тогда испытала много ярости... эмоции, которые она не смогла направить должным образом. Что-то, с чем она все еще боролась, если когда-нибудь сталкивалась с красными флагами.

Может быть, сейчас самое время это изменить.

Возможно, потребность в переменах была тем, что заставило ее вернуться в Мейплдон.

Глава 15

1989

Мейплдон

Среда, 19 июля — в тот день, 8.25 вечера

Влажным летним вечером круги огней метались по траве, проносились над склонами холмов, мелькали под кустами и усеивали темнеющее небо, словно бешеный танец светлячков. Но зрелище исходило не от роя светлячков, а от освещения десятков факелов.

— Джони! Джонииииии!

Имя Джони выкрикивалось снова и снова, с каждым разом все более неистово. Отчаянно. Один голос был слышен громче других, его высота разрывала ночь, барабанные перепонки волонтеров, полиции.

Ноги Тины Хейз слабели, а голос — нет. Чистый адреналин заставлял ее двигаться

вперед, желание найти дочь пересиливало потребность притормозить, отдохнуть.

— Тина? — Пэт Верн подбежал к ней, положив потную ладонь ей на плечо, чтобы остановить. — Я не уверен... что это хорошая идея... для тебя быть здесь. — Офицер полиции тяжело дышал, его неглубокое дыхание уменьшало его способность сформировать полное предложение.

— Что ты хочешь, чтобы я делала, Пэт? Сидела дома, как хорошая маленькая девочка, и ждала, не найдет ли ее кто-нибудь другой? — Тина положила руки на верхнюю часть бедер, воспользовавшись моментом, чтобы перевести дыхание, позволяя крови снова течь по ее конечностям. — Это то, что ты бы сделал, если бы это была Дейзи?

Пэт, уже оправившийся от сильного напряжения, не мог с ней спорить. Он никогда не был способен затеять драку, когда дело касалось Тины Хейз.

— Я знаю. Я знаю, ты думаешь, что должна сделать все, чтобы найти ее, и я понимаю, я действительно понимаю. Но что, если она... — Он сделал паузу. То, о чем он думал, было: что, если ты тот, кто найдет ее, а она мертва? Он не мог этого вынести. Последний образ ее единственной дочери, который у нее останется, будет ужасающим, от которого она никогда не избавится. Но почему он вообще так думал, почему она должна быть мертва? Ради всего святого, это был Мейплдон. Он служил в полиции десять лет, и здесь никогда не случалось ничего даже отдаленно плохого, так что все закончится счастливо, он был уверен.

Только вот нет.

Интуиция подсказывала ему, что в игре есть что-то еще... что-то злое. Он не знал почему, но чувствовал это. Он понял, что Тина ждет, когда он закончит предложение, нетерпеливо переступая с ноги на ногу и уставившись на него широко раскрытыми покрасневшими глазами. Он взял себя в руки.

— Что, если Джони пойдет домой... кто там будет, если все будут снаружи искать?

— Как ты думаешь, Пэт, она появится дома, как будто ничего не случилось... как будто она просто потеряла счет времени? Ну же. Мы оба знаем, что она не просто забыла о времени. Все ее друзья дома, мы проверили. Так что не похоже, чтобы она слишком веселилась или куда-то ушла с одним из них и забрела слишком далеко от Мейплдона. Она не глупый ребенок, Пэт.

— Я знаю, что она не глупая. — Пэт опустил взгляд на свои ботинки. Сейчас было не время упоминать о том, что он слышал о Джони. — Ладно, пошли. Давай двигаться дальше. Я не хочу больше терять время, через час или около того будет слишком темно, чтобы продолжать.

— Ты можешь так думать, — резко сказала Тина, качая головой. — Но я буду искать здесь всю ночь, если понадобится. Каждую ночь. Я не остановлюсь, пока не найду ее.

И она зашагала прочь.

Глава 16

Анна

2019

Суббота, 13 июля

Анна замерла; голос — мягкий, затравленный — заставил ее сердце затрепетать.

Если люди потом и называли ее Беллой, она их игнорировала. И, по ее собственному выбору, никто не называл ее так с тех пор, как она покинула Мейплдон. Ей было невыносимо это слышать, не хотелось вспоминать связанные с этим воспоминания. В последний раз ее подруга произнесла это имя. Услышав его сейчас, она перенеслась в то

время и в то место, о которых она никогда не хотела, чтобы ей напоминали.

— Жуткий Коули, жуткий Коули...

Приглушенный шепот, подстрекательское пение заполнили ее череп. Она покачала головой, пытаясь избавиться от призрачного голоса. Но как бы ей ни хотелось бежать, не оглядываясь назад, это был один сельский житель, которого она не могла игнорировать. Она обернулась.

— Привет, тетя Тина, — сказала она. — В последнее время меня зовут Анна.

Лицо Тины дрогнуло, она вздернула подбородок.

— Верно, конечно. Аннабелла всегда была болтушкой, а Анна более взрослая, чем Белла. Прекрасно, что ты смогла это сделать — повзрослеть, я имею в виду. — От этих ледяных слов Анну бросило в дрожь. Она не могла винить ее за резкий тон.

Анна открыла рот, но снова закрыла его. На данный момент она не могла придумать ни одной вещи, которую Тина хотела бы услышать. Она мимолетно подумала о том, чтобы обнять ее, но прошедшие годы создали пропасть между ними; то, что произошло тридцать лет назад, гарантировало, что пропасть была слишком широкой, чтобы ее можно было преодолеть таким действием. Тина была примерно на пять лет младше Мюриэл, но если Анна думала, что годы были недобры к ее маме, они были совершенно жестоки к тете Тине — ее морщинистая кожа приобрела серый оттенок, ее крашенные светлые волосы были редкими и пятнистыми, из-за чего ее глаза казались бледными, почти как у альбиноса.

Анна оглянулась на старое бунгало Билли Коули, и от воспоминаний об игре «Тук-тук, Джинджер» у нее по коже побежали мурашки. Они невинно развлекались, не так ли? Находясь здесь сейчас, она могла представить их обеих так, как будто видела отпечатки их более молодых «я». Призрачные фигуры. До сегодняшнего дня она очень долго не позволяла себе думать о Джони. Но она знала, несмотря на то, что не помнила ее сознательно, то, что произошло в тот солнечный день, было частью ее самой. Повлияло на нее больше, чем она когда-либо хотела признать. Теперь, столкнувшись с Тиной, все всплыло на поверхность. Слезы потекли по ее лицу.

— Не надо. Не плачь. Слезы никому не помогут, — сказала Тина.

Она создала оболочку, которая со временем затвердела. Они все это сделали.

— Прости. — Анна смахнула слезы кончиками пальцев. Одно слово, отягощенное чувством вины, готовящейся годами. Ни разу она не произнесла этого слова, когда это случилось.

В конце концов, это была не ее вина.

Но Тина думает, что так оно и было.

— Почему ты вернулась?

Инстинкт подсказал Анне не упоминать о голове куклы.

— Пришла навестить маму.

— Никогда раньше не беспокоилась.

— Нет, благополучие в юбилейный год... — Анна почувствовала, что съежилась; она опустила взгляд.

— Значит, ты думала, что вернешься туда, где все началось? — Тина вытянула руку перед собой, указывая на бунгало. — У тебя нечистая совесть?

Так оно и было. Прошло тридцать лет, человек, ответственный за это, отсидел срок в тюрьме, а Анна все еще ощущала вину. Что ж, она больше не была той маленькой девочкой: кроткой, мягкосердечной Беллой. Она была Анной, и ей пришлось много работать, чтобы

преодолеть свои слабости; она упорно трудилась, чтобы залечить душевные шрамы, оставшиеся позади.

— Нет, — твердо сказала она, качая головой. — А у тебя?

Глава 17

2019

Лиззи

Она не знала, с чего начать поиски могилы, и даже должна ли она это делать. Добровольно открывать старые раны, вероятно, было неразумно. Но, с другой стороны, приходить сюда в поисках нее тоже было не самым мудрым решением. И все же она была здесь. Лицом к лицу со своими демонами.

Когда она медленно подняла металлическую задвижку и шагнула через деревянные ворота на территорию церкви, Лиззи вздрогнула. Это был всего лишь легкий ветерок, коснувшийся ее кожи, к тому же теплый, но он вызвал появление сотен мурашек на ее бледных, веснушчатых руках. Как будто к ней прикоснулся призрак. Быстрым шагом направляясь к дверям церкви, Лиззи отогнала все мысли о призраках на задний план. Дверь громко скрипнула, когда она открыла ее. Внутри было тихо. Прохладно. Пусто, насколько она могла судить. Цветы украшали концы каждой скамьи, а у алтаря стояла огромная витрина с белыми лилиями, маргаритками и астрами, все это, как она предположила, осталось со свадьбы.

К ней пришло шальное воспоминание. Она уже бывала в этой церкви раньше. Воскресная школа — она помнила, как сидела за маленьким столиком в глубине зала вместе с другими детьми. Она ходила туда несколько раз, но потом что-то случилось; была причина, по которой она перестала посещать занятия. Но что это было? Она отложила это воспоминание вместе со всеми другими полусформировавшимися, размытыми воспоминаниями о своем раннем детстве.

Викария нигде не было видно. Лиззи снова нырнула наружу и побрела в дальний конец кладбища; она пробиралась задом ко входу. Это была небольшая территория — деревня всегда была маленькой. Многие надгробия были старыми и покосившимися, надписи выцвели. Найти Розы не займет слишком много времени. Передвигаясь, она читала имена тех, кого могла расшифровать. Ни одно из них не вызывало воспоминания. Кроме одного; от имени на нем у Лиззи кровь застыла в жилах.

Джони Хейз.

Одно из трех имен, которые она запомнила.

Она поспешила мимо него, не желая задерживаться. Пока не хочу «идти туда». Было слишком рано... она не была готова. Шаг за шагом.

Воздух, казалось, замер, когда она приблизилась к серому гранитному надгробию, на котором было написано имя ее матери. Лиззи присела на корточки рядом с мамой, крепко зажмурив глаза, отчаянно пытаясь что-то вспомнить. Что-нибудь о ее матери. Ей ничего не приходило в голову. Это могло быть потому, что она пыталась заставить себя, если бы она расслабилась, не старалась так сильно, что-то могло бы получиться.

На данный момент она могла вспомнить только фрагмент одного воспоминания.

В тот день, когда мама подарила ей Полли.

Глава 18

1989

Мейплдон

Вторник, 18 июля — за день до

— Вернусь к обеду, Белла. И не приближайся к Блэкстоун-Клоуз, слышишь меня?

Пронзительный голос ее матери преследовал Беллу, когда она выходила из дома. Она крикнула через плечо:

— Хорошо, мам. Не буду! — закатила глаза в сторону Джони, чтобы доказать, что она считает предупреждение матери чем-то раздражающим. Она этого не сделала. Она действительно хотела сделать так, как сказала ей мама — от посещения Блэкстоун-Клоуз у нее мурашки побежали по коже.

Конечно, они все равно окажутся там. Обычно они так и делали — даже во время семестра. Теперь, когда они расстались со школой, она знала, что Джони захочет поехать туда на следующие шесть недель. Джони привела свой обычный убедительный аргумент, чтобы они сделали то, чего она от них хотела. Сказала, что гораздо веселее дразнить Жуткого Коули, чем тратить лето, играя в глупую Барби или смотря телевизор. Белле не удалось произвести впечатление на подругу своими развлекательными идеями. Она хотела придумать несколько танцевальных номеров — таких, как они делали на физкультуре в школе. Мисс Хэнсон сказала Белле, что у нее есть «талант», что бы это ни значило. Но она знала, что это было хорошо. Она не получала много комплиментов, так что это было то, что она взяла на вооружение и хотела развить во время каникул. Она, Белла, действительно была хороша в чем-то.

— Тогда пошли. Я нашла путь через заднюю дверь, так что он не увидит, как мы приближаемся, — сказала Джони, ее глаза расширились от волнения. Белла заставила себя улыбнуться. Она не понимала, почему Джони считала, что это так волнующе — постучать в чью-то дверь и убежать. Это было по-детски. И довольно глупо. Но она не могла сказать об этом Джони.

Несколько минут спустя они протискивались через небольшую щель в зарослях кустарника на задворках Блэкстоун-Клоуз. Джони прорвалась первой и помогла протащить Беллу. Ветки царапали ее голые ноги.

— Ай! Осторожно.

— Шшш, Белла. Кто-нибудь нас услышит. — Джони посмотрела вниз на ноги Беллы и фыркнула.

Белла потерла их. Если бы она порвала шорты, ее мама разозлилась бы. Она надеялась, что они не пойдут обратно через кусты, когда закончат.

Они присели на корточки напротив бунгало.

— Чего мы ждем? — спросила Белла, желая оказаться где угодно, только не там.

— Ну, нам нужно убедиться, что он не смотрит, прежде чем мы войдем, не так ли? — Джони покачала головой. У нее был способ заставить Беллу чувствовать себя глупо, немедленно прекращая все, что та говорила.

— Да, конечно, — сказала Белла, как будто знала это.

Белла уставилась на бунгало Жуткого Коули, молча молясь, чтобы его не было дома. Но его грузовик стоял на подъездной дорожке, так что, вероятно, он был дома. Ее желудок скрутило, в нем порхали тысячи бабочек. Ее ноги начали сводить судороги в согнутом положении. Она слишком боялась сказать Джони; ей пришлось бы смириться с болью.

— Так странно, не правда ли... повсюду эти кусочки кукол?

Это было странно. Но тогда именно поэтому он получил прозвище Жуткий Коули. Это и то, как он выглядел: его растрепанные длинные волосы, грязная одежда, мертвые черные

глаза, которые смотрели прямо сквозь тебя. Белла вздрогнула.

— Да, почему бы ему не привести все в порядок?

— Мама говорит, это потому, что он потерял все. Она говорит, что он больше не может беспокоиться ни о себе, ни о бунгало.

— Моя мама сказала, что это потому, что он был пи-да-что-то в этом роде. Что он заманивал туда детей и делал с ними плохие вещи. — Белла с трудом сглотнула. — Вот почему мы не должны быть здесь, Джони. Это опасно. — Она сказала это не более чем шепотом, не желая идти против того, чего хотела Джони. Но она должна была что-то сказать. Она не хотела этого делать.

— Нет, твоя мама не знает, о чем говорит. Это не опасно. Это забавно! Все так делают. Я слышала, как Адам рассказывал Ники в школе, что они с Джоном стучали в его дверь десятки раз, и самое худшее, что случилось, это то, что Жуткий Коули преследовал их.

— О. — Белла подумала, что это плохо. Адам и Джон были быстрыми, Белла — нет, она всегда приходила последней в спринтерских забегах в школе. Что, если он погонится за ними и поймает их? Что тогда?

— Ладно, я думаю, все ясно. Пошли. — Джони вскочила и побежала к бунгало.

Белла наблюдала, как Джони нырнула за мусорный бак прямо на подъездной дорожке Жуткого Коули. Она отчаянно махнула рукой в сторону Беллы.

Если бы она думала, что это все — единственный раз, когда они это сделают, — она бы почувствовала себя немного лучше. Она даже была бы не против, если бы они действительно постучали в чужую дверь для разнообразия. Но Джони уже сказала ей, что им придется прийти завтра снова, так что они обе по очереди постучат в его дверь. Это было бы справедливо, сказала Джони.

Быть другом Джони — тяжелая работа, подумала Белла, прежде чем сделать глубокий вдох и последовать за ней, как она всегда делала.

Глава 19

Анна

2019

Суббота, 13 июля

Они оба погрузились в неловкое молчание, оба неподвижно стояли у обветшалого бунгало Билли Коули, не глядя друг другу в глаза. Анна опустила подбородок, засунув руки в карманы толстовки. Когда-то они все были так близки. Мюриэл и Тина были лучшими подругами — они обе были молодыми матерями, как и их матери до них, так что у них было много общего. Вот почему Анна всегда называла ее «тетя» Тина. Вот что они делали тогда — хорошие подруги матерей всегда были известны друзьям их детей как тети. Было неизбежно, что Анна и Джони тоже станут лучшими подругами. Во всяком случае, это очевидно для матерей. На самом деле им не суждено было сблизиться. Они были слишком разными: баланс никогда не был правильным. Но поскольку их родители проводили так много времени вместе, они обе воспринимали это как нечто, что просто должно было быть.

— Я уже давно не видела Мюриэл на улице. Она здорова? — Тина первой нарушила молчание.

Анна пожала плечами.

— Думаю, с ней все в порядке. — Она не хотела ничего выдавать... по крайней мере, пока. Анне нужно было еще немного покопаться, прежде чем упоминать кукольную голову и странное поведение Мюриэл с тех пор. Ей было интересно, разговаривают ли еще Тина и

Мюриэл. После того, как Джони пропала без вести, их отношения пошатнулись — так однажды сказала ей ее мама, перебрав хереса. Мюриэл никогда не рассказывала о том, что произошло, как потом обстояли дела в Мейплдоне, а Анна никогда не хотела сама поднимать эту тему, поэтому воспоминания поблекли. Последствия были ужасными, затронув все сообщество, она знала это, но не могла вспомнить никаких конкретных последствий.

Но она знала, что все изменилось, когда похитили Джони Хейз.

— Может, нам стоит всем собраться и выпить кофе, пока ты здесь? — спросила Тина.

Анна подняла брови. Она не ожидала этого. Внезапное приглашение Тины казалось вынужденным, как будто было сделано по необходимости. Тина явно чего-то хотела. Была ли она также мишенью с кукольной головой на двери и теперь хотела или нуждалась в том, чтобы поговорить об этом со своей старой подругой? Возможно, они больше не были близки, но, возможно, их общего прошлого — необъяснимого того, что произошло, — было более чем достаточно, чтобы разрушить барьеры, которые были построены в последующие годы.

— Да, конечно. Заскочи завтра утром. Если не собираешься в церковь, то да. Мама будет в восторге от встречи с тобой, — сказала Анна, хотя ее чувства, возможно, были преувеличены. Кто знал, будет ли Мюриэл в восторге? Одному богу известно, что здесь творилось все те годы, что Анны не было дома.

Тина фыркнула.

— Я больше не хожу в церковь, не хожу с тех пор, как... — Она покачала головой. — Бога нет. Я буду в десять. — Тина коротко кивнула и пошла прочь, обратно в тупик. Анна проследила, как она исчезла за углом, прежде чем снова обратить свое внимание на бунгало. Была причина, по которой Тина хотела устроить эту «тусовку» — очевидная — освобождение Билли Коули. Но покалывание на затылке Анны подсказало ей, что дело не только в этом.

Успокоившись на мгновение, что Билли Коули не вернулся жить в бунгало в Блэкстоун-Клоуз, Анна повернулась к нему спиной и пошла дальше. Она тоже жалела, что не повернулась к этому спиной тридцать лет назад. До того, как цепная реакция событий, следовавших за этой игрой, стала фатальной. Казалось, жизнь Анны была наполнена «что если» и «если бы только».

Церковь появилась в поле зрения почти сразу, как только она выехала на главную улицу. Ее башня из известняка виднелась сквозь деревья. Она шла до церкви, проверяя по пути каждый дом снаружи, а затем возвращалась к маме по дороге, которая ответвлялась налево, недалеко от сельской ратуши. Таким образом, она сделала бы круг по Мейплдону. Однако ее надежды найти что-то «неуместное» таяли. Возможно, потребуется более прямой подход — прямо спросить, не испытывал ли кто-нибудь чего-то необычного за последние несколько дней. Анна подумала, что Роберта из магазина «Брук Коттедж» было бы неплохо спросить. А пока она продолжит прогулку. По крайней мере, это еще немного удерживало ее подальше от матери.

Когда Анна добралась до верхней части деревни и приблизилась к церкви, она заметила женщину, выходящую из деревянного входа. Она не узнала ее, хотя по возрасту та не сильно отличалась от Анны. Кто-то, с кем она ходила в школу? Она задержала свое внимание на фигуре на несколько секунд дольше, чем следовало, получив в ответ странный взгляд.

— Привет, — сказала Анна, решив, что это сделает момент менее неловким теперь,

когда ее застукали за разглядыванием.

— Все в порядке? — Женщина быстро, натянуто улыбнулась, замешкавшись у церковных ворот, как будто не совсем знала, что делать. Анна восприняла ее нерешительность и очевидный дискомфорт как признак вины. Неужели она украла что-то из церкви? Может быть, она вообще была нездешней, была какой-то случайной. Анна сделала несколько шагов к ней. У женщины ничего не было с собой, даже сумки. Ее футболка была плотно облегающей, так что под ней нельзя было спрятать украденные вещи. У нее были различные татуировки на обеих руках, пирсинг под нижней губой. Взглянув на ее лицо, Анна заметила, что ее глаза покраснели, как будто она плакала, и внезапно ужаснулась себе за поспешные выводы. Очевидно, та была расстроена... вероятно, только что посетила могилу.

— Извини, не хотела паяльничать, просто подумала, что узнала тебя, — солгала Анна.

— Нет. Сомневаюсь в этом, — сказала женщина. Она не сделала попытки пройти мимо Анны. Она восприняла это как сигнал к продолжению.

— Не так много людей приезжает в Мейплдон, — сказала Анна. — Нет, если они снова захотят уехать. — Она рассмеялась, надеясь, что эта женщина воспримет ее комментарий как шутку, как она и намеревалась. Ну, почти шутка. В ее заявлении вполне может быть доля правды.

Женщина улыбнулась, похоже, улыбка была искренней.

— Да, я слышала это об этом месте. — Она протянула руку вперед. — Лиззи Бренфилд, — сказала она.

— Ну, привет, Лиззи. — Анна взяла ее за руку, легонько пожала, прежде чем отпустить. — Меня зовут Анна. Я та, кто сбежала. — Она улыбнулась, прежде чем добавить: — Хотя, похоже, меня притащило назад.

Лиззи склонила голову набок.

— Что ж, значит, нас двое.

Глава 20

2019

Лиззи

Пути Господа неисповедимы, подумала Лиззи, отступая на шаг от Анны, чтобы быстро оценить ситуацию. Минуту назад она верила, что ее поездка сюда в конечном счете окажется бесплодной, но теперь, казалось, ей бросили спасательный круг. Кем бы ни была Анна, какова бы ни была причина ее пребывания здесь, у нее тоже, похоже, были похожие чувства к Мейплдону. Журналистский ум Лиззи включился. Здесь даже может быть своя история. Та, которая не принадлежала ей.

— Значит, ты родом отсюда, Анна? — Лиззи удивилась, почему она не назвала свою фамилию. Ей придется поработать немного усерднее.

— Ага. За мои грехи.

Лиззи выгнула бровь. Интересная формулировка. Она попыталась думать быстро. Она не хотела упускать эту возможность узнать больше о текущих делах Мейплдона, но с другой стороны, она также не хотела задавать миллион вопросов и отпугивать Анну.

— Судя по всему, Мэйплдон не занимает высокого места ни в одном из наших списков «лучших мест для посещения в Девоне».

— Боже, нет! — громко сказала Анна. Лиззи заметила быстрый взгляд Анны в сторону церкви и последующее крестное знамение, которым она ткнула себя в грудь.

— Не волнуйся, — прошептала Лиззи, наклоняясь вперед, — я не думаю, что он тебя

услышал.

— Но ты никогда не можешь быть слишком осторожным, а?

Лиззи сразу почувствовала связь с Анной, как будто у них было что-то общее: общая история. Может быть, так оно и было.

— Нет, не можешь. Особенно здесь, в Мейплдоне, — сказала Лиззи, подталкивая Анну локтем. Она говорила это в шутку, но ее голос не передал этого сообщения. — Просто шучу, — быстро добавила она.

— На самом деле, Лиззи, ты недалеко от истины. Хочешь прогуляться со мной? Или тебе нужно быть где-то в другом месте?

Лиззи чувствовала, что Анна хотела быть подальше от церкви, подальше от возможности быть подслушанной, прежде чем говорить дальше. Это была хорошая новость, это означало, что она что-то знала и, что более важно, хотела рассказать ей об этом. Возможно, удача вот-вот повернется к ней.

Глава 21

1989

Блэкстоун Клоуз

Понедельник, 17 июля — за 2 дня до

Когда же эти маленькие засранцы оставят его в покое?

Билли Коули увидел тени, услышал топот ног и хихиканье за мгновение до того, как раздался стук во входную дверь. Он устал. Так чертовски устал от всего этого. Он потерял счет тому, сколько месяцев его преследовали дети.

Дети. Часть его хотела оставить все как есть, они не знали ничего лучшего. Но он не мог. Им следовало бы знать лучше. Их родители должны учить их лучше. Знали ли они вообще, где находятся их капризные дети? Что они задумали? А жители Мейплдона посмели устроить ему неприятности из-за его воспитания. Гребаная наглость. Им всем нужно было преподать урок. Он начал выгонять детей из тупика — бегал за ними, крича как сумасшедший. Он почти поймал одного парня только на прошлой неделе, но теперь, когда он не поддерживал себя в форме, отказавшись от занятий в спортзале после... Что ж, после того, как жизнь превратилась в полное дерьмо, у него не хватило выдержки.

Господи, ему двадцать пять лет, а его уже обгоняют дети. Для справки, у него не только не было тела или физической подготовки двадцатипятилетнего парня, но и лица тоже. Это было очевидно, когда он подслушивал насмешки, шепот и прозвища всякий раз, когда выходил из своей зоны комфорта в бунгало — «Старик Коули», «Жуткий Коули» и тому подобное. Хотя у него были прозвища и похуже — некоторые из самых жестоких, необоснованных вещей, которые люди говорили, действительно выводили его из себя. Но у него больше не было мотивации, желания хорошо выглядеть или чрезмерно беспокоиться о том, что скажут о нем жители Мейплдона. Теперь не на кого было произвести впечатление. Не теперь, когда они отняли у него все.

Громкий стук в кухонное окно напугал его.

— Ублюдки! — Он бросился к двери, распахнув ее как раз вовремя, чтобы увидеть двух мальчиков, бегущих по дороге. Он никогда их не догонит. Билли вышел на улицу, перешагивая через весь мусор в своем саду. Он сильно пнул куклу по голове, отправив ее в полет по воздуху. Она приземлилась рядом с его грузовиком, а затем неуклюже закатилась за заднее колесо. Он подошел к кухонному окну и, осмотрев землю, обнаружил большой камень. Он поднял его; тот был довольно увесистым, он был удивлен, что он не прошил

стекло прямо насквозь. Никто из детей раньше не делал ничего большего, чем играл в «Тук-тук, Джинджер». Казалось, они становились все храбрее.

Может быть, пришло время и ему сделать то же самое.

Глава 22

Анна

2019

Суббота, 13 июля

Она совершала прыжок веры. Анна понятия не имела, кто такая Лиззи, чего она хочет, но, как и она, она приехала в Мейплдон не просто так. Анна хотела задать так много вопросов, но в то же время хотела действовать осторожно. Ей нужно было увести Лиззи подальше от церкви: она не хотела, чтобы ее видели любопытные жители деревни. Вернуться в это место было достаточно плохо, быть узанным еще хуже, но быть застигнутым за разговором с посторонним... что ж, это каралось смертью. Несмотря на то, что Анна знала, что это преувеличение, она знала, что это было единственное, чего сплоченные жители Мейплдона боялись больше всего. Хотя, на данный момент, только потому, что Анна не узнала эту женщину или ее имя, это не означало, что у нее здесь не было семейных связей, так что, возможно, она слишком поспешила навесить на нее ярлык посторонней. Ирония в том, что она сама вела себя точно так же, как жительница деревни Мейплдон, не пропала даром.

Есть только один способ выяснить это.

— Итак, Лиззи, ты тоже навещаешь семью? — Анна повернулась лицом к Лиззи, пока они шли, желая оценить ее реакцию.

— Вроде того, да. Нет. Ну, может быть... — заикаясь, произнесла Лиззи.

Тогда это решило проблему. Анна мысленно вздохнула. Как она могла действовать дальше?

Анна повела Лиззи за угол Эджлендз-лейн, и в поле зрения показалась маленькая начальная школа. Лиззи остановилась, казалось, застыв на месте.

— В чем дело? — спросила Анна.

— Ничего, извини. — Она снова зашагала, опустив голову. — Почему ты сказала, что Мейплдон притащил тебя обратно, Анна?

— Я думаю, это был всего лишь оборот речи. Я просто имела в виду, что потребовались годы, чтобы сбежать от этого — и менталитета маленькой деревни — и у меня никогда не было желания возвращаться, как только я уехала. Но, поскольку моя мать все еще живет здесь, что ж, похоже, я все еще не могу полностью избавиться от этого места. Пока она все еще со мной, я полагаю, однажды мне неизбежно пришлось бы вернуться сюда. И, кажется, вчера был тот самый день.

— Она больна, твоя мать?

— Думаю, у нее проявляются некоторые ранние признаки слабоумия. — Анна удивилась самой себе за то, что рассказала об этом Лиззи. Но с другой стороны, ей всегда было легче поговорить с кем-то за пределами семьи, с кем-то, кто не знал вовлеченных людей; не мог судить.

— Ах. Мне жаль. Уверена, это ужасно — наблюдать, как человек, которого ты любишь, становится все меньше похожим на того, кого ты знал всю свою жизнь. Хотя приятно, что ты здесь ради нее. Ты единственный ребенок?

— Ага. Это все на моей совести. Мои мама и папа развелись много лет назад, так что у

мамы есть только соседи и другие жители деревни, которые присматривают за ней. Ты никогда по-настоящему не готовишь себя к тому, что родитель может измениться, умереть, не так ли? — Анна слегка улыбнулась. Кожа Лиззи побледнела, и Анна сразу поняла, что попала впросак. Дерьмо. Лиззи выходила с церковного двора... кто мог поспорить, что она навещала могилу одного из своих родителей? Может быть, даже и то, и другое. Это объяснило бы ее странный ответ «вроде как да, нет», когда она спросила, навещает ли она семью. — Прости, Лиззи, я... — она запнулась.

— Все в порядке. Правда. И нет, ты права, ты не готовишь себя... даже в более поздние годы. — Лиззи опустила взгляд. — Но ты особенно не готовишься, когда тебе всего семь лет, когда это происходит. Как мог ребенок когда-либо представить, что что-то случится с ее родителями?

О, Боже. Анна вздрогнула.

— Как ужасно, — сказала она, теперь жалея, что начала этот разговор. Анна всегда не очень хорошо относилась к чужому горю, а сегодня у нее была передозировка. Как бы ей ни хотелось перевести разговор на более светлую тему, она знала, что сейчас открыла рану этой бедной женщины, поэтому у нее не было другого выбора, кроме как наблюдать, как вытекает кровь. — Что случилось?

Вопрос Анны был встречен молчанием. Они продолжали идти бок о бок — Анна повела их мимо фермы Мейджора и по Лэнгуэй-роуд, обязательно бросая мимолетный взгляд на каждую собственность, проверяя, не украшает ли их двери что-нибудь необычное. Они были почти у поворота, который должен был привести Анну домой, когда Лиззи наконец заговорила снова.

— Рак, — сказала она. — Моя мать умерла от рака шейки матки. Ей было всего двадцать четыре.

— Мне так жаль, Лиззи. Это шокирует. Должно быть, это перевернуло твой мир с ног на голову. — Анна действительно ужасно переживала за эту женщину — иметь такую молодую мать, а потом потерять ее. Должно быть, после этого ее жизнь кардинально изменилась. Без сомнения, Лиззи предстояло рассказать длинную, возможно, болезненную историю, но Анна поняла, что теперь они приближаются к дороге Мюриэл, и ей действительно не хотелось приглашать незнакомку. — Э-э... вообще-то, мне нужно возвращаться. Мама будет волноваться... я задержалась дольше, чем думала.

— Конечно. Конечно. — Лиззи огляделась вокруг, как будто заблудилась. Конечно. Она протащила бедную женщину довольно далеко от того места, где была припаркована ее машина, по извилистым переулкам. Вероятно, она задавалась вопросом, как вернуться туда.

— Если повернешь здесь налево, то придешь обратно на главную дорогу Мейплдона, затем поверни еще раз налево, обратно на холм. — Анна улыбнулась.

— Хорошо, спасибо. О, Анна... э-э... вообще-то, мне негде остановиться... Так что...

— О. — Анна на мгновение запаниковала, подумав, что Лиззи хочет остаться с ней. Конечно, она не стала бы просить об этом кого-то, кого только что встретила? Она поколебалась, прежде чем вспомнила отель типа «постель и завтрак» на окраине Мейплдона. — Ты проверяла Булли Бартон? Это красивое место, холмистые склоны, тишина. Я чуть было не зарегистрировалась сама, вместо того чтобы остаться у своей матери! В витрине магазина есть рекламный буклет. Там будет их номер телефона... ты увидишь его, когда поднимешься на холм.

— Отлично. Я вроде как ушла без всякого плана, на самом деле. И это, похоже, не то

место, где я могла бы получить дешевый номер на Airbnb, — сказала Лиззи.

— Нет, думаю, это не так. Думаю, что в радиусе десяти миль есть буквально только одно такое место. Не так уж много посетителей в Мейплдоне...

— Нет, если они снова захотят уйти, верно? — спросила Лиззи, не улыбаясь. Напряженность в ее глазах заставила Анну вздрогнуть.

Глава 23

2019

Лиззи

Вот тебе и «история Анны», — подумала Лиззи, возвращаясь к своей машине, и в голове у нее все перемешалось. Навещала свою мать, страдавшую слабоумием. Сентиментально и не совсем то, что Лиззи надеялась узнать. Лиззи не удалось узнать фамилию Анны — или имя ее матери — никакой информации о каких-либо недавних событиях в этой забытой богом деревне. Она не приблизилась к тому, чтобы выяснить, может ли он быть здесь. Но, благодаря ее новой подруге, теперь у нее было, где остановиться. Лиззи наконец-то получила сигнал мобильного телефона, когда приближалась к вершине холма и забронировала номер в Булли Бартон на три ночи. Она рассудила, что если она не найдет то, что искала, за это время, то уже никогда не найдет.

Пара человек открыто пялились на нее, когда она стояла, набирая номер отеля типа «постель и завтрак» на своем телефоне возле магазина. У нее было искушение завязать разговор, но в конце концов она струсила, потому что мысль о вопросах, которые они ей зададут, отпугнула ее. Прежде чем заговорить с кем-либо еще, ей потребовалась ночь, чтобы подготовиться. Возможно, она уже слишком много сказала Анне, которая вполне может пойти прямо домой к своей матери и повторить все, что она сказала. Думая об этом, существовала большая вероятность того, что к завтрашнему дню вся деревня будет знать ее имя. Может, она слишком поспешила представиться? Назвать ее полное имя было ошибкой. Анна не была такой наивной. Но она поняла, что если кто-то зауглит ее, то, скорее всего, найдет только статьи, которые она написала, и ничего о ее прошлом.

Правда, журналист из Мейплдона. Насколько это было бы кстати?

Посидев в машине в раздумьях добрых десять минут, Лиззи дала задний ход и вместо того, чтобы ехать обратно по главной дороге, ведущей из Мейплдона, свернула на ту, по которой Анна провожала ее несколько минут назад. Она остановилась у начальной школы, ее сердце бешено колотилось. Поток разрозненных воспоминаний обрушился на ее мозг из ниоткуда, когда они с Анной проходили мимо него. Это потрясло ее. Настолько, что она чувствовала себя ослабленной, неспособной двигаться. Она знала, что с этими вещами ей придется столкнуться, если у нее будет хоть какой-то шанс избавиться от своего прошлого раз и навсегда.

Лиззи включила передачу и снова тронулась с места. Ей очень хотелось увидеть бунгало — его не так уж трудно было найти в такой маленькой деревне, и она узнала школу, так что, возможно, другие места тоже будут знакомы. Однако ее охватила усталость, и она решила, что эту задачу лучше отложить на завтра. Потому что, если бы он вернулся, то отправиться туда было бы слишком сложно за один день. Чтобы встретиться с ним лицом к лицу, потребуется гораздо больше сил, чем у нее сейчас было. Она предпочла бы знать, с чем ей, скорее всего, придется столкнуться, быть лучше подготовленной. Ее план по получению информации от жителей деревни был тем, которому она должна следовать, чтобы уменьшить боль, которую она, несомненно, почувствует снова.

Как и сказала Анна, Булли Бартон находился на окраине Мейплдона, всего в полумиле от него, в узком переулке, к которому вела длинная подъездная дорога. Как только Лиззи вышла из машины, она сразу же почувствовала себя спокойнее, бодрее и гораздо менее встревоженной, чем в деревне. Как будто воздух стал чище, менее токсичным. Ее тепло приветствовала хозяйка, Гвен — жизнерадостная женщина лет пятидесяти с мягким ирландским акцентом. Лиззи предложили чай с печеньем, а затем показали ее комнату с роскошной двуспальной кроватью, домашней обстановкой и видом на поля. Казалось, по крайней мере, здесь незнакомцам были рады. Но, может быть, это было потому, что Гвен сама когда-то была аутсайдером.

— Это прекрасно, спасибо, Гвен, — сказала Лиззи, улыбаясь.

— Дайте мне знать, если я могу что-нибудь сделать, чтобы ваше пребывание здесь было лучше, хорошо? На данный момент вы мой единственный гость.

— Идет, — сказала Лиззи, глядя в окно на коров на соседнем поле. Это было далеко от застроенного Аббингсворта. — О, вообще-то, у вас здесь есть Wi-Fi?

На какой-то ужасный момент, когда она поймала непонимающий взгляд Гвен, ей показалось, что та собирается сказать «нет». Но, подмигнув, Гвен сказала:

— Да, мы находимся в глуши, и сигнал не всегда хорош, но мы в контакте с двадцать первым веком.

Лиззи рассмеялась.

— Отлично, приятно это знать.

Глава 24

1989

Резиденция Фишеров

Пятница, 14 июля — за 5 дней до

Белла сидела на середине лестницы, ее левое ухо было повернуто к закрытой двери гостиной, но, к досаде, она не могла разобрать, о чем они говорили. Ее отправили спать час назад, в то же время, когда ее отец ушел в паб. Но приглушенные голоса, время от времени прерываемые громким смехом, проникали сквозь половицы, делая сон невозможным. Друзья ее мамы часто приходили «выпить», как она это называла, и иногда весь дом был заполнен женщинами на дурацких Мейплдонских собраниях. Но они всегда были в четверг вечером. Белла думала, что все это было просто предлогом для них, чтобы посплетничать и выпить. По утрам после этих посиделок и встреч Белла всегда замечала, что ее мать была не в себе, говоря Белле, что она «чувствительна», и что она не может справиться с любой «ерундой» Беллы. Папа шептал Белле на ухо «похмелье» перед уходом на работу или на игры в гольф. Она не знала, что именно это означало, но в конце концов поняла, что это просто означало, что у ее матери болит голова, и ее нельзя беспокоить.

Поскольку ее мама сейчас пила с миссис Эндрюс и тетей Тиной, Белла знала, что завтра утром ей придется держаться на расстоянии и оставить маму в покое; у нее будет еще одна головная боль, которую нужно преодолеть. Разочарование захлестнуло ее. Она хотела выбраться из деревни, может быть, навестить Бови Трейси и сходить с мамой по магазинам, пообедать в кафе. Все, что угодно, лишь бы увезти ее из самого унылого места на земле. Все, что угодно, лишь бы отвлечь ее от дурацких игр, в которые Джони заставляла ее играть. Иногда она ненавидела свою маму.

Как раз в тот момент, когда скука уже собиралась заставить ее поползти обратно в свою комнату, Белла более отчетливо услышала голос миссис Эндрюс. Она, должно быть, стояла

прямо у двери. Белла немного отступила от открытой лестницы на случай, если она выйдет, она не хотела, чтобы ее заметили и накричали на нее за подслушивание.

— Никто не знает, на что он способен. Его вообще никто не знает, даже откуда он родом. Просто жаль, что его здесь нет. Я действительно думала, что он уедет после того, как забрали его ребенка.

Белла услышала бормотание и что-то похожее на несогласие, и ей показалось, что она разобрала слова «очевидно, этого было недостаточно», прежде чем снова отчетливо услышала голос миссис Эндрюс.

— В любом случае, я прослежу, чтобы это было в повестке дня следующей встречи, даже если тебя это не беспокоит, Тина. Извини, я не могу остаться еще на...

Дверь гостиной распахнулась, и Белла вскочила, быстро направляясь к своей спальне всего за несколько мгновений до появления женщин. Её чуть было не раскрыли. Белла слышала, как ее мама и миссис Эндрюс попрощались и поцеловали друг друга, прежде чем хлопнула входная дверь. Голоса в гостиной стали тише. Белла вернулась в постель. Она догадалась, о ком они говорили; казалось, в этой деревне только о нем и говорили. Белла задавалась вопросом, почему он тоже остался... она не могла понять, почему кто-то хочет быть частью этого места, не говоря уже о том, что все были грубы и ужасны с тобой.

Что, черт возьми, он сделал, чтобы сделать их такими противными?

Глава 25

Анна

2019

Воскресенье, 14 июля

Сначала Анна предположила, что стук в дверь был от тети Тины, но когда подняла голову с подушки и проверила время на своем мобильном телефоне, она увидела, что было только шесть утра. Кто мог прийти в такой час в воскресенье? Затем она услышала быстрые шаги, за которыми последовал крик.

Какого хрена? Она вскочила с кровати, ударившись о дверной косяк в стремлении выбраться из спальни.

— Мама, мама! Что это? — Анна сбежала вниз по лестнице, ее пульс колотился на шее почти так же громко, как шаги на ступеньках.

Красная жидкость, вытекшая из того, что выглядело как лопнувший пластиковый пакет, растеклась по коврику у двери.

— Это реально? Это настоящая кровь, Анна? — Ее мама отступала назад, повторяя эти слова снова и снова.

— Я... я не уверена, мам. — Избегая беспорядка, Анна отперла входную дверь и быстро распахнула ее, надеясь поймать преступников с поличным. Буквально. Она выглянула наружу. Никого не было видно, но когда она откинула голову назад, то увидела то, что было прибито к двери. Она не хотела еще больше волновать свою мать, но и не могла этого скрыть.

— Что на этот раз? — спросила Мюриэл. Анна посмотрела на нее, рассматривая хрупкую женщину, чьи плечи были сгорблены от страха. Это было так. Кто-то получал удовольствие, терроризируя уязвимую женщину, и это ее разозлило. Это было совсем не похоже на детскую игру. Это было личное.

— Это кукольная рука, — сказала Анна.

— Это нелепо. Глупые дети... пакеты с кровью, засунутые в почтовый ящик, вещи,

прибитые к двери... во что, по их мнению, они играют?

— Мам, послушай, — сказала Анна, шагнув обратно внутрь, по покрытому красными пятнами коврику. — Сейчас шесть утра, воскресенье. Скольких ты знаешь детей, которые встали бы так рано? Я не думаю, что это дети, правда, не думаю.

— Так ты думаешь, это он?

— Я этого не говорю. Я имею в виду, зачем ему это? С какой целью? И почему ты? Я не слышала, чтобы кто-то еще получал эти части куклы, а ты?

— Нет, нет. Но время... — Мюриэл продолжала бормотать себе под нос, засунув ноготь большого пальца в рот, что делало слова неразборчивыми.

Да, время было выбрано странное, она должна была признать это; все это происходило буквально через несколько дней после освобождения Билли Коули, конечно же, и не могло быть случайным.

— Слушай, ты сходи за ведром теплой мыльной воды, а я вынесу это на улицу. — Анна указала на коврик у двери. — Посмотрим, смогу ли я его спасти. — Открыв дверь, затем приподняв оба конца коврика вместе, чтобы жидкость не стекала по краям, Анна шаркая вышла на улицу. Она была жидкой, не липкой на вид, так что она надеялась, что это не настоящая кровь. Она осторожно прошла с ковриком вдоль стены дома в сад за домом и положила его на лужайку. Затем она наклонила его, чтобы дать жидкости стечь. Она смотрела, как красное месиво стекает на зеленую траву, окрашивая ее. Немного попало ей на руку; она также вытерла ее о траву, но мизинец остался. Это был краситель. Возможно, просто пищевой краситель. Она положила теперь уже пустой пластиковый пакет в мусорное ведро на колесиках, вернулась к входной двери и потянула кукольную руку. Гвоздь был вбит в верхнюю часть пластикового рычага. Ей пришлось несколько раз покрутить его, прежде чем он ослаб. Она потянула сильнее. Рука с треском оторвалась, и Анна отшатнулась назад. Гвоздь, должно быть, был вбит с некоторой силой.

Анна повертела руку в руках, затем нахмурилась. Внутри неё что-то было, засунутое в дырку. Отверстие было слишком маленьким, чтобы просунуть внутрь пальцы. Она вбежала на кухню, чуть не сбив Мюриэл с ног, вода выплеснулась из ведра, которое та несла.

— Анна! Осторожнее, — пожурела она, ставя ведро на пол.

— Извини, — сказала Анна. Держа руку на столешнице, она воткнула внутрь металлическую шпатель. После нескольких неудачных попыток схватить его, Анна, наконец, вытащила свернутый листок бумаги. Под пристальным и — она чувствовала — испуганным взглядом матери Анна развернула бумагу, обнажив жирные красные буквы.

«У КОГО-ТО НА РУКАХ КРОВЬ»

Анна и Мюриэл обменялись тревожными взглядами.

Что это должно было означать?

Глава 26

2019

Лиззи

Лиззи не пыталась заснуть до трех часов ночи, после того как съела еду, приготовленную Гвен, она отмокла в красивой ванне на когтистых ножках. Затем, завернувшись в пушистый белый халат, который висел на двери, она села за письменный стол с видом на сад и принялась изучать Мейплдон и некоторых его жителей. Она ничего не нашла на Анну. Тем не менее, было много информации об Уильяме Коули: новостные статьи о его осуждении и о том, что он заключил сделку о признании вины по обвинению в

похищении и убийстве Джони Хейс, другие статьи об уликах, найденных в его грузовике, и опустошении, которое ощущалось в «маленьком, тесно-сплоченном сообществе Мейплдона».

Лиззи изо всех сил пыталась прочесть их. Это было слишком близко... слишком грубо, даже сейчас. Но она знала, что должна это сделать. Она годами хранила все это в секрете, притворяясь, что это случилось с другими людьми — людьми, которых она не знала и о которых не заботилась. Если бы она достаточно постаралась, то могла бы сейчас снова отстраниться, прочитать все это как посторонний человек, не имеющий никакого участия или сочувствия.

Строго поговорив сама с собой, она продолжила просматривать статьи в поисках имен и записала те, которые появлялись чаще всего: Тина Хейс, очевидно, поскольку она была матерью жертвы; источник, близкий к семье, Нелл Эндрюс; друг семьи Мюриэл Фишер и местный викарий, преподобный Кристофер Фарнли. Она также была удивлена, узнав, что ключевая улика была получена от свидетеля похищения — десятилетней подруги Джони Хейз, которую по юридическим причинам называли только «Девочка Б». Она не помнила этого. Но, с другой стороны, она и раньше избегала подобных поисков, не чувствуя необходимости или желания копаться в прошлом.

Теперь, проснувшись с головной болью и сухостью во рту, Лиззи неохотно поднялась с удобной двуспальной кровати, доковыляла до чайного подноса на приборе в углу и включила чайник. Имена из статей все еще крутились у нее в голове. Мюриэл Фишер не стала неожиданностью. Ее имя Лиззи действительно помнила. И как только она увидела имя преподобного Фарнли, это тоже вызвало воспоминания. Но Нелл Эндрюс была не из тех, кого она помнила. Проблема заключалась в том, что Лиззи никогда не могла быть уверена, были ли какие-либо из воспоминаний, которые она вспоминала, действительно ее воспоминаниями или теми, которые она взяла на себя и запомнила из того, что другие люди рассказывали ей на протяжении многих лет. Она задавалась вопросом, узнает ли она когда-нибудь по-настоящему, какие из них принадлежат ей.

Сидя на кровати, скрестив ноги, Лиззи позвонила Дому. Вчера он отправил только одно сообщение, на которое она ответила коротким «все в порядке», и у нее создалось впечатление, что он разозлился. Она поднялась и ушла без предупреждения. Хотя он понимал, что ее работа может внезапно увести ее куда-нибудь, обычно она, по крайней мере, разговаривала с ним перед уходом, а не просто оставляла короткую записку.

— Привет, детка, прости, что в спешке уехала. — Она быстро извинилась, прежде чем он даже поздоровался.

— Ну, я был разочарован, когда вернулся домой и обнаружил, что тебя нет, и ты не позвонила и даже не написала... — Его голос звучал отстраненно, и это сразу же насторожило Лиззи. Она ненавидела думать, что расстроила его; ненавидела мысль, что он злился на нее еще больше.

— Я знаю, знаю. У меня было мало времени, извини... как только решение было принято, я не хотела торчать здесь...

— Правда, Лиззи? Тебе потребовалось по крайней мере несколько минут, чтобы найти бумагу и написать записку, но у тебя не было времени нажать кнопку быстрого набора и позвонить мне? Ты знаешь, что на твоём телефоне есть маленькая кнопка, которая означает, что у тебя могут быть свободные руки и все такое, так что ты могла бы собрать свою сумку, разговаривая сомной, или даже позвонить из машины. — Сарказм сочился из его слов. У

Лиззи не было аргументов, поэтому она ничего не сказала. Молчание затянулось. Она услышала, как он вздохнул.

— Итак, что было такого срочного, что тебе пришлось умчаться, даже не попрощавшись?

Лиззи потребовалось мгновение, чтобы обдумать свой выбор слов. Если бы ей удалось осуществить свой план и рассказать обо всем начистоту, Дом теперь располагал бы фактами, и она не чувствовала бы необходимости преуменьшать это. Или лгать. Но она этого не сделала, и сейчас — по телефону — было определенно неподходящее время.

— Это была срочная новость, требующая времени, и это звучало... — Она заколебалась. — Сильно. Я хотела этого, вот и все, поэтому должна была спешить, чтобы попасть сюда. Это недалеко от Дартмура, в Девоне...

— Черт возьми, это очень далеко... с какой стати ты хочешь освещать историю там?

Она чувствовала, что обязана сказать ему здесь какую-то долю правды. Она сделала глубокий вдох.

— Потому что однажды, очень давно... Я жила здесь. — Прежде чем Дом успел задать ей вопрос по поводу этого заявления, она добавила: — Я ничего из этого не помню, я была совсем маленькой, и это было очень недолго. Но это заинтриговало меня настолько, что я захотела вернуться и разобраться в этом.

Даже для нее это прозвучало слабо. Но Дом не стал настаивать дальше, просто спросил, где именно она находится. Лиззи назвала ему отель типа «постель и завтрак» и после нескольких минут общей беседы повесила трубку.

После завтрака она собиралась вернуться в Мейплдон и зайти в магазин «Брук Коттедж», чтобы купить несколько вещей. Незнакомка она или нет, но если она хотела добиться какого-то прогресса, ей нужно было поговорить с другими жителями деревни. Она спросит о Мюриэл Фишер... ей может сойти с рук, что она друг семьи. Однако это было рискованно, поскольку, если бы она назвалась Лиззи Бренфилд — как она сделала вчера с Анной, — а затем они поговорили бы с Мюриэл, она бы сразу сказала, что Лиззи самозванка, лгунья.

С другой стороны, если бы она назвала свое настоящее имя, это только открыло бы большую банку с червями...

Глава 27

1989

Резиденция Хейса

Среда, 12 июля — за 1 неделю до

Тетя Тина испекла самый лучший банановый пирог. Это был один из самых ярких моментов похода к Джони после школы.

— Тебе повезло, что там еще что-то осталось, мисс Ганнет Гатс съела почти половину на завтрак! — сказала Тина.

Белла засмеялась, отправляя кусок торта в рот, отчего закашлялась, и крошки полетели в стороны, заставляя всех смеяться еще громче.

— Осторожно, не подавись. Как бы я объяснила это твоей маме?

Джони сильно хлопнула Беллу по спине, хотя она больше не кашляла. Она отодвинулась от нее, сказав, что с ней все в порядке. В этом не было необходимости. Белла думала, что это просто предлог, чтобы отшлепать ее. Она подумала, что тетя Тина тоже это заметила, потому что перестала смеяться и встала между ними обеими, положив по одной руке им на

плечи.

— Ты с нетерпением ждешь школьных каникул? — спросила Тина фальшиво бодрым тоном.

— Хм, черт возьми, да, — сказал Джони.

— Следи за своим языком, — сказала Тина. Но Джони только закатила глаза.

— На самом деле меня это не так уж и беспокоит. — Слова Беллы вызвали шокированный взгляд Тины и Джони.

— Что? Ты это серьезно? От нахмуренного взгляда Джони ее глаза потемнели.

— Я не против школы... мне нравится учиться.

— Ты такая зубрилка, Белла!

— Нет, это не так, Джони, не говори таких вещей. — Тетя Тина широко улыбнулась Белле. — Хорошо хотеть учиться. Не позволяй никому отталкивать тебя, любимая. Знание — это сила, — сказала она и добавила тише, высвобождая свои руки из их, — и твой билет из этого места.

Прежде чем Белла успела спросить, что она имела в виду, задняя дверь открылась, и из-за нее высунулась мужская голова.

— Здравствуйте, дамы. Как вы все себя чувствуете в этот прекрасный день?

Девочки захихикали, как и Тина.

— У нас все хорошо, Пэт, что привело тебя сюда?

Белла наблюдала, как полицейский вышел из-за двери, закрыл ее и вытер ноги о коврик. Все знали офицера Верна. Он «присматривал» за Мейплдоном, потому что прожил в деревне всю свою жизнь; местечко было слишком маленьким, чтобы иметь собственный полицейский участок. Белла подумала, что это, должно быть, скучная работа, потому что ничего интересного никогда не происходило. Казалось, самое большее, что ему когда-либо приходилось делать, — это отчитывать детей. И если бы она услышала, как ее отец сказал:

— В мое время полицейские могли бы дать тебе пощечину, и ты бы вел себя прилично, — ее бы еще раз вырвало.

Когда он прислонился спиной к кухонной раковине, она заметила, что его животик слегка выпирает над верхом черных брюк. Белла пришла к выводу, что он никогда не бегал ни за какими злодеями; он вообще не выглядел так, как будто много тренировался. Он улыбнулся, затем взглянул на тетю Тину; он не ответил на ее вопрос, но, казалось, чего-то ждал.

— Девочки, почему бы вам обеим не пойти посмотреть телевизор или немного поиграть на улице? — сказала Тина, и ее улыбка исчезла.

Джони схватила Беллу за руку.

— Давай, пойдем повеселимся. Увидимся позже, мам.

Белла смотрела на тетю Тину, когда ее вытаскивали через заднюю дверь. Ей показалось, что она выглядит обеспокоенной. Чего хотел полицейский? Ее животик дернулся. Что, если это было связано с Жутким Коули? Звонил ли он в полицию по поводу игр «Тук-тук», в которые всегда играли дети? Она всего несколько раз была в его бунгало после школы с Джони, но если бы он их видел, узнал бы он, кто они такие? Ее мама убила бы ее, если бы узнала, что они «терроризировали» его.

Белле хотелось бы услышать, что сейчас говорят на кухне у тети Тины...

Глава 28

Анна

2019

Воскресенье, 14 июля

Анна хотела вернуться домой. Она согласилась остаться на выходные только из чувства долга; не было никакого плана оставаться после воскресенья. Но теперь, с учетом последних событий, она задавалась вопросом, как она могла просто встать и оставить Мюриэл одну лицом к лицу с какой бы то ни было подстерегающей опасностью. Если бы это была опасность, с которой она столкнулась. Оптимизм Анны, что это был всего лишь розыгрыш, пошатнулся после фальшивой крови, руки куклы и послания, содержащегося в ней, но лучик надежды все же остался.

Она не могла сейчас оставить свою мать. Какой дочерью это сделало бы ее?

Анна позвонила Джеймсу, вкратце объяснив, что происходит.

— Почему бы тебе не попросить Мюриэл собрать чемодан и не привезти ее обратно в Бристоль? По крайней мере, тогда вы будете вне опасности, и через неделю или около того, возможно, все это пройдет. Или они будут нацелены на кого-то другого.

— Да, увезти ее отсюда было бы одним из вариантов. — Анна грызла ноготь, обдумывая это.

— И ты, я так понимаю, вызвала полицию?

— Пока нет. Мама старается не привлекать их в данный момент, пока мы не узнаем больше. Она не хочет усугублять ситуацию, особенно если это всего лишь дети.

— Но разве дети зашли бы так далеко, Анна? Слушай, возвращайся сюда с Мюриэл. Кэрри с удовольствием провела бы часть каникул со своей бабулей, и тебе не пришлось бы чувствовать себя виноватой из-за того, что ты находитесь вдали от нее. В этом есть смысл.

Это действительно имело смысл. Именно неприятное чувство, пробирающееся под кожу, помешало ей немедленно собрать вещи и убраться оттуда с Мюриэл на буксире. Она не могла точно определить почему, но чувствовала, что должна остаться и выяснить, кто это делает. Что еще более важно, она хотела знать почему.

— Я не могу объяснить, Джеймс, но, думаю, мне придется остаться еще ненадолго. Соедини меня с Кэрри. Я поговорю с ней, скажу, что мне нужно побыть с Бабулей подольше. Она поймет.

— Она, наверное, не будет... — сказал он. Анна услышала шорох, когда Джеймс обошел дом, чтобы отдать телефон Кэрри. Анна напряглась. Она знала, что этот разговор расстроит их обоих. Она должна была попытаться сделать так, чтобы это звучало так, как будто для нее это была захватывающая возможность побыть со своим отцом. Анне придется загладить свою вину.

После некоторых уговоров, небольшого подкупа и заверений в том, что Анна любит ее, Кэрри, наконец, казалась умиротворенной, и Анна вернулась в дом к матери.

— Я говорила с Джеймсом, мам. Я останусь еще на несколько дней.

— О, это хорошо, дорогая. Спасибо. — Анна чувствовала, что ее мысли были где-то далеко.

— Я тоже хотела сказать, что тетя Тина заскочит в десять.

— Что? — Мюриэл бросила на Анну насмешливый взгляд. — Что ты имеете в виду, говоря «заскочит»? Откуда ты это знаешь?

— Разве я вчера не упомянула, что видела ее? — Анна чувствовала себя неискренней, прекрасно понимая, что не обмолвилась об этом ни словом.

— Нет. Ты, безусловно, этого не сделала!

Анна была шокирована ее тоном. Неужели между ними действительно все стало так плохо?

— Извини, я столкнулась с ней, когда прогуливалась по городку. Она спрашивала о тебе и обо мне, конечно. Она упомянула, что собирается, поэтому я пригласила ее выпить кофе и поболтать. — Анна сделала паузу. — Я предполагала, что все будет в порядке?

Мюриэл прикусила нижнюю губу, ничего не сказав.

— Мама?

Мюриэл покачала головой и фыркнула.

— Тебе следовало сначала посоветоваться со мной, Анна. Я не хочу ее видеть.

— Почему нет? Что, черт возьми, произошло между вами двумя?

— Это вода под мостом, дорогая. Бесплезно ворошить прошлое.

— Нам это и не нужно. Я думаю, она просто хочет поговорить о том, что происходит сейчас... как ты, возможно, как я. — Даже когда она говорила это, у Анны возникло неприятное чувство. Тете Тине не показалось, что ей действительно было бы интересно услышать о жизни Анны. Вчера она почувствовала горечь от того, что Анна вообще осталась в живых. Визит выглядел как потенциальная катастрофа. Ей хотелось бы сейчас забрать приглашение обратно.

— Сомневаюсь, что Тина захочет поговорить о будущем.

— Но когда ты в последний раз говорила с ней? Может быть, она двинулась дальше.

— Она никогда не двигалась дальше, Анна. С того дня, как пропала Джони, Тина изменилась. Она не та, кого ты знала, когда росла. На самом деле мы потеряли нашу связь, когда потеряли Джони. С этого момента, я думаю, она начала обижаться на меня, хотя, по-видимому, пыталась скрыть это, держа все это в себе какое-то время. Но, должно быть, с течением месяцев это усилилось и достигло апогея несколько лет спустя. Это вспыхнуло тогда, заставив ее презирать меня, тебя... всех, кто продолжал жить без изменений...

— Боже, мам, никто не остался неизменным. Конечно, она это знает.

— Никто не страдал так, как страдала Тина... она позаботилась о том, чтобы все это знали. Даже Марк, упокой, господи, его душу. — Мюриэл осенила себя крестным знаменем, прежде чем продолжить. — Его горе было не так велико, его потеря не так глубока. Никто не мог понять, никто не мог по-настоящему знать, через что прошла Тина и продолжает проходить. Она искала эту девочку ночь за ночью, в течение многих лет. Это уничтожило ее. — Слезы блестели на сухих, морщинистых щеках Мюриэл. — Это разрушило ее брак, от чего Марк так и не оправился, и в конечном итоге это разрушило и нашу дружбу. Даже городок уже никогда не чувствовался прежним. Небезопасный. Он так и не восстановился по-настоящему.

— Ты когда-нибудь говорила об этом Тине? Как ты мне только что сказала?

— Конечно. Но это не помогло. Видишь ли, она так и не простила меня.

— За что?

— За то, что это Джони, а не ты. — Мюриэл посмотрела Анне в глаза. На долю секунд все, что Анна видела, была боль. Но там было спрятано и что-то еще. Чувство вины? Конечно, человек, доставивший кровавое послание, не мог намекать на то, что у Мюриэл руки в крови?

Глава 29

2019

Лиззи

Магазин «Брук Коттедж» выглядел как один из тех магазинов, которых просто не существовало в двадцать первом веке. У Лиззи возникло ощущение дежавю, когда она вошла в дверь и раздался звонок — нежный звенящий звук, затронувший воспоминание. Она на мгновение закрыла глаза, пытаясь запечатлеть это. Она была уверена, что уже бывала в магазине раньше. Но, конечно, она должна была быть... сейчас это был единственный магазин в Мейплдоне, так что, должно быть, он был единственным, когда она жила здесь.

Схватив проволочную корзину, Лиззи пошла по первому проходу. Оглядываясь по сторонам, она задавалась вопросом, будут ли на нее пялиться или даже подойдут ли к ней любопытные покупатели. Но, как она поняла, в настоящее время было только два других покупателя и один человек, работающий на кассе. Было воскресное утро, так что она не ожидала, что там будет полно жителей деревни. Даже проезжая по главной улице, она была удивлена тем, насколько мертвой та была; она видела только одного пожилого мужчину, выгуливающего собаку.

Размышляя о вероятной демографической ситуации в деревне, она пришла к выводу, что это будут люди постарше, которые сейчас приходят в магазин за воскресными газетами, если, конечно, там не было детей, разносящих газеты. Но в любом случае она надеялась увидеть пожилых жильцов; они, скорее всего, помнят, что здесь произошло, и знают о любых новых событиях после освобождения Билли Коули. Хотя, вероятно, это были бы те же самые люди, которые сомкнули бы ряды и отказались говорить с ней о чем-либо из этого. Ее единственной надеждой было подслушать местные сплетни. И она была в лучшем положении для этого.

Она подумала о парне, работающем на кассе. Если бы он работал здесь полный рабочий день, он был бы посвящен во все разговоры, во все сплетни. Работники магазинов часто были такими... в этом отношении они были на втором месте после парикмахеров. Лиззи продолжила просматривать товары на полке, решив по ходу дела, что если она не услышит никаких интересных фрагментов информации, то попытает счастья с кассиром. Она могла включить обаяние, когда ей было нужно. Она могла заставить его говорить. В конце концов, это была ее работа.

Лиззи почувствовала на себе его взгляд, прежде чем повернулась и увидела, что он действительно наблюдает за ней. Она так долго просматривала страницы, что, очевидно, привлекла его внимание, и теперь он, возможно, подумал, что она магазинная воровка. Она улыбнулась, а затем положила еще один случайный предмет в корзину, прежде чем неторопливо обойти следующий проход. Она чуть не сказала что-то, но один из двух других людей в магазине подошел к кассе, и она прикусила язык. Она зависла в пределах слышимости.

Пожалуйста, пожалуйста, посплетничайте.

Лиззи громко вздохнула, когда люди у кассы понизили голоса до такого уровня, что она не могла разобрать ни слова из их разговора. Как будто они знали, для чего она здесь. Разочарование клокотало внутри нее. Ей нужно было придумать способ проникнуть внутрь, что-то такое, что пробудило бы интерес мужчины, чтобы она могла задать несколько вопросов, не вызывая тревожных звончков. Она подождала, пока покупатели уйдут, затем с грохотом поставила корзину на прилавок.

— Хорошо, когда есть время ознакомиться с тем, что может предложить ваш прекрасный магазин. Там, где я сейчас живу, нет таких магазинов, как этот, я действительно скучаю по этому городку, — сказала Лиззи. Это вызвало хмурый взгляд мужчины. Она почти

видела, как винтики работают сверхурочно, пытаюсь поставить ее на место.

— О? Вы раньше здесь жили? Я не... — Он покачал головой, осторожно улыбнувшись.

— Много лет назад вы бы меня не узнали... я вас тоже не узнаю. — Лиззи взяла сумку и начала складывать предметы после того, как он медленно их просмотрел.

— Итак, чья ты? — Он сказал это беззаботно, но Лиззи почувствовала скрытое беспокойство. Как будто он сразу ей не поверил. Теперь ей нужно было быть осторожной, хотя на данный момент терять было нечего. Должна ли она отказаться от имени Анны, даже если она не знала ни ее фамилии, ни того, кому она принадлежала? Она могла бы действовать относительно безопасно и вместо этого упомянуть Мюриэл Фишер. По крайней мере, у нее было полное имя, и она знала, что тогда была деревенской жительницей. Она проверила записи о смерти и не нашла записи, поэтому предположила, что она все еще жива. И, как вчера в шутку сказала Анна, люди не часто покидали Мейплдон, так что можно было поспорить, что она все еще жила здесь. Однако она не могла вспомнить или не знала, были ли у нее братья или сестры. Она задавалась вопросом, сможет ли ей сойти с рук то, что она племянница. Черт возьми, она должна была что-то предпринять.

— Больше ничья, к сожалению, моих собственных родителей больше нет, но у меня здесь есть кузен. Я тут проездом, прежде чем уеду работать за границу. — Лиззи внутренне съежилась... она не знала, откуда это взялось, она не планировала говорить «кузен», она хотела просто сказать «тетя». Она двинулась дальше, быстро изменив слово в надежде, что он этого не заметил. — Моя тетя сейчас немного болеет. Мюриэл... ты ее знаешь?

Она сделала это. Никакое отступление не изменит этого.

— О, конечно! Все знают Мюриэл. Она хорошая подруга моей мамы. Они дружат уже много лет, а ее дочь примерно моего возраста, так что мы вроде как выросли вместе в Мейплдоне.

Лиззи улыбнулась, но, не желая попасться на незнании имени дочери, продолжила без комментариев.

— Да, так или иначе, возвращаться сюда действительно немного странно. — Лиззи опустила голову, наблюдая за выражением его лица сквозь челку. — Ну, знаешь, время и все такое. Она надеялась, что этого будет достаточно, чтобы вызвать у него замечание. К сожалению, он просто сказал «хम्म» и продолжил сканирование.

Она сменила тактику.

— Я никогда не забуду эту бедную девочку. Я поймала себя на том, что задаюсь вопросом, что случилось с ней за эти годы. Эта деревня хранит такие печальные воспоминания. — Она смахнула притворную слезу.

— Знаю, то же самое. — Он протянул к ней руку, но снова отдернул ее, прежде чем прикоснуться к ней. — Мне очень жаль. Это трудное время для многих из нас. Это все, о чем люди говорят со мной, и, честно говоря, сейчас это меня расстраивает. Я слышу одно и то же снова и снова от разных людей. Это так изматывает.

— Черт возьми, да, я об этом не подумала. Это, должно быть, ужасно для тебя, и теперь я добавляю. От этого никуда не денешься, — сказала Лиззи, сочувственно улыбаясь. — Полагаю, ты живешь в городке?

— Да. Все еще здесь, живу со своей мамой. И я знаю, прежде чем ты это скажешь, это такое клише. Боже, это на самом деле грустно, но я всегда чувствовал, что должен остаться, после всего этого. Потом, когда она постарела, ей понадобилось больше помощи, так что... ну знаешь.

— Это звучит вполне разумно — совсем не клише, — сказала Лиззи, думая прямо противоположное. — Эй, здесь еще есть паб? — Лиззи вспомнила, что видела его вчера, когда шла по главной улице.

— Да, если честно, не то чтобы там было здорово. В основном старики. — Последнюю фразу он произнес шепотом, прикрыв рот рукой. Лиззи рассмеялась.

— Ну, а ты не хочешь немного снизить средний возраст своих клиентов, выпив со мной позже?

Глаза мужчины заблестели.

— Конечно, с удовольствием. В котором часу?

— Скажем... в восемь?

— Отлично. Это примерно в сотне ярдов вправо, когда спускаешься с холма. Я встречу тебя снаружи, если хочешь?

Это было бы хорошей идеей... она не хотела привлекать нежелательное внимание, заходя туда одна.

— Да, прелестно. Увидимся позже. — Лиззи взяла свою сумку со стойки. — Извини, кстати, я Лиззи.

— Я Роберт. Роб, Боб, Бобби. Любой из них. — Он тепло улыбнулся. — Сын Нелл. Мы владеем этим магазином... на случай, если ты этого еще не знала.

Лиззи улыбнулась в ответ. Нелл, как Нелл Эндрюс. Идеально.

Глава 30

1989

Блэкстоун Клоуз

Суббота, 8 июля — за 11 дней до

Билли поднял голову с подлокотника дивана и тут же пожалел об этом: она казалась тяжелой, забитой, болезненной. Его язык тоже был сухим и прилипал к небу — ему пришлось освободить его указательным пальцем, из-за чего его стошнило; при высвобождении он издавал странный всасывающий звук. Он осторожно откинул голову назад, опустив руку и ощупывая пол рядом с диваном кончиками пальцев, пока не нашел банку. Он сделал глоток из оставшегося содержимого, теплое пиво было отвратительным на вкус, но он все равно продолжал пить его залпом, все, что угодно, лишь бы облегчить обезвоживание.

Неприятное чувство пронзило его внутренности. Банка была его последней. Как бы он пережил еще одну ночь одиночества, чувства вины и сожалений, если бы у него не было алкоголя? Ему нужно было пополнить свои запасы, но он не мог решиться пойти в магазин «Брук Коттедж», чтобы купить его. Не мог вынести осуждения, обвинений. И он не осмеливался выезжать за пределы Мейплдона, чтобы купить немного, если его остановят, он знал, что уровень алкоголя в крови превысит допустимую норму. Хотя тюремное заключение на самом деле может быть лучше, чем то, как он живет сейчас, он бы никогда не изменил этого, если бы был в тюрьме.

Он фыркнул. Если бы он был честен и внимательно посмотрел на себя, то тоже никогда не стал все менять, ныряя в бутылку каждый раз, когда натывается на камень преткновения. Ему нужно было взять себя в руки, вернуться к работе. Проблема работы на себя заключалась в том, что ему больше не перед кем было отчитываться, и у него было множество оправданий тому, почему он не мог найти работу плотника. Жители Мейплдона не стали бы его нанимать. Ему нужно было идти дальше, а в его нынешнем состоянии это

требовало слишком много усилий. Гораздо легче лгать весь день и погрязать в жалости к себе.

Боже, он скучал по ней.

Он так сильно подвел ее.

Вынужденное одиночество душило его. Если бы только люди могли дать ему шанс, вместо того чтобы верить всем этим ужасным историям, которые ходят вокруг. Если бы только у него была компания. Быть все время одному ему было нехорошо. Никогда не было. Он нуждался, жаждал, чтобы кто-нибудь понял его. Был рядом с ним и любил его. Доверял ему.

Но заслужил ли он что-нибудь из этого после того, как так сильно облажался?

Глава 31

Анна

2019

Воскресенье, 14 июля

Анна расхаживала по гостиной от двери к окну и обратно, зажав в зубах кончик ногтя большого пальца, и энергично его грызла, ожидая, когда тетя Тина пройдет по дорожке.

— Ради всего святого, дорогая, ты заставляешь меня нервничать, — сказала Мюриэл. — Стой спокойно. Или, еще лучше, сядь.

— Я не могу. Не теперь, когда ты сказала мне, что я поступила неправильно, пригласив ее сюда. Если она ненавидит меня за то, что я просто живу, тогда почему она хочет прийти на кофе? Она собирается приготовить еду мышьяком?

— А я-то думала, что это я все раздуваю из мухи слона, — пробормотала Мюриэл, бросив на Анну понимающий взгляд. Анна слабо улыбнулась. Знала ли ее мама, что это то, что она часто говорила о ней — то, что она говорила другим людям, — что ее мать была склонна драматизировать?

Звонок в дверь напугал ее, что, в свою очередь, заставило Мюриэл подпрыгнуть.

Анна бросила на маму широко раскрытый взгляд и направилась к двери.

— Доброе утро, тетя Тина, — сказала Анна.

— Ты собираешься держать меня на пороге?

Анна быстро отступила. Она и не заметила, что замерзла.

— Извини, да, входи.

Несмотря на то, что утро было теплым, Анна почувствовала озноб, когда Тина прошла мимо нее и вошла в гостиную. Она медленно вдохнула, закрыла дверь и направилась в логово льва.

— Давненько тебя не видела, Мюриэл, — сказала Тина, как только села за обеденный стол.

— Так иногда бывает. — Мюриэл пожала плечами.

Анна возилась с кофе и кружками, пытаясь занять себя, пока не закончатся неловкие первые комментарии.

— Удивила меня, вот и все... я предполагала, что ты будешь первой, кто будет сплетничать в магазине, а не избегать всех.

— Я никого не избегаю. Я была немного не в себе, вот и все. — Тон Мюриэл был оборонительным.

— Ах, да. Я заметила, что Нелл тоже была «не в себе», — сказала Тина, повторяя слова Мюриэл и делая пальцами воздушные кавычки. — Должно быть, заразно.

Анна не была уверена в уместности замечания Тины, но между ними двумя происходило что-то такое, во что Анна не была посвящена.

— Вот, — сказала Анна, ставя кружку перед Тиной. — Печенье?

— Нет, спасибо. Я могу задохнуться.

Анна прикусила губу. Возможно, она не знала точно, что произошло, что вызвало эту холодность, эту враждебность, но она была близка к тому, чтобы сказать им обеим, чтобы они повзрослели к чертовой матери.

— Почему ты здесь, Тина? — Наконец, ее мать озвучила вопрос, который горел в горле Анны.

— Очевидно, не так ли?

— Я действительно помню годовщину. Я помню каждый год.

— Но эта особенно важная, согласна?

— Из-за него?

Тина отхлебнула кофе, затем со стуком поставила кружку на стол.

— Он вышел. Он на свободе. Он вернулся.

Дрожь пробежала по спине Анны, и то, как лицо Мюриэл побледнело, указывало на то, что у нее была похожая реакция.

— Почему ты думаешь, что он вернулся?

— Не нужно скромничать, Мюриэл. Я знаю, что у тебя тоже было такое.

Итак, Тина получила похожее жуткое сообщение, прибитое к ее двери. Были ли они единственными?

Анна уставилась на Мюриэл, наблюдая, как та изо всех сил пытается посмотреть Тине в глаза.

— Да, тетя Тина. У нее было сообщение. На самом деле, уже два.

Тина разинула рот.

— Когда?

Мюриэл подняла голову.

— Первое — в пятницу. Второе — сегодня утром. А ты?

— Только одно. В пятницу. Но я полагаю, что это еще не все.

— Думаю, тетя Тина, ты, возможно, делаешь поспешные выводы. Мама думает, что это, наверное, подростки, которым больше нечем заняться. Я имею в виду, зачем Билли это делать? Это не имеет смысла, наверняка он просто снова попадет в тюрьму. — Анна присоединилась к ним за столом, ее вопросительный взгляд метался от матери к тете Тине.

— После стольких лет взаперти, возможно, он не может смириться с тем, что вернулся в реальный мир. Возможно, он захочет, чтобы его снова посадили обратно. Или... — тетя Тина провела пальцами по своим редющим волосам. — Его желание отомстить перевешивает риски.

— Мстить за что? За что? Это он совершил убийство! — крикнула Анна. — И прискорбно, что он так и не раскрыл, где спрятал бедную... — Анна остановилась, понимая, что ее вспышка гнева может быть неуместной для матери жертвы.

— О, Белла. Теперь, когда ты взрослая, твоя наивность не так привлекательна.

— Я же сказала тебе, теперь я — Анна. — Раздраженный тон заставил ее звучать по-детски, что разозлило ее еще больше, чем ехидный комментарий Тины. Она не была такой уж наивной. И кроме того, ей было всего десять лет, когда все это произошло... как она должна была все помнить, понимать все детали и тонкости, связанные с событиями?

— Прости, Анна. Все, что я хочу сказать, это то, что Билли Коули чувствовал себя обиженным людьми в Мейплдоне. По многим причинам.

Анна собиралась спросить, каковы были конкретные причины, но у нее возникло ощущение, что ей могут не сказать правду. Или даже действительно ли она хотела это знать.

Глава 32

2019

Лиззи

Лиззи пришла в паб на десять минут раньше. Теперь она сидела в ожидании на деревянной скамейке на автобусной остановке напротив здания, стараясь казаться незаметной. Она снова оставила машину возле церкви и пошла пешком, думая, что так привлечет к себе меньше внимания, но теперь, почувствовав на себе взгляды, Лиззи задалась вопросом, не провалился ли этот план.

Двое мужчин лет пятидесяти, по ее прикидкам, сидели за столом на небольшой, посыпанной гравием площадке у входа в «Плуг». Они потягивали пиво, и каждый пальцами сжимал сигарету, столбы дыма вились над их головами. Их глаза несколько раз обращались к ней, пока они разговаривали, их низкие голоса доносились через дорогу, но Лиззи не могла разобрать, о чем они говорили и была ли их тема разговора «незнакомка на скамейке».

Когда она подумывала о том, чтобы встать, перейти улицу и войти в паб, просто чтобы остановить любопытные взгляды, она заметила Роберта. Он выходил из боковой аллеи справа от паба, которая также проходила рядом с магазином «Брук Коттедж». Хорошо, что она смогла опознать другого жителя деревни, который ранее был просто именем в статье... выяснение того, что он был сыном «друга семьи» Нелл Эндрюс, было очень полезно до этой встречи. Она встала и пошла ему навстречу, радуясь, что больше не будет одна.

— Привет, Роб, — сказала она, решив в этот момент, что он больше похож на Роба, чем на Боба или Бобби. Он был одет небрежно — джинсы и рубашка с короткими рукавами. Его волосы были прилизаны гелем, что только подчеркивало его залысины, но он был привлекателен в смысле соседского мальчика.

— Не был уверен, что ты придешь, — сказал он в ответ.

Лиззи вопросительно подняла брови, не понимая, что он имеет в виду.

Роб улыбнулся.

— Я подумал, что ты, возможно, пошутила там, в магазине, попросив встретиться в пабе.

— Я бы не спрашивала, если бы не имела это в виду. Почему ты так думаешь?

— Иногда люди говорят то, чего на самом деле не имеют в виду, — сказал он, пожимая плечами.

— О, боже. Звучит так, будто у тебя есть в этом опыт.

— Ну, да, это было известно. Но для меня было более привычным приглашать кого-то на свидание, а не наоборот. Я думаю, что некоторые просто сказали «да», чтобы выйти из неловкой ситуации, а затем оставили меня в подвешенном состоянии. Хотя, не похоже, что в Мейплдоне много дам, которые имеют на это право и находятся в нужной возрастной категории. Во-первых, выбор очень невелик...

— Я понимаю. Так что это заставляет меня чувствовать себя по-настоящему особенной.

— О, Боже мой. Я не хотел, чтобы это прозвучало... ты здесь не живешь... я не тебя имею в виду, — сказал он взволнованно.

Лиззи легонько стукнула его кулачком по плечу, показывая, что дразнит его. Но потом

накатила волна паники. Она вела себя так, будто была увлечена им, хотела быть особенной. Господи, она должна была очаровывать его только для того, чтобы получить информацию, а не для того, чтобы показать, что хочет чего-то большего, чем просто выпить. Ей придется обуздать это. Может быть, упомянуть ее мужа, быстро, прежде чем она поведет этого бедного парня дальше. Он казался достаточно милым; она не хотела быть такой неискренней.

— В любом случае, ты застал меня в удачный день. Я чувствовала себя великодушной, поэтому пришла, — сказала она.

— О, отлично. Тогда первый раунд за тобой. — Он ухмыльнулся, затем распахнул дверь, отступив назад, чтобы позволить Лиззи войти первой. Она нырнула под его руку и вошла в то, что она могла бы описать только как грязное погружение. Сейчас это место, вероятно, выглядело так же, как и тридцать лет назад. И, окинув быстрым взглядом небольшой бар, она решила, что несколько посетителей, скорее всего, были теми же самыми, кто пил здесь тридцать лет назад. Теперь, как и тогда, это была единственная пивная на протяжении примерно десяти миль. На секунду она задумалась, не был ли кто-нибудь из этих людей Билли Коули, но потом отбросила эту мысль... если он вернулся, она не могла себе представить, что местные жители позволят ему пить в их пабе.

— Привет, Дэйв, — сказал Роб, подходя к бару. — Пинту «Хантерс Премиум», пожалуйста, приятель. И... — Он протянул руку ладонью вверх к Лиззи. — А как насчет тебя?

— О, эм... джин и тоник «слимлайн», пожалуйста. — Лиззи улыбнулась Дейву, который не ответил на ее жест. Она уже чувствовала себя неуютно, находясь там. — Тогда я просто пойду и сяду. — Она подошла к столику, самому дальнему от бара и других посетителей, что, как она поняла, было недостаточно далеко. Она слышала их разговор и поймала «кровавый аутсайдер» и «без сомнения, после истории» и опустилась немного ниже в кресле. Она знала, что так и будет, но это не делало ситуацию менее неловкой. У Лиззи сложилось впечатление, что она не собирается завоевывать друзей в ближайшее время. В момент безумия она почти закричала: «Разве вы не знаете, кто я?» Она была чертовски уверена, что им всем было бы интересно, если бы они поняли. Заинтересованные или злые. Вероятно, ни то, ни другое не было тем исходом, которого она действительно желала. Лучше прикусить язык и принять враждебность за чистую монету.

— Вот так, Лиззи. Я заставил его немного взбодриться. — Он улыбнулся, указывая на стакан. Лиззи в ответ нахмурилась. Роб, очевидно, поняв, что она понятия не имеет, о чем он говорит, добавил: — Лед и лайм? Плюс соломинка. Настолько возбужденный, насколько это возможно здесь, — в качестве объяснения.

— О, я, скорее, ожидала увидеть зонтик.

— Правда? Я могу...

— Я пошутила, Роб.

— Ох. Извини. Городской юмор... Наверное, я к нему не привык.

Лиззи насмешливо покачала головой. Некоторое время они потягивали свои напитки, не разговаривая. Ее разум работал сверхурочно, чтобы сформулировать вопросы, которые она хотела задать ему, без угрозы. Ей нужно было подставить их так, чтобы Роб подумал, что ей просто любопытно узнать, что произошло в ее отсутствие, а не допрашивать его, как будто это была единственная цель встречи с ним. Румянец пробежал по ее щеке. Впервые в жизни ей стало стыдно за то, что она использовала кого-то таким образом.

— Если ты не против, я спрошу, как получилось, что ты тратишь то драгоценное время, которое у тебя есть перед тем, как улететь за границу, здесь со мной, когда ты приехала, чтобы провести его с Мюриэл и Беллой? — спросил Роб, нарушая молчание.

Лиззи колебалась. Белла, должно быть, дочь Мюриэл... она сказала Робу, что приехала повидаться со своей кузиной, прежде чем упомянула свою «тетю» Мюриэл, и, поскольку он знал их, он сложил два и два. Это было полезно.

— Что ж, у меня еще есть завтрашний день. Может быть, даже вторник; все зависит от обстоятельств.

— О? Каких? — Его улыбка коснулась серо-зеленых глаз, и они заблестели даже в унылой комнате. Она отвела взгляд, понимая, что только усложняет ситуацию. Он открыто флиртовал с ней, и она позволяла ему это. Хуже того, поощряла это. Боже, если бы Дом мог это видеть.

— Зависит от того, насколько отчаянно я хочу сбежать из Мейплдона.

— Верно. — На мгновение он выглядел обиженным, как будто воспринял ее заявление как личное оскорбление, но затем его лицо снова расслабилось, и он наклонился через стол, приблизив верхнюю часть тела к ее. — Я понимаю, — сказал он приглушенным голосом. Он повернул голову, чтобы оглядеться вокруг, прежде чем продолжить своим шепотом. — На самом деле тебе повезло, что ты сбежала в первый раз. На самом деле, я удивлен, что ты подумала о повторном визите, пусть и мимолетном. Просто на всякий случай.

У Лиззи кровь застыла в жилах.

— Ты не первый, кто говорит что-то подобное. — Она слегка отстранилась от него. Это было ненормально для людей, и все же оба человека, с которыми она встречалась, дали одно и то же жуткое предупреждение. Или то, что казалось предупреждением. Она не могла отмахнуться от возможности того, что это была тонко завуалированная угроза. Оставайся слишком долго, и ты никогда не уйдешь, или, может быть, копни достаточно глубоко, и ты раскроешь секреты, которые могут тебя убить. Сейчас она слишком преувеличивала, ее мысли неслись галопом. Она должна взять себя в руки. Они просто пошутили. Разве не так? Какова бы ни была причина легкомысленных комментариев Анны и Роба, Лиззи с каждой «шуткой» становилась все более встревоженной.

Она задавалась вопросом, кто будет следующим, кто предложит ей уехать из Мейплдона, пока она еще может.

Глава 33

1989

Мейплдонская церковь

Воскресенье, 2 июля — за 17 дней до

— Преподобный, мне нужно с вами поговорить. Наедине.

— Прямо сейчас, Мюриэл? — Преподобный Фарнли нахмурил брови, когда положил книгу, которую читал детям, себе на колени. Группа из трех девочек и двух мальчиков смотрела вверх, сидя на коврик в углу, спокойно ожидая продолжения истории. — Я как раз рассказываю историю Ноя.

— Извините, но я не думаю, что это должно подождать, — сказала Мюриэл, ее взгляд переместился на пол, где сидела Элиза Коули, отвернувшись от остальной группы, затем снова глядя на преподобного Фарнли.

— О, ну что ж, тогда дай мне секунду, и мы увидимся в ризнице. — Он встал, затем поманил Венди, одну из других помощниц воскресной школы, подойти и сменить его. Он

направился в ризницу.

— В чем дело, Мюриэл?

— Ну, как вы... знаете... — Мюриэл бросила на него понимающий взгляд, — ...что-то не совсем в порядке с маленькой Элизой Коули. Мне нужно попросить вашего совета. Руководства, преподобный Фарнли.

— Понимаю. Что же тебя сейчас беспокоит?

— Это очень деликатный вопрос, которого мы касались раньше. Это не то, что можно еще игнорировать.

— Продолжай, Мюриэл. Однако мне понадобятся полные факты. — Он поднял брови.

— Она странный ребенок...

— Станных детей не бывает, Мюриэл. Только проблемные.

Мюриэл нетерпеливо покачала головой.

— Да, ну, тогда встревоженный. В любом случае, я следила за ее поведением: то, как она не взаимодействует или не может взаимодействовать с другими детьми своего возраста, то, что она говорит, то, с чем она играет... и это вызывает у меня наибольшее беспокойство, то, как она играет с вещами... это ненормально.

— Ты разговаривала с Элизой после нашего последнего разговора?

— Вы имеете в виду, задавала ли я прямые вопросы о ее домашней жизни?

— Я имею в виду, ты вообще спрашивала ее о чем-нибудь по этому поводу?

— Да, конечно.

Преподобный Фарнли переступил с ноги на ногу; его лицо стало серьезным.

— И?

— Думаю, что это жестокое обращение, преподобный, — прошептала она.

Преподобный Фарнли отступил на шаг, его лицо побледнело.

— Верно, я понимаю. Это обвинение не может быть выдвинуто легкомысленно, Мюриэл, и не без доказательств. Я думал, мы уже говорили об этом.

— Я думаю, что есть доказательства. Мне просто нужна ваша помощь, чтобы убедиться, что она в безопасности.

— Я не уверен, что понимаю.

— Все знают, что Билли Коули не получит награду «отец года», и ни одному ребенку никогда не разрешалось пойти и поиграть после школы с Элизой. Он держит ее при себе... я удивлена, что он позволяет ей ходить в воскресную школу, но потом я думаю, что это было благодаря вашей поддержке, не так ли?

— Да, я действительно немало потрудился, чтобы включить ее в список, — сказал он, проводя пальцами по краю своего гладкого подбородка.

— На этой девочке синяки...

— Все дети ее возраста получают синяки во время игр, Мюриэл. Само по себе это ничего не значит.

— Синяки на ее запястьях, как будто она была связана.

— Я беспокоюсь, что мы здесь делаем поспешные выводы.

— Я спросила ее ранее о том, почему она отрывает головы и конечности от своих кукол.

И знаете, что она сказала?

— Продолжай.

— Она сказала, что ей становится легче, если куклы тоже страдают. Она не чувствует себя такой одинокой. Насколько это ужасно?

— Я согласен, что это очень тревожно. Нам следует повнимательнее присматривать за ней.

— Нет. Мы должны сделать больше, чем это. Мы должны убедиться, что он не сможет причинить ей вред.

— Как?

— Мы уже все спланировали, и я смогла кое-что привести в действие... но мне понадобится ваша помощь для следующего этапа, преподобный.

— Я не уверен, что это хорошая идея для меня — ввязываться в это, Мюриэл.

— О, я думаю наоборот, преподобный.

Мюриэл уставилась на его лицо, на беспокойство, запечатленное в его чертах.

— Садитесь, преподобный. Нам нужно обсудить это сейчас.

Глава 34

Анна

2019

Воскресенье, 14 июля

Три женщины сидели за обеденным столом, выпивая уже по второй чашке кофе.

— Что мы собираемся с этим делать? — спросила Тина.

— У нас нет доказательств, что это он. Не в данный момент. Может быть, нам нужно поймать его с поличным? — сказала Анна.

— Тебе не кажется, что это может быть слишком рискованно? — Внимание Мюриэл, казалось, было поглощено ее кружкой кофе.

— Мама, я знаю, ты хочешь, чтобы это просто прошло, но если тетя Тина права, Билли Коули жаждет мести. Не думаю, что он остановится на нескольких окровавленных кукольных частях. Это только начало. Он будет над чем-то работать. Мы должны сообщить в полицию. В худшем случае, мы правы... но тогда они снова посадят его.

— А если мы ошибаемся?

— Тогда мы можем попытаться найти маленьких засранцев, которые это делали.

— Если мы ошибаемся, Анна, он рассердится на нас за то, что мы его впутали, и это действительно может заставить его сделать что-то против нас.

— Вы все еще проводите ежемесячные собрания в Мейплдоне? — спросила Анна.

Мюриэл и Тина обменялись странными взглядами.

— Они были... ну, так сказать, расформированы.

— Может быть, сейчас самое время собрать группу заново. Это затрагивает всех, не так ли? Все должны собраться вместе.

— Я не уверена, — сказала Тина, опуская взгляд. — Это снова будет похоже на охоту на человека.

— Как ты относишься к тому, что человек, убивший твою дочь, на свободе, Тина? Свободен снова терроризировать это сообщество.

Тина вскинула голову, ее сердитый взгляд остановился на Анне.

— Это несправедливо. Ты не знала обо всем, что происходило... ты была слишком молода. Потом, когда ты стала достаточно взрослой, чтобы понять, ты свалила и больше не возвращалась. Ну, до двух дней назад. Не начинай сейчас бросаться всем своим весом. К тебе это не имеет никакого отношения.

— Не тогда, когда он угрожает моей матери!

— Однако ты недостаточно знаешь, чтобы сказать, как нам следует поступить с этим

сейчас. Это была моя дочь. Мой ад. Я должна быть той, кто скажет, как мы поступим с ним.

— Ну, тогда дай мне знать, что вы двое придумаете, ладно? А я просто буду сидеть сложа руки и смотреть, как вы совершаете еще одну огромную ошибку. — Анна откинулась на спинку стула, крепко скрестив руки на груди. — Интересно, кто пострадает от последствий ваших неверных решений на этот раз?

Глава 35

2019

Лиззи

Они провели в тускло освещенном пабе уже час, и Лиззи не чувствовала, что добилась какого-либо прогресса. Кроме того, что она узнала другое имя — Белла — она не приблизилась к сути дела: Билли Коули. Конечно, она уже достаточно поболтала и подготовилась, чтобы завоевать доверие Роба и быть более откровенной, не вызывая тревожных звончков. Она должна была пойти на это.

— Я думаю, тетя Мюриэл беспокоится о Билли Коули. Я имею в виду, она не сказала этого, но она кажется рассеянной, встревоженной. — Лиззи подумала, что это был достаточно общий ответ, который могла бы почувствовать не только Мюриэл, но и другие жители деревни того времени. Хотелось бы надеяться, что это прозвучит правдиво.

— Да, я думаю, ты права. Я не видел ее несколько дней, что совсем не похоже на Мюриэл. Я не шучу, но хорошо... обычно она немного назойлива. Без обид.

Лиззи рассмеялась.

— Не принято. Я совершенно уверена, что это заложено в генах. — Ее лицо горело. Она начинала чувствовать себя виноватой за ложь.

— И это их возраст, я думаю. Как будто им меньше о чем думать, поэтому им приходится создавать немного драмы, чтобы поддерживать активность своего ума. Управление магазином — это то, что помогает моей матери жить.

— Но она не работала?

— Нет. И, так совпало, что с пятницы она чувствует себя неважно. От нее исходит ощущение, что она боится выходить из дома. Что действительно на нее не похоже, поскольку обычно ей доставляет удовольствие быть в центре такого рода деревенских сплетен. Это случается только раз в голубую луну.

— Через тридцать лет, — рассеянно ответила Лиззи.

— Вот именно. И оба раза это было связано с одним и тем же человеком.

— Ты помнишь что-нибудь из того времени, когда пропала Джони?

— Не очень много, нет. Я все еще учился в начальной школе, кажется, в моем последнем классе. Я только по-настоящему помню глупую игру, в которую мы все тогда играли — Тук-тук, Джинджер — и тот факт, что мы нацелились на бунгало Билли Коули гораздо больше, чем на любой другой дом. Это было, конечно, потому, что это был самый большой кайф: он был самым странным, самым страшным взрослым, которого мы знали. Это странно, оглядываясь назад, потому что мы все думали, что он был таким старым. Старик Коули, деревенский чудак. Боже, ему, должно быть, было всего под тридцать. Насколько это безумно?

— Вообще-то, двадцать пять.

— Черт, и всего-то? Тогда почему у меня образ какого-то древнего старика?

— Наш отзыв делает это. Мы были детьми. Разве не помнишь, что также думали, что наши учителя были на пороге смерти? И что твои родители были старыми чудаками?

Роб рассмеялся.

— Да, это правда. Я все еще вижу некоторых учителей, которые были в нашей школе, и они, кажется, ни капельки не изменились!

Роб говорил так, как будто Лиззи была в школе в то же время, испытывая те же самые вещи. Она надеялась, что он не задаст ей никаких конкретных вопросов, потому что она очень мало помнила о своих школьных годах. Однако она была моложе Роба, так что он, по крайней мере, не помнил ее из своего класса. Но во всей школе было меньше сотни учеников, так что была вероятность, что он поймет, что ее имя не совпадает ни с одним из тех времен.

Что произойдет, когда он поймет, что я не совсем та, за кого себя выдаю?

Она выбросила эту мысль из головы.

— Напомни мне еще раз, как они выяснили, что это был он? Как они его поймали?

— Э, ну... начнем с того, что многое из этого было косвенными уликами. Время, когда Джони пропала, каким он был в преддверии ее исчезновения...

— Каким он был раньше? Что ты имеешь в виду?

— Его поведение, знаешь ли. Он никогда не был тем, кого можно было бы назвать стабильным, но когда они забрали его дочь, ну... — Роб покачал головой, — он вроде как психически вышел из себя. Люди считали, что он пытался заменить ее. Вот почему он забрал Джони.

— Какие люди так считали?

— В то время, примерно за несколько недель до похищения Джони, и, как я уже сказал, я был молод и не могу с уверенностью сказать, что все, что я помню, верно, все мамы волновались из-за дочери Билли, говорили, что он причиняет ей боль, и что она ведет себя очень странно, и нужно что-то предпринять. Они говорили о жестоком обращении. Конечно, в моем возрасте я не совсем понимал, что они означают, но позже я пришел к пониманию. Все верили, что он сексуально надругался над собственной дочерью. Это заставляет меня содрогаться.

Лиззи опустила глаза, сосредоточившись на своем напитке, пока до нее доходил его комментарий.

— И они забрали ее у него. Итак, в качестве мести или в качестве замены он забрал одну из их дочерей. Дочь одного из жителей деревни, которая сыграла важную роль в его жизни?

Роб пожал плечами.

— Это теория. Он никогда никому не рассказывал о своих мотивах. Никогда никому не говорил, где выбросил тело маленькой Джони.

— Это потому, что он сказал, что невиновен, не так ли?

— Начнем с того, что он все отрицал, да. Тогда его адвокат, должно быть, сказал ему признать себя виновным в обмен на смягчение приговора, а не на всю жизнь. Он не был невиновен, Лиззи. Этого не могло быть. Как говорится, нет дыма без огня.

Она сделала паузу.

— Зависит от того, кто устроил пожар.

Глава 36

1989

Блэкстоун Клоуз

Пятница, 30 июня — за 19 дней до

— Элиза, заходи. Сейчас же! — Он рявкнул приказным тоном, его голос был хриплым из-за остатков гриппа и инфекции грудной клетки, которую он перенес вдобавок ко всему. Его привычка курить по сорок сигарет в день тоже никак не помогла делу.

Девочка, сидевшая в грязи переднего двора среди своих кукол, услышала требование отца, но заметила движение в конце тупика, которое привлекло ее внимание. Она оторвала голову куклы, которую держала в руках, и осторожно положила ее рядом с руками. Ноги могли подождать. Она встала и медленно пошла к подъездной дорожке, ее руки свободно свисали по бокам. Она надеялась, что это кошка. Ей нравилось играть с живыми существами.

— Сюда, киска, киска, — позвала девушка, и из-за ее шепелявости это прозвучало так, как будто она говорила «кишка». Из темноты кустов справа от нее донесся смех. Она стояла неподвижно, уперев руки в бедра. Она была разочарована, что это не кошка, но это мог быть кто-то, с кем она могла бы поиграть.

— Эй? Кто это? Ты можешь прийти и поиграть? — позвала она. Однако она знала, что у нее будут неприятности — ее отец только что позвал ее на чай. Она не должна никого приглашать, ему бы это не понравилось. Ей никогда не разрешали никому приходиться играть. Это было несправедливо.

Раздалось еще больше смеха, прежде чем она услышала голоса, шепчущие:

— Элииссссааа, Элииссссааа! — Она фыркнула и отвернулась. Они не хотели играть, они просто хотели быть злыми. Может, ей и было всего восемь лет, но она знала, когда люди смеялись над ней.

— Неважно, — крикнула она. — Я сейчас иду внутрь.

Когда она повернулась и направилась к двери, что-то твердое ударило ее в спину. Она закричала от боли. Ее спину жгло. Она хотела заплакать, но вместо этого повернулась лицом к нападавшему и закричала.

— Ты не должен причинять людям боль. Нет, если ты не хочешь, чтобы тебе причинили боль в ответ.

Элиза услышала визг, когда они исчезли вдали. Она вытерла слезы, катившиеся по ее лицу, и пнула камень, который они в нее бросили. Почему они должны были быть грубы с ней? Что она сделала? Ее отец был прав: у нее не было друзей.

У нее не было никого, кроме него. Это были он и Элиза против всего мира.

Глава 37

Анна

2019

Понедельник, 15 июля

Третья ночь Анны в ее детской постели была не лучше первой. Ее спина болела еще сильнее, и она чувствовала себя так, словно за одну ночь постарела на двадцать лет. Присев на край кровати, она подперла подбородок руками. Она еще не была готова встретить этот день лицом к лицу. Или мать. Ей удалось поспать всего несколько урывочных часов в перерывах между темными снами — беспомощно плавающие бестелесные головы, искривленные и кричащие рты кукол, плачущие женщины. Ее мать в центре всего этого, спокойная и сильная. Неужели она хотела бы, чтобы ее мать была такой сейчас? Спокойной, сильной? Когда она была ребенком, и когда все это происходило с Джони, насколько она помнила, именно Мюриэл держала все это вместе. Мюриэл, которая провела Анну через все ужасы. Мюриэл была сильной. Сильной духом, волевой — настолько, что даже отец Анны не смог соответствовать тем невозможным стандартам, которые она установила.

Спустя годы после развода родителей, Мюриэл все еще придерживалась истории о том, что Эрик был травмирован и не мог смириться с тем, что его маленькая девочка была так близка к тому, чтобы ее похитили, и последствия этого привели к расколу в их браке. Она просто сказала Анне, что ее отец искал утешения в объятиях другой, без каких-либо дальнейших объяснений. Однако Анна не совсем в это верила. Она могла понять напряжение всего этого — конечно, могла, — но оставить свою семью, уехать жить на другой конец Соединенного Королевства? Это звучало неправдоподобно. Объяснение, что он едет в Шотландию, потому что именно оттуда родом его новая партнерша и ее семья, казалось притянутым за уши. Позже Анна решила, что ее отец хотел уехать как можно дальше от Мюриэл, насколько это было в человеческих силах, и именно поэтому он выбрал Шотландию. В этом было больше смысла.

Но Анна так и не простила ему того, что он вот так ее бросил. Как раз тогда, когда она больше всего нуждалась в своем отце, он бросил ее. Что было с мужчинами Мейплдона? Неужели все они были бесполезны в роли отцов, мужей? Отец Джони не играл большой роли в ее жизни, если верить тете Тине, а дочь Билли Коули была настолько травмирована и заброшена, что социальные службы забрали ее из-под его опеки.

Теперь, когда Анна задумалась об этом, ей показалось, что в деревне действительно было непропорционально много одиноких женщин из возрастной группы ее матери. Возможно, все это было связано со смертью Джони Хейс — все семьи боролись после ее похищения, и отношения родителей рухнули, когда ее так и не нашли. В этом было что-то — огромное общее травмирующее событие должно было оказать длительное воздействие. Анна потеряла лицо руками. Как это было трагично. И теперь, с приливом беспокойства, Анна задавалась вопросом, не закончилось ли это каким-то образом.

Впереди было еще больше травм.

С неохотой, которая тянула ее вниз так сильно, что заставляла чувствовать себя тяжелее, Анна заставила себя встать с кровати. Горячий душ мог бы расслабить ее мышцы. И дать ей время подумать. Ее мыслительные процессы всегда были острее, когда она принимала душ. Если повезет, ее мозг придумает козыри и предоставит ей план, путь вперед. Потому что, если она останется в Мейплдоне еще на какое-то время, пострадает не только ее физическое здоровье. Ей нужно было либо разобраться, кто играет новую, жуткую версию «Тук, тук, Джинджер»... и почему — в надежде положить этому конец, либо ей придется сделать то, что предложил Джеймс. Отвезти Мюриэл в Бристоль, чтобы она какое-то время пожила с ней и Кэрри.

Последний вариант мотивировал ее достаточно, чтобы принять душ и начать свой день.

— Что-нибудь происходило в этом заведении в течение недели? — спросила Анна после того, как выпила свой первый утренний кофе.

— Утренний чай с пирожными в виллидж-холле сегодня в половине одиннадцатого, и это примерно твой удел до четверга. Затем церковные старосты проводят утренний кофе в старой хижине Красного Креста.

— Я удивлена, что это место до сих пор не превратили в жилой дом.

— Я думаю, некоторые пытались, Анна, но мало что проходит мимо местных советников. Если, конечно, идея вообще не исходила от одного из них.

— Боже. Ничего не меняется. Дай угадаю, новые советники — это отпрыски тех, кто бросался науток, когда я росла?

Мюриэл громко вздохнула.

— Ты не очень-то уважаешь это место, не так ли?

— Ну? Так ли это?

Мюриэл что-то пробормотала, прежде чем ответить:

— Да. Большинство из них таковы.

— Доказательство в пудинге, да, мам?

— На самом деле, доказательство полезности пудинга заключается в том, что его едят, — поправила Мюриэл, покачав головой. — В любом случае, какие у тебя планы на сегодня? — спросила она, чтобы сменить тему.

— Думаю, я пойду в деревенскую ратушу пить чай с тортом, — сказала она, улыбаясь. — И ты пойдешь со мной. Иди, готовься.

— О... э-э... Анна. Я действительно не в состоянии...

— Это была не просьба. Ты должна убраться из этого дома. Нам нужно выяснить, что говорят в Мейплдоне о кровавом Билли Коули, и я не могу сделать это в одиночку. Ты единственная, кого знают люди в этой деревне. Ты та, с кем люди разговаривают и кому доверяют. Если кто-то и может выяснить, что происходит, так это ты.

— Что ж, спасибо за восторженную оценку; однако все изменилось. Все не так, как ты помнишь, Анна. Я также не тот человек, которого ты помнишь. — Печаль промелькнула на лице Мюриэл.

Это заявление вывело Анну из себя. Она была склонна считать, что все в деревне осталось таким, каким было в то время, когда она уехала. Что ее мать была такой же, как в тот день, когда она оставила ее. Но ее визит пролил неопределенный свет на здоровье и благополучие Мюриэл, и теперь Анна гадала, какие еще были различия, о которых у нее еще не было возможности узнать. Тот факт, что ее мать и тетя Тина больше не были лучшими подругами, был достаточно шокирующим, но что, если другие жители деревни тоже отвернулись от Мюриэл? Анна должна была подготовиться к такой возможности.

Анна отмахнулась от слов Мюриэл рукой.

— Чепуха. Ладно, пойдем пешком? Кажется, стыдно тратить впустую этот прекрасный солнечный свет, а поскольку ты провела здесь взаперти несколько дней, я думаю, тебе не помешала бы изрядная доза витамина D. — Анна поднялась с дивана и ободряюще улыбнулась маме. Мюриэл вовсе не выглядела убежденной. — Мама?

— Мне страшно, Анна. — Мюриэл заломила руки. — А что, если мы его увидим?

Анна на мгновение задумалась.

— Тогда мы будем лучше знать, с чем имеем дело.

Мюриэл заметно вздохнула, а затем встала.

— Пока ты рядом со мной, я думаю, он ничего не сможет сделать.

— Мам, насколько нам известно, он может быть прикован к инвалидному креслу. Возможно, ты беспокоишься по пустякам... мы понятия не имеем, какое влияние все эти годы в тюрьме могли оказать на него или его здоровье.

— Да, возможно, ты права... это, должно быть, сказалось на нем. Я должна встретиться с этим страхом лицом к лицу, а не прятаться от него.

— Вот именно. Это на тебя не похоже — уклоняться от чего бы то ни было. Ты всегда боролась за то, во что верила; ты всегда была сильной. Нет причин, по которым ты не должна быть такой сейчас.

Мюриэл обняла Анну.

— Спасибо тебе, моя дорогая девочка. Я знаю, что не часто говорила тебе об этом, но

ты была для меня всем. Ты все еще такая. Возможно, я не делала правильного выбора или хороших решений, пока ты росла. Но то, что я сделала, я сделала, потому что любила тебя и хотела защитить. Ты ведь знаешь это, не так ли?

— Конечно, мам. Конечно. — Анна проигнорировала неприятное ощущение, ползущее вверх по затылку, и вместе с мамой вышла из дома, чтобы дойти до сельской ратуши.

Глава 38

2019

Лиззи

Лиззи проснулась рано, вероятной причиной был солнечный свет, пробивающийся сквозь щель в занавесках. Она встала, наполнила таз в ванной и ополоснула лицо холодной водой. Попытка смыть вину: вчера она зашла слишком далеко. Она хлопнула ладонями по белому фарфору раковины.

— Это был глупый, безмозглый поступок, Лиззи! — сказала она своему отражению.

Могло быть и хуже.

Эту фразу она повторяла про себя с тех пор, как оставила Роба возле его дома. Это был поцелуй, ничего больше. Это был не поцелуй. Это был не секс. Но ее совесть знала. Это был физический контакт, и не с ее мужем. Следовательно, это было неправильно. Она даже не могла винить алкоголь. Она придерживалась только одного G&T, после чего пила диетическую колу. Она переступила черту, даже если это был всего лишь поцелуй в знак благодарности. Такой тип поцелуя обычно представляет собой чмоканье в щеку, а не затяжной удар в губы. Она нарушила доверие. Брак основан на доверии; «секретность — враг», — слышала она голос Дома.

И совершив этот акт предательства, что именно она получила?

Это был всего лишь поцелуй.

Но она сомневалась, что Дом так на это посмотрит. Неужели Роб?

Она играла с огнем и даже не была уверена, с какой целью. Роб немного рассказал о том, что, по его мнению, сделал Билли Коули и почему, но поиск в Интернете подсказал бы ей это. Она узнала об утреннем чаепитии с пирожными в понедельник, но она знала, что эта информация, вероятно, была в витрине магазина. Провести целый вечер в пабе с мужчиной, которого она однажды встретила, на самом деле не требовалось, чтобы добиться этого. Кроме того, из-за ее лжи о том, что она племянница Мюриэл, она не была уверена, что поход в деревенскую ратушу за тортом будет самым умным ходом. Сказав это, возможно, у Роба не будет времени упомянуть клиентам, что он встретил племянницу Мюриэл, и поскольку его не будет в ратуше, она сможет пойти и пообщаться, и ее не раскроют.

Учитывая, что ей почти нечем было заняться, Лиззи приняла решение привести себя в порядок и поехать в холл. Она никогда не могла отказаться от торта.

Сельская ратуша находилась напротив церкви, и рядом с ней была небольшая автостоянка. Лиззи некоторое время сидела в машине, наблюдая, как несколько пожилых людей медленно, с трудом входили в здание. Она будет торчать, как больной палец. Даже больше, чем в пабе прошлой ночью. Она надеялась, что не заметила никого, кто был в баре. Что, если они видели, как она целовалась с Робом? Она запустила пальцы в волосы.

— Не думай об этом, — сказала она вслух. Бросив на себя быстрый взгляд в зеркало заднего вида, Лиззи выскочила из машины, прежде чем успела передумать.

По всему залу было расставлено около полудюжины прямоугольных столов с расставленными на них прочными металлическими стульями, обтянутыми мягкой тканью

оранжевого цвета. Люк соединял главную комнату с кухней, где несколько дам расставляли тарелки с булочками, кексами и ломтиками торта. Ламинированная табличка сообщала Лиззи, что каждый товар стоит два фунта, а чашка чая или кофе — один. Сок с печеньем стоил двадцать пенсов. Лиззи быстро огляделась по сторонам; детей там не было, но, по-видимому, их ожидали.

— Привет. Могу я чем-нибудь помочь? — коротко спросила ее женщина, округлая, как бочонок.

— О, привет. Да, я бы хотела кофе, пожалуйста, — сказала Лиззи, а затем, когда взгляд женщины не дрогнул, внимательно изучила предложенные пирожные, добавив: — И этот аппетитный торт с лимонной глазурью. Это вы сделали? Выглядит аппетитно. — Лиззи улыбнулась так широко, как только смогла.

— Эм... да, вообще-то, я. Спасибо. — Женщина-бочонок покраснела. Лиззи сбила ее с толку. Удивительно, как удачно сделанный комплимент может задеть чье-то это настолько, чтобы заставить его быть милым. Лиззи могла сказать, что женщине не терпелось спросить, кто она такая, черт возьми. Но она заставит ее подождать. Ей нужно было сначала выяснить, кто эти люди, убедиться, что она не обронила имя Мюриэл, прежде чем она даже узнала, как та выглядит, или была ли она там, в холле.

— Большое вам спасибо. Уверена, что мне понравится. Возможно, через минуту я захочу второй кусочек. — Лиззи снова ухмыльнулась, прежде чем заплатить и найти место. Она выбрала столик на дальней стороне, чтобы у нее было время увидеть входящих людей и быстро оценить обстановку. Ей также требовалось время, чтобы усовершенствовать свою «подачу».

Когда она откусила кусочек торта, который был так же хорош, как и выглядел, сердце Лиззи подпрыгнуло. Она наклонилась вперед, крошки торта упали ей на колени. Она не могла в это поверить — Анна, женщина, с которой она познакомилась на днях, только что вошла в холл. С ней была хрупкая пожилая женщина — пожилая мать, о которой она говорила? Рука Лиззи была поднята прежде, чем она сознательно решила это сделать, и она помахала Анне.

— Привет, Анна. Большое спасибо за рекомендацию отеля типа «постель и завтрак» — это фантастика, — с энтузиазмом сказала Лиззи. — Это, должно быть, твоя мама... — Она замолчала в надежде, что Анна их познакомит.

Но вместо этого та просто сказала:

— Да, это так. — Затем вежливо добавила: — Я так рада, что ты нашла жилье по своему вкусу. — Весь эпизод казался фальшивым и фальшиво ярким, что, в свою очередь, заставило капельку пота пробежать по спине Лиззи. Узнала ли Анна, кто она такая? Настоящая причина, по которой она оказалась в Мейплдоне? Сейчас она определенно казалась сдержанной, по сравнению с их первой встречей.

— Не могли бы вы посидеть со мной? Я чувствую себя здесь как Билли-без-приятелей, — съязвила Лиззи, тут же пожалев о своей фразе. Черт возьми, как глупо. Она поспешила продолжить разговор, надеясь замять свою оплошность. — Пирожные просто изумительные, я скучаю по таким вещам. Ни у кого в Эббингсворте по утрам не бывает такого кофе.

— Да? — Анна была отвлечена, ее взгляд метался по комнате, вместо того, чтобы сосредоточиться на Лиззи. Следующий комментарий Лиззи адресовала матери Анны, чье внимание тоже было отвлечено с тех пор, как они подошли к столу. — Вы печете...

Миссис... э-э...

Женщина повернулась к ней; их глаза встретились. Казалось, они проникали в Лиззи, заглядывая глубоко внутрь нее. Лиззи невольно вздрогнула, странное ощущение охватило ее.

— Миссис Фишер, — сказала мать Анны. Ее голос был слабым, как шепот воздуха. Она не сводила глаз с Лиззи. Анна, казалось, ничего не заметила. — Разве ты меня не помнишь?

Этот вопрос совершенно сбил Лиззи с толку. Она откинулась на спинку стула, шок не давал ей произнести ни слова. Как, спустя тридцать лет, произошло какое-то признание?

— Мам, ты собираешься сесть? Мама? — Анна пододвинула стул и попыталась усадить мать. — Эй? Земля матери! — Голос Анны стал раздраженным. Она посмотрела через стол на Лиззи и наклонилась ближе. — Понимаешь, что я имею в виду? — тихо сказала она, качая головой. Лиззи почувствовала, как все ее тело расслабилось. Миссис Фишер, вероятно, вообще ее не помнила, вот почему она спросила Лиззи, помнит ли та ее. Это было не потому, что она узнала Лиззи с тех пор, как та была ребенком.

— О, мне так жаль, — прошептала она в ответ. — Да, ты говорила, что беспокоишься о ее... э-э... здоровье, не так ли?

— Я здесь, знаете ли, не нужно говорить обо мне. — Миссис Фишер задвинула стул обратно под стол. — Я не теряю самообладания. Я просто не хочу здесь сидеть, спасибо.

— О, хорошо, мам. Нет проблем, мы сядем за другой столик. — Она отвела миссис Фишер подальше от Лиззи, одними губами извиняясь через плечо. Лиззи поймала себя на том, что рада, что они ушли. Миссис Фишер. Мюриэл Фишер, имя, которое Лиззи назвала своей тетей. Что делало Анну ее дочерью.

Но Роб сказал ей, что дочь Мюриэл зовут Белла.

Воспоминание об их первой встрече у церковных ворот всплыло в ее памяти, слова, которые Анна сказала, когда представилась:

— Я Анна. Я та, кто сбежала.

Черт возьми. Анна была Беллой. И так, Лиззи была не единственной, кто скрывал свою настоящую личность. В истории Анны определенно было нечто большее, чем она сначала подумала.

Глава 39

1989

Блэкстоун Клоуз

Вторник, 27 июня — за 22 дня до

— Почему ты сегодня не в школе, Элиза? — спросила Мюриэл. Она остановилась на подъездной дорожке Билли Коули, сбоку от его красного грузовика, не решаясь переступить границу, она не хотела, чтобы он увидел ее, если ей это сойдет с рук. Во всяком случае, до того, как она смогла поговорить с его маленькой девочкой. Это был рискованный шаг; даже быть там было рискованно. Но в этот раз она была готова рискнуть. Кто-то должен был это сделать. Было слишком много предупреждающих сигналов, чтобы их игнорировать. Было неправильно стоять в стороне, ничего не делая. Ее совесть не могла этого вынести, и она была уверена, что остальные согласятся. Она не сказала им, что собирается подойти к Элизе... ей не нужно было их разрешение.

Мюриэл не нуждалась в их разрешении, чтобы обеспечить безопасность детей Мейплдона. Но ей может понадобиться их помощь.

Элиза повернула лицо к Мюриэл. У нее перехватило дыхание. На виске Элизы была отчетливая желтоватая отметина. Исчезающий синяк. Это подтвердило подозрения Мюриэл.

— Тебе плохо? — Мюриэл попыталась снова. Она присела на корточки и улыбнулась. Элиза знала Мюриэл по воскресной школе, она не была незнакомкой, так что, вероятно, ей удастся уговорить ее заговорить.

— Ты неплохо выглядишь.

— Папа сказал, что я больна, — сказала Элиза.

— Неужели? Ну что ж, если папа считает, что тебе следует не ходить в школу, то, наверное, он прав.

Элиза слегка улыбнулась и продолжила разбирать свою куклу на части.

— Тебе не нравится эта кукла, Элиза?

Элиза подняла голову, на ее грязном лице появилось озадаченное выражение.

— Конечно, она мне нравится. Она такая же, как я. — Она подняла расчлененный торс пластиковой куклы, чтобы Мюриэл могла его увидеть.

— Оу. Я не уверена, что понимаю. Почему она такая, как ты, Элиза?

Мюриэл показалось, что она заметила колебание занавески в передней комнате бунгало, и ее сердце дрогнуло. Если Билли видел или слышал ее, ей лучше поторопиться и убраться оттуда. Она не могла сказать, что случайно проходила мимо, не тогда, когда его бунгало было последним в тупике... у нее не было причин быть там.

— Потому что ей тоже больно, — просто сказала Элиза, позволяя телу упасть. Затем Элиза снова опустила взгляд на землю и подняла голову. Мюриэл в ошеломленном молчании наблюдала, как Элиза засовывает сломанную руку в полость головы, при этом ее губы растягивались в широкой улыбке. Что-то в этой сцене было настолько странным, настолько тревожным, что Мюриэл захотелось убежать от этого. Этот ребенок был поврежден.

И для Мюриэл существовало только одно объяснение.

Она не была уверена, что хочет больше разговаривать с Элизой. Может быть, она получила то, за чем пришла. Когда Мюриэл выпрямилась и собралась уходить, Элиза встала. Ее платье было испачкано засохшей грязью с земли. Но всплеск красного остановил Мюриэл на полпути.

— О, милая, у тебя идет кровь?

Элиза посмотрела на красное пятно на своем платье и улыбнулась.

— О, нет. Это не моя кровь.

Рот Мюриэл открылся и закрылся, из него не вырвалось ни слова.

— Какого черта ты делаешь? — проревел голос, громкий и сердитый.

Мюриэл невольно вскрикнула — это застало ее врасплох. Она была слишком занята, чтобы заметить, как Билли вышел на улицу.

— Прости, — прохрипела она. — Я только спросила Элизу...

— Я предлагаю тебе отвалить! Любопытная корова. — Он плюнул на землю перед Мюриэл, прежде чем обхватить Элизу одной рукой за талию и приподнять ее. Зажав ее под мышкой, как мяч для регби, он зашагал обратно в свой дом, ее крики «Нет, папочка, нет!» затихали по мере того, как он уходил.

Ноги Мюриэл задрожали. Горячие слезы потекли по ее лицу. На мгновение она застыла на месте, ее мозг отказывался посылать правильные сигналы конечностям.

Билли Коули был именно таким монстром, каким они его считали.

Ей было что рассказать им на собрании в Мейплдоне в четверг. Если бы она могла продержаться два дня.

Глава 40

Анна

2019

Понедельник, 15 июля

После неловкого момента между ее матерью и Лиззи Анна надеялась, что больше не будет никаких эпизодов с кем-либо еще на утреннем кофе с пирожными.

— Ты хорошо себя чувствуешь, мам? Анна не знала, было ли это из-за того, что ее не было дома, или из-за того, что она была в самом холле, но ее мать казалась очень напряженной и прямо сейчас почти отсутствующей — смотрела в пространство, как будто забыла, где находится.

— Что? Да. Прекрасно. — Внимание Мюриэл наконец переключилось на Анну. Она натянуто улыбнулась. — Пытаюсь собрать все воедино в своей голове, вот и все.

— Может, нам стоит посмотреть, кто из твоих друзей здесь? — Анна оглядела комнату в поисках Нелл или кого-то, кого она узнала. — Было бы неплохо, если бы вы наверстали упущенное, и мы могли бы слегка подтолкнуть их, посмотреть, не привлекали ли они к себе нежелательного внимания.

— Нелл здесь нет, — заявила Мюриэл, не поднимая глаз.

— Ну, я уверена, что здесь есть люди, с которыми ты могла бы поболтать. Смотри, приходят. — Под этим Анна подразумевала, что теперь там было больше десяти человек. У нее возникло еще одно неприятное чувство. Судя по всему, Мейплдон действительно был умирающей деревней — она еще не видела никого, кроме Роба, сына Нелл, и Лиззи, которым не исполнилось и пятидесяти. И даже пятьдесят казались нижней границей шкалы — большинство людей в зале приближались к поздравительной открытке от королевы.

Мюриэл пробормотала что-то, чего Анна не расслышала. Она начинала думать, что эта прогулка была просто еще одной пустой тратой времени — ее мать, казалось, не стремилась общаться, а Анна никого не узнавала, и при этом она не чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы завязать с кем-то случайный разговор.

— Я собираюсь приготовить нам по чашке чая, мам. Ты хочешь торт?

— Да, иди. Может быть, теперь, когда ты притащила меня сюда, это и к лучшему.

По пути к люку Анна нарочито медленно лавировала между столиками, надеясь уловить что-нибудь интересное в разговорах. Она слышала все: от «Я больше не могу входить в ванну и выходить из нее» до «Судороги ужасны по ночам; мне приходится стоять на холодном полу, чтобы облегчить их». Но ни слова о кукольных головах или Билли Коули. Почему люди не говорили об этом? Казалось, они открыто обсуждали его в магазине в субботу утром. Конечно, он не был забыт всего два дня спустя.

— Не видела тебя несколько лет, Белла, — сказала женщина за люком, ее большие подбородки дрожали, когда она говорила. — Сначала я не была уверена, что это ты, но я сложила два и два, когда поняла, что ты с Мюриэл.

— Тогда у тебя есть одно преимущество передо мной... боюсь, я не могу тебя опознать. — Ей придется привыкнуть к тому, что люди здесь называют ее Беллой. Несмотря на то, что перед отъездом она поощряла использование имени Анна, здесь ее знали как Беллу гораздо дольше.

— Энджи. Я подруга Тины.

— О, да. Теперь ты действительно кажешься мне знакомой. Хотя я не помню, чтобы ты была подругой Тины. — По воспоминаниям Анны об Анджеле Мур, Тина ненавидела ее.

Она задавалась вопросом, как или почему они стали друзьями. Если, конечно, Энджи не говорила свою собственную версию правды.

— Дружба часто вырастает из трагедии, — сказала Энджи. — И даже взрослым иногда нужно повзрослеть.

Анне ужасно хотелось возразить Энджи... она не пережила большой трагедии, но та, что у нее была, потеряла друга, а не обрела его. Однако она согласилась со своим последним утверждением. Но вместо того, чтобы обсуждать это, она подумала, что должна воспользоваться этой возможностью, чтобы упомянуть о недавних событиях.

— Да, ты права, Энджи. И в этой деревне произошла наихудшая трагедия. Я рада, что вы с Тиной смогли завязать дружбу благодаря этому. Я уверена, что сейчас она должна быть особенно благодарна за это, учитывая, что на прошлой неделе его выпустили из тюрьмы.

— О боже, это ужасная новость, не так ли? — Энджи заговорщически наклонилась к Анне. — Я не люблю говорить вне очереди, — сказала она приглушенным тоном, — и я поклялась, что ничего не скажу здесь сегодня... я не думаю, что это то, о чем жители деревни хотят говорить, но у меня очень плохое предчувствие по этому поводу.

— Насчет Билли?

— Да. Я имею в виду, у него все еще есть свое место в Мейплдоне. Я думаю, он вернется.

— Я тоже об этом думала, — сказала Анна, подражая тихому голосу Энджи. — Но я бы подумала, что ему не разрешат находиться на определенном расстоянии от семьи его жертвы, не так ли?

— Скорее всего, нет, но неужели ты думаешь, что убийца, который провел в тюрьме тридцать лет, будет делать именно то, что ему положено?

Что как раз и беспокоило Анну. Билли, возможно, придется посещать встречи со своим сотрудником службы пробации и соблюдать определенные условия, но она предположила, что на нем не было метки, поэтому в промежутках между этими встречами он мог ходить, куда ему заблагорассудится, пока его не поймают.

— Но ты его не видела и не слышала, а кто-нибудь еще видел?

— Нет, еще нет. Но я держу ухо востро, — сказала Энджи, постукивая указательным пальцем по носу. На долю секунды Анне это показалось смешным, и ей пришлось подавить смех, хотя в глубине души все это не было ни в малейшей степени смешным.

— Ты помнишь ту игру, в которую мы, дети, играли?

— О боже, да. Тук-тук, Джинджер — ты, маленький ужас, тогда изводила Билли до полусмерти.

— Я помню. Как, я уверена, и он.

— На самом деле он неоднократно вызывал полицию. Пэт Верн обычно собирал детей и строго отчитывал их, и все это приносило пользу. Боже, боже, Белла. Если бы вы двое не играли в эту дурацкую игру, может быть...

Энджи замолчала, ее лицо порозовело. Ей не нужно было заканчивать предложение. Анна знала конец. И Анна знала, что Энджи не одинока в своих мыслях.

— Что ж, оглядываться назад — замечательная вещь, Энджи. Как тебе хорошо известно.

Анна ничего не имела в виду под своим комментарием, она просто подумала, что добавит его для пущего эффекта. Но выражение вины на лице Энджи говорило само за себя. Все жители Мейплдона сыграли свою роль в смерти Джони Хейс.

— Ладно, что ж, пора идти дальше. Хочешь чашку чая?

— Два, пожалуйста, и два шоколадных маффина.

Когда Анна ставила чашки и тарелки на стол перед Мюриэл, Лиззи привлекла ее внимание с соседнего столика.

— Держи, мам.

— Ты долго болтала с Энджи. Что-нибудь интересное?

— Не совсем. Правда, я не знала, что она дружит с тетей Тиной.

— Ах, да. Странно, если спросишь меня. Никогда бы не назвала этих двоих друзьями, ни за что в жизни.

— Мне это тоже показалось странным. Но она сказала, что их дружба «выросла из трагедии». — Анна передразнила голос Энджи.

— Хм. Или необходимость держаться вместе.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего, не обращай на меня внимания. Озлобленная старуха. Кислый виноград. Все это, — сказала Мюриэл, махнув рукой.

— Прости, что снова отрываюсь, мам, но я хочу перекинуться парой слов с Лиззи.

— Да, иди. — Мюриэл подняла бровь. — Но отнесись к тому, что она говорит, с щепоткой соли. Она лжет.

Желудок Анны сжался. Что за странные вещи говорит ее мать. Было ли это частью подозрения на слабоумие — говорить странные вещи, вырванные из контекста? Ей нужно было разобраться в этом и как можно скорее записаться на прием к врачу.

— Будет сделано, — сказала она, поворачиваясь и садясь обратно за столик Лиззи.

— Еще раз привет. Извини за то, что мама вела себя немного... странно. — Анна изобразила на лице, как она надеялась, извиняющееся выражение.

— Не беспокойся. Но я действительно думаю, что твоя мать верит, что узнала меня, Анна.

— Она вполне может. Это не так, как если бы Мейплдон был большой деревней... и тогда все жили в карманах друг у друга. Она, вероятно, помнит тебя, хотя ты прожила здесь совсем недолго.

— Но ты нет, не так ли?

— Да. Но поверь мне, я многого не помню из своего детства. Но мы не склонны к этому, не так ли? Я имею в виду, что, став взрослыми, мы мало что помним о том, что было до десяти лет или около того. Лично я с трудом могу даже многое вспомнить о своих подростковых годах.

— О да, я согласна. Но есть кое-что... большее... — Лиззи вертела в руках свою кружку. — Это то, как Мюриэл смотрела на меня.

— Мама, мама, подойди сюда на секунду, — позвала Анна.

— О, нет, серьезно, не беспокой ее сейчас. Мы можем поговорить в другой раз. — В голосе Лиззи звучала паника.

Мюриэл поднялась со стула и с чашкой чая в руке направилась к ним.

— Мам. Ты ведь помнишь Лиззи, не так ли?

Мюриэл кивнула очень медленно, почти комично.

— С тех пор, как она жила в деревне? — уговаривала Анна.

— Да. С тех пор, как она жила здесь. Со своим отцом.

— Послушай, правда... я уверена, что выгляжу как многие другие люди. Я пробыла здесь недолго. Я не думаю, что ты действительно можешь... возможно, это кто-то другой,

кого ты помнишь.

— Нет, нет. Я узнала бы эти глаза где угодно. И тот факт, что ты решила вернуться сейчас, заставляет меня думать, что я права. Я знаю, кто ты.

В последовавшей за этим паузе казалось, что весь мир замолчал... затаил дыхание.

— Ты дочь Билли Коули, Элиза. И, очевидно, это ты терроризируешь меня.

Глава 41

2019

Лиззи

Теперь Мюриэл по-настоящему выпустила кота из мешка. Пройдет несколько минут, а если повезет, и часов, прежде чем вся деревня узнает, кто она на самом деле. Она задавалась вопросом, сколько времени им потребуется, чтобы выгнать ее из этого места. Недолго, если Мюриэл имеет к этому какое-то отношение, догадалась она. Мрачный взгляд, пронизывающий взгляд, которым ее сейчас одаривали, причинял боль — даже несмотря на то, что она предсказала, что произойдет, когда люди узнают, что она дочь Билли.

Она не была тем человеком, который поступил неправильно. Она не похищала и не убивала юную Джони Хейс. На самом деле, если кто-то и был виноват, так это Мюриэл. И ей не терпелось рассказать об этом.

Лиззи отвернулась от смертельного взгляда Мюриэл и посмотрела на Анну. На ее лице застыла маска шока.

— Анна, мне очень жаль. Я должна была сказать тебе, когда мы разговаривали, но, ну... это не самое легкое признание. При данных обстоятельствах. И я думаю, ты действительно понимаешь, потому что у меня сложилось отчетливое впечатление, что ты тоже не была честна со мной.

Анна заикалась. Затем, не сумев произнести ни слова, тяжело откинулся на спинку стула.

— Я просто немного... ошарашена? Возможно, это подходящее слово, — наконец сказала Анна.

— Уверена, что ты будешь не единственной, — вздохнула Лиззи.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Мюриэл. Она также села обратно за столик Лиззи. — Ты хочешь отомстить?

— Боже, Мюриэл. Отомстить за что? Мой отец... — Она понизила голос, подавшись вперед, ближе к Анне и Мюриэл. — Мой отец заслужил то, что получил. Причина, по которой я не хотела раскрывать, кто я такая, заключалась в том, что я предполагала, и, вероятно, справедливо, что жители Мейплдона сами захотят какой-то формы возмездия, и если столкнутся с дочерью детоубийцы Уильяма Коули, я могу быть тем, на ком они сосредоточат свою месть. Я, конечно, не стремлюсь к какой-либо форме расплаты. Во всяком случае, не от невинных жителей деревни.

— Что ты имеешь в виду, невинные жители деревни? Думаешь, что есть виновные, и ты просто хочешь, чтобы они заплатили? — сказала Мюриэл, повысив голос. Женщина за соседним столиком бросила на них любопытный взгляд.

— Пожалуйста, послушай. Прекрати все эти разговоры о мести, — прошептала Лиззи. Она снова поерзала на стуле. — Единственная причина, по которой я здесь, — это узнать, вернулся ли мой отец. И встретиться с ним лицом к лицу. Мое пребывание здесь не имеет никакого отношения ни к кому другому.

Мюриэл выглядела неуверенной.

— Так ты думаешь, он вернулся бы сюда, в Мейплдон? Почему?

— Бунгало по-прежнему принадлежит ему. Где еще ему жить?

— Но у меня только что был этот разговор, — сказала Анна. — Он не смог бы вернуться сюда, даже если бы захотел. Будут введены ограничения — границы и все такое. Семья его жертвы все еще живет в Мейплдоне. Его не подпустили бы на определенное расстояние. Его адвокат, вероятно, продаст его бунгало. С тобой никто не связывался?

— Да, я получила письмо. Но я прочла не все, — призналась Лиззи.

— Тогда, может быть, тебе стоит. Ты также сможешь узнать, где он, через адвоката. Он может быть на другом конце страны, и мы все напрасно беспокоимся.

— Справедливое замечание. Но у меня есть какое-то внутреннее чувство... я не могу его объяснить. Меня тянуло сюда, как будто в глубине души я знала, что он здесь, ждет меня.

— Ты никогда не навещала его в тюрьме?

— Боже, нет! Он написал несколько писем, которые были переданы мне через адвоката, но я не видела его с тех пор, как меня у него забрали. — Лиззи искоса взглянула на Мюриэл. Она опустила голову, глядя на свои руки, лежащие на коленях.

— Социальные службы взяли тебя под свою опеку? — сказала Анна, и ее лицо смягчилось. Это был жалостливый взгляд, который Лиззи всегда удавалось вызвать, когда речь заходила о ее передаче в опеку.

— Ага. Обвинения в пренебрежении заставили их решить, что он неподходящий родитель. — Лиззи не стала вдаваться в подробности, уж точно не хотела повторять то, что Роб сказал о сексуальном насилии. Она подозревала, что это произошло из деревенских сплетен, и, несмотря на упоминание об этом, когда она росла, она отодвинула это на задний план.

— А как насчет твоей матери?

— Умерла, как ты знаешь.

— О, да. Извини. Ты... ну, многое помнишь об этом, например, как он... — Анна запнулась на словах.

Лиззи вмешалась, помогая ей выбраться.

— Ты имеешь в виду, помню ли я, как он обращался со мной? — Никто никогда по-настоящему не знал, как с ней разговаривать после того, как они узнали причину решения властей, и ей не нравилось говорить об этом, потому что это могло означать, что ей пришлось столкнуться с возможностью того, что он действительно надругался над ней. — Нет. Я почти ничего не помню из того времени. Обрывки разбитых воспоминаний, вот и все. Хотя, полагаю, я помню то чувство, которое у меня было. Это продолжалось много лет. Как тяжесть, как будто что-то сидело у меня в животе. И я чувствовала темноту: я почти могла протянуть руку и коснуться ее, она была такой осязаемой. И кое-что еще...

— Что еще? — спросила Анна.

— Недостающее звено или что-то, что присутствовало, но не подходило. Я никогда не могла отличить, что именно. Я знаю, что это важно, но не знаю, как и почему. — Лиззи посмотрела в глаза Мюриэл, затем снова на Анну. Она уловила замешательство на ее лице. Или, может быть, это был дискомфорт. Возможно, они обе считали ее ненормальной. — Это очень трудно выразить словами. Полагаю, я хочу сказать, что я та, кто должен собрать все это воедино. Я знаю это. Как незавершенный пазл, я должна найти недостающие части и собрать его в единое целое. И как только я это сделаю, я смогу двигаться дальше. И каждая клеточка моего существа говорит мне, что это здесь, — сказала Лиззи, широко раскинув

руки и оглядевшись вокруг, прежде чем позволить взгляду снова остановиться на Анне. — Здесь, в Мейплдоне, все началось и должно закончиться. — Даже для самой себя она звучала как сумасшедшая гадалка.

Глава 42

1989

Кладбище Мейплдонской церкви

Воскресенье, 25 июня — за 24 дня до

Билли опустился на колени рядом с горкой земли. Холм все еще был приподнят, не успел опуститься, осесть, как другие могильные участки. У него также не было времени разобраться. Было тяжело растить ребенка в одиночку. Трудно быть отцом, в котором, как он знал, нуждалась Элиза, отцом, каким Роза хотела бы, чтобы он был.

— Слишком о многом нужно подумать, Роза. И я так по тебе скучаю, так сильно. — Слезы душили его. Он регулярно посещал могилу Розы глубокой ночью — обычно между полночью и двумя часами ночи. Это было лучшее время: тихое, спокойное. Покинутый всеми, кроме мертвых, — и он их не боялся. Там его никто не беспокоил. Он оставил Элизу в постели; он всегда проверял, спит ли она, прежде чем запереть ее.

Билли издал вопль, проведя пальцем по розам, которые он положил туда несколько дней назад. Он был слишком молод, чтобы это стало его жизнью — чтобы все закончилось, не успев толком начаться. Он был взбешен тем, что ему сдали эти дерьмовые карты. Элиза была несчастным случаем — моментом неконтролируемой похоти между двумя подростками. Потом, позже, он сделал то, что считал правильным, — женился на Розе. С этого момента ему приходилось работать как вол, чтобы добыть деньги, чтобы прокормить их всех. Ему повезло, если это можно так назвать, что его отец умер вскоре после того, как они поженились в Гретна-Грин. Деньги, которые он оставил Билли в своем завещании, были значительными. На эти деньги он мог бы открыть собственное дело, но вместо этого купил бунгало в Мейплдоне и довольствовался тем, что время от времени подрабатывал плотником.

Самая большая ошибка в его жизни. У него никогда не было шанса достичь ни одной из своих целей, никогда не было возможности кем-то стать. Кроме «Деревенского чудака». С этим он справился отлично. Он откинул голову назад, его взгляд блуждал по сверкающему ночному небу, задаваясь вопросом, была ли Роза одной из самых ярких звезд. Затем звезды, казалось, померкли, и их сменила чернота. Он почувствовал, как тяжесть темноты давит на его кожу, затем опускается еще ниже и входит в него. Как это часто бывало.

— Элиза — это все, что у меня есть, Роза, — сказал он, положив обе руки на землю, которая была всего в нескольких футах над его мертвой женой. — Но она не все, что мне нужно. У меня тоже есть потребности — кто позаботится о них теперь, когда тебя нет, а? — Он пытался подавить свои желания, выпить их до самозабвения... но он не мог просто отбросить их в сторону. Они продолжали всплывать, хотел он этого или нет. Ему нужна была отдушина, способ выразить свои мысли, чувства обиды, гнева, разочарования и сексуального желания.

Теперь он понял, что у него никогда не будет этого в этой деревне.

Мейплдон был не только мал по площади, но и недалек. И они уже составили свое мнение о Билли Коули. Он не стал бы менять его сейчас. Но у него не было возможности уехать. Он мог бы продать бунгало... но он также избавился бы от воспоминаний о том, что лежало под ним. Он не был готов к этому. Должен был быть другой способ.

— Мне нужна помощь, Розы. Помогите мне и помогите Элизе. Она не права. И чем больше я для нее делаю, тем хуже ей, кажется, становится. Я пытался быть для нее всем, говорил ей, что ей нужен только я, а не мерзкие дети в этом месте. Я стараюсь сделать ее сильнее, понимаешь? Она должна быть закаленной, чтобы выжить. Другие дети плохо к ней относятся, но она этого не видит; она слишком невинна. Она старается подружиться с ними. Я продолжаю говорить ей, что она отличается от них; они никогда не примут ее. Она ничего не может с собой поделаться, особенно с тем, как она уничтожает этих кукол. Это нервирует. Я застал ее за действительно... действительно, странными вещами с Полли, куклой, которую ты ей подарила, единственной, которую она не лишилась конечностей. Она выглядела такой виноватой, когда увидела, что я наблюдаю за ней. А сегодня она казалась отстраненной. Я думаю, это связано с этими Богоподобными уродами.

Билли невольно оглянулся через плечо в сторону церкви.

— Они вбивают ей что-то в голову! — выплюнул он и снова повернулся к Розы, понизив голос. — Когда она вернулась из воскресной школы раньше, она даже не смотрела на меня. Не произнесла ни слова и не подходила ко мне в течение нескольких часов. Просто сидела в саду и рвала на куски своих кукол. Потом, когда она наконец вошла, я попытался переодеть ее в ночнушку перед сном, но она шлепнула меня по руке, как будто отчитывала. Она сказала: — Это неправильно — прикасаться, папа. И она велела мне покинуть ее комнату. Она никогда раньше этого не делала. Они что-то говорят ей, я знаю это. — Билли поднялся со своего коленапреклоненного положения.

— Мне нужно держать ее подальше от них, Розы. Эта деревня и ее жители — яд.

Глава 43

Анна

2019

Понедельник, 15 июля

Они покинули деревенскую ратушу вскоре после того, как стало известно, что Лиззи — это Элиза, дочь убийцы Билли Коули. Лиззи предложила подвезти их домой, на что Анна согласилась. Она чувствовала прилив сил, и ей все равно не нравилась мысль о возвращении пешком. Шок не прошел; Анна все еще чувствовала себя оцепеневшей от него. Она не была уверена почему, потому что ни в чем из того, что произошло, Лиззи не была виновата. Ей было всего восемь. Почему Анна должна чувствовать себя такой ошеломленной?

Она даже мало что могла вспомнить об Элизе Коули: как она выглядела или что делала, но по какой-то причине она помнила слухи. Или, может быть, она выросла, слыша о том дне, когда социальные службы забрали ее из бунгало. Ее единственные воспоминания об Элизе были связаны с тем, как они с Джони говорили об Элизе — о том, что она делала со своими куклами, и о том, как она видела кусочки, беспорядочно разбросанные во дворе бунгало после ухода девочки. И учитывая то, что от самой Анны поступило главное доказательство того, что она видела, как Джони садилась в грузовик с одной из кукольных голов Элизы, она предположила, что это было суммой того, что она знала.

Думая об этом сейчас, Анна задавалась вопросом, не было ли это той уликой, на которой Билли Коули сосредоточился все эти годы. Одержимый, может быть. Если бы Анна не сообщила полиции, что видела его, наблюдала, как Джони садилась рядом с ним в такси, возможно, присяжные не осудили бы его. Не поэтому ли дом ее матери сейчас стал мишенью? Потому что это был дом детства Анны?

Однако у полиции все еще было ожерелье, которое они нашли в бунгало Билли,

напомнила она себе. Ожерелье Джони. Тетя Тина опознала его. Так что даже без свидетельских показаний Анны они, скорее всего, признали бы его виновным. Не так ли?

Если это были ее и Тины заявления, которые в конечном итоге привели присяжных к убеждению, что он виновен, возможно, именно поэтому они были теми, кто получил головы кукол на своих парадных дверях. Была ли Мюриэл права, подозревая Лиззи? Но, конечно, теперь, когда ее отец был освобожден, не было никакой необходимости искать какой-либо мести. Прошли годы, почему Лиззи захотела сделать что-то подобное сейчас?

Если только она не делала это ради Билли. У него были ограничения, у его дочери — нет. Возможно, она делает это ради него, ради его мести.

— Ты молчаливая, Анна, — сказала Лиззи.

— Мысли в другом месте, извини. — Анна продолжала смотреть налево, в пассажирское окно. Приближалась дорога ее мамы. Она открыла рот, чтобы направить Лиззи, но резко остановилась. Лиззи уже повернула направо и ехала вверх по дороге. Следующей налево был дом Мюриэл. Лиззи указала и повернула, остановившись прямо перед домом Мюриэл. Анна немного повернулась на своем сиденье, чтобы посмотреть Лиззи в лицо.

— Спасибо, что подвезла, — сказала она, не сводя глаз с Лиззи.

— Все в порядке. Спасибо, что не придаешь большого значения тому, кто я. — Она улыбнулась, но выглядела настороженной. — Может быть, мы могли бы поболтать позже? Я могла бы приехать и забрать тебя. — Она наклонилась к пассажирскому месту для ног и достала из сумки телефон. — Какой у тебя номер, чтобы я могла сообщить тебе, когда буду в пути?

Инстинкты Анны подсказывали ей сказать «нет». Не лезть.

— Конечно, — обнаружила она, что говорит, прежде чем набрала номер своего мобильного. Лиззи тут же позвонила.

— Отлично. А теперь у тебя есть мой, — сказала Лиззи, улыбаясь.

Казалось, она никогда не сможет улыбнуться, игнорирование своих внутренних инстинктов не принесло ей пользы в прошлом, но вот она снова прыгает вслепую, идя против инстинкта самосохранения своего тела.

— Я так не думаю, — пропищала Мюриэл с заднего сиденья.

Анна вышла из машины и открыла дверцу машины своей матери.

— Мам. Все в порядке, давай, пойдём внутрь. — Она говорила своим твердым голосом «не связывайся со мной» в надежде, что Мюриэл поймет сообщение и оставит это. — Пока меня не будет, ничего не случится.

— Почему ты так уверена?

— Давай зайдем и выпьем по чашечке чая, хорошо?

— Мы только что пили!

Анна прищурилась и сделала медленный, глубокий вдох. Почему она вдруг стала такой неловкой?

— Вообще-то, почему бы тебе не забрать маму, не убедиться, что с ней все в порядке, и не вернуться со мной в Булли Бартон прямо сейчас? Мы могли бы пообедать в саду. Спасем тебя от прогулки позже? — предложила Лиззи. Может быть, ее тоже начинало раздражать поведение Мюриэл.

— Если ты сможешь подождать здесь пять минут, я вернусь и дам тебе знать. — Анна нырнула обратно в машину и легонько потянула Мюриэл за руку. Наконец та, хотя и

медленно, выбралась с заднего сиденья.

— Что на тебя нашло, мама? — прошипела Анна, открывая входную дверь и быстро осматривая холл, чтобы убедиться, что других доставок не было.

— Я ей не доверяю. — Мюриэл ткнула пальцем в сторону ожидающей машины.

— Я знаю. — Анна провела Мюриэл дальше внутрь. — Послушай, возможно, ты права что не доверяешь ей. Она просто поехала прямо к твоей двери, не спрашивая дорогу. Я имею в виду, я знаю, что Мейплдон довольно маленький, и она действительно шла этим путем со мной в субботу, но мы все еще были на расстоянии нескольких дорог. Как она узнала, где именно ты живешь?

— Потому что она была здесь раньше, — сказала Мюриэл, ее глаза были устремлены куда-то за спину Анны.

— Вот именно. Так что, может быть, это она прибывает кукольные головы к дверям. Когда она была ребенком, она всегда рвала этих кукол на куски. Вполне логично, что сейчас это делает она.

— И ты хочешь пойти и пообедать с ней?

— Я подумала, что это будет хорошая возможность копнуть немного глубже.

— Мне не очень нравится идея остаться здесь одной, Анна.

— Загляни в соседнюю дверь и поболтай с Сэнди. Это была бы прекрасная возможность спросить ее, не случилось ли с ней чего-нибудь странного, не видела ли она чего-нибудь или кого-нибудь необычного. И в любом случае, если мы правы, ничего не случится, пока я с Лиззи, не так ли?

— Прекрасно. Но будь осторожна, Анна, — сказала Мюриэл, приподняв брови. — Иногда, когда начинаешь копать, обнаруживаешь то, чего не искала.

Глава 44

2019

Лиззи

Короткая поездка в Булли-Бартон прошла в относительной тишине, Лиззи пыталась понять, как Анна восприняла новость о том, что она дочь Билли, Элиза Коули. Она провела всю жизнь, притворяясь кем-то другим — кому захочется быть дочерью детоубийцы? Почему ее отец не мог быть таким, как отцы других детей? Кто-то, кто сливался с толпой, а не торчал, как больной палец. Но нет. Он потерял свой жизненный путь, потерял способность работать. Вместо этого обратился к какой-то темной стороне, которую Лиззи не могла и не хотела понимать. Как якобы нормальные люди совершают такие отвратительные преступления? Как они скрывают свое истинное «я» от всех остальных? Но с другой стороны, она скрывала часть себя большую часть своей жизни. Может быть, именно так поступил и ее отец.

Она не могла вспомнить, как жила с ним — ни до смерти матери, ни после. Ее мозг проделал хорошую работу, блокируя нежелательные детские воспоминания. Вот почему ей сейчас нужна была помощь, чтобы разблокировать их. Чтобы, наконец, двигаться вперед, она должна была очиститься. Она должна изгнать дьявола Уильяма Коули раз и навсегда. Она привлекла Роба на свою сторону, хотя он вполне мог отступить, как только узнал, что она солгала, но у нее была Анна. Вместе они могли бы сложить кусочки головоломки воедино.

— Ну, привет. Я вижу, ты привела гостя, — сказала Гвен, когда они вошли в дом, ее ирландский акцент омыл Лиззи, как теплая вода. В ее голосе было что-то успокаивающее. Добрый, честный. — Вы двое хотели пообедать на солнышке? Я могу накрыть на стол для

пикника у бассейна, если хотите?

— Спасибо, Гвен, это было бы прекрасно. Разумеется, я заплачу за дополнительный обед.

— О, нет, вовсе нет. Это доставляет мне удовольствие. Что я могу вам предложить... у меня есть багеты с различными начинками или салаты, может быть, несколько сэндвичей?

— Багет с ветчиной и немного салата были бы очень кстати, спасибо, — сказала Лиззи.

— То же самое, спасибо. Только без лука.

Гвен кивнула.

— Принесу через десять минут или около того, — сказала она, прежде чем исчезнуть на кухне. Лиззи повела Анну в заднюю часть дома, через двери внутреннего дворика на настил.

— Это действительно прекрасный отель типа «постель и завтрак», Анна. Спасибо, что предупредила.

— Все в порядке. Хотя не похоже, чтобы у нас был большой выбор, а? Тем не менее, это прекрасно, и Гвен, кажется, потрясающая хозяйка.

— Разве ты ее не знаешь?

— Нет. Когда я уезжала из Мейплдона, у этого места были другие владельцы. Тогда оно принадлежало семье Тимоти. Их сын ходил в мою... нашу... начальную школу. Он был немного, ну, странный.

— Даже больше, чем я? Мне трудно в это поверить. Судя по всему, у меня закружилась голова, и меня вырвало зеленой рвотой и всем прочим.

Анна рассмеялась, и это подействовало как ледокол. Несмотря на то, что Лиззи почувствовала связь с Анной, когда они встретились у церковных ворот, после ее сегодняшнего «разоблачения» Анна была очень далека от нее. По понятным причинам.

— Ты помнишь кого-нибудь из Мейплдонской школы? — спросила Анна, садясь за деревянный стол для пикника. Лиззи перекинула ноги через противоположную скамью, так что они оказались лицом друг к другу.

— Это трудно объяснить. Я не думаю, что помню людей как таковых; вместо этого я чувствую определенные связи — например, мне казалось, что я почувствовала это, когда мы впервые встретились. Это похоже на то, что я знаю, что знала их, но не могу найти никаких конкретных воспоминаний, касающихся их. Я не узнала ни одного дома, когда ехала по главной улице в свой первый день здесь, но когда мы шли и я увидела начальную школу, меня словно током ударило. Я знала это место. Но я не смогла бы ничего рассказать о том, как там внутри, или даже назвать имена других детей или учителей.

— Полагаю, когда я уехала, мне было восемнадцать, поэтому о моих детских воспоминаниях говорили, подкрепляя их тем, что я делилась ими с другими деревенскими детьми, моей мамой и, в меньшей степени, с моим отцом. Из-за того, что ты уехала в восемь лет, даже не смогла пойти в общеобразовательную школу с деревенскими детьми, слишком много других значимых воспоминаний, должно быть, пришло после и заменило их... или наложилось на них. Возможно, чем больше ты будешь разговаривать с людьми в Мейплдоне, тем больше вещей сможете вспомнить.

— Думаю, это была моя надежда. Это и узнать о нем побольше. Как ты можешь себе представить, у меня есть незаконченное дело. Это похоже на головоломку из тысячи кусочков, которую нужно собрать воедино, чтобы ответить на вопросы, о которых я даже не подозревала, что хочу получить ответы, пока не прочитала письмо об освобождении.

Гвен вышла из дверей патио с подносом и направилась туда, где сидели Лиззи и Анна.

— Вперед, дамы. — Она поставила перед ними тарелки и поставила корзинку с приправами в центр деревянного стола. — Что бы вы хотели выпить?

После того, как они сказали Гвен, чего хотели, и она исчезла внутри, Анна заговорила.

— Я не думаю, что жители деревни отнесутся к этому легко, Лиззи. У меня такое чувство, что ты зайдешь так далеко, но не сможешь завершить эту головоломку без кусочков, которые они прятали в течение тридцати лет. И я сомневаюсь, что кто-то из них вообще помнит, где находятся эти недостающие фрагменты.

Глава 45

1989

Резиденция Фишеров

Суббота, 24 июня — за 25 дней до

— Ты опять куда-то ушла, Белла? В последнее время тебя никогда не бывает дома. А как насчет твоего домашнего задания по правописанию? Тест состоится в понедельник. Ты закончила учить свои слова?

— Я их уже знаю, они легкие. Я могу написать их задом наперед.

— Боюсь, ты не получишь за это оценок, моя малышка, — крикнул Эрик из своего кресла в гостиной.

— О, ты забавный, папа, — сказала Белла резким подростковым голосом, который она переняла, несмотря на то, что ей было всего десять. — Испытай меня позже, я докажу это.

— Я скоро выйду, и к тому времени, как я вернусь, ты уже будешь спать. Но завтра ты сможешь доказать мне, какая ты умная.

— Тогда после воскресной школы — договорились, — крикнула Белла. Мгновение спустя хлопнула входная дверь.

— О, значит, меня оставят в покое! Я действительно наслаждаюсь своими выходными. — Мюриэл нахмурилась и уперла обе руки в бедра. — Тогда я пойду к Тине. Было бы неплохо составить кому-нибудь компанию.

— Не говори так жестко, любимая.

— Я в порядке. Уверена, что мы сможем придумать поучительную тему — может быть, что можно сделать с заброшенным сараем на краю игрового парка. Какие-то дети сломали дверь и используют ее как своего рода логово; это небезопасно. Я не думаю, что это должно ждать до следующего собрания в Мейплдоне, поэтому мы с Тиной обсудим, как нам следует обращаться к членам совета. Им действительно нужно что-то с этим делать прямо сейчас.

— Ты ведешь себя так, как будто ты чертова верховная жрица шабаша ведьм, так и есть, Мюриэл!

— Ты ревнуешь, дорогой, хотел бы ты быть верховным жрецом? Это можно устроить, — сказала Мюриэл с натянутой улыбкой. — Но я все равно буду принимать решения, так что не будем забегать вперед.

Эрик покачал головой, фыркая.

— Я просто говорю, что тебе не обязательно принимать каждое решение, вот и все.

— Это не так, Эрик. И мне очень жаль, но ты даже не имеешь ни малейшего представления о том, что мы обсуждаем на собраниях, и что ж, именно так мы, дамы, хотим, чтобы это продолжалось. У вас, мужчин, есть паб, гольф, азартные игры, — сказала Мюриэл, бросив на него понимающий взгляд. — Не думай, что ты пропустил это мимо ушей, дорогой.

Эрик поерзал на стуле, теперь его глаза были отведены от Мюриэл.

— Ничто, черт возьми, не проходит мимо тебя, — пробормотал он.

— Язык, Эрик, — пожурила она. — Оставь нас заниматься нашими делами, а я оставлю тебя заниматься твоими. И не волнуйся, мы бы доверили тебе и другим людям помочь нам, если бы это потребовалось.

— О, ладно, не делай нам никаких одолжений. Мы можем не захотеть помогать именно тогда, когда вам нужно.

— Я уверена, что ты сделал бы то, что нужно было сделать на благо общества, не так ли?

— Да, да. Мы всегда так делаем, не так ли? Ты можешь думать, что управляешь деревней, Мюриэл — ты и твои подружки, — но вы все рассчитываете на нас, мужчин. Не можете обойтись без нас, не так ли?

Мюриэл поцеловала Эрика в макушку.

— Нет, любимый. Не можем, — сказала она.

— О, я хотел сказать... тебе пришло письмо. Выглядело официально. Я положил его на буфет.

Мюриэл пошла в столовую и посмотрела на белый конверт, прислоненный к серебряной чаше. Она взяла его и, не открывая, сунула в нижний ящик между картонной коробкой с поздравительными открытками и записной книжкой. Она разберется с этим позже, когда Эрик уйдет в паб.

— Что-нибудь важное? — позвал Эрик из гостиной.

— Нет. — Она с трудом сглотнула. — Просто кое-какая информация, которую я запросила некоторое время назад. По иронии судьбы, что-то связанное с повесткой дня нашей встречи в Мейплдоне.

Эрик встал, когда Мюриэл вернулась в комнату, и шагнул вперед, взяв обе ее руки в свои.

— Я знаю, что шучу о собраниях, о том, что женщины собираются вместе только для вина и сплетен, но я знаю, что это не все, что ты делаешь. Я знаю, что ты много делаешь для этой деревни, и это лучшее место. Я всегда могу быть уверен, что вы, дамы, следите за тем, чтобы все шло гладко, чтобы у деревенских детей было хорошее, безопасное место для взросления. Убедись, что наша Белла в безопасности. Я просто дразню тебя, ты же знаешь, не так ли?

— Да, любимый. Конечно. И, давай посмотрим правде в глаза, напиваться и сплетничать без всякой цели — это то, что мы оставляем нашим мужчинам, — сказала она, улыбаясь.

— Туше. — Он поцеловал ее. — И на этой ноте я отправляюсь в паб.

Глава 46

Анна

2019

Понедельник, 15 июля

До сих пор Анна придерживалась тем, о которых Лиззи, казалось, была рада поговорить, она не задавала много вопросов. Из того, о чем она говорила, Лиззи, похоже, приехала в Мейплдон исключительно для того, чтобы узнать, вернулся ли ее отец, и выяснить, что произошло тридцать лет назад. Почти по тем же причинам, по которым Анна осталась после выходных. Но у Анны было только слово Лиззи, что она не общалась с Билли с тех пор, как ее забрали под опеку. Только ее объяснение, почему она появилась в деревне и задавала вопросы.

Анна не могла избавиться от чувства неловкости, которое возникло у нее, когда Лиззи тем утром подвезла ее и ее маму прямо к их входной двери. И пока у нее не будет доказательств обратного, она не будет исключать возможность того, что Лиззи была вовлечена в жуткую мутацию «игры в тук-тук», которая началась в пятницу. Лиззи и ее отец могли бы это сделать.

— Когда ты снова приехала в Мейплдон? — спросила Анна, затем откусила кусочек багета.

— В субботу. Я несколько дней не открывала письмо адвоката, а потом вздохнула и сказала, что приеду. Но потом мне позвонили, и я приняла решение за себя.

— О? Как так вышло?

— Кто-то сказал, что знает о его планах.

Сердце Анны упало.

— Кто?

— Они не сказали. Это был женский голос, и звонок поступил на стационарный телефон, а не на мой мобильный.

— Они сказали, откуда узнали? — Горло Анны сжалось. Она отложила багет, не в силах откусить и кусочка.

— Нет. Но они знали, что я журналист, потому что сказали, что мне будет интересна эта история.

— Ты журналист? Ты не упоминала об этом. — Дискомфорт Анны из-за того, что она постоянно была на заднем плане, не улучшал ее уровень стресса.

— Внештатный сотрудник, да. Но я здесь не за какой-то сенсационной историей, Анна. Я здесь только ради правды.

— Правды? Я не понимаю.

— Я не уверена, что именно произошло в тот день, когда пропала Джони Хейз, Анна. Но я уверена, что за этим стояло нечто большее, чем мы с тобой знаем.

— Я не думаю, что это было так. Улики указывали на твоего отца, и я сожалею об этом... тебе нелегко знать, что он сделал, но другого объяснения случившемуся не было.

— Потому что полиция и жители Мейплдона прекратили поиски, Анна. Они предположили, что поймали своего парня, и, как ты говоришь, улики указывали на то, что это был он, поэтому они закрыли дело, не задавая больше вопросов. — Лиззи посмотрела Анне прямо в глаза. — Я здесь, чтобы начать поиски снова.

— Но почему именно сейчас? Почему не раньше, когда он сидел в тюрьме?

— Потому что я была одной из тех людей, которые все эти годы верили, что он это сделал. Предполагая, что он похитил Джони, а затем убил ее, выбросив тело. Потому что это та история, которой меня накормили.

— А теперь нет? Просто так? Что заставило тебя передумать? — Вопросы Анны сыпались сами собой, ее разум лихорадочно работал.

— В детстве, когда я переходила из одной приемной семьи в другую, мне рассказывали разные вещи о том, почему меня забрали из-под опеки отца. Сначала мне дали прямолинейную фразу: «После смерти твоей мамы он не смог справиться и пренебрег тобой». Однако по мере того, как я становилась старше, эта история развивалась; кое-что добавлялось. Мне говорили и другие, менее прямолинейные вещи, вещи, в которые я не хочу вдаваться прямо сейчас. Итак, на протяжении многих лет я строила картину того, каким, должно быть, было мое время с Билли, каким человеком он был... и каким монстром он,

должно быть, был, чтобы убить ребенка. Когда я ехала сюда, все, о чем я могла думать, это о том, как я собираюсь «упокоить Уильяма Коули». — Лиззи изобразила пальцами воздушные кавычки. — И до сегодняшнего дня это оставалось моим планом. Но я почувствовала что-то... странное... сегодня. Я бы сказала, что это было воспоминание, но оно не было осязаемым... это было чувство, что-то глубоко внутри, похороненное, а не реальное воспоминание. Чувство, знание того, что все было не так, как казалось. Что бы здесь ни произошло, мы не знаем всей истории. — Лиззи вгрызлась в свой обед. Казалось, она сказала все, что собиралась сказать на данный момент. Это было так, как если бы она произнесла свою речь и теперь хотела, чтобы Анна ее обдумала.

Они обе продолжали есть в тишине, мозг Анны лихорадочно работал. Лиззи вполне могла быть права — они не знали всего, что происходило тогда. Но она все еще верила, что Билли Коули несет ответственность за похищение Джони Хейз. В конце концов, она была свидетельницей этого — полиция взяла у нее показания, и это было ключевой уликой. Возможно, Лиззи этого не знала. Проглотив последний кусочек багета и запив его остатками чая, Анна наклонилась вперед над столом, положив грудь на сложенные руки.

— Ты ведь знаешь, что я это видела, не так ли? — рискнула спросить она.

— Что именно видела?

— Джони Хейз садится в грузовик Билли. Он выезжает из деревни.

Лиззи прищурила глаза.

— Значит, это ты та самая. — Лиззи пошевелилась, отодвигая свое тело назад, подальше от Анны.

Анна нахмурилась.

— Та самая?

— Ты была ребенком Б. Главный свидетель. Единственный свидетель, — сказала Лиззи холодным, монотонным голосом. Дрожь пробежала по спине Анны, несмотря на палящее летнее солнце.

— Ну, да. Я предполагала, что ты знаешь.

— Нет. Тебя не опознали; откуда мне знать? — Слова Лиззи прозвучали резко и отрывисто.

Весь тон, атмосфера их обеда изменились, и Анна теперь чувствовала себя еще более неловко. Она хотела отвлечь внимание от себя.

— Полагаю, ты не знала. Хотя ты журналист, и, кажется, достаточно легко выяснила, где жила моя мать, так что, без сомнения, твои контакты могли узнать эту информацию?

Лиззи нахмурилась еще сильнее, но ее зрительный контакт не дрогнул.

— Честная игра.

Она не стала юлить. Пытаясь удержать напряженный зрительный контакт Лиззи, Анна задала животрепещущий вопрос.

— Итак, кто сообщил тебе адрес?

— Никто, — без колебаний ответила Лиззи.

Пульс Анны участился.

— Тогда как...

— Я уже бывала там раньше.

— Ты сказала, что ничего не помнишь о Мейплдоне, только школу, когда ты ее увидела. С какой стати тебе вспоминать, где находится мой дом? Я никогда не дружила с тобой. — Возможно, тогда Мюриэл была права. Это Лиззи прибила голову куклы к двери.

— Нет. Верно. Не помнила. Но встреча с твоей матерью что-то пробудила, и я просто знала, куда идти.

— Ты помнишь, когда и зачем ты приходила ко мне домой?

— Твоя мама и кто-то еще, я думаю, отвезли меня туда. Но нет, я не помню точно, когда именно. Я, конечно, не знаю почему.

— Кто был тот другой человек?

— Послушай, Анна. Я действительно не помню. Я думаю, что лучше всего спросит Мюриэл, не так ли?

Да. И, кроме того, она собиралась спросить еще кое о чем. Чем занималась ее мать? И почему она никогда не говорила Анне о том, что Лиззи была в их доме?

Глава 47

2019

Лиззи

На мобильном Лиззи высветились два пропущенных звонка. Оба были, когда она обедала с Анной Фишер, чья фамилия, как она узнала, теперь Денвер. Одно было от Дома другое — от Роба. Оба оставили голосовые сообщения. Она подключила свой мобильный к сети для зарядки; она послушает их позже. А пока она хотела выйти в Интернет и еще немного почитать о деле Коули. Чем больше она общалась с жителями Мейплдона, тем больше понимала, что здесь есть секреты, которые нужно раскрыть. И она хотела быть той, кто это сделает. Лиззи открыла свой ноутбук и, успокаиваясь видом полей, начала составлять несколько новых файлов, помечая их:

МЮРИЭЛ ФИШЕР

АННАБЕЛЛА ФИШЕР — «Ребенок Б», она же АННА ДЕНВЕР

НЕЛЛ ЭНДРЮС

РОБЕРТ ЭНДРЮС

ПРЕПОДОБНЫЙ ФАРНЛИ

ТИНА ХЕЙЗ

ДЖОНИ ХЕЙЗ

УИЛЬЯМ КОУЛИ

Она ввела все, что знала на данный момент о каждом человеке.

Анна была интересной девушкой. У Лиззи сложилось отчетливое впечатление, что Анна ей не доверяет, и в настоящее время это чувство было взаимным. Она выглядела удивленной, когда Лиззи упомянула, что была в доме Мюриэл раньше... это выглядело искренне. Но она заметила перемену в поведении Анны: внезапно напряглась, сразу же перешла к обороне. Защищала свою мать? Или себя саму? Лиззи была в равной степени шокирована, узнав, что Анна была ребенком Б. Это та информация, на которой она сейчас сосредоточится. Лиззи нужно было побольше узнать о том, что Анна помнила о том дне. Затем она попытается выудить информацию у Роба и перейдет к остальным. Сделает перекрестные ссылки на все это. Ей также нужно было выяснить, кто были другие ключевые люди, и, конечно, узнать о супругах и любых других детях, которые у них были. Это будет огромная задача, но Лиззи чувствовала, что в конце концов она того стоит.

Если она получит ответы, которые искала.

Но что, если она ошибалась? Если она провела все эти раскопки и пришла только к тому же выводу, к которому пришли тогда полиция и жители Мейплдона? Она не только потратила бы часы своей жизни на этого мужчину — снова — у нее также не осталось бы

сомнений в том, что она унаследовала гены детоубийцы. Но, с другой стороны, она все равно пришла сюда, предполагая, что это так. Итак, повредило бы это ей еще больше, если бы это было правильно? Если бы она не занялась этим и ушла сейчас, она бы вечно задавалась вопросом. И это был результат, противоположный тому, ради которого она сюда пришла. Нет. Так или иначе, она покинет Мейплдон с правдой.

Лиззи вышла из своей комнаты и позвонила в звонок на стойке регистрации. Несколько мгновений спустя Гвен появилась из боковой двери, которая, как предположила Лиззи, вела в ее личную часть отеля типа «постель и завтрак».

— Гвен, привет.

— Привет, моя прелесть, все в порядке?

— Да, спасибо. На самом деле, я бы хотела продлить свое пребывание, пожалуйста. Если это возможно.

Гвен нырнула за стол и открыла грессбук.

— На какой срок?

— Я точно не уверена. Не думаю, что мы могли бы сделать это как бессрочное пребывание...?

— О, эм... В начале августа будет немного оживленнее... как правило, это мое самое загруженное время. Но, глядя сюда, твой номер снова забронирован только до конца июля. После этого освободится еще одна комната, если будешь рада переехать?

— Прекрасно, спасибо. — Лиззи еще не видела других гостей и удивлялась, почему июль был тихим. Особенно учитывая погоду. Однако это было очень по-сельски, и не всем это нравилось. Как Гвен заставила это место быть прибыльным? Может быть, у нее был другой доход.

— Великолепно. Я загружу все это на компьютер, и тогда мы будем делать это раз в неделю. Тебе будет дешевле забронировать номер на неделю, чем на ночь, — сказала она, улыбаясь.

— Это очень любезно с твоей стороны, — сказала Лиззи, затем добавила: — О, Гвен?

— Да, Лиззи.

— Я подумала, не могла бы я... поковыряться в твоих мозгах, так сказать, попозже?

Ее улыбка дрогнула, и она выглядела неуверенной.

— Я очень хочу узнать все, что смогу, об истории Мейплдона, пока я здесь.

— О, я не совсем уверена, что буду полезна, милая. Я здесь всего шесть лет.

— Ты, должно быть, знаешь больше меня, — сказала Лиззи. Она постаралась улыбнуться своей самой широкой улыбкой. — И я уверена, что ты определенно могла бы просветить меня о деревенских жителях, которые сейчас живут в Мейплдоне.

Глава 48

1989

Мейплдон Парк

Среда, 21 июня — за 4 недели до

Лучи солнца пробивались сквозь высокие, покрытые листвой деревья, как осколки стекла. Тина смотрела, как мерцающие огни отбрасывают узоры на ее платье. Она уже двадцать минут сидела под большим дубом, чьи узловатые корни неприятно впивались ей в зад, и терпеливо ждала Пэта. Она знала, что он появится, даже если уже прошло условленное время. Должно быть, он просто замешан в каком-то полицейском деле. Она часто задавалась вопросом, почему он околачивался в районе Мейплдона. Перед ним была многообещающая

карьеру. Одно время он был увлечен и амбициозен, и его выбрали для ускоренного продвижения по службе, но потом ничего не вышло. Он просто оставался местным. Он никогда не говорил о том, почему. Хотя у Тины были свои подозрения.

Услышав тяжелые шаги, Тина вскочила и обеими руками отряхнула платье, прежде чем выпрямиться.

— Доброе утро, Тина. Выглядишь мило и по-летнему. — Его улыбка вызвала улыбку и на губах Тины. Он не был тем, кого она считала красивым, но его улыбка всегда излучала тепло, и это было заразительно. И тот факт, что он всегда делал ей комплименты, заставлял ее чувствовать себя хорошо. Марк редко говорил ей, что она выглядит прелестно или даже просто мило. Это придавало ей сил, когда Пэт смотрел на нее так. Она всегда знала, что нравится ему, даже когда они были подростками, это было очевидно. Но тогда ей нравились плохие парни, острые ощущения, которые они могли предложить. Пэт был... уютным. Он был тихим и добрым. И в итоге он остался с такой же тихой и доброй Зои.

Только сейчас до Тины дошло, что она допустила ошибку в суждении, выбрав Марка. Конечно, сейчас она не сделала бы ничего, что могло бы поставить под угрозу брак Пэта и Зои, но она могла бы использовать его чувства к ней, чтобы получить некоторую информацию... и на это тоже рассчитывали остальные. Хотя он действовал строго по правилам, если бы Тина попросила его разобраться с чем-то — с кем-то — для нее, она была уверена, что он бы это сделал. На благо Мейплдона.

— Спасибо, Пэт, ты очень добр, — сказала она, посмотрев на себя, потом снова на него. Она ответила широкой улыбкой.

— У нас пикник? — спросил он, обводя взглядом пустую часть парка, в котором Тина попросила его встретиться.

— Ах, я должна была принести тебе что-нибудь. По крайней мере, пончик. Извини.

— Все равно слежу за своей талией, — сказал он, обеими руками покачивая живот. Тина отметила, что он немного прибавил в весе. Но она воздержалась от слов.

— По-моему, ты хорошо выглядишь, Пэт, — сказала она вместо этого.

— Ладно, значит, я у тебя один в почти заброшенном парке. Если у нас не пикник и у нас не роман, — он подмигнул ей, — тогда зачем ты меня сюда позвала?

Тина вздохнула.

— Вообще-то я волнуюсь, Пэт. Об одном человеке в Мейплдоне.

— О, позволь мне остановить тебя на этом, Тина. — Он поднял ладони вверх. — Я не собираюсь рыскать вокруг да около, создавая проблемы для кого-то, кого нужно просто оставить в покое, чтобы он мог жить своей жизнью. — Он повернулся и пошел прочь от нее.

Черт. Тина не ожидала, что он уже знает, кого она имеет в виду, не говоря уже о том, чтобы уйти, даже не выслушав ее.

— Подожди, Пэт. Пожалуйста, подожди! — Она побежала за ним, схватив его за руку. — Это не какая-то прихоть и не охота на ведьм... я знаю, как деревенские мужчины называют нас за нашими спинами, ты знаешь. Это ради безопасности наших детей. Для Джони, ее друзей. Твоей Дейзи. Разве ты не хочешь, чтобы они были в безопасности в своей собственной деревне — той, в которой мы счастливо выросли, не заботясь ни о чем в мире? Это все, чего я тоже хочу для них.

Пэт глубоко вздохнул.

— Он только что потерял свою жену, Тина. Да, он немного... странный. Но это не его вина, что дети тянутся к нему и играют в эти ужасные игры «Тук-тук» на его территории. Не

похоже, что это он ищет неприятностей, не так ли? Он в своем собственном бунгало, занимается своими делами. Я думаю, что именно родители этих непослушных детей должны учить своих отпрысков хорошим манерам и уважению. Не так ли? — Лицо Пэта было свекольно-красным.

Конечно, у него была справедливая точка зрения. Но дети есть дети. Они не видели вреда, не могли предвидеть никакой опасности в том, что они делали. Разве они также не играли в эти игры, когда росли?

— Да ладно, Пэт. Мы не настолько стары, чтобы не помнить, в какое дерьмо вляпались. То, что они делают, довольно безобидно...

— Вообще-то, это нарушение границ, Тина.

— Ладно, я понимаю, к чему ты клонишь. И я обязательно расскажу об этом на собрании в Мейплдоне на следующей неделе, хотя мне и не хочется идти... они становятся такими утомительными. Но, в то же время, пожалуйста, не мог бы ты просто выполнить быстрый поиск, посмотреть, не появится ли что-нибудь. Он прожил здесь недостаточно долго, чтобы мы могли его узнать, и тот факт, что он был чужаком, заставляет всех чувствовать себя неловко, когда речь заходит о том, чтобы позволить нашим детям свободно разгуливать. Особенно учитывая, какая у него дочь. Что-то не совсем... ну, правильное. Ты понимаешь их... мое беспокойство, не так ли?

— Я знаю, конечно, знаю. — Его голос смягчился. Тина знала, что теперь он у нее в руках.

— Ты хороший человек, Пэт. Я рада, что ты у нас есть. Я действительно благодарна за все, что ты можешь сделать... я знаю, что это не то, что тебе удобно делать, но если у тебя есть подозрения, тебе нужно действовать в соответствии с ними. Насколько плохо бы ты себя чувствовал, если бы что-то случилось с одним из наших детей?

Тина почувствовала укол вины. Она стелила немного толстовато. Но сработало. Пэт придвинулся к ней поближе и поцеловал в щеку.

— Я проведу несколько предварительных поисков. И если ты сможешь предоставить мне фактические доказательства твоих подозрений о том, что его маленькой девочке... причинили вред или надругались, тогда, очевидно, я немедленно сообщу об этом и сделаю все по правильным каналам. — Он снова повернулся, чтобы уйти, затем добавил: — Но когда я говорю, что если ты можешь предоставить мне доказательства, я не имею в виду, что вы все должны играть в кровавых детективов и искать их. Я имею в виду, если ты столкнешься с этим, если Элиза расскажет что-то в школе, что-то в этом роде. Скажи мне. Не смей вынюхивать и ставить меня в неловкое положение. Обещаешь?

Тина уловила обеспокоенный тон в голосе Пэта. Он знал, что сказал что-то не то о том, чтобы передать ему улики. Он, казалось, боялся, вероятно, совершенно справедливо, что женщины Мейплдона могут воспринять это как зеленый свет на то, чтобы заняться собственными раскопками.

Глава 49

Анна

2019

Понедельник, 15 июля — вечер

Откровения, напряженные разговоры и чувство неловкости — все это сказалось на Анне, и теперь, откинувшись на старый, провисший диван матери, она чувствовала себя совершенно опустошенной. Онемевшей. И все же ее разум не успокаивался, не расслаблялся.

Громкие, раздражающие мысли и вопросы захлестнули ее усталый мозг. Она не заснет, если хотя бы не попытается избавиться от нескольких из них. Выяснит некоторые из ее вопросов, может быть, даже получит на них ответы.

Странно, но мать не расспрашивала ее, когда она вернулась с ланча с Лиззи. Она полностью ожидала, что ей дадут третью степень, но вместо этого ее встретили с безразличием; Мюриэл даже не задала того, что Анна приняла за животрепещущий вопрос: это Лиззи оставила голову и руку куклы? Анна тоже почти ничего не говорила... если бы ее мать хотела знать, она бы спросила. Возможно, для нее это тоже было слишком. День, наполненный неожиданными поворотами. Вероятно, она слишком устала, чтобы обращать на это внимание.

Анна воспользовалась случаем, чтобы позвонить Кэрри. Она была рада поделиться тем, чем занималась — Джеймс, как и обещал, повел ее в кино, а затем на рыбу с жареной картошкой, которую они ели на берегу моря, охраняя еду ценой своей жизни, пока налетали чайки. Было приятно слышать ее жизнерадостную болтовню, но это также вызывало глубокую боль в животе Анны. Она должна быть единственной, кто проводит время со своей дочерью, наслаждаясь школьными каникулами. Она не должна была бегать по сельской местности в погоне за дикими гусями с Мюриэл и дочерью детоубийцы — убийцы ее подруги детства.

Почему-то это казалось неправильным. Но Кэрри заверила ее, что у них еще будет много времени, еще пять блаженных недель без школы. Анна повторила: «Много времени». Будет ли у них еще много времени, чтобы проводить его вместе? Она предположила, что прошло всего четыре дня, но, похоже, конца этому еще не видно. Это вполне может занять еще четыре дня. Даже больше, прежде чем Анна почувствует, что можно безопасно покинуть Мейплдон. Предоставить Мюриэл самой себе. Или отвезти ее домой в Бристоль... по крайней мере, временно. Она начинала понимать, что это может быть единственным выходом. Если только ей не удастся разговорить Мюриэл. Копать глубже, узнать настоящую историю Билли Коули и его похищения Джони Хейз.

— Хочешь «Хорликс», мам? — сказала Анна, устраиваясь поудобнее на диване. Глаза Мюриэл казались остекленевшими, как будто она спала с открытыми.

— Прости, что? — Она несколько раз моргнула и повернулась к Анне.

— Ты что, отключилась? — Анна нервно рассмеялась. Отсутствующий взгляд немного нервировал ее.

— Да. Да, я просто была глубоко погружена в свои мысли. Извини. Итак, что ты сказала, дорогая? — Ее голос стал легким и жизнерадостным.

— Я собиралась приготовить «Хорликс», хочешь?

— О, у меня есть что-то? Я не думаю...

— Я купила кое-что, когда ходила в магазин в субботу. Вспомнила, что это было твое любимое блюдо.

— Прелестно. Да. А потом, может быть, мы сможем поговорить по душам?

Пульс Анны участился. Мюриэл предлагает поговорить по душам? Что будет дальше?

Они обе осторожно потягивали из своих кружек, сидя друг против друга за обеденным столом, Анна сидела в том, что раньше было креслом ее отца. Прошло много времени с тех пор, как он покинул его, но оно все еще принадлежало ему. Забавно, как некоторые вещи просто были; течение времени не изменило всего — несмотря на то, что его не было дольше, чем он присутствовал, некоторые вещи застряли. Это было почти так, как если бы он умер, а

не ушел по собственной воле.

— Как Кэрри? Я так давно ее не видела. Я скучаю по ней.

— Она в порядке, спасибо. Ты должна навестить нас во время этих каникул. Может быть, когда с этим разберемся?

— Я бы с удовольствием. Я могла бы вернуться с тобой завтра и остаться на несколько недель. — Мюриэл говорила так быстро и с энтузиазмом, что Анна подумала, что у нее забавный оборот.

Анна медленно кивнула.

— Это было бы здорово. Но я не думаю, что есть большая спешка. Разве ты не хочешь знать, кто это с тобой делает, мама? Убедиться, что это прекратится?

— Разве ты не хочешь убедиться, что я в безопасности? Ты была единственной, кто был обеспокоен тем, что эти ужасные... эти... мерзости были угрозами. А теперь ты снова ведешь себя так, будто беспокоиться не о чем. Почему ты сменила мелодию?

— Знаю. Я понимаю, что перескакиваю с одного на другое. Если быть до конца честной, я ничего из этого не понимаю. Сегодняшний разговор с Лиззи еще больше сбил меня с толку.

— Что за чушь она несла?

— Мама! Почему тебе не нравится Лиззи? Ей было всего восемь, когда все это случилось с ее отцом. Вряд ли это ее вина, не так ли?

— Нет. И я не испытываю неприязни к этой девушке. Я просто не доверяю ей. Она была так травмирована, Анна. Ты мало что вспомнишь, кроме расчлененных кукол, то есть. Все дело было в том, как она выглядела, как вела себя. Он причинил ей вред. Недостаточно было потерять свою мать из-за рака, еще больше боли пришло к ней через него. И это имело ужасные последствия. Ну, не один...

— О? Что вы имеете в виду?

— Ничего. Как я уже сказала, ей причинили вред. До такой степени, я думаю, это повлияло на нее. Сделало ее капризной, противной и непредсказуемой.

— Разве ей не помогали профессиональные психиатры или что-то в этом роде? Бедная девочка.

— Я пыталась ей помочь. Я сделала все, что могла. — Внимание Мюриэл снова переключилось, она казалась потерянной в другом месте, ее глаза были широко раскрыты и не мигали. Мысли Анны вернулись к предыдущему комментарию Лиззи о том, что ее забрали в дом Мюриэл до того, как ее забрали из-под опеки отца.

— Что ты сделала, мама?

Мюриэл не ответила.

— Мама? — Анна встала и легонько встряхнула ее. — Мюриэл, — сказала она.

— На сегодня хватит, Анна, — наконец сказала Мюриэл. Она встала со стула, поставила пустую кружку в раковину, наполнила ее водой, затем прошла мимо Анны и направилась к лестнице.

— Тогда я запру дверь, — крикнула ей Анна вслед.

Какой странный обмен мнениями. Анна встала, заперла заднюю, а затем и переднюю двери. Ее мама была той, кто предложил поговорить по душам, но почти сразу же закрылась. Когда Анна выключила свет на первом этаже и собиралась подняться по лестнице, ей в голову пришла одна мысль.

Письма в ящике стола. Она начисто забыла о них. Они могут быть совсем не важны,

может быть, просто письма от друга. Но мысль о том, что они могут быть от ее отца, Эрика, заинтриговала ее. Мюриэл никогда не говорила о нем, а Анна сама не пыталась с ним связаться. Но если бы были письма, она, возможно, узнала бы больше о том, что происходило во время исчезновения Джони.

Отступив, Анна снова включила свет в коридоре, прошла в гостиную и подошла к комоду. Она выдвинула верхний ящик. Писем там не было. Она порылась глубже, затем попробовала другие ящики. Ни одного.

Мюриэл переложила их. Должно быть, она видела, как Анна держала в руках то которое нашла в субботу утром. Это были письма, которые она явно не хотела, чтобы Анна читала.

Глава 50

Лиззи

2019

Вторник, 16 июля — 1.15 утра

Было уже за полночь, когда Лиззи закончила разговор с Гвен, и она сразу же пошла в свою комнату и открыла свой ноутбук, нажав на значок файлов. В 1.15 ночи Лиззи натянула джемпер, схватила телефон, затем сунула ключ от номера в карман джинсов. Она вышла через главную дверь отеля типа «постель и завтрак» «Булли Бартон», задним ходом вывела машину с места во дворе и поехала по извилистой дорожке в сторону Мейплдона. Она была на взводе, ее разум был слишком занят, чтобы спать. Гвен оказалась более полезной, чем она предполагала, и Лиззи смогла добавить к своим заметкам; дополнительная информация, которую она собрала, кое-что изменила.

Лиззи припарковалась прямо у церковных ворот. Никому не понадобится доступ в это время ночи. Она вышла из машины и, быстро проверив время на своем мобильном телефоне — 1.24 ночи — включила приложение «torch». Ее сердцебиение удвоилось, по крайней мере, так оно ощущалось, разбиваясь о ребра, как волны о скалы. У нее было чувство — почти предчувствие — что именно здесь она должна быть. Со своей матерью, Рози. Даже с приложением «torch» на кладбище было жутко темно. Если бы она была из тех, кто верит в привидения, она бы сейчас повернула назад и направилась в безопасное место в машине. Но единственные призраки, в которых она верила, были те, что были у нее в голове — ее память или ее воображение. Она споткнулась на неровной земле, но сумела выпрямиться. Она сделала это медленнее. По крайней мере, она знала, где найти могилу Рози; это немного облегчало прогулку по земле.

Что-то ударило ее по голени.

— Ой! — Она наклонилась, чтобы потереть болезненную шишку, которая уже появилась. Она наткнулась на небольшое надгробие, она не остановилась, чтобы прочитать надпись. Вероятно, это был ребенок. Когда она посветила туда телефоном, где стояла, луч уловил движение.

— Эй? — Ее голос дрогнул. Она даже не собиралась окликать его.

Послышался шорох, затем она услышала дыхание.

Она застыла. Дерьмо. Какого черта ты пришла сюда одна?

Она заставила себя дышать медленнее. Паническая атака в этой ситуации не помогла бы. Звуки движения прекратились. Она больше не слышала дыхания. Слышала ли она свое собственное испуганное дыхание? Лиззи осторожно двинулась вперед, ее глаза были сосредоточены на местности перед ней. Она рисковала задеть еще одно надгробие, но не

хотела отвлекать свое внимание от того места, где, как ей показалось, она что-то видела. Или кого-то еще. Если бы это оказался церковный кот, она бы чувствовала себя такой глупой.

Вот оно снова. На этот раз движение было медленнее, как будто они пытались избежать обнаружения.

— Я вижу тебя. Я знаю, что ты там. Нет смысла пытаться спрятаться, — сказала Лиззи, и теперь ее голос звучал храбрее: увереннее и сильнее.

То, что сначала казалось темным сгустком тени, удлинилось и расплылось — стало твердым. У Лиззи пересохло во рту, пульс стучал в ушах, заглушая все остальные звуки.

— Я думаю, мы здесь по той же причине, — сказала она, теперь уже быстрее направляясь к фигуре. Рука Лиззи дрожала, свет от ее телефона дико колебался, но она держала руку вытянутой.

— Что заставляет тебя так говорить? — Глубокий голос нарушил тишину, прорвался сквозь темноту. Лиззи подавила вскрик удивления, зажав рот другой рукой, чтобы не дать ему вырваться наружу.

— Билли? — прошептала она.

Мужчина резко повернулся и помчался прочь, прочь от Лиззи, прочь от могилы Розы.

— Не убегай, пожалуйста. Я хочу поговорить с тобой.

Адреналин струился по ее венам, и она говорила неправильные вещи. Отпугивая его. Но, может быть, это и к лучшему. Была ли она действительно готова или способна встретиться лицом к лицу с человеком, который разрушил ее жизнь и жизни стольких других людей?

Успокойся, черт возьми, Лиззи.

Она крепко зажмурилась и сделала несколько успокаивающих вдохов. Он исчез, но, не раздумывая, она крикнула ему вслед:

— Папа! Это Элиза. Твоя Элиза. Я просто хочу увидеть тебя.

Тишину нарушало лишь странное стрекотание сверчков, но больше ничего. Должно быть, он вышел через другие ворота. Ее плечи поникли. Она не была уверена, почему, но почувствовала разочарование. Она упустила возможность встретиться с ним лицом к лицу. Но она была права... он вернулся в Мейплдон. Даже если только глубокой ночью, чтобы навестить могилу ее матери. Может быть, он вернется завтра вечером. Но теперь, когда о нем заговорили, он, возможно, вообще не рискнет возвращаться.

Лиззи присела на корточки перед надгробием Розы, положив одну руку на холодный гранит.

— Хотела бы я помнить тебя, мама, — прошептала она.

Лиззи почувствовала тяжесть руки на своем плече и повалилась набок, ее ноги с трудом удерживались на земле.

— Черт возьми! — крикнула она.

— Прости, прости. Я не хотел напугать, — сказал мужчина, подняв руки перед собой и растопырив пальцы, показывая, что он пришел с миром.

— Ну, ты это сделал. Я думала, ты ушел.

— Я хотел, но услышал, что ты сказала, и это заставило меня вернуться. — Он держал между ними удобную дистанцию, и Лиззи почувствовала, что немного расслабилась.

— У меня было предчувствие, что ты будешь здесь.

— Итак, ты Элиза, не так ли?

Лиззи заметила его слабую улыбку в свете фонарика своего телефона.

— Да. Прошло много времени, папа.

Слезы заблестели в его глазах, и Лиззи на мгновение растерялась, она не знала, что сказать, как быть. Ей рассказали много информации из вторых рук о мужчине, которого она не помнила: о мужчине, стоящем сейчас перед ней. Ужасные вещи, тревожные вещи. Она чувствовала себя неуверенно, настороженно. Но она не чувствовала того, что, по ее мнению, должна была чувствовать — ни страха, ни отвращения. Этот момент был не таким, как она ожидала. Он оказался не таким, как она ожидала. Она знала, что было темно, но он казался моложе, чем она себе представляла. Он был седым, с отросшей щетиной, которая наводила на мысль, что он не брился несколько дней, вероятно, с момента освобождения, но он не был старым, если учесть, что он провел в тюрьме тридцать лет. Несмотря на все то, что она хотела сказать, столько раз репетировала в уме, теперь, столкнувшись с Уильямом Коули, она не находила слов.

— Я знаю, ты будешь помнить плохие вещи. Я подозреваю, что ты ненавидишь меня или, по крайней мере, выросла с ненавистью в своем сердце. Но ты здесь не просто так. Что заставило тебя искать меня после всего этого времени?

— Наверное, я хочу знать правду. Прямо из уст.

— Ты могла бы получить ее, если бы навестила меня в тюрьме. Ты могла бы узнать правду много лет назад.

— Да, но тогда я не знала. Я думала, что уже знаю правду, а это означало, что не было никакого смысла встречаться с тобой. Я не хотела подвергать себя этому испытанию. Да, я ненавидела тебя. Ты разрушил мою жизнь. Ты отнял у меня детство. С чего бы мне вообще рассматривать возможность посещения детоубийцы?

Билли нахмурился и издал глубокий, хрюкающий звук, как раненое животное. Лиззи заметила, что его кулаки были сжаты по бокам. Возможно, она неправильно оценила эту ситуацию. Поставила себя на прямую линию огня.

— Что изменилось?

— Я пришла сюда. И с тех пор, как я переступила порог этой деревни, я стала смотреть на вещи по-другому.

Он кивнул, на его губах заиграла улыбка.

Была ли она наивна?

— Если тебе нужна правда, это займет некоторое время. Это не короткая история. Я предлагаю сделать это днем, где-нибудь на нейтральной территории. Мне нельзя здесь появляться.

— Ладно. Давай договоримся встретиться сегодня днем. Где ты живешь?

— У меня есть фургон. Это на фермерской земле на окраине Бови-Трейси. Достаточно близко, чтобы тайно посетить могилу Розы, но достаточно далеко, чтобы не выходить за рамки моих ограничений.

Лиззи не понравилось, как это прозвучало. Слишком далеко, чтобы быть наедине с Билли Коули. Хотя у нее было непреодолимое чувство, что в случившемся было нечто большее, чем когда-либо рассказывалось, она также верила, что дыма без огня не бывает. Возможно, он и не несет ответственности за убийство Джони Хейс, но он все еще может быть ответственен за жестокое обращение, которому, как ей сказали, она подверглась в детстве. Она не могла слишком доверять ему.

— Я остановилась в отеле типа «постель и завтрак» Булли Бартон. Это небольшой

путь...

— Да, я знаю об этом. — Ему потребовалось время, чтобы обдумать это, затем он согласился встретиться на следующий день после того, как он доложит об этом своему сотруднику службы пробации. Лиззи смотрела, как он уходит, затем пошла в противоположную сторону, быстро села в свою машину и уехала.

Она встретила своего отца. После тридцати лет. На данный момент Лиззи не совсем понимала, как к этому относиться. И ноющее чувство, терзавшее ее изнутри, говорило ей, что она, возможно, совершила огромную ошибку, снова впустив его в свою жизнь.

Глава 51

1989

Магазин «Брук Коттедж»

Вторник, 20 июня — за 29 дней до

— Можно мне пойти поиграть с Элизой?

— Роберт Эндрюс, что я тебе говорила о том, чтобы приходить в магазин, когда мама работает?

— Папы еще нет дома, — сказал он, как будто это должно было ответить на вопрос.

— Подожди секунду, пожалуйста. Подожди, пока я не закончу обслуживать миссис Фишер.

Роберт сделал, как его попросили, отойдя от прилавка. Он прижался спиной к газетному киоску, чтобы не мешать, и замер, стараясь расслышать, что миссис Фишер шепчет его маме. Он услышал «не очень хорошая идея», но это было все. Взрослые были странными. Он посмотрел на полку с конфетами-пенни напротив и решил, что, пока будет ждать, возьмет что-нибудь для себя и Элизы, чтобы поделиться. Он выбрал несколько летающих тарелок с шербетом и положил их в белый бумажный пакет. Затем добавил несколько бутылок газированной колы, его абсолютного фаворита, и немного яичницы. Он уже собирался взять губную помаду для Элизы, когда мать окликнула его. Он быстро засунул ее внутрь, спрятал пакет за спину и вернулся к прилавку.

— Прости, дорогой, — сказала мать, глядя на него, склонив голову набок. Роберт знал, что это будет «нет».

— Почему бы и нет? — Его голос прозвучал как девчачье хныканье. Он уставился в пол.

— Просто в данный момент это не очень хорошая идея. Ты же знаешь, что она не так давно потеряла свою маму...

— Я знаю. У нас было собрание по этому поводу. — Роберт посмотрел на Нелл с задумчивым выражением лица. — Вот почему это хорошая идея, мам. Это может быть «очень одинокое время»... важно, чтобы у нее были друзья, которые могли бы ей помочь. — Роберт пристально наблюдал за лицом матери. Слезы ярко блестели в ее глазах, но они не пролились.

— Роберт, ты такой добрый маленький мальчик. Я так горжусь тобой. Но сейчас я бы хотела, чтобы ты немного подождал. Пока все немного не уляжется для Элизы и ее отца. Думаю, им нужно время, чтобы исцелиться. Понимаешь?

— Не совсем. И это печально, потому что у нее нет друзей. Если бы ты умерла, я бы хотел, чтобы кто-нибудь был добр ко мне.

Миссис Фишер, которая все это время стояла там, внезапно вмешалась.

— Роберт, тебе нужно прислушаться к взрослым. Мы знаем больше, чем вы.

Роберт скривил губы — он не хотел этого, просто так получилось. Он сомневался, что

они знали больше. Почему взрослые думают, что они все знают? Однако он проиграл эту битву, что было очевидно.

— Ладно, — сказал он угрюмо. — Тогда я вернусь в дом. — Сунув руку с пакетом конфет в карман брюк, он отступил. Иногда ему разрешали брать что-нибудь из магазина, как на прошлой неделе, когда его мама сказала ему взять две порции лапши для себя и Ника на перекус после школы. Но у него должно было быть разрешение. Он не мог просить об этом сейчас, она видела бы его насквозь и знала, что он берет сладости для Элизы. Роберт уже принял решение, что он все равно поедет. Его мама будет работать в магазине еще как минимум два часа, а его отец должен был вернуться с работы на местной пивоварне не раньше семи. У него было достаточно времени, чтобы улизнуть, повидаться с Элизой и вернуться, прежде чем кто-нибудь узнает, что он ушел.

Его сердце так сильно билось, когда он крался к задней двери. Он старался не попадаться на глаза взрослым, особенно тем, кто направлялся в магазин, он не хотел, чтобы они его застукали. Он убедился, что дал достаточно времени миссис Фишер, чтобы пройти по дороге, она была такой любопытной и надоедливой, она определенно настучала бы на него, если бы увидела, как он уходит.

Дом Элизы находился недалеко от магазина; ему не потребуется много времени, чтобы добраться до него. Он был там только с некоторыми детьми постарше, когда они постучали в дверь Жуткого Коули и убежали. Роберту стало страшно, когда в конце тупика показалось бунгало. Он знал, что люди говорили об отце Элизы, но не был уверен, что это правда. Тем не менее, его живот скрутило и забурлило, когда он приблизился. Красный грузовик Жуткого Коули стоял на посыпанной гравием подъездной дорожке. Он действительно надеялся, что Элиза играет на улице. Тогда ему не пришлось бы стучать в дверь и спрашивать о ней.

Роберт замешкался у передней стены; его рукам в карманах было жарко, бумажный пакет со сладостями казался теплым и липким. Элизы в саду не было. Он стоял, не в силах идти вперед, но и уйти тоже не в силах. Он зашел так далеко; ему нужно было набраться храбрости, чтобы постучать. Хотел бы он знать, какое окно находилось в спальне Элизы. Он просто постучал бы в него, и она, вероятно, вышла бы наружу.

Он услышал, как в его голове повторилось слово «трусиска».

Ну же. Сделай это.

Его рука была поднята в нескольких дюймах от двери, прежде чем он понял, что даже прошел по дорожке. На мгновение его охватила настоящая паника, когда он постучал костяшками пальцев по стеклу. Что он здесь делал, на самом деле? Он даже никогда раньше не разговаривал с Элизой, большинство детей в школе дразнили ее, говорили, что она такая же странная, как и ее отец, и «одного сэндвича не хватает для пикника». И даже Роберт согласился, что так оно и было. Элиза была обязана сказать ему, чтобы он уходил сейчас, и если она этого не сделает, то это наверняка сделает ее отец. Он был таким глупым. Его мама и миссис Фишер были правы. Это была не очень хорошая идея — находиться здесь.

Ответа все равно не последовало, поэтому Роберт повернулся спиной, приготовившись бежать. Но что, если Жуткий Коули думал, что он играет в Тук-тук, Джинджер? Он бы преследовал его по улице. Роберт замешкался на ступеньке, не зная, что делать.

Остаться. Тебе почти десять лет, ты не ребенок.

Он постучал еще раз, затем крепко зажмурился. Его сердце готово было выпрыгнуть из груди в любую минуту. Ветерок пронесся по его лицу, и в то же время он услышал

свистящий звук. Входная дверь открылась так быстро, что он почувствовал движение воздуха. Он затаил дыхание, на всякий случай, и ждал, когда начнутся крики.

— Открой глаза, мальчик! — Гулкий голос раздался прямо перед ним. Глаза Роберта распахнулись. Боль в паху охватила его, и он держался за себя в надежде, что не описается.

— Чего ты хочешь? — спросил Жуткий Коули, хмурый взгляд, казалось, занимал все его лицо — складки за складками, делая его похожим на страшного старика. Неудивительно, что все дети его боялись. Вблизи он был еще хуже, чем представлял себе Роберт. Даже людоед. Роберт открыл рот, но из него вырвался только писк.

— Я... э — э... я...

— Выкладывай, парень! Если ты играешь в эту дурацкую игру, боюсь, ты не понял сути. Ты должен постучать, а потом убежать? — Он поднял обе брови, демонстрируя широко раскрытые темные глаза.

— Я не... Я в нее не играл.

— И что? Опять же, чего ты хочешь? У меня нет времени на весь день.

— Я хотел увидеть Элизу, — с трудом выдавил Роберт сквозь сдавленное горло.

— Для чего?

Роберт сунул руку в карман и достал смятый пакет, протягивая его Жуткому Коули.

— Я принес ей сладостей. — Его голос звучал слабо. Напугано. Он кашлянул и сделал глубокий вдох, прежде чем заговорить снова. — Мой учитель сказал, что приятно делать что-то для других людей, когда им грустно. — Он осмелился посмотреть мужчине в глаза и слегка улыбнулся.

— Верно. Я думаю. — Жуткий Коули медленно кивнул, и Роберту показалось, что он увидел намек на улыбку на тонких губах мужчины. — Тогда тебе лучше войти. — И он распахнул дверь пошире, чтобы Роберт мог войти внутрь.

Роберт проглотил свой страх и сделал шаг в коридор. Он не слышал голоса Элизы. Он действительно надеялся, что она дома.

Дверь за ним громко хлопнула.

Глава 52

Анна

2019

Вторник, 16 июля

Тот факт, что мать скрывала от нее письма, заставил Анну задуматься, что еще она скрывала. Что в них может быть? Конечно, Анна не должна быть посвящена в личную почту своей матери. И, может быть, все, что было — желание уединения. Не похоже, чтобы она хотела, чтобы Мюриэл тоже читала какие-то ее письма. Это не обязательно означало, что в них было что-то неподобающее только потому, что она их переложила.

Но у женщины было такое чувство, что именно поэтому ее мать достала их из ящика. Потому что она не хотела, чтобы Анна узнала что-то, чего ей не следовало. Или, по крайней мере, что-то такое, о чем Мюриэл не хотела, чтобы она знала. Любопытство, однако, заставило бы Анну продолжить их поиски. Она предположила, что Мюриэл теперь спрятала их в своей спальне. Одно из тех мест, куда Анна не стала бы ходить тайком. Или не могла, как знала бы ее мать, поскольку она не выходила из дома без Анны. Так что у Анны было бы мало шансов порыться в ее спальне. Кроме того, было бы неправильно злоупотреблять доверием матери.

Она жалела, что не доверяет Мюриэл.

По мнению Анны, слишком много придирок лежало в основе их отношений матери и дочери. Слишком много инцидентов, которые нельзя было замять, нарушений, которые нельзя было объяснить. После встречи с Лиззи и выслушивания того, что она хотела сказать, придирки Анны только усилились. Когда Лиззи сказала, что ее воспоминания о детстве в Мейплдоне были скудными, и единственное, что было ясно в ее голове, это то, что ее привела в этот дом Мюриэл и кто-то еще, когда она была ребенком, Анна почувствовала, что, возможно, она единственная, кто теперь может собрать кусочки головоломки воедино.

Но она могла сделать это только в том случае, если Мюриэл будет уступчивой, если она открыто поделится с ней фактами, связанными с похищением Джони Хейз и последующим убийством. И, может быть, с Лиззи. Они втроем могли бы вычислить, кто развешивал части кукол на двери Мюриэл, если бы работали вместе. И если бы это действительно оказался Билли Коули, его собственная дочь могла бы остановить его. Позволить Мюриэл жить в мире. Позволить Анне вернуться домой, одной, обратно к Кэрри и жизни, которую она создала вдали от Мейплдона — деревни проклятых. Анна громко рассмеялась над этим описанием. Но это был неловкий смех. За шутливым прозвищем она не могла отделаться от мысли, что это идеальная фраза.

Анна спустила ноги с кровати, сделала свою обычную растяжку, чтобы выровнять позвоночник, а затем направилась в душ. Она слышала какие-то движения из комнаты Мюриэл, когда та шла по лестничной площадке — выдвигались и закрывались ящики — очевидно, она выбирала одежду и одевалась. Или, может быть, она снова перемещала тайник с письмами. Женщине нужно было вывести мать из дома, чтобы хорошенько покопаться. Самое время заскочить в соседнюю дверь выпить кофе, подумала Анна. Она попробует убедить ее сделать это после завтрака.

Позволив горячей воде растереть ее тело, Анна почувствовала себя отдохнувшей и менее болезненной. Обернувшись полотенцем, она направилась обратно в спальню. Она встретила Мюриэл, идущую в другую сторону. Та все еще была в ночной рубашке.

— Не будешь сегодня одеваться, мам? — беспечно спросила она.

— О, я, возможно, скоро. Просто почувствую себя сегодня как в день отдыха. На самом деле я плохо спала.

Глаза Мюриэл — тусклые, с темными кругами под ними — подтверждали это.

— Оу. Думаю, этого следовало ожидать, учитывая обстоятельства. — Анна положила руку на плечо Мюриэл и слегка сжала его. Что она делала в своей спальне все то время, пока Анна была в душе, если она не одевалась? — Но, может быть, если ты примешь душ и оденешься, тебе станет лучше. Ты всегда мне это говорила, помнишь?

Мюриэл непонимающе посмотрела на нее.

— О, неужели? — Она нахмурилась. — Раньше я говорила такие глупости. Говорила тебе что угодно, если бы это означало, что ты вовремя собиралась в школу. — Она слабо рассмеялась.

— О, я понимаю... теперь все становится ясно, не так ли? — Анна одарила Мюриэл чересчур восторженной улыбкой, прежде чем добавить: — Какую еще ложь ты мне наговорила, а? — Она сказала это в шутку, хотя, очевидно, имела это в виду. Взглянув на лицо Мюриэл, Анна поняла, что та тоже восприняла ее комментарий всерьез.

— И что это должно означать? — Глаза Мюриэл, которые мгновение назад были тусклыми, внезапно распахнулись, зрачки расширились.

— Это была шутка.

Мюриэл протиснулась мимо и спустилась по лестнице, оставив Анну стоять на площадке с узлом в животе. Было ясно, что ее мать действительно солгала ей; это было единственным объяснением ее реакции. Она поспешно вытерлась, оделась и тоже спустилась вниз. Она хотела больше поговорить с Мюриэл, выяснить некоторые вещи, которые ее беспокоили.

Взгляд Анны был прикован к коврику у входной двери. Это было ясно. Никаких пакетов с кровью или чего-то подобного. Но было ли что-нибудь на внешней стороне входной двери? Ее рука зависла над замком, но она отдернула ее. Поиск чего-то сейчас отвлек бы ее от разговора, который ей нужно было провести с Мюриэл. Если бы к двери что-то было прибито, это все равно осталось бы там после завтрака, тогда она с этим разберется.

Ее мама сидела в кресле в гостиной, не отрывая глаз от экрана телевизора.

— Ты еще не решила, что будешь пить? — спросила Анна.

— Решила сначала посмотреть новости.

— Тогда я приготовлю поесть. Что ты хочешь на завтрак?

— Гости подойдут, — нетерпеливо сказала Мюриэл, не отрывая взгляда от телевизора.

— Что же тогда происходит в мире? — Анна гадала, что же было такого пленительного, что не давало Мюриэл отвести взгляд.

— На вересковых пустошах найдено тело девушки, — прямо сказала она.

— Что? Правда? Как ужасно. Недалеко отсюда?

— Да. Тише, дорогая. Я пытаюсь слушать. — Мюриэл нахмурилась, увеличивая громкость до тридцати шести.

Анна пробормотала извинения и вышла в центр комнаты, чтобы как следует рассмотреть экран. Репортаж был из Спичвика, района примерно в пяти милях от Мейплдона и части Дартмурского национального парка. Это всегда было популярным местом для семейного пикника и купания: большой, поросший травой берег тянулся вдоль излучины реки Дарт. Подростки также стекались в этот район летом, скалы дальше по реке притягивали их как магнит, они ныряли с них в воду, как лемминги. Было ли это тем, что произошло сейчас? Девушка погибла, нырнув в воду? Репортаж был почти закончен. Она упустила ключевые моменты.

Прежде чем Анна успела задать какие-либо вопросы, Мюриэл нажала кнопку выключения на пульте дистанционного управления и встала.

— Хорошо, пошли есть?

— О, ты закончила, не так ли? — Анна позволила сарказму просочиться наружу.

— Это было новое тело, — сказала она, прежде чем проскользнуть мимо Анны на кухню.

— Верно, и так... это значит?

— Это не Джони.

До нее дошло. Ее мать была так поглощена репортажем, потому что заголовок просто гласил: «Тело девочки найдено в Дартмуре». Мюриэл думала, что это может быть тело Джони Хейз, наконец найденное спустя тридцать лет. Анна почувствовала тянущее чувство в животе. Печаль? Надежда на то, что ее подруга детства может быть похоронена, ее семья, жители деревни Мейплдон, наконец-то избавились от своего бремени?

Или это тянущее ощущение было страхом?

Анна на мгновение закрыла глаза, почувствовав головокружение. Почему она должна бояться, что тело Джони найдут? Конечно, это могло быть только к лучшему.

Если только в глубине души она не знала, что есть причина бояться.

— Ты ожидала, что это будет она? — спросила Анна, включив чайник.

— Не совсем. Но упоминание о теле девушки и о том, что его нашли недалеко отсюда... должен же был быть шанс, не так ли?

— Как ты думаешь, тетя Тина увидела новости и подумала бы так же, как ты?

— Если бы она это увидела, да, она бы так сделала. Она готовилась к подобным новостям с тех пор, как ушла Джони.

— Она когда-нибудь верила, что Джони все еще жива?

— Сейчас я не могу вспомнить. Полагаю, что в начале она должна была. — Глаза Мюриэл затуманились. — Мы все так думали, — быстро добавила она. — Но с накоплением улик... надежда сменилась осознанием того, что она ушла навсегда.

— Тина, должно быть, презирает Билли Коули. Не только за то, что забрал Джони, но и за то, что так и не раскрыл, где находится ее тело. Это так жестоко.

— Она действительно ожесточилась, как ты знаешь. Хотя не уверена в том, что она чувствовала по отношению к Билли. К тому моменту мы уже не были так близки, поэтому она больше не делилась со мной своими чувствами.

— Очень печально. Что ты помнишь о том времени, когда пропала Джони? Потому что я должна признать, что мои воспоминания обо всем этом действительно туманны.

— Я не хочу снова все это затевать, Анна. Я так устала.

Самооправдания. Анна поняла, что Мюриэл всегда находила оправдание тому, почему она не хотела говорить о том времени.

— И все же это меня беспокоит. Например, у меня такое неприятное чувство — почти боль — что я забыла что-то важное. Я думаю, ты могла бы помочь мне избавиться от этого, мама.

— Сомневаюсь, что от меня будет много пользы.

— Думаю, ты была бы счастлива. Ты могла бы рассказать мне о Лиззи — Элизе — для начала.

— Нет, дорогая. Боюсь, я не могу этого сделать. Итак, ты приготовишь этот тост для меня или нет? Я голодна.

Глава 53

2019

Лиззи

Она не думала, что это была лучшая идея пригласить Билли в отель типа «постель и завтрак», но это было самым безопасным. Во всяком случае, для нее. Гвен не знала, как он выглядит, поэтому Лиззи за завтраком обронила в разговоре, что ее дядя приедет позже. Да, это была ложь, и ей не хотелось обманывать Гвен, но на данный момент это был единственный вариант. Достаточно скоро все, включая Гвен, узнают, что она дочь убийцы, и в этот момент Лиззи была уверена, что ее гостеприимство здесь будет отменено, так что добавление к этому одной белой лжи не сильно повлияет на неизбежность исхода. Справедливости ради, она, возможно, недостаточно доверяла Гвен, на самом деле та могла спокойно воспринять, что Билли Коули находился в ее отеле типа «постель и завтрак», но не так, как если бы он жил там в номере.

Пальцы Лиззи дрожали, когда она набирала номер Дома. Предвкушение встречи с отцом вкупе с тем фактом, что она не была честна со своим мужем, вызвало волнение и чувство вины; это была пьянящая смесь.

— Привет, детка. Как дела дома? — спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал легко и непринужденно.

— Скучаю по тебе. Работа — дерьмо. Мне скучно. Ты как? — протараторил он.

Несмотря на его резкую вступительную реплику, Лиззи улыбнулась, ее сердце воспрянуло, услышав глубокий, ровный голос Дома.

— Э, ты знаешь. Занята, но скучаю по дому, — сказала она. Затем быстро добавила: — Скучаю по тебе, конечно.

— Спасибо, что вспомнила обо мне в самом конце. — Он рассмеялся. Но Лиззи показалось, что это прозвучало пусто. Он действительно был расстроен из-за нее.

— Я люблю тебя, глупенький. Очевидно, я скучаю по тебе... это само собой разумеется. Ее заявление было встречено молчанием.

— Все в порядке, Дом? — Ее сердце нервно затрепетало, ее охватило неприятное чувство.

Она услышала долгий вздох.

Черт, что случилось? Что случилось?

— Дом?

— Ничего страшного, не беспокойся об этом.

Лиззи выдохнула, но ее беспокойство не рассеялось. Что-то в голосе Дома подсказало ей, что ей следует волноваться. Она боролась с мыслью надавить на него, а не оставить все как есть. Если его что-то беспокоит, было бы лучше поговорить об этом с глазу на глаз, а не сейчас, когда их разделяет сотня миль. И не только перед визитом ее отца. Еще один укол вины пронзил ее. Она действительно должна рассказать Дому о Билли.

— Ты уверен? Мы можем поболтать, если тебе нужно. — Лиззи проглотила комок, который образовался у нее в горле.

— Правда? Я не уверен, что ты можешь говорить со мной, не так ли?

Вот и все. Что бы ни было у него на уме, это было связано с Лиззи, с тем, что она скрывала от него. Он что-то знал. Но что?

Письмо адвоката.

Куда, черт возьми, она его засунула? Она была в шоке, когда открыла его, прочитав лишь частично. Она была уверена, что порвала его и выбросила в мусорное ведро. Но, возможно, она этого не сделала. Или он каким-то образом извлек его, прочитал. В таком случае, он уже знал, что она солгала ему... лгала все время, пока они были вместе. Она должна была попытаться спасти это.

— Я не уверена, что случилось, Дом, но, конечно, я могу поговорить с тобой. Хотя, может быть, сейчас не самое лучшее время. Я думаю, нам нужно поговорить лично...

— Возвращайся домой, Лиззи. Сейчас. Покидай Мейплдон и езжай домой. Мы можем поговорить сегодня вечером.

Лиззи колебалась. Как бы сильно она и отчаянно хотела поговорить с Домом и ограничить ущерб, она должна была довести это дело до конца сейчас. Нужно было встретиться с Билли, узнать, что он хочет сказать. Затем продолжить собирать воедино разбитые осколки ее детства. Докопаться до сути того, что произошло здесь тридцать лет назад.

— Я не могу вернуться сегодня, Дом. Я действительно хочу поговорить с тобой как следует... мне нужно тебе кое-что сказать. Но сначала мне нужно закончить здесь. Боюсь, это что-то вроде «я начала, так что закончу». Я продвигаюсь вперед в этой истории. Мне

просто нужно еще немного времени.

— Прекрасно. Потратить столько времени, сколько нужно. Думаю, я буду здесь, когда ты решишь вернуться домой. Когда ты решишь, что хочешь довериться своему чертову мужу.

Звонок оборвался.

Лиззи почувствовала слабость. Опустошение. Последнее, чего она хотела, — это испортить свой брак. Она вела себя безответственно. Она была обязана своей жизнью Дому; она не должна была отгораживаться от него. Она, конечно, не должна ставить своего отца-убийцу выше него. Что она говорила себе перед тем, как приехать в Мейплдон? Она не собиралась позволять мужчине, который разрушил ее жизнь тридцать лет назад, сделать это снова.

И все же она была здесь, предоставляя ему именно такую возможность.

Глава 54

1989

Начальная школа Мейплдона

Понедельник, 19 июня — за 1 месяц до

— Я собираюсь поиграть в резинки с Эмбер, нам нужен третий человек, так что ты должна прийти и поиграть, — сказала Джони, таща Беллу за плечо на игровую площадку. Белла пролепетала несколько слов в споре — она собиралась пойти в холл на обед, — но быстро поняла, что зря тратит время. Если Джони решила, что она играет, значит, так оно и было. С едой придется подождать.

— Я сломала свою. У тебя есть? — спросила Эмбер у Джони, когда они добрались до площадки на краю поля. Они всегда играли там в резинки, чтобы мальчики, игравшие в футбол на траве, могли их видеть. Это тоже была идея Джони; Беллу ни в малейшей степени не интересовали грязные, отвратительные мальчики в их школе.

— Да, — сказала Джони, вытаскивая белую резинку из своей школьной сумки. — Я стащила ее вчера вечером из маминой корзинки для шитья. Думаю, она достаточно длинная. Девочки растянули ее, затем связали концы вместе.

— Отлично, — сказала Эмбер. — Хорошо, я начну; вы двое встаньте с каждого конца.

— Отойди! — крикнула Джони. — Это моя резинка. Я скажу, кто пойдет первым. — Она хмуро посмотрела на Эмбер. Белла опустила голову, не желая встречаться взглядом с Эмбер, чтобы увидеть ее смущение. Джони иногда была такой короной. Всегда нужно быть боссом. Но, по крайней мере, она не выкрикивала требования в адрес Беллы. Пока что.

— Тогда давай, — сказала Эмбер, надевая резинку и обматывая ее вокруг лодыжек. Белла сделала то же самое.

— Надеюсь, вы готовы потерпеть поражение. Вы же знаете, что я могу добраться до галстуков, не так ли? — Голос Джони звучал так уверенно, что это разозлило Беллу. Она поймала себя на том, что желает, молится, чтобы она споткнулась. Потерпи неудачу хоть раз. Но когда они скандировали: — Англия, Ирландия, Шотландия, Уэльс, внутри, снаружи, внутрь, вперед! — на лодыжках, затем на коленях, бедрах, талии, затем подмышках... каждый этап становился для Беллы и Эмбер скучнее следующего, они поняли, что Джони не подведет. Конечно, она доберется до шеи и завершит игру.

Джони стояла спиной к Белле, когда она начала песню, ее прыжки были высокими, ее ноги освобождали резинку — но когда она собиралась оседлать резинку, на слове «снаружи» — Белла незаметно отодвинула резинку дальше. Правая нога Джони промахнулась, ее ступня тяжело приземлилась на внутреннюю сторону резинки. Она быстро повернулась, ее

сердитый взгляд остановился на лице Беллы.

— Зачем ты это сделала, сука? — Лицо Джони было темно-красным.

У Беллы отвисла челюсть. Джони никогда раньше так не ругалась, и особенно в адрес Беллы.

— Ну? Ты настолько жалкая, что тебе приходится жульничать? — Джони бросилась к Белле, ее искаженное лицо почти касалось лица Беллы, ее палец ткнулся в грудь Беллы.

— Это был несчастный случай, — солгала Белла. — Извини. Давай еще раз, если хочешь.

— Я так и сделаю! И на этот раз я смотрю на тебя. Тебе нельзя доверять.

— Это всего лишь игра, Джони, — вмешалась Эмбер, пытаясь разрядить обстановку.

— Так говорят только неудачники, — парировала Джони. А затем, ее глаза остановились на Белле, и она сказала: — И только неудачники обманывают.

— Я даже не хотела играть. Я просто хотела пообедать. — Белла слышала слезы в своем голосе и знала, что Джони тоже заметит тот факт, что она вот-вот заплачет.

— Ты такая скучная, Белла. — Потом она рассмеялась. — Скучная Белла, скучная Белла, — пела она. — Может быть, нам следует сделать это новыми словами, вместо Англия, Ирландия. — Ее широкая улыбка была наполнена злобой и делала лицо уродливым. Белла почувствовала, как ее собственное лицо вспыхнуло. В своей голове она кричала: «Ты уродина, Джони. Вспыльчивая Джони, вспыльчивая Джони». Она действительно считала себя чем-то особенным и могла безнаказанно плохо обращаться с людьми. Но Джони, вероятно, была права, она была скучной. И она была слабой. Она никогда не выстоит перед Джони Хейз. Что заставило Беллу ненавидеть себя почти так же сильно, как она ненавидела Джони.

Глава 55

Анна

2019

Вторник, 16 июля

— Почему бы тебе не пойти в соседнюю комнату и не выпить утренний кофе с Сэнди, мам? Это пошло бы тебе на пользу.

— Я чувствую себя не очень общительной.

— Вот почему это хорошая идея. Заставь себя, иначе ты закончишь жизнь отшельником. — Она мысленно добавила: «как Билли Коули». Мюриэл покачала головой.

— Серьезно, пожалуйста. Теперь ты меня по-настоящему беспокоишь.

— Я в порядке. Просто потому, что я не хочу ходить к соседям, это не значит, что я становлюсь затворницей, Анна.

— Извини, я всего лишь пытаюсь помочь. Этот дом, кажется, душит нас обоих, вот и все.

— Ну, тогда иди в соседнюю дверь, — сказала она.

Анна была так же хороша, как если бы разбила голову о стену.

— Может быть, я так и сделаю, — ответила она пронзительным голосом. Она вернулась к своим подростковым, детским вспышкам гнева, когда они с Мюриэл регулярно ссорились, особенно когда Анна пыталась по вечерам выходить за пределы Мейплдона. Подростком было скучно расти в крошечной дартмурской деревушке, за много миль от любых развлечений. Конечно, все они хотели — были в отчаянии — сбежать и устремиться к более ярким огням ближайшего города. Хотя на самом деле они были не такими уж яркими. В

Бови-Трейси было больше пабов, но на этом все. Ближайший клуб находился в двадцати милях, и пока они не подрастут — не смогут успешно попасть туда по поддельному удостоверению личности — не было смысла организовывать транспорт, чтобы добраться туда; было слишком много хлопот, чтобы их просто прогнали и заставили чувствовать себя глупо. В любом случае, все было лучше, чем «Плуг» в Мейплдоне, пабе, где часто выпивали все их родители, так что, по крайней мере, Бови давал им что-то.

Мюриэл бросила на Анну полный отвращения взгляд.

— Что? — крикнула Анна, закатывая глаза на мать.

— Ты начинаешь меня раздражать.

Анна прикусила губу, подавляя желание огрызнуться: «Не так сильно, как ты меня раздражаешь», но знала, что это ни к чему ее не приведет. Она встала и ушла, больше ничего не сказав. Она пойдет к Сэнди — это действительно может дать ей хорошую возможность выяснить, как вела себя Мюриэл в последние недели и месяцы. Она расспрашивала ее о том, не видела ли она чего-нибудь странного по соседству.

Анна отперла входную дверь. Выйдя на улицу, она оглянулась, и ее сердце упало, когда она заметила, что было приколото к ней. Еще одна конечность.

— Господи Иисусе! — воскликнула она, протягивая руку и отрывая конечность от дерева. Единственный гвоздь оторвался, пластиковая ножка была прикреплена. Анна подошла к началу тропинки, обшаривая глазами дорогу. Конечно, там никого не было. Должно быть, это оставили ранним утром; они даже не слышали. Анна вытащила гвоздь и осмотрела ногу. Внутри углубления, как и раньше, лежал листок бумаги. Она не могла дотянуться до него пальцем, поэтому зацепила его ногтем. На мгновение она положила ножку и бумагу в карман, не желая читать их содержимое снаружи, а затем продолжила путь. Она проверит это после того, как поговорит с Сэнди.

Дом Сэнди был немного меньше, чем у Мюриэл, так как имел среднюю террасу. Соседом с другой стороны от нее был пожилой мужчина, который переехал в этот дом после того, как Анна уехала из Мейплдона. Сэнди, однако, была соседкой Мюриэл с тех пор, как она переехала к Эрику сразу после их свадьбы. Анна хорошо помнила Сэнди, она всегда появлялась и исчезала, пока Анна жила там, заходила на чашку чая и поболтать с Мюриэл, а через несколько часов уходила с кружкой в руке. Тогда никто не стучал в двери, они просто кричали «ку-ку», когда входили прямо внутрь. Анна почти сделала то же самое сейчас, когда подошла к входной двери Сэнди. Она издала тихий смешок. Забавно, что вспомнилось, и странно, что спустя годы старые привычки все еще были сильны. Анна позвонила в звонок и, пока ждала, изучала дверь на предмет дырок от гвоздей. Она была цела. Очевидно, Сэнди не получала никаких кукольных частей.

— Да? — Лицо Сэнди, маленькое и в форме сердечка, выглянуло из-за двери.

— Привет, Сэнди. Это Анна, давненько не виделись. — Анна улыбнулась, но поняла, что в глазах женщины не было узнавания. — Дочь Мюриэл, — добавила она.

— О, боже мой. Малышка Белла! — Сэнди полностью открыла дверь и выскочила из-за нее, широко раскинув руки. Она крепко обняла Анну, затем, все еще держась за нее, снова протянула руки. Сэнди оценивающе оглядела ее с ног до головы. — Я видела, как ты приходила и уходила последние несколько дней, и мне было интересно, кто ты такая. Я была в нескольких шагах от того, чтобы сунуть нос в воду. — Она подмигнула. — Боже, я не могу поверить, что это ты. Как давно это было?

— О, ну... несколько лет, — сказала Анна. — Двадцать или около того?

— Ты зайдешь на чашечку кофе, да? — Взгляд Сэнди скользнул по дорожке, а затем она повернула голову в сторону дома Мюриэл. — Без мамы?

— Э-э... да. У нее немного странное настроение. Вообще-то, это одна из причин, по которой я предпочла бы поговорить с тобой наедине.

— Ах. Я понимаю. — Сэнди кивнула, выражая понимание.

В отличие от дома Мюриэл, который внутри в основном остался таким же, каким был построен в шестидесятые годы, дом Сэнди преобразился с тех пор, как Анна в последний раз заходила внутрь. Гостиная и столовая теперь были объединены, и они плавно переходили в L-образную кухню — современная отделка и обновленные кухонные гарнитуры придали дому совершенно другой вид.

— Вау, Сэнди, здесь действительно здорово смотрится.

— Ну, у меня есть Йен. Он до сих пор так много делает своими руками, ему нравится возиться по дому. Хотя я не позволяю ему влиять на цветовую гамму; он совершенно нескоординирован, когда дело доходит до подбора цветов. — Она рассмеялась и подошла к чайнику, взяв две фарфоровые кружки из шкафчика наверху. — Чай или кофе, дорогая?

— Кофе, пожалуйста. Хотя на самом деле я потребляю слишком много кофеина. Я должна сократить.

— Разве мы все не должны? — Сэнди улыбнулась и бросила в кружку чайную ложку кофе с горкой. — Мюриэл сказала мне, что ты все еще преподаешь. И как это?

— Да, хорошо, спасибо. В этом есть свои трудности, но это меня устраивает и означает, что я могу провести школьные каникулы с Кэрри. Ну, во всяком случае, я обычно так делаю.

— Разве она не с тобой?

— Нет. Это был... скажем так, неожиданный визит. И я не хотела, чтобы Кэрри была втянута в мамину драму. — Анна почувствовала, как ее щеки вспыхнули, чувство вины за то, что она плохо отзывалась о своей матери, всплыло на поверхность.

— А. — Сэнди поджала губы, протягивая Анне кружку. — Где ты хочешь сесть? Удобный диван или обеденная зона?

— Со мной все просто, — сказала Анна.

— У меня такое чувство, что для этого разговора может потребоваться удобный диван. — Она снова улыбнулась, положив руку на плечо Анны, когда та вернулась в гостиную. Хотя Анна не собиралась сразу бросаться в разговор и говорить о своей матери за ее спиной, теплый прием со стороны Сэнди — в сочетании со знакомым, дружелюбным лицом — вызвал бурю эмоций. После, казалось, часового монолога Анны, Сэнди, наконец, вздохнула и начала оценивать ситуацию, которую подробно описала Анна.

— Во-первых, — сказала Сэнди, — я не думаю, что тебе нужно беспокоиться о слабоумии или болезни Альцгеймера. Если не считать некоторых странных провалов в памяти, думаю, что Мюриэл в порядке... или, лучше сказать, в порядке для нашего возраста. — Она тепло улыбнулась. — Во-вторых, нет — ни я, ни кто-либо другой, о ком я слышала, не получали никаких подобных жутких предметов, прибитых к нашим дверям. Тина не упоминала, что с ней это случилось, когда я видела ее в последний раз. Я тоже не могу сказать, что видела, чтобы кто-нибудь околачивался поблизости. Что странно, поскольку мне действительно нравится знать, что происходит на улице, и я часто сижу в кресле у окна и наблюдаю за окружающим миром. Я предполагаю, что они играли в эту «игру», за неимением лучшего слова, очень поздно или в ранние часы, когда никого нет поблизости. Уличные фонари, выключающиеся в час ночи, не помогают. Кто бы это ни

делал, дети или взрослые, он сможет оставаться в тени и оставаться практически незамеченным. Теперь, что касается твоего третьего пункта о том, чтобы обратиться в полицию из-за твоих подозрений, что это Билли Коули, я бы посоветовала тебе быть осторожнее, дорогая. Ты ведь помнишь, на что похожа эта деревня, не так ли?

— Все жители деревни собираются вместе и действуют как один, когда возникает проблема.

— Вполне. Иногда мне кажется, что это немного похоже на группу бдительности. Если они пронюхают, что ты думаешь, что Билли вернулся... ну, они соберут толпу линчевателей или что-то в этом роде. Ты должна быть уверена, что это он.

А Анна — не была уверена. Как бы все ни указывало на то, что это был он, она не могла исключить Лиззи. Прежде чем она успела сказать что-нибудь еще, Сэнди повторила ее мысли.

— Тебе может показаться очевидным, что это должен быть Билли, учитывая время, но ты не можешь быть уверена, что это действительно не подростки. Сейчас мир уже не тот — подростки играют в гораздо более рискованные игры, чем те, в которые играли дети в ваше время. Просто «Тук-тук, Джинджер» в наши дни не стали бы этого делать. Они все так одержимы Интернетом, играми и тому подобным — детям сейчас нужно было бы повисить ставки. Все, что им нужно было бы сделать, это поискать в Интернете и узнать все о Билли Коули и о том, что произошло в Мейплдоне, а также о том, что рассказали бы им их родители, когда они выросли, — этого было бы достаточно.

— Возможно, ты права, — согласилась Анна. — Мне нужно нечто большее. Фактические доказательства.

— Да, думаю, это было бы лучшей идеей. Оставайся на ногах, поставь камеру, что угодно. Но убедись, что у тебя есть что-то надежное, а затем отнеси это в полицию.

После еще одной, более беззаботной беседы Анна допила кофе и встала.

— Мне лучше вернуться к маме.

— Конечно, дорогая. Что ж, было действительно здорово наконец наверстать упущенное. Не быть чужаком, а?

Анна улыбнулась, но, по правде говоря, она стремилась быть именно такой. Уходя, она вспомнила о Пэте.

— Пэт Верн все еще живет здесь?

Сэнди нахмурилась.

— Да, хотя, как знаешь, он уже некоторое время на пенсии. А что?

Анна этого не знала, но продолжила.

— Ну, в то время он был офицером и многое помнил с тех пор. Кроме того, он может дать несколько советов по поводу сложившейся ситуации. С ним стоило бы поболтать неофициально. Он все еще в коттедже на краю деревни?

— Разве твоя мама тебе не сказала?

— Сказала мне что?

— Он с Тиной, дорогая. Живет с ней уже более десяти лет.

Анна прищурила глаза, глубоко задумавшись. Почему ее мама или Тина не упомянули об этом? Казалось странным упущением. Она была удивлена; она никогда бы не поставила Пэта рядом с Тиной. Она вспомнила, что он несколько раз приходил к Тине домой, пока она играла с Джони. Неужели что-то происходило даже тогда? За спиной Марка? Интрижка?

— Нет, она ничего не сказала.

— Не думаю, что ей пришло в голову упомянуть об этом; теперь это старые новости. На самом деле, после Марка это было неудивительно. Потерять дочь из-за убийства, а затем мужа из-за самоубийства... — Сэнди глубоко вздохнула. — Пэт был находкой, огромной поддержкой. Конечно, все знали, что он чувствовал; ни для кого не было секретом, что он всегда был равнодушен к Тине. Когда все это произошло, он как бы проскользнул внутрь, так сказать, заняв место Марка.

— Не думаю, что кто-то мог бы завидовать ей в получении небольшого количества света после всего этого мрака.

— Нет, дорогая. Просто позор для Зои и Дейзи. Еще одна распавшаяся семья в Мейплдоне.

Анна кивнула в знак согласия — воспоминание о том, как Эрик оставил ее и Мюриэл, промелькнуло в ее голове.

— Ладно, что ж, большое спасибо, Сэнди. Ты мне очень помогла. И если бы ты могла присмотреть за мамой, когда меня не будет, это было бы здорово... немного успокоило бы меня из-за того, что она живет одна. Джеймс предложил мне взять ее с собой домой в Бристоль, но я не вижу, чтобы это сработало.

— Боже мой, нет. Я тоже не могу. И, честно говоря, не думаю, что ты когда-нибудь заставила бы ее уехать из Мейплдона в любом случае — независимо от того, что происходило или насколько она была напугана. Это место у нее в крови.

Глава 56

2019

Лиззи

Нервы помешали Лиззи позавтракать, и теперь, когда время приближалось к обеду, у нее заурчало в животе. Последние полчаса она сидела в своей машине, ожидая, наблюдая за подъездной дорожкой, ее пальцы барабанили по рулю. Она предположила, что у Билли, должно быть, есть транспорт... как иначе он мог приехать в Мейплдон из своего фургона на фермерском поле? Он сказал, что должен находиться в радиусе десяти миль, чтобы соблюдать свои условия, так что о ходьбе, конечно, не может быть и речи. Она в двадцатый раз проверила время на своем мобильном телефоне.

Неужели он передумал? Решил, что это не стоит риска?

Лиззи оглянулась в сторону отеля типа «постель и завтрак» и заметила темную фигуру, скрывающуюся за занавеской в одной из комнат наверху. Это, должно быть, Гвен. Она упомянула, что подготовит еще несколько комнат для гостей. Вероятно, она задавалась вопросом, почему Лиззи сидит в ее машине. Она привлекала к себе внимание, так что, если Билли действительно появится, Гвен наверняка будет еще больше интересоваться им. Ей нужно было быть более беспечной. Надеясь, что Гвен все еще наблюдает, она вышла из машины, сосредоточив внимание на своем мобильном телефоне. Она подняла его, поводя им вокруг, как будто пытаясь найти сигнал. Может быть, Гвен подумает, что она все это время пыталась позвонить.

Лиззи стояла у входной двери, все еще обшаривая глазами подъездную дорожку. Это был единственный путь в отель типа «постель и завтрак». Возможно, она пошла бы прогуляться, по крайней мере, она была бы вне поля зрения и могла бы поймать Билли до того, как он появится на подъездной дорожке. Они могли ходить и разговаривать; им не нужно было сидеть на виду у Гвен. Их разговор был бы более приватным. Но что, если он пришел другим путем, через деревья, через поле или еще как-нибудь? Она бы скучала по

нему, если бы ее здесь не было. Ее желудок превратился в один большой узел. Звонок мобильного вырвал ее из раздумий. Нет идентификатора вызывающего абонента. Она приняла вызов.

— Алло?

— Привет, Лиззи, это Анна. Нам нужно поговорить. — От интенсивности ее голоса пульс Лиззи участился.

— Эм... ладно. Сейчас? По телефону?

— Нет. Лично. Мне нужно тебе кое-что показать. Ты можешь подъехать сюда?

— Не сейчас, у меня... э-э... кое-что сделать надо. — Она поймала себя на том, что запинаясь, боясь, что Анна по ее тону поймет, что она собирается встретиться с Билли Коули. Глупо, она знала... как мог кто-то знать, кроме нее? И особенно по голосу. Ее лицо покраснело при мысли о своем идиотизме. Одного осознания того, что она встречается с осужденным детоубийцей, который оказался ее отцом, тем самым, который, по сообщениям, жестоко обращался с ней в детстве и бросил ее, было достаточно, чтобы вызвать целый спектр эмоций. Страх. Ненадежность. Гнев. Все это заставляло ее чувствовать, что ее мир вращается, вращается в неправильном направлении с большой скоростью. Заставляя ее чувствовать себя так, как будто она и ее мысли были прозрачны.

— Значит, попозже сегодня днем? Это важно.

— Конечно. Я позвоню, когда буду в пути.

Звонок закончился. Кровь Лиззи закипела, когда в ушах зазвенели слова Анны: «Мне нужно тебе кое-что показать. Это важно.»

Что теперь?

Внимание Анны привлек какой-то звук. Хруст шин по гравию. Но не машины.

В поле зрения появилась сторбленная фигура Билли Коули, его ноги медленно двигались, крутя педали велосипеда. Лиззи рванулась вперед и на трясущихся ногах побежала к нему, надеясь, что никто не заметил его приближения.

— Остановись здесь. Мы вернемся тем же путем, которым ты пришел, — сказала Лиззи. Ее голос был более твердым, чем она чувствовала. — Оставь велосипед за одним из деревьев.

Билли молча выполнил ее приказ. Он повернулся к ней лицом. В ярком полуденном солнце он выглядел совсем не так, как прошлой ночью. Свет падал на бело-седые пряди его волос, заставляя их мерцать. Они были коротко подстрижены по бокам, верхняя часть немного длиннее и зачесаны назад с помощью геля или масла, открывая залысины. Он носил их длиннее, когда она была маленькой, и они были светлыми и растрепанными, более неопрятными. Не то чтобы она его помнила — сейчас она вспоминала его фотографии из газет. Он был плотнее сложен, а не тощим, как тогда. У него было это типичное качество «жесткого человека», подумала она. Он напомнил ей Рэя Уинстоуна, актера, который, казалось, всегда играл роли гангстера. Может быть, Билли всегда был таким, а может быть, приобрел за годы тюремного заключения.

Она сделала глубокий вдох, чтобы справиться с растущим беспокойством. Возможно, она совершает огромную ошибку, находясь здесь с ним. Одна. Никто не знает. Она пожалела, что не рассказала Анне по телефону прямо сейчас. Ей не нужно было говорить, с кем она была, просто что у нее была встреча с кем-то, и это может обернуться неприятно, и если она не перезвонит Анне к трем, чтобы предупредить полицию или что-то в этом роде. Лиззи сунула руку в карман джинсов, нащупывая свой мобильный телефон. Однако это не давало стопроцентной уверенности — район был не очень хорош для сигнала, и чем дальше она

углублялась в переулки, тем меньше вероятность того, что она сможет сделать какие-либо звонки, даже на 999, была ничтожной. Дело было не только в том, что ее сеть была ненадежной; ей сказали, что в некоторых районах Мейплдона ни одна сеть не была надежной.

Лиззи подошла к Билли сбоку, спиной к солнцу, опустив голову и глядя на подъездную дорожку, которая теперь превратилась из гравия в пыльную, грязную колею. Она почувствовала, как по спине потекли струйки пота. Лиззи чувствовала, что Билли наблюдает за ней, пока они шли. Он еще не произнес ни слова, даже не поздоровался. Одному из них вскоре пришлось нарушить молчание; это было неудобно. Зачем он пришел, если не собирался говорить?

Нетерпение — ее промах — взяло верх.

— Итак, у тебя есть что сказать? Что-нибудь, что ты хочешь снять со своей груди?

— Например? — просто спросил он.

Лиззи оцетинилась. Он действительно собирался сделать это настолько трудным, насколько это возможно? Заставить ее вытянуть из него все до последнего слова? «Например, почему ты это сделал?» Теперь она повернулась, чтобы посмотреть ему прямо в глаза, желая увидеть его реакцию.

— Что именно? — Его лоб нахмурился.

Громкий вздох сорвался с губ Лиззи.

— Я не пытаюсь быть неловким, Элиза. Но тебе нужно быть более конкретной.

Услышав, что ее называют Элизой, она испытала странное ощущение. Это звучало неправильно. Звучало совсем не знакомо, хотя она догадалась, что в какой-то момент, когда она была маленькой, ее, должно быть, называли Элизой. Сколько она себя помнила, она просила всех называть ее Лиззи, прежде чем официально изменить свое имя путем опроса в шестнадцать лет. Она взяла фамилию последних людей, которые ее воспитывали: Бренфилды. Ей нравилась их фамилия больше, чем они сами, но они были достаточно приличными.

— Прекрасно. Достаточно ли это конкретно? — спросила она, прежде чем задать один вопрос, затем другой и еще один, и все они внезапно вырвались из нее, как извергающийся вулкан. — Ты убил мою маму? Ты издевался надо мной в детстве? Ты бросил меня? Почему социальные службы забрали меня? Ты убил Джони Хейс? Где ее тело? Почему ты не сообщил ее бедным родителям, где находится их мертвая дочь? Как ты мог так поступить со мной? Как ты мог убить ребенка?

Задышавшись, она остановилась и прислонилась к дереву, слезы текли по ее щекам. Тихую сельскую улочку наполнили рыдания. Билли положил руку ей на плечо.

— Шшш, шшш. Все в порядке. Я понимаю, есть много вопросов, на которые ты хочешь получить ответы. Я понимаю, у тебя были годы и годы выслушивания всех ужасных вещей, которые я должен был сделать, годы накопления ненависти ко мне, которой хватило бы на всю жизнь.

Его голос был ровным, почти успокаивающим. Но Лиззи знала, что не должна позволять ему манипулировать собой. Она должна была оставаться сильной, копать глубже, чтобы узнать правду.

— Так что? Давай. Отвечай немедленно, — сказала она монотонным и холодным голосом.

Билли издал короткий, резкий смешок. У Лиззи кровь застыла в жилах. Что, черт

возьми, было смешного?

— Возможно, я уже забыл порядок выполнения. — Он улыбнулся, отступая назад, создавая некоторую дистанцию между ними. — Возможно, тебе придется подсказать мне, но я попробую.

— Это не смешно, Билли.

— Нет. — Он опустил голову. — Извини, я знаю. Я просто нервничаю, вот и все. Прошло очень много времени с тех пор, как у меня был настоящий разговор. Прошло слишком много времени с тех пор, как я видел свою маленькую девочку.

— Оставь разговоры о жалости... я не та, кто может вызвать у тебя хоть какое-то сочувствие.

— Верно. Конечно, — сказал он, и его глаза потемнели. — Тогда ладно. Отвечая на твой первый вопрос, я любил Розу всем своим существом. Но мы поженились очень молодыми. Конечно, это не значит, что я бы не женился на ней, даже если бы она не была беременна тобой, но я уверен, что мы бы подождали, пока у нас не будет больше денег. Но мы справились. Нам помогли получить бунгало в виде наследства от моего отца, и мы подумали, что это идеальное место. Однако с самого начала мы не вписывались в коллектив. Мы никогда не были «одними из них». Они были забавной компанией, жители Мейплдона, и, несмотря на то, что мы так старались понравиться, нас так и не приняли. И вскоре Роза заболела. Сначала мы думали, что это усталость — уход за маленьким ребенком, бессонные ночи и все такое. Но со временем у нее появились другие симптомы, и в конце концов ей поставили диагноз «рак шейки матки». К тому времени было уже слишком поздно. Никакое лечение не помогло бы: оно продлило бы ее жизнь, но она была в терминальной стадии, поэтому отказалась от лечения. Я не убивал твою мать, Элиза. Это сделал рак. — Он смахнул слезу со щеки. Лиззи отвела глаза. Она не хотела видеть его эмоции. Она плохо справлялась со своими собственными проблемами; она не хотела нести ответственность за его.

— Тогда ты остался со мной, — сказала Лиззи.

— Да, и вот тогда я потерял всякий контроль.

— Значит, ты отказался от меня? Пренебрег и даже причинил мне боль? — Вспыхнул горячий гнев.

— Нет, Элиза. Я никогда не причинял тебе боль, по крайней мере, нарочно. Но ты причиняла мне боль. Раньше ты набрасывалась на меня... била, пинала и кусала. Я думаю, ты хотела наказать меня. Ты не понимала, почему твоя мама бросила тебя, и я был переполнен горем, не в силах сам достаточно понять. Неспособный должным образом заботиться о тебе. Я потерял всякий интерес к работе, было достаточно трудно найти приличную работу плотника по всей деревне, чтобы поддерживать приток денег, даже до того, как Роза стало плохо, но потом я остался дома, чтобы быть с ней. После того, как она умерла... ну... Наверное, я перестал даже смотреть. Я удивлен, что тебя не забрали у меня раньше, и в какой-то момент я действительно подумал, что, возможно, это к лучшему — ты казалась такой встревоженной, и я не знал, как с этим справиться, может быть, это сделали бы лучшие люди. Но если бы кто-то дал мне шанс, поддержал меня, помог, тогда все могло бы быть по-другому. Если бы я знал тогда, что я знаю сейчас... Но нет.

Его тон стал резче, голос громче.

— Все были слишком увлечены тем, чтобы указывать пальцем, обвинять меня во всем, что пошло не так в деревне. Они всегда жаждали моей крови, Элиза. Они сделали все, чтобы

выгнать меня. Я не подходил, как и ты. Два чудака в их идеальной деревне степфордских жен. — Слюна тонкими струйками вылетела изо рта Билли. Ярость вырывалась из него, как пламя. — Я не забирал Джони Хейс. Я не убивал ее. Так как же я мог признаться в том, где находилось ее тело?

— Но ты признал себя виновным!

— Да, потому что выбора не было, и именно это мне посоветовали сделать. Но я этого не делал, поэтому не мог сказать полиции, где Джони. Я не знал тогда и до сих пор не знаю. Но у меня было очень много времени, чтобы все это обдумать. А теперь мне нужно вернуть кое-какие долги.

— Что ты имеешь в виду под долгами, которые нужно вернуть?

— Я должен нескольким людям. — Его улыбка была угрожающей, неестественной. — Не деньги. Нет, я должен отдать им должное.

Лиззи втянула в себя воздух. Это не было похоже на долг, который можно было бы легко вернуть. Это звучало так, как будто Билли хотел вершить правосудие по-своему. Может быть, месть.

— Например, что и как?

— Прости, Элиза. На сегодня ты задала достаточно вопросов. И есть некоторые ответы, которые ты действительно не захочешь услышать, поверь мне.

Глава 57

1989

Мейплдон

Суббота, 17 июня — за 32 дня до

— Стоп, Стоп! Хватит об этом, дети. — Офицер Пэт Верн целеустремленно направился к группе мальчиков, ошивающихся у входа в Блэкстоун-Клоуз.

— О чем вы говорите, мистер? Мы не сделали ничего плохого, — крикнул ему один из парней на велосипеде. — Мы едем на велосипедах. Теперь это незаконно, а? — Он был уверенным в себе, большим парнем. Когда Пэт подошел ближе, он узнал в нем Адама Ферлонга. Пэт предположил, что его уверенность проистекала из знания того, что его отец был членом местного совета, Эдди — такой же большой взрослый, который считал, что он управляет деревней. Губы Пэта непроизвольно скривились. Ничто он не ненавидел больше, чем самозванных, напыщенных всезнаек, которые, по сути, были просто хулиганами, желающими контролировать других.

— Нет, но незаконное проникновение — да. И для вас — офицер Верн! — Пэт теперь стоял на тротуаре рядом с группой. Их было всего восемь, в основном на велосипедах, но он заметил, что два велосипеда лежали на боку, брошенные. Он прошел дальше в тупик, пока не увидел последнее бунгало в ряду — Билли Коули, — и тогда он заметил пропавших всадников. Казалось, они только что выбежали с подъездной дорожки Билли. Они неуклюже бежали к остальной группе, согнувшись и смеясь. — И чем вы двое занимались?

— Ничем, офицер Верн, — пропели они, прежде чем снова согнуться пополам от смеха.

— Давайте, мы уходим, — крикнул им Адам, бросив на Пэта самодовольный взгляд. Они сели на велосипеды, все время ухмыляясь, и начали крутить педали.

— Если я поймаю кого-нибудь из вас на частной территории, приставающего к мистеру Коули, будут неприятности, слышите?

Велосипеды со свистом пронеслись мимо Пэта, наездники хихикали, как кучка ведьм. Пэт смотрел, как они исчезают на дороге, и ждал, пока не перестанет слышать их голоса.

Затем он пошел обратно в направлении бунгало Билли, просто чтобы проверить, не был ли причинен какой-то ущерб. Приближаясь к обнесенному стеной саду, он услышал другие голоса, приглушенные, настойчивые. Они доносились не от Билли; казалось, они доносились со стороны зарослей кустарника в конце тупика. Он пересек улицу и двинулся на звуки, надеясь, что его не заметили. Неужели парни объехали вокруг, чтобы избежать его обнаружения, — пришли закончить свою дурацкую игру? Должно быть, они чертовски быстро крутили педали.

Он подкрался к изгороди, наострив уши и прислушиваясь к голосам. Девочки, а не мальчики. Он расслабился, выпрямляясь. Он уже собирался уйти, но потом до него дошло, о чем они говорили.

— Не верь тому, что тебе говорит Джони. На самом деле, она мерзкая хулиганка и скажет все, что угодно, чтобы получить то, что она хочет, — сказала одна девочка.

Затем другой голос:

— Я слышала, что она сделала с Элизой. Ты думаешь, она действительно это сделала?

Пэт напрягся. Он больше ничего не хотел слушать. Это была просто детская болтовня. Сплетня. Он не хотел слышать плохие вещи о девочке Тины — это было бы неловко. Но другая девочка снова заговорила, и он не мог уйти. Он продолжал слушать.

— Она была внутри. На самом деле внутри бунгало. Я имею в виду, она может быть хулиганкой, но она храбрая. Я бы не стала заходить внутрь, а ты?

— Ни за что! Но почему она вошла?

— Очевидно, это был вызов. Роберт сказал мне. Она сказала ему, что он следующий, что он должен зайти внутрь, иначе она расскажет.

— Расскажет что?

— В том-то и дело, что никто не знает.

— Ух ты. Мы же не собираемся рисковать, не так ли?

Пэт услышал дрожь в голосе девочки.

— Не валяй дурака, ни в коем случае — я только что сказала тебе, что никогда туда не пойду. Моя мама сказала, что он противный и причиняет людям боль; вот почему Элиза такая странная. Он бьет ее и запирает в шкафу. Мама сказала, что если он загонит кого-нибудь в бунгало, они, вероятно, никогда больше не выйдут.

— Но Джони это сделала. Если то, что ты говоришь, правда.

— Да, но только потому, что она позволяла ему делать с ней всякие вещи.

Пэт больше не мог слушать. Этим детям было лет десять, максимум одиннадцать, и им не следовало так разговаривать. Он вздрогнул. Где была наивность, невинность? К чему катится мир? Но, что еще более тревожно, во что играла Джони? Почти безобидная игра «Тук-тук», казалось, перешла в более опасную, и ему совсем не нравилось, как это звучало.

Глава 58

Анна

2019

Вторник, 16 июля

Когда Анна покидала дом Сэнди, ее разум был полон вопросов о Тине и Пэте. Она пошла обратно по тропинке матери, но вместо того, чтобы войти в парадную дверь, она проскользнула сбоку в садовый сарай, ее пальцы крепко сжались вокруг ноги куклы. Она не хотела показывать это Мюриэл. И она хотела побыть одна, когда обнаружила слова на бумаге. Рука и записка от вчерашнего дня также были надежно спрятаны в старом

деревянном хранилище в задней части сарая — принадлежавшего ее отцу — в том, где он обычно хранил всякий хлам: запасные вилки, гвозди, колья для растений, садовые ножницы и мелкие инструменты, и Бог знает что еще. Большая часть вещей все еще оставалась в ящиках, что ее не удивило, учитывая остальную часть дома, но в шкафу было достаточно места, чтобы разместить дополнительные предметы.

Но что ее мать сделала с головой куклы? Анна забыла проверить в прошлую субботу, когда вернулась из магазина, так как испытала слишком большое облегчение, обнаружив, что она исчезла с входной двери. Но теперь, учитывая последние детали, она хотела, чтобы они были вместе в безопасном месте, пока она не решит, что делать дальше. Стоит ли сообщать в полицию или, по крайней мере, Пэту. Хотя сейчас он, возможно, и не сможет оказать никакой реальной помощи. Он был с Тиной; он был слишком близок. Он был вовлечен и, следовательно, не объективен... но все же у него могло быть лучшее воспоминание о событиях июля 1989 года с официальной точки зрения. Анна позвонила Лиззи, отчасти в отчаянии, потому что чувствовала, что ей нужен кто-то, чтобы показать, кто-то ее возраста, кто мог бы помочь ей собрать кусочки воедино, а отчасти, чтобы понаблюдать за ее реакцией. Посмотреть, был ли проблеск вины, признак, который выдал бы ее как преступницу. Игра «Тук-тук», в которую безжалостно играли с ее отцом, теперь разыгрывалась его дочерью, в этом была определенная ирония. Анна предполагала, что игра ведется против Мюриэл, но на самом деле она может быть направлена против самой Анны. Тогда она была одним из ключевых игроков в этой игре, ее мать не имела к этому никакого отношения.

Может быть, это был способ Лиззи заманить Анну сюда, обратно в Мейплдон, чтобы отомстить ей. Мюриэл могла быть просто проводником; целью на самом деле была она. Ей нужно быть осторожной с Лиззи. Доверие было роскошью, которую она не могла себе позволить. Но сначала ей нужна была голова. Это означало спросить ее мать, куда она ее положила. Анна не заглядывала в дырку головы, и, насколько ей известно, Мюриэл тоже не заглядывала, вероятно, в нее тоже была засунута записка, которую они пропустили. В ней может храниться жизненно важная информация.

— Мам, когда ты сняла голову с двери, куда ты ее положила? — спросила Анна, как только вошла на кухню.

— О. Где ты была? Тебя не было целую вечность; я волновалась.

— По соседству, пила кофе с Сэнди, как ты мне и велела. Не нужно было беспокоиться.

— Что ж. Тогда вам двоим, похоже, было о чем поговорить! — Она казалась расстроенной. Даже ревнующей.

— Прошло двадцать лет, мам. Нам нужно было многое наверстать. И ты никогда не говорила мне, что Пэт сейчас с Тиной, — сказала Анна, внезапно отвлекшись.

— Не подумала об этом. Не особенно актуально, не так ли?

— Думаю, нет. Но было бы неплохо узнать. Хотя странно, не правда ли? Через сколько времени после смерти Марка это произошло?

Взгляд Мюриэл дрогнул. Она ускользнула, ее мысли были где-то далеко. Раздражение росло, и Анна вернулась к своему первоначальному вопросу.

— Разве ты не положила голову куклы в сарай?

— Нет. Я выбросила ее прямо в мусорное ведро. Пугающе выглядящая вещь, не хотела ее оставлять!

— Черт. С тех пор мусорщик приезжал или нет? — Анна почувствовала, как в ее голосе

нарастает паника.

— Нет, не раньше завтрашнего дня.

Анна выскочила за дверь, подбежала к черному мусорному ведру на колесиках и распахнула крышку. Та ударилась о борт. Облегчение затопило ее. Под мусорной корзиной и несколькими восковыми коробками она заметила грязно-светлые волосы. Сунув руку внутрь, она схватила и вытащила голову. Она надеялась, что если там и была записка, то она все еще была спрятана внутри. Ей не нравилась мысль о том, что придется вытряхивать все содержимое мусорного ведра, чтобы найти клочок бумаги. Она попыталась наклонить головку так, чтобы свет падал правильно, и она могла заглянуть внутрь. Да, там что-то было. Еще один белый листок бумаги, точно такой же, как те, что были найдены внутри конечностей. Анна просунула внутрь два пальца и смогла ухватиться за него и вытащить.

Она быстро вернулась в сарай и положила голову в шкаф. Листки бумаги были выложены сверху в порядке поступления, утяжеленные банками из-под варенья, в которых теперь были шурупы и гвозди. Три записки. Три угрозы, если хочешь понять это таким образом. Что Анна и сделала сейчас, прочитав их по порядку:

КТО-ТО ЗНАЕТ ПРАВДУ

У КОГО-ТО НА РУКАХ КРОВЬ

КТО-ТО ДОЛЖЕН ЗАПЛАТИТЬ

Ей было интересно, что Лиззи подумает о них, когда приедет сюда. Она все еще не позвонила, чтобы сказать, что уже в пути. Неужели она струсилась? Возможно, она поняла, что Анна ее раскусила.

Неважно. По крайней мере, у нее были доказательства. Самое время нанести Пэтту визит. Она давала Лиззи еще час, чтобы та появилась, а потом шла к Тине.

Глава 59

2019

Лиззи

Как только Лиззи припарковалась рядом с домом Мюриэл, в дверях появилась Анна.

— Я не думала, что ты придешь, — сказала она, понизив голос, так что Лиззи едва могла ее услышать. — Ты сказала, что позвонишь, когда будешь в пути. — Анна осторожно закрыла входную дверь и вышла на улицу.

— Извини, я отвлеклась, не заметила, который час, — сказала Лиззи. Что было правдой. Прогулка с Билли заняла больше времени, чем она ожидала. — Что такого важного? — спросила она. Лиззи почувствовала укол беспокойства, когда посмотрела на бледное лицо Анны — беспокойство прочертило морщины на ее лбу.

— Следуй за мной, — приказала она, направляясь к дому. Лиззи украдкой огляделась по сторонам, затем последовала за ней. Ей было интересно, где Мюриэл. Похоже, Анна не хотела, чтобы она вмешивалась. Это подкрадывание, попытка поймать ее до того, как Мюриэл увидит, что она звонит в набат.

Когда Лиззи догнала ее, Анна исчезала в садовом сарае. Она предположила, что Анна хотела, чтобы та вошла внутрь. Что-то заставило ее сдержаться, тревожное чувство, которое она испытывала мгновение назад, удвоилось по интенсивности. Но, помня о том, что она только что провела два часа с осужденным убийцей, она взвесила риск, который представляла эта миниатюрная, скучная женщина типа учительницы, и решила, что она в безопасности. По крайней мере, на данный момент.

Лиззи потребовалось несколько мгновений, чтобы ее глаза привыкли к внезапной

темноте. Внутри сарая был тусклый свет, исходящий от единственной электрической подвесной лампы, свисающей с потолка, но потребовалось некоторое время, чтобы он стал достаточно ярким, чтобы разглядеть окружение.

— Это то, что было прибито к входной двери мамы, — заявила она, указывая на разложенные предметы.

Лиззи проследила за ее взглядом, и на долю секунды ей показалось, что ей это померещилось — она увидела то, чего на самом деле не было. Но затем ее тело отреагировало: ладони стали горячими, подмышки липкими. Слезы подступили к глазам, слезы, которые она пыталась, но не смогла проглотить, мешал комок в горле.

Она уставилась на голову куклы, не в силах оторвать от нее глаз.

Ее дыхание сбилось и застряло в легких, как в ловушке. Ее трахея напряглась. Она собиралась задохнуться.

Она выглядела точь-в-точь как Полли.

Последняя кукла, которую подарила ей мама. Может ли это быть она? Она думала, что взяла куклу с собой, когда ее забирали под опеку. Но теперь, глядя на неё сверху вниз, она была уверена, что это Полли. Не только голова, но и нога и рука тоже напоминали ее любимую куклу. Единственная кукла, которую она никогда не разрывала на части. Но теперь, похоже, это сделал кто-то другой.

Она осознавала звуки — замедленную речь, похожую на пластинку, проигрывающуюся на неправильной скорости, исходящую справа от нее. Рука на ее руке: прикосновение легкое, нереальное. Это было так, как если бы она переживала эпизод выхода из тела. Вот она, парит над собой и Анной, каждая из них смотрит вниз на поверхность деревянного шкафа — на голову, руку и ногу, лежащие без вреда, неподвижно. Неодушевленные. Не нужно бояться, сказала она себе.

Только была причина бояться.

Кто-то издевался над ней, играл с ее эмоциями, ввергая ее жизнь в хаос. Почему кто-то прибавал части Полли к двери Мюриэл?

У Лиззи было ощущение, что она движется. Воздух пронесся вокруг ее тела, ее лица. Анна говорила. Теперь она могла слышать более отчетливо, не в замедленной съемке, не так, как будто у нее в ушах была вата.

— Лиззи! Боже, ты в порядке? Я думаю, ты отключилась.

Лиззи хватала ртом воздух, пытаясь втянуть в легкие как можно больше воздуха, не задыхаясь. Она успокоилась, когда ее дыхание стало легче, менее болезненным, ровным. Она не собиралась умирать.

— Это... это была паническая... атака, — сумела выговорить она.

— Черт, это было страшно. Мне так жаль, я не должна была брать тебя сюда. Я не думала, что это произведет такой эффект.

— Нет. Все в порядке. — Лиззи полностью опустилась на землю, скрестив ноги и положив руки на траву. — Это была клаустрофобия, и жара — они просто доконали меня. Это было так неожиданно, что у меня не было времени освежиться.

— Я рада, что теперь с тобой все в порядке. Я принесу тебе выпить, — сказала Анна и исчезла на кухне.

Придя в себя, Лиззи встала и, убедившись, что все чисто, вернулась в сарай. Она схватила голову. Глаза Полли смотрели на нее обвиняюще. Сунув пальцы внутрь, Лиззи извлекла то, что, как она видела, было спрятано внутри. Очевидно, Анна пропустила это

мимо, достала записку и подумала, что это все. Но подкладка для головы представляла собой небольшой кусочек материала. Лиззи быстро засунула его в карман джинсов и вернулась в сад.

Мало того, что кто-то издевался над ней, они еще и оставляли улики, о которых могла знать только Лиззи. И единственный вывод, к которому она могла прийти, заключался в том, что за всем этим стоит ее собственная плоть и кровь, Билли Коули. Кто еще мог знать о Полли, не говоря уже о том, чтобы хранить ее все эти годы? И Лиззи позволила ему поговорить с ней, дала ему шанс объясниться, очистить свое имя.

Врущий. Гребаный. Ублюдок.

Должно быть, он сейчас вовсю смеется, думая, что покорила ее. Полагая, что она поверила ему. Какой же доверчивой дурочкой она была.

Снова.

На этот раз ему это с рук не сойдет.

Теперь у нее был друг.

Глава 60

1989

Плуг, Мейплдон

Пятница, 16 июня — за 33 дня до

Преподобный Кристофер Фарнли сидел в баре, потягивая теплую пинту горького, и слушал, как группа мужчин обсуждает все — от своих жен и детей до работы и гольфа... и Билли Коули. Казалось, все всегда возвращалось к теме Билли, как бы ни начинался разговор. Он вздохнул и сделал глоток безвкусной жидкости, жалея, что не попросил вместо этого виски. Если бы он мог вынести дальнейшее сидение и слушание, он мог бы попросить об этом в следующий раз.

Крис, как правило, держался особняком вне церкви. Было мало людей, с которыми он хотел бы поговорить; по его мнению, не у многих из них было о чем поговорить. Он скучал по городской жизни: разнообразию и стимулирующим дискуссиям, хотя прошло уже более десяти лет с тех пор, как он вернулся в Мейплдон, чтобы возглавить церковь. Иногда он также жаждал анонимности, которую предлагал ему большой город. Его отец сыграл важную роль в этом назначении, он жил в Мейплдоне и большую часть своей взрослой жизни служил местным викарием. Теперь Крис буквально шел по его стопам после многих лет попыток убежать от них, чтобы идти в другом направлении. Его путь, казалось, был предопределен. Он, вероятно, тоже умрет здесь, как и его отец.

Он выжал из этого все возможное... его жизнь в Мейплдоне была неплохой. Скучно, но не невыносимо — он привык к недалекости, властолюбию, сплетникам, главным псам, аутсайдерам. И Билли Коули, несомненно, был последним. У него никогда не было ни единого шанса. Единственная причина, по которой Криса приняли, заключалась в том, что он когда-то жил там, его корни прочно укоренились — он происходил из длинной линии Фарнли, поэтому его считали инсайдером, несмотря на то, что он провел время вдали от деревни.

Крис пытался вмешаться, говоря в своих проповедях об инклюзивности и духе сообщества — внушая своей пастве важность того, чтобы быть добрым и поддерживающим, быть непредвзятым, как Господь Иисус, — но ничего не изменилось. Затем он пошел более прямым путем, навестив Билли в его доме и попытавшись сделать так, чтобы он и его семья чувствовали себя желанными гостями. Но его попытки были встречены неодобрительным

ворчанием, и дверь захлопнулась у него перед носом. И это было до того, как умерла жена Билли, Розы, до того, как Билли стал пьяницей и фактически затворником.

Однако после того, как ей поставили диагноз, Розы много раз ходила в церковь. Не на службы — она прокрадывалась внутрь, когда прихожане расходились, присаживаясь за скамью, стараясь казаться как можно меньше. Для спокойствия и элемента комфорта, как он предполагал; она никогда не говорила с ним о своей болезни, о своих тревогах. Она казалась закрытой книгой. Однако она попросила Криса никому не говорить о том, что она посещала церковь, особенно Билли. Как он должен был когда-либо упоминать об этом, когда Билли все равно отказался с ним разговаривать, он не знал, но он заверил ее, что не скажет ни ему, ни кому-либо еще. Он часто задавался вопросом, почему Розы, казалось, боялась Билли, и, вопреки своему желанию, он поймал себя на том, что подвергает сомнению то, что люди говорили о нем. Были ли они правы?

Но Бог не судит, и он не должен судить, постоянно напоминал он себе.

У каждого был свой крест, который он должен был нести. У некоторых их было несколько.

— Что вы об этом думаете, преподобный? — Голос ворвался в его мысли, и Крис резко обернулся. Эрик стоял рядом с ним, подняв брови и, казалось, ожидая ответа.

— О, извини, Эрик. Я был за много миль отсюда. Повтори еще раз? — Он поднял свою пинту и сделал еще глоток.

— Мы как раз обсуждали, что делать с Билли. Как вы думаете?

Крис почувствовал, как у него внутри все сжалось. Быть втянутым в такие разговоры было не очень хорошей идеей. Он позволил тишине затянуться, делая вид, что обдумывает вопрос. Он сделал мысленную заметку избегать «Плуга» в будущем, ему было бы лучше покупать алкоголь в магазине и пить в одиночестве, не выходя из дома священника. У него возникло внезапное чувство родства с Билли Коули.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, говоря «сделать с ним»? — Хотя Крис мог бы сделать обоснованное предположение. Эрик был таким же занудой, как и его жена Мюриэл, он еще не достиг ее уровня, но вместе с другими мужьями группа мужчин всегда стремилась оставить свой след. Обеспечить, чтобы их присутствие ощущалось, и донести до общественности тот факт, что их жены вполне могли проводить собрания в Мейплдоне, но именно они были действительно главными. Некоторые из них также входили в местный совет, что только усиливало их самонадеянное чувство власти. Как бы Крису ни хотелось утвердить свой собственный авторитет как человека в одежде, он также не хотел оказаться на неправильной стороне мафии Мейплдона. Это было место кошмаров, и он не мог позволить себе оказаться в таком положении.

— Мы, — Эрик обвел рукой бар, указывая на других мужчин, сидящих за самым большим столом, — на самом деле не хотим, чтобы он был здесь, в Мейплдоне. Мы думаем, что ему пора двигаться дальше.

— Ну, боюсь, это не так просто, как попросить кого-то «двигаться дальше», Эрик. У него есть собственность, его дочь ходит здесь в школу. Для них это было бы огромным потрясением, особенно так скоро после смерти Розы. — Крис растянул губы в неуверенной улыбке. Затем, поскольку Эрик не ответил, добавил: — Может быть, нам стоит подумать о том, чтобы предложить поддержку или практическую помощь...

— Ты что, шутишь? — Из-за стола мужчин донеслось несколько громких голосов. Плечи Криса опустились, его глаза закрылись, когда он ожидал нападения. — Этот человек

— настоящий урод, — продолжил Эрик. — Если он не издевается над этой девочкой, я съем свою шляпу. Вы же не можете сказать, что в этом нет ничего плохого, преподобный, не так ли? Я имею в виду, вам нужно только посмотреть на нее, увидеть, какое дерьмо — простите за мой французский — она делает со своими куклами, чтобы понять, что что-то не так. А потом вокруг него все время вертятся наши дети. Это ненормально. — Эрик покачал головой.

Другой мужчина, Марк — муж Тины Хейз — встал и закричал на весь зал. Его слова не оставили у Криса никаких сомнений в том, к чему это может привести, если выйдет из-под контроля.

— Если этот педофил хотя бы пальцем тронет кого-нибудь из наших детей... — И он провел указательным пальцем по горлу, указывая на судьбу Билли Коули.

Глава 61

Анна

2019

Вторник, 16 июля

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Анне удалось помочь Лиззи выбраться из сарая, и она оправилась от приступа паники. Если бы она знала, что Лиззи страдает клаустрофобией, она бы не повела ее в сырой, темный сарай. Это, вместе с частями куклы, должно быть, подтолкнуло ее к краю пропасти.

Анна вложила в руку Лиззи стакан холодной воды.

— Вышей, — сказала она ей.

Лиззи проглотила его залпом.

— Спасибо, — сказала она, вытирая рот тыльной стороной ладони. Она казалась ранимой девочкой, сидящей на траве, скрестив ноги, бледная и дрожащая. Анна увидела свою маму в кухонном окне; она не смогла помешать ей узнать, что Лиззи была там, когда она бросилась на кухню за водой. Было неизбежно, что теперь она будет задавать вопросы, и Анне придется рассказать о последней находке и сказать ей, что она нашла записку в голове куклы.

— Ты чувствуешь себя лучше?

— Гораздо. — Лиззи заставила себя встать. — Может быть, мы могли бы зайти внутрь? Хочешь поболтать?

Анна кивнула, и они направились к задней двери, озадаченный взгляд Мюриэл провожал их.

— Что происходит? — спросила она, стоя, твердо скрестив руки на груди, на ее лице застыло обвиняющее выражение.

— Мам, была еще одна часть, — сказала ей Анна, когда все они расположились за обеденным столом.

Мюриэл вздохнула.

— Верно. Что ж, тогда я приготовлю нам по чашечке чая, хорошо?

Она не стала дожидаться ответа, соскользнула со стула и направилась на кухню. Анна заметила, что она избегает смотреть на Лиззи.

— У меня плохое предчувствие, что мы получим всю куклу по частям, — сказала Анна. — Как ты думаешь, что произойдет, когда кукла будет собрана?

— Я не знаю. Но осталось всего три части? Тогда посмотрим, я думаю.

— Должна ли я привлекать полицию? — прошептала Анна, надеясь, что Мюриэл не

услышит ее из-за шума закипающего чайника. — Мама действительно не считает это необходимым, но чем дольше это продолжается, тем меньше я склонна соглашаться с этим.

— Честно говоря, я не знаю, Анна. Я не уверена, что полиция действительно может помочь...

— Конечно, она не хочет, чтобы ты привлекала полицию, Анна. Потому что она, вероятно, стоит за всем этим, — сказала Мюриэл, ее губы сжались в тонкую гримасу, когда она поставила две кружки перед Анной и Лиззи.

— Мама! — воскликнула Анна. Ее мать могла быть такой грубой, иногда слишком прямолинейной.

— Что? Ты не думала о том же самом?

— Слушай, могу я просто напомнить тебе, что ты тоже не хотела привлекать полицию, значит ли это, что тебе тоже есть что скрывать?

Это было задумано как способ закрыть ее мать, дать Лиззи шанс, но ее реакция и реакция Лиззи заставили Анну сидеть сложа руки. Она заметила, как Мюриэл и Лиззи обменялись взглядами — каждая проводила линию фронта; каждая что-то знала о другой и решала, следует ли ей нанести первый удар.

Анна, как оказалось, была оставлена в неведении относительно чего-то.

— Кто-нибудь из вас собирается сказать мне, что, черт возьми, происходит, пожалуйста? Что вы знаете такого, чего не знаю я?

— Ничего, — защищаясь, заявила Мюриэл. — Тут нечего рассказывать.

— Чушь собачья.

— Анна! Воздержитесь от использования этого языка в моем доме.

— Тогда воздержись от лжи мне. Я этого не потерплю.

Лиззи с силой положила руки на стол.

— Верно. Самое время нам всем взять на себя некоторую ответственность за это... это... затруднительное положение — за неимением лучшего слова — в котором мы оказались. Мы все вовлечены, нравится нам это или нет. Давайте будем реалистами, и, может быть, мы сможем выяснить, кто это делает и почему, и положить этому конец, пока кто-нибудь не пострадал. Итак, Мюриэл, перейдем к тебе. Ты можешь начинать, как ты думаешь?

Руки Анны покалывало, пальцы онемели. Она не была уверена, что готова это услышать. Она поставила оба локтя на стол и подперла подбородок руками. Чтобы успокоиться. Чтобы подготовиться к тому, что должно было быть сказано.

— Я вся во внимании.

Глава 62

2019

Лиззи

Все, что Лиззи могла делать, это наблюдать и ждать, чтобы увидеть, как будет развиваться ситуация. На самом деле она не имела большого представления о том, что Мюриэл может знать, а что нет, но Анна, казалось, была уверена, что ее мать что-то знает, и, учитывая одно из единственных детских воспоминаний Лиззи, связанных с тем, как ее привели в дом Мюриэл и Анны, она была уверена, что Анна была права. У Лиззи был только одно мнение о Мюриэл... и оно пришло от ее отца ранее. Это были боеприпасы, если потребуется, но она не могла быть уверена, что это правда. Границы между правдой и ложью, казалось, были размыты до неузнаваемости, когда дело касалось Мейплдона и его

жителей. Ядовитость этого места начала брать верх, впитываясь в нее, как яд от укуса змеи, она задавалась вопросом, сколько времени пройдет, прежде чем он крепко схватит ее и потащит вниз, прочь от ее жизни, прочь от Дома.

Лиззи почти стало жаль пожилую женщину, сидящую перед ней, ее глаза были слабыми и водянистыми, полными неуверенности и, возможно, проблеска страха. Мюриэл Фишер постарела за считанные минуты. Что могло быть такого плохого, что вызвало такую реакцию? Лиззи откинулась на спинку стула, готовая выяснить это. Надеюсь, что ей не скажут еще больше лжи.

— Продолжай, мам, — сказала Анна. Лиззи подумала, что глаза Анны выглядят темными, безжизненными. Не так, как они появились в первый день, когда она встретила ее у церковных ворот. Она тоже должна выбраться отсюда, пока может.

— Прошло тридцать лет, — дрожащим голосом произнесла Мюриэл, прежде чем сделать паузу. Лиззи подавила смешок. Она сразу вспомнила похожую фразу, сказанную пожилой женщиной в фильме «Титаник», и почти ожидала увидеть, как внешность Мюриэл изменится с той, что была перед ней, на тридцативосьмилетнюю Мюриэл из 1989 года, когда все это началось. Лиззи закашлялась, прижав руку ко рту, чтобы скрыть улыбку. Ничто из этого не было даже отдаленно забавным; она узнала в своей реакции ту, которую использовала в детстве, — защитный механизм, как она позже поняла.

Внимание Мюриэл было приковано к ее рукам, пальцы крутили золотую ленту обручального кольца. На мгновение Лиззи была загипнотизирована, затем вспомнила суть этого разговора.

— Ты в порядке, Мюриэл? — спросила она.

— Да, да. Просто задумалась. — Наконец, она подняла глаза, встретившись взглядом с Лиззи. Ее сердце учащенно забило, когда пристальный взгляд немигающих глаз Мюриэл пронзил ее. — Я думала, что спасаю тебя. Спасаю Элизу.

— Значит, это ты привлекла к делу социальные службы?

— Да, я полагаю, что я была той, кто запустил мяч в игру. Я действовала не в одиночку. Я бы не вмешивалась, если бы другие не согласились.

— Понимаю. Но зачем ты привела меня сюда? — сказала Лиззи, сморщив лицо.

— Нам нужно было увести тебя от него. Тебе никогда не разрешалось ни с кем разговаривать, когда он был рядом. Вот почему преподобный Фарнли убедил его записать тебя в воскресную школу, чтобы дистанцировать тебя — оставить тебя в покое. Но этого было недостаточно. Им нужны были доказательства.

— Кому, социальным службам?

— Да. Нам было недостаточно быть подозрительными, чтобы мы думали, что он пренебрегает тобой, даже злоупотребляет тобой. Сумасшествие, на самом деле. Что бы для этого потребовалось? Чтобы он убил тебя? — Мюриэл отвела взгляд. — Я имею в виду, им достаточно было посмотреть на тебя, увидеть, что ты делаешь со своими игрушками, чтобы понять, что ты встревожена.

Лиззи вздрогнула.

— Разбирать кукол на части не обязательно приравнивается к жестокому обращению, не так ли?

— Нет, но вместе с другими вещами мы чувствовали, что это так.

— И под «мы» ты подразумеваешь других жителей деревни? — спросила Лиззи.

— Нет, не всех, — сказала Анна. До сих пор она молчала. — Ты имеешь в виду женщин.

которые участвовали в собраниях в Мейплдоне, не так ли? — Это был не вопрос, это было утверждение, граничащее с обвинением, учитывая тон голоса Анны.

Мюриэл поерзала на стуле.

— Да. Тема Билли Коули обсуждалась практически на каждой встрече с тех пор, как он переехал в то бунгало.

— Он тебе не понравился с самого начала, не так ли? Не хотела даже попытаться, — сказала Анна.

— Все было совсем не так. Не совсем. Я согласна, он не вписался в коллектив... он и не пытался. Так неизбежно, что некоторые люди поддержали его. Это сплоченная деревня. Мы все объединяемся, все участвуем на благо общества. Билли Коули все это не интересовало, ему было все равно. Он часто бывал грубым, резким и держал Розу и Элизу на коротком поводке, что в нашем сознании вызывало тревогу. После смерти Розы он, казалось, был еще более полон решимости держать тебя при себе. — Мюриэл посмотрела на Лиззи и вздохнула, как будто вспоминая то время.

— У меня не было друзей, не так ли? — заявила Лиззи.

— Нет, дорогая. Хотя некоторые дети действительно пытались. Молодой Роберт, например.

Лиззи села прямее.

— Роб? Сын Нелл Эндрюс из магазина «Брук Коттедж»?

— Да. Помню, был один особенный случай. Однажды Нелл закончила работу поздно вечером и обнаружила, что Роберт ушел из дома, даже после того, как ему сказали этого не делать. Выяснилось, что он был внутри бунгало; Билли действительно впустил его. После этого поползли слухи, потому что Роберт казался испуганным и отстраненным, когда вернулся домой. Отказался когда-либо говорить о том дне. Что-то его напугало. Или кто-то.

Лиззи подумала о своем вечере с Робом. Он был непреклонен в том, что не помнит ничего конкретного о Джони, и не упоминал об этом инциденте с Билли или Элизой. Что он скрывал? Или, возможно, дело было не в том, что он что-то скрывал; возможно, он похоронил ужасное воспоминание. Неужели ее отец тоже что-то сделал с ним?

— В любом случае, продолжай, мам, — уговаривала Анна.

— Мне больше нечего сказать. Достаточно сказать, что Билли был зол, когда у него забрали Элизу...

— Подожди, — сказала Лиззи. — Ты забегаешь вперед. Ты упомянула, что социальные службы хотели получить доказательства. Что же в конце концов убедило их взять меня под опеку?

Мюриэл вздохнула.

— Мы снимали тебя на видео, — тихо сказала она.

— Снимали меня на видео? Что? — Лиззи почувствовала, что ее голос повысился. Ей не нравилось, к чему это клонится.

— Мы с Нелл установили камеру и привезли тебя сюда. Мы делали это несколько раз в надежде заставить тебя признаться, что твой отец делал с тобой.

— Заставить меня признаться? Господи, это больше похоже на принуждение! Или ты пошла на несколько шагов дальше и облила меня водой, чтобы заставить сказать то, что ты хотела? — Лицо Лиззи вспыхнуло. Она была ребенком, и эти женщины манипулировали ею. Она бросила на Анну взгляд, полный отвращения. Знала ли она, что сделала ее мать?

— Нет, не принуждали, — сказала Мюриэл. — Мы были нежны... пытались заставить

тебя открыться нам, поддерживая и ободряя, вот и все.

— Две взрослые женщины забрали меня, и я предполагаю, без разрешения моего отца, и держали меня в своем доме, чтобы вытянуть из меня какое-то нездоровое признание? — Гнев нарастал, сердце Лиззи бешено колотилось. — Разве это не похищение? Может быть, это ты похитила Джони Хейс!

Слова повисли между ними — выражения лиц Анны и Мюриэл были ошеломлены ее обвинением.

— Лиззи, пожалуйста, успокойся, — сказала Анна, вставая со стула и обнимая Лиззи за плечи. Она отмахнулась от нее.

— Я спокойна. Для женщины, которая только что узнала, что не только ее собственный отец подвел ее, но и другие взрослые манипулировали ею в детстве.

— Но в конце концов ты все-таки сказала нам. — Теперь голос Мюриэл звучал уверенно, как будто цель оправдывала средства. — Бедная маленькая Элиза, это разбило мне сердце.

— Что разбило тебе сердце? — Глаза Лиззи тут же наполнились слезами. Все шло к этому.

— У тебя была кукла, Полли, ты звала ее... — Мюриэл сделала паузу, глядя на Лиззи снизу вверх.

Вот оно.

— Да, я ее помню.

— Это была единственная кукла, которую ты, казалось, любила; единственная неповрежденная. — Мюриэл глубоко вздохнула. — И ты показала нам, используя куклу. Ты показала нам, что он с тобой сделал.

Глава 63

1989

Резиденция Хейсов

Понедельник, 12 июня — за 37 дней до

Марк обхватил Тину за талию, сжал обе ее руки, а затем притянул к себе. Он закружил ее по кухне, танцуя под песню Джейсона Донована «Запечатанный поцелуем». Джони отпрыгнула с их пути, закатив глаза.

— Фу, — сказала она, сморщив нос.

— Что ты имеешь в виду под «фу»? Мы просто танцуем.

— Это отвратительно.

— О, в самом деле! — сказал Марк, останавливаясь перед дочерью. — Однажды ты так не будешь думать... ты будешь умирать от желания, чтобы парень сбил тебя с ног и потанцевал с тобой.

— Мальчишки глупы. И я могу танцевать сама по себе или с Беллой. Мне не нужен мальчик.

Марк рассмеялся, обменявшись понимающим взглядом с Тиной. Он напомним Джони об этом, когда она будет подростком и будет плакать из-за какого-то мальчика. Он взъерошил волосы Джони, прежде чем снова обратить свое внимание на Тину. Ее рубашка цвета индиго была сногшибательной, как и ее голубые глаза; их напряженность, казалось, проникала в самую его душу. Он хотел бы видеть удовлетворение — счастье — в этих глазах. Он страстно желал, чтобы в них отразилась его любовь к ней. Они не ссорились, по крайней мере, не часто, но за последний год он почувствовал дистанцию между ними. Может быть,

он пренебрегал ею, проводя слишком много времени в пабе с парнями. Он подумал, что ему следует приложить больше усилий.

— Не хочешь устроить барбекю на выходных? — весело спросил он. — Мы могли бы пригласить всех желающих, максимально использовать хорошую погоду.

— Конечно. — Тина пожала плечами, поворачиваясь к Джони. — Звучит забавно, не так ли?

— Как скажешь. — Ответ Джони казался безразличным.

— Что с тобой не так в последнее время? — вмешался Марк. — Тебе всего десять, а ты уже ведешь себя как твоя мать, когда у нее месячные.

— Марк! — Тина ткнула его пальцем в ребра.

— Что ж, это правда. Ты молода и красива, Джони, не такая, как твоя мать, почему ты такая несчастная? — Он подмигнул Тине.

— Папа. В этой деревне скучно. Тут буквально нечего делать. Я не несчастна, я сыта по горло.

— Значит, барби даст тебе занятие, не так ли? Что-то, чего стоит ждать с нетерпением. Ты можешь отвечать за музыку, составить плейлист и позволить королю Барби творить свое волшебство.

Джони улыбнулась.

— О, боже мой, будь осторожна, милая, — сказал Марк, бросаясь к ней, кладя руки по обе стороны от ее лица и сжимая. — Тогда ты чуть не раскололась.

— Ха. Ха. Очень смешно. — Джони отстранилась от него. — А король кукол Барби — это скорее ты, папа. — Она показала язык и выскочила через заднюю дверь.

— Куда ты? — крикнула ей вслед Тина.

— Не знаю. Вышла посмотреть, кто тут поблизости.

Тина посмотрела на настенные часы, затем вздохнула и посмотрела на Марка, ожидая его ответа.

— Сейчас уже пять часов, не слишком поздно? — спросил он, переложив бремя принятия решения обратно на Тину.

— Я полагаю, для нее нормально выйти и поиграть пару часов, хотя это школьный вечер. — На ее лице отразилось беспокойство. Она побежала к задней двери. — Возвращайся ровно в семь, пожалуйста! — крикнула Тина в направлении исчезающей фигуры Джони, когда та скрылась из виду за стеной. — Как ты думаешь, Марк, с ней все в порядке? — Хмурясь, она вернулась и прислонилась к столешнице.

— Немного капризная, но в остальном просто наша милая, очаровательная дочь. — Он рассмеялся.

— Если серьезно, я беспокоюсь. Она такая вспыльчивая, раздражительная. Ты пошутил, что это время месяца, но, возможно, ты прав... у нее начинается гормональный фон.

— Рановато, не так ли?

— Не обязательно. У меня начались первые месячные, когда я училась в начальной школе.

— Тогда, может быть, пришло время поболтать между матерью и дочерью?

— Да, если я смогу ее поймать. Она находит любой предлог, чтобы выйти из дома, а когда она здесь, то закрывается от всех, включив музыку так громко, как только может. Интересно, она поссорилась с Беллой или с другой подругой.

— В ее возрасте это неизбежно происходит. Дети ежедневно заводят дружбу и теряют

ее, не так ли? Особенно девочки.

— Сексистская свинья, — сказала Тина, качая головой в притворном раздражении.

— Хотя это правда, детка. Просто говорю. У нас, мужчин, похоже, такой проблемы нет.

— Позволю себе не согласиться.

— Ну что ж, всегда есть исключения. Этот урод, Билли Коули, например. Сейчас он мега странный; должно быть, он был таким в детстве.

— Не будь таким злым. Если бы у него были трудные времена, когда он рос, это объяснило бы, почему он не заинтересован в общении с вами сейчас, став взрослым. Я имею в виду, что в этой деревне невелика добыча... возможно, он просто не любит вас всех. То, что ты одиночка, не делает тебя странным, Марк.

— А, точно. И это то, о чем вы, леди, болтали на собраниях в Мейплдоне, не так ли? Что он вовсе не странный, просто его неправильно поняли или что-то в этом роде.

— На самом деле, я немного сыта по горло всеобщим отношением к Билли, и я не присоединяюсь к дискуссиям о нем. На самом деле, после последней встречи я, возможно, даже не пойду снова.

— Правда? Настолько плохо. Ведьмы охотятся за ним, не так ли?

— Ты можешь шутить, но, честно говоря, это действительно похоже на то. Этот парень на самом деле никогда не делал ничего плохого, не так ли?

— Его не поймали на чем-то неправильном, нет. Но там, где есть дым, есть и огонь, любовь моя. И от него воняет дымом.

— Ну, я, например, думаю, что, возможно, ему следует дать некоторую поблажку. Если бы все свернули себе шеи и позволили ему жить своей жизнью, деревенские дети тоже дали бы ему передышку. Они играют с ним в эти игры «Тук-тук» только потому, что слышали, что говорят о нем их родители. Во всем виноваты взрослые. Мы должны подавать пример, а не учить наших детей запугивать других людей.

— Ради Бога, это не издевательство!

— Тогда как бы ты это назвал?

— Охраной нашей деревни. Вот как я бы это назвал. Ты бы подумала так же, если бы что-нибудь случилось с кем-нибудь из детей.

— Но этого не произошло!

— Нет. Потому что мы внимательно следим.

Тина подняла руки в знак поражения.

— Неважно. Но ты знаешь, такое поведение вполне может подтолкнуть его к тому, чего он бы не сделал, если бы все просто оставили его в покое.

Глава 64

Анна

2019

Вторник, 16 июля

После откровения ее матери о том, что она сняла Элизу на видео и проинформировала социальные службы о предполагаемом жестоком обращении, они все молча сидели за столом. Как учитель, Анна прошла обучение по защите детей, чтобы получить представление о признаках жестокого обращения с детьми и безнадзорности, о том, как их обнаружить, и какие шаги они должны предпринять, если подозревают, что один из детей в школе стал жертвой. К счастью, Анне до сих пор не приходилось воплощать эти шаги в жизнь в своей карьере. Ее мама, вероятно, сделала то, что, по ее мнению, было лучшим в то

время, несмотря на то, что сейчас это кажется опрометчивым и неуместным, не то чтобы у нее была какая-то подготовка, связанная с выявлением признаков и лучшим способом справиться с подозрением о жестоком обращении.

Теперь, решив, что Мюриэл пора посмотреть записки, которые они уже получили, Анна достала их из сарая и разложила листки бумаги на обеденном столе, разглаживая каждую ладонями. Все трое уставились вниз, вбирая их в себя. Выслушав то, что рассказала им ее мать, теперь Анне казалось очевидным, что записки были адресованы Мюриэл. Именно она сыграла важную роль в том, чтобы дочь Билли Коули была отдана под опеку. Как бы ни была ужасна эта мысль, то, что сделала Мюриэл, могло стать катализатором того, что Билли сделал дальше: похитил и убил Джони Хейз. Это, конечно, объясняло, почему части куклы теперь были прибиты к ее входной двери. Это было своего рода послание, знак того, что Билли винил ее.

Проблема была в том, хотел ли он теперь отомстить за это? За то, что забрали единственное, что у него осталось в этом мире?

Однако ей было интересно, как его осуждение за убийство Джони соотносится с этим. Неужели Билли только начинал? Он мог прокладывать себе путь через людей, которые, по его мнению, причинили ему зло. В этом случае Анна предполагала, что впереди еще долгий путь. Затем он, вероятно, захочет отомстить тому, кого он считал ответственным за то, что его отправили в тюрьму.

Если, конечно, он не убивал двух зайцев одним выстрелом на этом фронте. Мюриэл и Анну одним ударом. Хотя она на самом деле не понимала, почему он беспокоится об Анне. Она просто рассказала полиции о том, что видела. Он отвечал за свои действия, а не она. Целое жюри присяжных вынесло решение о его виновности. Ни одной молодой девушки. Почему она должна страдать?

Мюриэл, она могла бы понять.

Жители деревни предположили, даже высказали предположения в прессе, что Билли забрал Джони в качестве прямой мести за то, что у него забрали Элизу. Так почему же он забрал Джони, а не Анну? Повезло ли ей? Так вот почему тетя Тина была такой озлобленной? Это имело смысл. Тина ужасно страдала из-за того, что сделала Мюриэл. И дочь Мюриэл сбежала.

Она бы тоже разозлилась.

— Значит, это еще не все, — сказала Лиззи, кончиками пальцев передвигая клочки бумаги по столу.

— Я бы предположила, что да. Как я уже говорила ранее, думаю, мы получим всю куклу целиком. Возможно, идея состоит в том, чтобы мы снова собрали все воедино. Восстановили ее.

— Противоположность тому, что я обычно делала с ними. — Лиззи резко рассмеялась.

Анна кивнула. Она почти списала Лиззи со счетов как виновницу, но теперь задумалась, не было ли это своего рода символизмом. Лиззи подверглась жестокому обращению, чувствовала себя так, словно ее разобрали на части, и теперь она хотела восстановить себя. И, возможно, чтобы сделать это и прийти к завершению, она должна была встретиться лицом к лицу со своим прошлым, со своим жестоким отцом и снова собрать Полли воедино. Возможно, она была единственной куклой, которая выжила, когда Лиззи была в Мейплдоне, но как насчет того, когда ее взяли под опеку? Ее жизнь тогда, должно быть, была наполнена расстройством и суматохой, без понимания того, что с ней случилось и почему. Может

быть, Полли, которая когда-то была ее любимой куклой — последним, прощальным подарком от умирающей матери — стала олицетворением всего плохого, что с ней случилось. Всего злого.

Это была теория. Вероятно, далекая отсюда; слишком диковинная. И это было то, чем Анна не могла поделиться в данный момент времени. Но ей, вероятно, пока не стоит исключать Лиззи.

Было несколько человек, с которыми Анна хотела бы поговорить обо всем этом. Она уже решила навестить Пэта Верна позже. Теперь она добавила в свой список Роберта и Нелл Эндрюс.

Глава 65

2019

Лиззи

Лиззи не спрашивала о дальнейших подробностях; она не хотела больше ничего слышать. Образов, вызванных в воображении Мюриэл, описывающей, как ее восьмилетняя «я» использовала Полли, чтобы изобразить то, что Билли сделал с ней, было достаточно. Болезненная боль сдавила ее внутренности. Она была рада, что не помнит этого. Ничего из этого. Станным было то, что во время ее пребывания в опеке ей рассказали многое из того, что произошло, и она знала, что ее забрали у отца, потому что он не заботился о ней должным образом, но в основном это было сосредоточено на том, что ее отец якобы сделал с Джони Хейз, а не с ней, его собственной дочерью.

И то, что она услышала, она прочно поместила в отсек на задворках своего сознания, чтобы никогда к этому не возвращаться. Часть ее не верила в эти сказки. Они исходили от людей, которые на самом деле не могли знать — все это были домыслы, сплетни. Им нельзя было доверять в том, что они скажут ей правду или дадут точный отчет, слишком много было написано в таблоидах, и люди верили тому, чему хотели, добавляли больше шокирующих и «интересных» подробностей к тем, которые были известны. Была ли у Мюриэл какая-то причина лгать ей сейчас? Лиззи не могла понять, что выиграет от этого пожилая женщина, тем более что она тоже выглядела плохо. Зачем ей ставить себя на линию огня? Нет, у Лиззи было отчетливое ощущение, что Мюриэл напугана. Боялась, что ее прошлые поступки возвращаются, чтобы преследовать ее сейчас.

Но, возможно, она помнила это неправильно. Или что она вообще неправильно истолковала действия восьмилетней Элизы.

Это то, что сказал ей отец только тем утром.

— Мюриэл Фишер была занудой, — выплюнул он. — Вместо того, чтобы вмешиваться в нашу жизнь, ей следовало внимательнее присмотреться к своей собственной. — Теперь его слова вернулись к Лиззи. Как и его яростное обвинение.

— С тобой все в порядке, Лиззи? — Обеспокоенный голос Анны ворвался в ее мысли.

— Да. Я в порядке. Все это должно было однажды выплыть наружу, а? — Ей удалось натянуто улыбнуться.

— Освобождение Билли принесло с собой многое — вскрыло всю ту боль и вред, которые он причинил. Мы все снова будем страдать. Его не следовало выпускать, — резко сказала Мюриэл.

— Но дело сделано. И теперь нам приходится иметь дело с этим и со всем, что с этим связано. Включая прошлое. — Лиззи вытянула руку, указывая на листки бумаги на столе. — Очевидно, что тот, кто их оставляет, не чувствует, что правда где-то там. Насколько я могу

понять, они, должно быть, считают, что в исчезновении Джони виноват кто-то другой. Не мой отец.

— Ты веришь, что он был виноват, Лиззи? — спросила Анна. Ее глаза искали Лиззи.

— Честно? Я не знаю. Очевидно, я выросла, веря, что он виновен. И я тоже приехала в Мейплдон с этой мыслью. Но потом... я, ну, теперь я уже не так уверена, как раньше. — Если бы она призналась Мюриэл и Анне, что Билли Коули вернулся, и что она его видела, у них не осталось бы никаких сомнений в том, что это он прибывал к двери кукольные фигурки. И учитывая, что она была убеждена, что это ее кукла Полли использовалась для этой странной игры вместе с записками, было трудно не сделать вывод, что это был Билли.

Но было небольшое сомнение. Что-то терзало ее, как зуд, до которого она не могла дотянуться, чтобы почесаться.

Это было слишком очевидно.

Но с другой стороны, разве они не говорили, что самое простое объяснение обычно является правильным?

Может быть, она искала другой ответ, потому что ухватила за шанс снова узнать своего отца после всех этих лет и надеялась вопреки всему, что он не был виновным человеком, за которого все его принимали.

Во всяком случае, не виноватым во всем этом.

Глава 66

1989

Резиденция Фишеров

Воскресенье, 11 июня — за 38 дней до

Белла сидела на средней ступеньке, упершись локтями в бедра и подперев подбородок руками. Она не слышала, чтобы ее мама и папа ссорились раньше, во всяком случае, она не могла вспомнить. Они думали, что ее нет дома, так как она вернулась из воскресной школы и сняла свой лучший воскресный костюм, быстро натянула джинсы и футболку и нырнула обратно через дверь, чтобы пойти в парк. Но она забыла свою сумочку, в которой лежала ее фунтовая монета на газировку и сладости, и поэтому проскользнула обратно, явно незамеченная родителями.

— Ты отчитываешь меня за вмешательство, а потом делаешь это? О чем ты думал? Ты все испортишь, сведешь на нет мою тяжелую работу! — Гнев матери прорвался сквозь ее слова. Белла почти видела, как ее отец съежился.

— Что ж, решай, черт возьми: либо тебе нужна моя помощь, либо нет. Перестань придирааться и выбирать то, что подходит тебе, Мюриэл. Я делаю все возможное, чтобы поддерживать тебя здесь.

— Может, тебе не стоит беспокоиться. У нас все было в порядке и без того, чтобы ты ходил к нему домой.

— Да, я это вижу. Очевидно, ты проделал блестящую работу.

Белла была в замешательстве. Тон ее отца был резким. Имел ли он в виду, что ее мама проделала хорошую работу? Или он был противником? У нее было неприятное ощущение в животе; она не должна была подслушивать. Она начала красться обратно вниз по лестнице; она снова уходила... они кричали так громко, что ее не слышали.

Последняя ступенька издала громкий скрип, когда ее вес переместился. Она застыла.

Дверь в гостиную распахнулась.

— Я думала, тебя нет дома. — Лицо ее мамы было красным и в пятнах, как будто она

плакала.

— Я забыла сумочку, — сказала Белла. Она повернулась, чтобы уйти.

— Нет. Подожди. Возвращайся.

Плечи Беллы поникли. Теперь на нее накричат за то, что она подслушивала. Когда она последовала за мамой в гостиную, ее отец протиснулся мимо и ушел, хлопнув за собой входной дверью.

— Полагаю, ты все это слышала?

Белла прищурила глаза. Она гадала, сможет ли она сказать «нет» и выйти сухой из воды. Но прежде чем она ответила, ее мать продолжила:

— Это была всего лишь небольшая размолвка, не о чем беспокоиться. Но, Белла? — Мать взяла ее за руки и наклонила ее лицо к своему. — Ты не можешь повторить ничего из того, что слышала, хорошо? Это между нами. Если бы кто-то узнал, это просто вызвало бы проблемы. Ты же не хочешь, чтобы у твоего отца были неприятности, не так ли? Ты же знаешь, как сильно он тебя любит, он сделает для тебя все, что угодно. Он бы очень расстроился, если бы ты кому-нибудь рассказала. И я бы тоже.

Белла нахмурилась. Она даже почти ничего не слышала. О чем говорила ее мать... почему ее отец попал в беду? Она пожала плечами.

— Я серьезно, Белла. Это серьезно; мы не можем допустить, чтобы люди думали, что твой отец был с Билли. — Ее глаза были широко раскрыты. — Жутким Коули, — добавила она, как будто Белла не знала, кого она имела в виду.

— Почему он был с ним? — Белла не смогла удержаться от вопроса.

— Он не был. Не совсем. Послушай, хватит уже. Твоего отца там не было, помнишь?

Белла чувствовала себя настолько сбитой с толку, что просто хотела, чтобы ее мать замолчала. Она покачала головой.

— Прекрасно. Папы там не было.

Ее мать ослабила хватку на плечах Беллы, и девушка сделала шаг назад. Мюриэл выпрямилась, ее лицо расслабилось. Белла, испытывая облегчение от того, что, очевидно, сказала правильные вещи, воспользовалась возможностью и выскочила за дверь. Большую часть пути до парка она бежала, стремясь как можно больше дистанцироваться от матери.

Что происходит?

Что бы это ни было, она сделает так, как ей скажут, и больше не произнесет об этом ни слова. Последнее, чего она хотела, это втянуть своего отца в какие-либо неприятности.

Глава 67

Анна

2019

Вторник, 16 июля

Анна молча смотрела на дом Тины; в последний раз она заходила туда вместе с Джони тридцать лет назад. Она расправила плечи и открыла шаткую деревянную калитку, ведущую к входной двери. Дом был одним из трех в небольшом террасном районе недалеко от главной дороги, каждый из которых имел совместный доступ к садам на заднем дворе, дорожки тянулись по всей длине ряда. Это был один из самых забавных аспектов посещения Джони... они часто играли в прятки в садах соседей без их ведома или разрешения.

Анна остановилась у двери, подняв руку, чтобы постучать. Вероятность того, что Пэт Верн окажется там один, была невелика, и ей не хотелось снова встречаться с Тиной. Особенно потому, что она хотела допросить Пэта об исчезновении Джони. Было бы менее

неловко, если бы она подошла к Пэту на более общей территории, например, в «Плуге», если он все еще пил там. Это было бы легко выяснить. Она попятилась, но, подойдя к воротам, услышала, как открывается дверь.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил хриплый голос. По крайней мере, ответил Пэт, а не Тина. Анна улыбнулась и повернулась к нему лицом.

— Здравствуйте, мистер Верн.

Он стоял неподвижно, на его лице на мгновение появилось озадаченное выражение. Затем его хмурое выражение сменилось пониманием, и он глубоко вздохнул.

— Белла? Это ты?

— Виновна по всем пунктам обвинения, — сказала Анна, ее попытка пошутить провалилась.

— Теперь чего ты хочешь? Разве ты недостаточно расстроила Тину?

— Я не понимала, что расстроила ее. — Анна покраснела, прекрасно понимая, что так оно и было. — Мне очень жаль. Послушай, я заскочила только для того, чтобы поговорить с тобой, но если я собираюсь причинить тебе горе, я уйду. Как я и собиралась сделать в любом случае. — Она прошла через ворота и повернулась, чтобы закрыть их.

Анна увидела, как Пэт оглянулся через плечо в темноту холла, затем вышел наружу, потянув на себя дверь.

— Что ж, она расстроена, независимо от того, намеревалась ты это сделать или нет. Но если ты хочешь поговорить, нам лучше встретиться в другом месте. Я буду в пабе через двадцать минут. — И прежде чем Анна смогла заговорить снова, он повернулся и исчез внутри.

***

Анна криво качала головой, усаживаясь рядом с дверью внутри «Плуга». Прошло столько лет, а это все еще было в значительной степени мужским владением, если судить по нынешним игрокам. Ее присутствие там уже привлекло несколько любопытных взглядов.

Мейплдон — деревня, которую время забыло.

Слава богу, она сбежала. Она даже представить себе не могла, на что похожа здешняя жизнь — это отбросило женское движение на пятьдесят лет назад. Она отметила, что видела не так уж много молодых людей. Неужели вся ее возрастная группа воспользовалась возможностью уйти, как только у них появилась такая возможность? Население, по-видимому, было в основном старше пятидесяти лет.

Прислонившись спиной к стене, Анна потягивала Пино Гриджио, и фруктовый аромат поразил ее вкусовые рецепторы. Казалось, прошли недели с тех пор, как она в последний раз пила хорошее вино. В «шкафчике для напитков» ее матери — древнем, который был у нее с семидесятых годов, на котором все еще красовалась пластиковая вывеска бара Babycham Deer — был только херес и единственная бутылка вина, которая явно была открыта много лет назад и теперь была мутной и пахла уксусом.

Ее мать не была в восторге от решения Анны выйти из дома — оставлять ее, хотя бы на несколько часов, было рискованно, с ее точки зрения. Анна могла понять ее страх, но не предложила взять ее с собой, даже не намекнув, что она договорилась встретиться с Пэтом. Она чувствовала, что мать будет слишком большой помехой, чтобы докопаться до истины. Анна знала, что ей было бы лучше, если бы Мюриэл не играла роль закадычной подруги, Пэт был бы более склонен говорить свободно. Или это была надежда. Анна позаботилась о том, чтобы Сэнди знала, что Мюриэл была одна; ее добрая соседка будет держать ухо востро, и

это несколько успокоило ее мать.

Анна уже наполовину выпила свой бокал вина и была почти готова опрокинуть еще один, сдаться и пойти домой, когда наконец появился Пэт. В тусклом свете паба он казался растрепанным и усталым. Похоже, освобождение Билли Коули сказалось на многих из них.

— Привет, Пэт. Спасибо, что пришел, что я могу тебе предложить? — Анна встала, собираясь идти к бару.

— Ничего. Мы не можем здесь разговаривать, пойдем. — И он снова исчез за дверью так же быстро, как и вошел. Анна потянулась за своим бокалом и залпом допила оставшееся вино — нет смысла тратить хороший алкоголь впустую.

Воздух на улице остыл, но Анне не нужна была хлопчатобумажная куртка, которую она взяла с собой по настоянию матери «на всякий случай» — для летнего вечера она все еще была сносной. Она перекинула её через руку и поспешила догнать Пэта, который поднимался на холм по направлению к церкви.

— Помедленнее, — сказала она, ее дыхание участилось. — К чему такая спешка?

— Не хочу, чтобы кто-то сплетничал, вот и все. У Тины и так забот хватает.

— Куда мы направляемся? — спросила Анна, когда они свернули налево. Ее сердце пропустило удар. Он что, ведет ее в Блэкстоун-Клоуз?

— Туда, где нас никто не побеспокоит.

Черт, он вел ее туда. Нервный трепет наполнил ее желудок. Он казался сердитым. Разумно ли было следовать за ним? На ходу она шарила в сумочке, сжимая пальцами мобильный телефон. Несмотря на возникшее у нее неприятное чувство, она продолжала следовать за ним по улице, свернув в тупик, ведущий к бунгало Билли Коули.

— Не думаю, что нам нужно туда идти, — сказала Анна.

Сейчас было бессмысленно затевать спор; они находились прямо перед бунгало. В темноте оно было еще более жутким, единственное освещение исходило от уличного фонаря на полпути вниз по дороге и слабого света, льющегося из окон бунгало по соседству с ним.

— В детстве ты очень любила проводить здесь время.

— Дети не умеют бояться, — просто сказала она.

— Правда? Я слышал достаточно визга и видел достаточно убегающих детей, которые говорили по-другому.

— Но это не тот же самый страх, не так ли? Не тот, который приходит с опытом, когда ты на собственном горьком опыте узнаешь, что люди могут быть порочными и жестокими. Злыми.

— Дети тоже могут быть такими, помни.

— О, я не говорила, что этого не может быть, просто в детстве страхи не укоренились, и дети не думают о последствиях; они не взвешивают все возможные последствия, как это делают взрослые. Или большинство взрослых, во всяком случае.

— Звучит так, как будто ты сейчас говоришь по собственному опыту. — Он вздернул подбородок, затем посмотрел ей прямо в глаза. — Что ты помнишь о том дне, Белла? — тихо спросил он.

— Анна, — устало сказала она. — Ты имеешь в виду тот день, когда ее похитили? Как ни странно, не так уж много. Можно подумать, это запечатлелось в моей памяти, не так ли? Дело в том, что я не уверена, что могу отделить то, что я на самом деле помню с тех пор, от того, что я помню постфактум или годы спустя. Обрывки воспоминаний других людей, газетных статей, новостных сюжетов — все это перемешалось в моей голове. Чья память —

чья?

— Так я и думал.

Анна прищурила глаза.

— В смысле?

— То есть я не думаю, что ты можешь точно вспомнить что-то, что произошло, когда тебе было десять, каким бы травмирующим это событие ни было. И на самом деле, я бы зашел так далеко, что выдвинул гипотезу, что ты плохо помнишь это из-за того, что это было травмирующе.

— Хорошо, сейчас я не очень хорошо помню события, но в то время, когда мне было десять и мою подругу похитили, я бы могла точно рассказать, что произошло. Точно. Только сейчас, спустя годы, все стало запутанным.

— Может быть. — Пэт пожал плечами. — Может, и нет. В любом случае, о чем ты хотела меня спросить?

Анна подавила растущее чувство раздражения. Кто он такой, чтобы говорить, что она может вспомнить, а что нет, и почему? Однако сейчас было не время вступать в дискуссию о воспоминаниях.

— Я хотела услышать твою версию того, что произошло в тот день, когда пропала Джони.

— Я был на станции Бови, разбирался с подростком-плаксой, который взял машину своего отца для увеселительной прогулки, когда мне позвонили. — Пэт вздохнул, глядя куда-то вдаль. — Тина была обеспокоена тем, что Джони поздно не вернулась домой. Я сказал ей, чтобы она не волновалась, она недалеко. Боже. Я слышу, как произношу эти слова. Как бы то ни было, я покинул станцию и поехал обратно в Мейплдон, предполагая, что к тому времени, когда я доберусь до дома Тины, Джони уже будет дома, а Марк отчитает ее за опоздание. Но, очевидно, это было не так. Было около восьми часов, когда поисковая группа начала ее поиски. Тина сказала, что обзвонила всех родителей друзей Джони, но никто ее не видел. Кроме тебя. Но Мюриэл сказала Тине, что ты вернулась домой в шесть. Так что оставалось учесть двухчасовой разрыв.

— Но я рассказала тебе о том, как она залезла в грузовик Билли, ты это знал. Полиция это знала.

— Это был не тот день, когда она пропала, Бел... прости, Анна. Вы с Мюриэл появились в участке только в пятницу, примерно через тридцать шесть часов после того, как ее объявили в розыск.

— Этого не может быть, верно? Должно быть, это было в тот же день или, может быть, послезавтра, если было поздно... — Анна приложила пальцы к вискам, пытаясь вспомнить.

— Нет. Все верно. Это была причина, по которой я так волновался. И злился, если честно. Если бы мы сразу получили информацию... — Пэт замолчал, его взгляд скользнул в сторону от Анны.

— Черт. Если бы я дала информацию сразу, вы, вероятно, поймали бы его до того, как он убил ее. — Огромный комок застрял у Анны в горле, слезы защипали глаза.

— Ты была всего лишь ребенком и, вероятно, не осознавала всей серьезности ситуации. Минуту назад ты сама сказала, что дети на самом деле не думают о последствиях. Ты бы не подумала об опасности, в которой находилась Джони.

И тут Анну осенило. Она бы знала. Должна была знать. Это был Билли Коули... она боялась его, боялась, что он каким-то образом отомстит им за шалости «Тук-тук». Если она

видела, как Джони садилась в его грузовик, почему она сразу ничего не сказала?

— Думаю, я бы знала об опасности, Пэт. Каждый ребенок боялся Билли... Боже, даже некоторые родители... я, должно быть, просто была в ужасе... в шоке или что-то в этом роде, верно?

Пэт на мгновение задумался, затем кивнул.

— Да, на самом деле, я помню, что именно это сказала твоя мать в участке: что ты была в шоке и не произнесла ни слова. Она сказала, что ей пришлось медленно вытягивать это из тебя, и как только ты сказала ей, она немедленно отвезла тебя в участок.

Для Анны это имело больше смысла. Она была робким созданием, без сомнения, она была бы травмирована тем, чему стала свидетельницей. Но, тем не менее, чувство неловкости сотрясло ее, посылая покалывающее ощущение холода, похожее на сосульки, каскадом стекающие по позвоночнику.

Хотела ли она, чтобы у Джони были проблемы с Билли? Могло ли это также быть причиной того, что она хранила молчание почти два дня спустя? Чтобы наказать ее?

Глава 68

2019

Лиззи

Усталость волнами накатывала на нее. Это был долгий, напряженный и эмоционально насыщенный день. Все, чего она хотела — это поесть, принять душ и погрузиться в свою большую мягкую кровать. Но вступительное заявление Гвен, когда она вошла в приемную, разрушило эти пожелания.

— К тебе посетитель, — сказала она, преувеличенно подмигнув.

— Правда? Ты уверена, что это ко мне? — Голос Лиззи звучал так же раздраженно, как и она сама.

— О, да. Он определенно к тебе, — весело сказала она. — Я проводила его в гостиную. Я принесу тебе чаю. — Она исчезла, оставив Лиззи цеплять улыбку на лицо, прежде чем войти в дверь, ведущую в гостиную.

— Дом!

Дом ухмыльнулся и подскочил к ней, выглядя как взволнованный щенок, который неделю не видел своего хозяина.

— Привет, красавица. Боже, я скучал по тебе, — сказал он, выжимая из нее жизнь и крепко целуя. Она была отчасти раздражена тем, что он появился без предупреждения, и отчасти испытала облегчение от того, что он, казалось, был в порядке, их последний разговор не был хорошим и закончился резко, негативно.

— Я тоже скучала по тебе. Однако ты не упомянул, что путешествуешь.

— Я думал, что удивлю тебя. — Его улыбка дрогнула.

Это ему определенно удалось. И хотя Лиззи была действительно рада его видеть, время было выбрано не самое лучшее, и она боялась настоящей причины его шокирующего визита. Это было не похоже на него — появиться, когда она была на работе; должно быть, это из-за того, что он сказал. Из-за того, что он узнал. Лиззи слишком устала для такого рода конфронтации.

— Поздравляю. — Она заставила себя улыбнуться. — Ты определенно преуспел!

— Да, хорошо, постарайся не выглядеть слишком восторженной.

К счастью, Гвен выбрала это время, чтобы принести поднос с чаем.

— Вот, пожалуйста, мои милые. А теперь, я полагаю, вы оба захотите поужинать?

Лиззи колебалась слишком долго. Дом вскочил, поблагодарив Гвен и приняв предложенную еду.

— Великолепно. Я скоро вернусь с вариантами.

Как только Гвен вышла из комнаты, воцарилась неловкая тишина. Лиззи должна была нарушить ее, пока этого не сделал он.

— Итак, о чем ты хотел со мной поговорить? — Лиззи села в кресло, прямо держа спину, намеренно избегая дивана.

— Ты сказала, что хочешь поговорить со мной. Что тебе есть что мне сказать, но ты хотела сделать это с глазу на глаз, так что я здесь. — Он осторожно подошел к Лиззи и опустился перед ней на колени, взяв ее руки в свои.

Мышцы Лиззи напряглись; ее руки в его прохладных ладонях стали липкими.

— Это могло подождать до моего возвращения.

— Но я не знал, когда это будет. И, честно говоря, я не думал, что это может подождать. — Его лицо приняло озабоченное выражение. — Не после того, как я нашел это. Он убрал одну руку, сунув ее в карман.

Лиззи знала, что у него в руке, даже не глядя. Ее пульс участился. Она собиралась завести этот разговор сейчас, независимо от того, было ли это подходящее время или нет.

— Прости, Дом. Пожалуйста, прости меня. — Навернулись слезы, ее нижняя губа задрожала.

— Мне просто нужно знать, что происходит, Лиззи. Ты моя жена... у нас не должно быть секретов. — Теперь, убрав другую руку, он кончиками пальцев смахнул слезы с ее щек.

— Это долгая история, Дом. И я так устала.

— Нет никакой спешки. — Он встал и, взяв ее за руку, потянул к дивану. — Но, по крайней мере, начни прямо сейчас. — Его глаза — добрые, доверчивые — сфокусировались на ней.

С чего ей следует начать?

— Я не все тебе рассказала, — сказала она. — Потому что я не хотела когда-либо говорить о нем... если я не говорила ни о чем из этого, это было ненастоящим. Этого не произошло. Это был единственный способ, которым я могла справиться, единственный способ двигаться вперед, обрести хоть какое-то подобие жизни после ужасного детства. Мне жаль, что я не доверилась тебе, правда жаль.

— Я понимаю, правда. Правда. — Дом ободряюще улыбнулся ей. — Итак, кто такой этот Уильям Коули? Почему это письмо вывело тебя из себя? — Он протянул скомканную бумагу.

— Он мой отец. Биологический отец.

— Хорошо. — Дом мягко кивнул. — Я и не подозревал, что ты даже знаешь, кто твой отец.

— О, к сожалению, я знала.

— За что он сидел в тюрьме?

Вопрос, которого Лиззи боялась.

— Когда мне было восемь, меня взяли под опеку. А вскоре после этого он похитил молодую девушку и убил ее.

Произнеся эти слова вслух, она почувствовала тошноту в животе. При виде шокированной реакции Дома у нее во рту появилась желчь.

— Теперь понимаешь, почему я не хотела признавать его существование?

— Боже, Лиззи. Это какое-то тяжелое дерьмо.

— Вполне. — Лиззи попыталась слабо улыбнуться. — А теперь он вышел и на свободе, и мне нужно было приехать сюда, чтобы посмотреть, вернулся ли он. Я гадала, вернется ли он за мной.

— И что? — Дом выглядел обеспокоенным. Лиззи не хотела его пугать, но теперь, когда она была честна, с нее свалился груз, и она почувствовала необходимость поделиться остальным.

— Он здесь. Рядом. Я встретила с ним вчера.

— Господи, любимая. Это была хорошая идея? Я имею в виду, ты его не знаешь, не знаешь, что с ним сделали бы годы тюрьмы.

— Знаю. Я понимала, что это рискованно.

— Почему? Зачем подвергать себя такому испытанию?

— Закрыть гештальт? Получить какое-то объяснение. Правду. Все это, на самом деле.

— Правду? О чем?

— О моем предполагаемом жестоком обращении, причине, по которой меня забрали у него, о похищении и убийстве Джони Хейз. И спросить его, где он избавился от ее тела.

— О, Боже мой. И что заставляет тебя думать, что он расскажет тебе все это? Или то, что он скажет, будет фактом? У него были годы, чтобы сострять любую подходящую историю... его версия может быть неправдой, Лиззи.

— Я это знаю. Наверное, я думала, что узнаю правду, если он расскажет ее мне, что я увижу это в его глазах. Смешно, я знаю, — сказала она, качая головой.

— Итак, теперь вы с ним поговорили. К какому выводу ты пришла?

— Он говорит, что не забирал Джони и не убивал ее. По его мнению, все это ложь, и его подставили.

Дом фыркнул.

— Стандартно, — сказал он, приподняв брови.

— Да. Но огромная часть меня поверила ему. И, проведя некоторое время в Мейплдоне, я должна признать, что здесь есть свои секреты. Секреты, которые скрывают жители деревни.

Лиззи внезапно почувствовала, что проснулась, воодушевленная обсуждением. По мере того, как она говорила, сила ее чувств усиливалась. Может быть, она действительно верила, что ее отец невиновен. И это изменило бы все.

Глава 69

1989

Магазин «Брук Коттедж»

Четверг, 8 июня — за 41 день до

— Как продвигаются дела с практическими моментами встречи на прошлой неделе? — спросила Нелл, собирая товары и вбивая цену в кассу, ее длинные красные ногти раздражающе постукивали по клавишам.

Мюриэл полностью повернулась спиной, чтобы заслониться от мужчины в очереди позади нее, прежде чем заговорить.

— Да, я добилась определенного успеха. — Мюриэл улыбнулась. Затем тихо добавила: — Но нам нужно поговорить наедине.

— Позволь мне только обслужить Малкольма, — прошептала она, — а потом мы сможем проскользнуть в кладовую.

Мюриэл взяла свою сумку с покупками и остановилась у двери в кладовую в задней части магазина. Несколько мгновений спустя Нелл бросилась к ней.

— Проходи, — сказала Нелл, пропуская Мюриэл внутрь. — В чем дело? Это то, что я думаю?

— Возможно, — сказала Мюриэл, приподняв брови. — Тина?

— Да! Боже мой, у нее была какая-то пересадка личности? Она ведет себя так странно. Что с ней такое?

— Она кажется такой далекой, не так ли? Похоже, она потеряла интерес к собраниям... больше не делает никаких предложений, почти не произносит ни слова. Это заставляет меня нервничать.

— Может, нам ее вычеркнуть? Даже Марк, похоже, не в состоянии вразумить ее. Я думаю, она, возможно, сбилась с пути.

— Думаю, нам, возможно, следует дать ей еще один шанс? Может быть, посмотрим, какая она будет на следующей встрече в конце месяца. Нелл, мне было бы неловко совсем исключить ее из своей жизни. Мы так долго дружили, и Белла все время играет с Джони.

— Но, Мюриэл, если она не предана делу, ей не следует участвовать в обсуждениях. Ее должен заменить кто-то другой.

— Я знаю. Мне интересно, есть ли что-то не так между ней и Марком. Я постараюсь поговорить по душам; возможно, это не имеет никакого отношения к нашим пунктам действия. В прошлом она всегда поддерживала нашу общественную работу. Я не понимаю, почему она сейчас передумала.

— Если только у нее нет личной заинтересованности... — Нелл опустила голову, подняв глаза поверх очков, чтобы бросить на Мюриэл понимающий взгляд.

— Ты же не можешь всерьез все еще предполагать это, Нелл, правда? Я бы знала.

— А ты бы стала? Как ты сама сказала, в последнее время она держалась отстраненно, а теперь вдруг перестала интересоваться тем, чего мы пытаемся достичь. Я складываю здесь два и два, вот и все. Ты, должно быть, слышала слухи.

— Конечно. Но это невозможно. Я имею в виду, почему?

— Нет ничего более странного, чем люди, как сказала бы моя дорогая бабушка.

Мюриэл кивнула.

— Прекрасно. Я скоро нанесу ей визит, притворись, что это как-то связано со следующей встречей. Посмотрим, смогу ли я заставить ее поболтать. Нам нужно знать, во что она играет.

Глава 70

Анна

2019

Среда, 17 июля

Мама встретила Анну встревоженным взглядом, как только она добралась до подножия лестницы.

— Я собиралась сказать «доброе утро», но, судя по выражению твоего лица, предполагаю, что оно не доброе?

— Ты была права, — сказала Мюриэл. — Была еще одна. — Она взяла Анну за руку и почти потащила ее на кухню. Там, на обеденном столе, зловеще покоилась кукольная нога. Нога Полли, предположила Анна.

— Ты вынула записку?

— Нет. Я оставила это тебе.

— Ну, твое здоровье, — пробормотала Анна, садясь и косясь на ногу. — Могу я сначала хотя бы выпить кофе; мои глаза еще даже не сфокусировались.

Мюриэл поспешила к чайнику, встряхнула его, чтобы проверить уровень воды, затем включила. Она постучала пальцами по столешнице.

— Котелок, за которым наблюдают, никогда не закипит, мама.

— Ты собираешься повторить мне каждое изречение, которое я когда-либо говорила? — Ее голос был напряженным, это сочилось из нее.

— Нет, извини. Слушай, я собираюсь показать все это Пэту позже.

— Что? Почему?

— Потому что он знает историю. Потому что он бывший полицейский. Потому что он мог бы помочь. По множеству причин, мама.

— Но мы договорились, что полиция не будет вмешиваться. Это только усугубит ситуацию.

— Но мы не знаем, к чему все это приведет, не так ли? Что, если есть какой-то момент сопротивления? — Анна не дала себе закончить мысль. Она не хотела еще больше беспокоить мать. Но это было настоящее беспокойство, если Билли Коули действительно хотел отомстить, кто знает, чем это закончится? Привлечение полиции может быть единственным, что могло бы предотвратить трагедию. Еще одну. Анна вздрогнула. — В любом случае, он только собирается высказать свое мнение, и Тина, вероятно, все равно рассказала ему об этом. Он, кажется, не удивился, когда я упомянула об этом вчера вечером.

— Ты говорила с ним об этом вчера вечером? Ты туда ходила... на встречу с Пэтом?

— Да. Я хочу докопаться до сути, найти правду; и я подумала, что он будет хорошим источником информации.

— Пожалуйста, Анна. Я уже говорила тебе... нет смысла ворошить прошлое.

— Я не согласна. Как и Лиззи.

— Ну, она, похоже, была не в восторге от того, что узнала до сих пор. Что заставляет тебя думать, что замарание рук в глубинах истории принесет тебе хоть какую-то пользу?

— Неужели правда для тебя ничего не значит? Как насчет того, чтобы выяснить, что на самом деле случилось с Джони Хейз? А как насчет того, чтобы найти ее тело? Разве это не имеет значения?

— После стольких лет? Может, и нет.

— Как ты можешь так говорить? — Глаза Анны расширились от шока при виде отношения ее матери. — Иногда ты меня удивляешь. Например, тетя Тина наконец-то могла отдохнуть. Темная туча, нависшая над Мейплдоном в течение тридцати лет, может быть рассеяна. Для Тины было бы ужасно сойти в могилу, так и не узнав, где ее дочь. Как бы ты себя чувствовала, если бы это была ты?

— Да, я знаю. Ладно, вот твой кофе, — сказала Мюриэл.

Тот факт, что ее мать не стремилась копаться в прошлом, приводило ее в замешательство. Это не могло быть просто потому, что она была обеспокоена каким-то видео, которое они с Нелл сняли с Элизой, чтобы доказать, что Билли издевался над ней; что она была частично ответственна за то, что Элизу взяли под опеку. Было что-то еще, должно было быть. Еще одна причина, по которой она не хотела, чтобы все это взорвалось, чтобы в дело вмешалась полиция. Может быть, копнув глубже, Анна найдет что-то гораздо худшее.

Была ли она готова к этому?

Анна отхлебнула кофе и поставила его на подставку. Она провела пальцами по волосам, затем встала.

— Ладно, тогда пошли, посмотрим, что нам осталось. — Она достала из ящика шампур и воткнула его в полость пластиковой ножки, зацепив бумагу. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, затем развернула его.

КТО-ТО ЗНАЕТ, ГДЕ ОНА.

— Ну, это очевидно, — сказала Анна, ее плечи поникли. Она была разочарована; она надеялась на что-то более солидное. Подсказку, которая действительно могла бы направить их в правильном направлении.

— Это глупо. Тот, кто это делает, абсолютно ничего не знает. Вот доказательство. Это кто-то, кто думает, что он умный, но у него нет никаких доказательств чего-либо, и он просто ловит рыбу. Конечно, кто-то знает, где она. Это злой ни на что не годный Билли Коули делает, и на этом все заканчивается, — сказала Мюриэл, качая головой и расхаживая по кухне.

— Успокойся, мам. Иди и присядь.

— Я не могу. Я слишком на взводе. И раздражена.

— Я чувствую себя в растерянности, не зная, что теперь делать. Мы что, будем ждать, отсиживаться? Если в этой игре есть конечная точка, я не уверена, что мы должны быть легкой добычей, ожидая того, что будет дальше. Это одна из игр в Тук-тук, в которую я бы предпочла не играть.

— Тебе не нравилось играть ни в одну из них, — легкомысленно заметила Мюриэл.

— Нет? Я действительно не могу вспомнить.

— Тебе не нравилось, что Джони заставляла тебя играть. Я помню. — Мюриэл посмотрела вдаль. — Раньше ты предпочитала играть сама — придумывать танцевальные номера у себя в спальне. — Мюриэл коротко рассмеялась. — Потолок трясся от твоих прыжков. Ты сводила отца с ума.

— Так вот почему он ушел? — огрызнулась Анна.

— Не говори глупостей, конечно, нет.

— Тогда почему он это сделал? — Теперь, когда появилась возможность поговорить о ее отце, она хотела воспользоваться этим в полной мере, посмотреть, придерживается ли Мюриэл своих обычных реплик.

Мюриэл вздохнула, и Анна увидела, как на ее нижних веках выступили слезы.

— Ты знаешь почему. Потому что он хотел быть с другой женщиной.

— Кто она была? Ты никогда мне ничего не рассказывала.

— Никто из тех, кого ты знала. Рассказывать нечего. У нас были свои проблемы, и он не любил меня; это было так просто. Но он любил тебя.

— Ну, теперь это не имеет никакого смысла, не так ли? Если бы он любил меня, он бы остался на связи... навестил меня или, по крайней мере, позвонил. Он даже никогда не посылал мне поздравительных открыток. Это и есть любовь, не так ли?

— Тебе не понять.

— Нет, ты права. Я не представляю, как он мог бросить меня, а ты можешь сидеть здесь и все еще говорить, что он любил меня. Это бессмысленно.

— Когда Джони похитили, это изменило его. Он не мог смириться с тем, как близко ты была к тому, чтобы тебя у него отняли. Он был уничтожен самой мыслью об этом. Он никогда не был эмоционально сильным... в этом он зависел от меня. Я была самой сильной.

Анна так сильно хотела прокомментировать это заявление, но вместо этого сказала:

— Если это было так, почему он не остался с тобой?

— Наш брак стал очень напряженным, очень быстро, и после того, как я узнала, чем он занимался, мы оба подумали, что будет лучше, если он сразу уйдет. С ней.

— Я все еще не понимаю, почему из-за того, что твой брак был напряженным, а папа был слишком расстроен тем, что произошло, ему пришлось уехать на другой конец Великобритании, мама. И никогда не вступать со мной в контакт? Или с тобой? Это странно.

— Я не могу говорить за твоего отца, Анна, — резко сказала она. — У него были на то свои причины.

— Итак, ты в основном обращалась с ним так, как будто он был мертв, не говорила о нем, ничего мне не говорила. Это было самое лучшее для меня, не так ли? — Голос Анны сорвался; она почувствовала, как старый гнев возвращается.

— Нам всем было легче.

— Ты имеешь в виду, что тебе было легче. — Негодование вырвалось из нее. — Боже мой, ты просто чудо. — Анна встала и направилась в гостиную. Она не могла смотреть на Мюриэл прямо сейчас. Было ли это одним из тех участков грязи, в которых ее мать не хотела, чтобы она копалась?

Она задавалась вопросом, что еще скрывается под поверхностью, ожидая раскопок.

Какие еще истины были похоронены в Мейплдоне все эти годы?

Глава 71

Лиззи

2019

Среда, 17 июля — вечер

Дом был чрезвычайно понимающим, хотя и обиженным тем, что она чувствовала себя неспособной рассказать ему о своем отце раньше. Лиззи выложила все это за какой-то час — каждую грязную деталь, которую она могла вспомнить о своем детстве, все то, во что она поверила из-за того, что ей говорили другие. Как большую часть своей юной жизни опекуны относили ее к категории «беспокойных». Только позже учителя, врачи, специалисты нашли время, чтобы профессионально оценить ее, и она начала получать помощь и поддержку, в которых так остро нуждалась.

Только когда она встретила Дома, она по-настоящему начала заботиться о себе, считать себя достойной любви. Даже тогда она изо всех сил пыталась поверить, что ее не бросят, не бросят ради чего-то или кого-то лучшего. Она все еще сопротивлялась. Она не хотела намеренно возводить вокруг себя стену, но считала, что барьер — это необходимое условие — запасной вариант, на всякий случай.

Лиззи присела на край кровати, наблюдая за спящим Домом. Поездка, эмоционально истощающий вечер и, возможно, облегчение, с его точки зрения, от того, что ее внезапный отъезд не имел к нему никакого отношения, — все это возымело свое действие. Ему никогда не требовалось много времени, чтобы собраться. И сегодня Лиззи была рада, что он это сделал. Так ей было бы легче улизнуть. После откровений в доме Анны, услышав признание Мюриэл, а также ее убеждение, что что-то случилось с Робом Эндрюсом, когда он навещал ее в детстве, она должна была пойти и узнать больше. Покопаться в его воспоминаниях. Он мог быть таким же, как она, и ничего не помнить, но она должна была попытаться. Вместе они могли бы сложить некоторые кусочки головоломки.

Роб ответил на ее сообщение почти сразу. Он ухватился за возможность встретиться с ней. Лиззи предложила им встретиться на церковном кладбище, но Роб попросил ее прийти к нему. После мимолетного момента неуверенности она согласилась, сказав ему, что будет там через десять минут.

Во время короткой поездки на машине Лиззи обдумала то, что она хотела сказать, и вопросы, на которые она хотела получить ответы. На данный момент она не была уверена, узнал ли он, что она Элиза Коули, и если знал, то какой реакции она могла ожидать по прибытии. Если он еще не знал, то его ждал шок.

Роб открыл дверь прежде, чем она нажала на звонок. Его лицо было серьезным, застывшим в мрачном выражении.

— Привет, — неуверенно сказала Лиззи. Он не ответил, просто стоял перед ней, пристально глядя. — Ничего, если я войду?

— Извини, — сказал он, отходя в сторону. — Да, заходи.

Лиззи переступила порог и оказалась в небольшом квадратном холле, слева лестница, а справа две двери. Обе были закрыты. Они, молча, неловко стояли в коридоре.

— Прости, — сказала Лиззи. Проблеск эмоций промелькнул в его глазах. Лиззи не могла определить, была ли это боль, гнев, страх или печаль. Но в тот момент было ясно, что он знал. Знал, что она скрывала от него свою личность. Солгала ему в лицо. Она задумалась, как она могла бы исправить ущерб, затем вспомнила свои реплики — те, которые она репетировала по дороге туда. — Я не сказала тебе, кто я, потому что боялась, Роб. Я боялась реакции окружающих, если они поймут, чья я дочь. Мне не хотелось вводить тебя в заблуждение. — Она растянула губы в улыбке, ожидая его ответа.

— Я понимаю. Мне не нравится, что ты это сделала, но я понимаю. Однако это не мешает мне чувствовать, что ты обманула меня или пыталась заманить в ловушку. Мама сказала, что ты журналист. Ты искала какую-то сенсацию или что-то в этом роде?

— Нет, Роб. Я приехала закрыть гештальт. Я все еще ищу его. Ищу истину.

— Я не уверен, что ты найдешь ее здесь.

— О, я твердо решила, что так и сделаю.

— Какой ценой?

— Что ты имеешь в виду?

— Всегда есть цена, Лиззи. Кто-то будет страдать — правда это или ложь — все равно может быть больно.

— Что ты знаешь, Роб?

Он опустил голову. Затем повернулся и пошел к первой двери, открыв ее и войдя внутрь. Лиззи предположила, что он хотел, чтобы она последовала за ним.

— Присаживайся. Вино? Или светлое пиво? — спросил он.

— Если холодное, я, пожалуйста, возьму светлое. — Жар в ее горле нуждался в охлаждении.

Роб вышел, и Лиззи воспользовалась возможностью оглядеть комнату. Она была похожа скорее на гостиную, чем на комнату отдыха — в дальнем углу стоял большой письменный стол из темного дерева, вдоль двух стен стояли книжные полки, беспорядочно уставленные книгами в мягких обложках. На двух других в виде ромбов висели рамки для фотографий. Лиззи изучала их. Она продолжала, даже когда Роб снова вошел в комнату. Он молча ждал, когда она закончит.

— Странно видеть это, — сказала она, наконец. Роб передал ей бутылку светлого пива,

и она сделала большой глоток, жидкость покрывала ее горло.

— Это как капсула времени, — сказал он. — Я редко захожу сюда... меня это пугает.

Лиззи рассмеялась, но ничего не сказала. Он был прав. Почему-то в этой комнате действительно было жутковато. Как будто в ней хранились секреты. Все эти лица, пойманные во времени, выстроились вдоль стен. Фрагменты истории. О прошлом Мейплдона, о его жителях.

— Ты на одной из них, ты видела? — сказал Роб, подходя к первой стене.

— Нет, где?

Он указал на одну, на которой было изображено что-то похожее на деревенский праздник.

— Это был майский день. Мне было лет девять или десять, я думаю, и я считал свои счастливые звезды, которые я получил, когда перестал танцевать, как придурок, вокруг этого чертова майского дерева. — Он рассмеялся. — Некоторым из моих приятелей не так повезло... вот Адам и Ники. — Он снова засмеялся, прижимая кончик пальца к стеклу, указывая на мальчиков. — А вот и ты, сидящая посередине. Младшие дети всегда сидели вокруг шеста, в то время как старшие танцевали, сплетая ленты в узоры. Ты помнишь?

У нее было смутное воспоминание о цветных лентах, летающих вокруг.

— Наверное. Хотя я не помню, чтобы когда-нибудь танцевала.

— Ты и не танцевала. Ты ушла еще до того, как достигла того возраста, когда можно танцевать.

— Вау, это звучит несправедливо, не так ли? — Она заставила себя улыбнуться. — Кто эти люди на краю, наблюдающие?

— Эм... Черт возьми, не уверен, почти все жители деревни вышли на майский день в полном составе. Давай посмотрим... — Роб придвинулся ближе к фотографии и начал перечислять имена. — Вот моя мама и Мюриэл... очевидно, ни одно шоу не обходилось без Панча... Эрик, Марк, преподобный Фарнли, Тина, Билли и Пэт.

— Подожди, Билли? Правда? — Лиззи прижалась головой к голове Роба. — Я не думала, что он когда-нибудь выходил из дома. Судя по всему, он никогда не чувствовал себя желанным гостем. И воспоминания большинства людей указывают на то, что его ни в малейшей степени не беспокоили деревенские события.

— Ну, камера никогда не лжет. И он там, стоит прямо рядом с Тиной.

Лиззи отметила растрепанные волосы, сгорбленные плечи, узнав своего отца по многочисленным фотографиям, которые она видела в средствах массовой информации.

— Он не спускал с меня глаз.

— Или просто собирался посмотреть, как ты примешь участие в праздновании Первомая? — предложил Роб.

— Нет. Ты можешь видеть это по его позе, по его взгляду. — Лиззи указала. — Как будто он боится, что мне причинят вред или что-то в этом роде. Я слышала, что он стал чрезмерно опекать меня после смерти мамы. Видимо тогда прошло немного времени с того момента.

— Но разве твоя мама не умерла в конце мая? Это было бы еще до этого, если бы это было первомайское событие. Я могу спросить маму.

— В этом нет необходимости. — На самом деле время не имело значения. Что было интересно, так это то, насколько близко ее отец стоял к Тине. Маме Джони. Была ли Джони одной из танцующих девочек? Присмотревшись повнимательнее, Лиззи задумалась, не за

Джони ли так пристально следил ее отец. Не за ней. Дрожь пронзила ее. Нет. Она слишком много в это вкладывала. Разве она не решила, что больше склонна верить в невиновность Билли в этом преступлении? Она должна была принять решение, спуститься по одну сторону забора или по другую.

— Я сегодня разговаривала с Мюриэл, — сказала Лиззи, меняя тему. — Она упомянула, что ты пытался подружиться со мной. Это правда?

Роб отошел от стены и сел на большой плоский табурет. Он напоминал большой гриб. Когда он снова посмотрел на Лиззи, она увидела, что его лицо покраснело.

— Я уже говорил тебе прошлой ночью, что на самом деле мало что помню.

— Чушь собачья. — Лиззи слышала, как произносит это, прежде чем смогла совладать со своим ртом. Роб резко отвел взгляд. — Послушай, я знаю, что солгала о том, кем я была, — сказала Лиззи, — мы это обсуждали. Но сейчас нет необходимости лгать. Или есть?

— Это неловко, Лиззи. Я имею в виду, как... как это ни неприятно. Я никогда не говорил об этом, и, если честно, я не хочу начинать сейчас. Ничего хорошего из этого не выйдет. Только еще больше боли.

— Для меня или для тебя?

— Главным образом, для тебя.

— Хорошо, ты можешь позволить мне самой судить об этом?

— Ладно, тогда и для меня. Если ты мне не веришь, тогда... — Он обхватил голову руками, прикрыв глаза маской. — Ты подумаеть, что я какой-то чудак.

— О, да ладно. Я чудачка... ты не можешь снять с меня эту корону. — Лиззи попыталась рассмеяться, но это прозвучало неубедительно.

— Я хотел как-то помочь. На школьном собрании нам сказали быть добрыми к другим. И я знал, что тебе досталось от всех. Почти каждый ребенок дразнил тебя... их родители запрещали им играть с тобой. Тебя, конечно, никогда не приглашали в чей-то дом на чай, и, несмотря на то, что некоторые ужасные дети пытались подружиться с тобой только для того, чтобы заглянуть в дом Жуткого Коули, никто не переступал порог, и им не разрешалось даже играть с тобой в вашем саду. Мне стало жаль тебя.

— Значит, ты улизнул из магазина и пришел в бунгало, чтобы позвать меня?

— Ага. Боже, я действительно отчетливо это помню. У меня был пакетик сладостей, чтобы поделиться с тобой. Они лежали у меня в кармане, становясь липкими на жару. Я был до смерти напуган, когда постучал в дверь. Еще больше испугался, когда твой отец открыл ее, но он впустил меня. — Глаза Роба сузились, лицо сморщилось.

— Он причинил тебе боль, Роб? — тихо спросила Лиззи. Ее сердце сильно колотилось о ребра, пока она ждала ужасного ответа.

— Нет. Он не прикасался ко мне.

— Тогда ладно. Тогда почему это имело для тебя такое большое значение все эти годы? Почему такое молчание?

— Это так... так тяжело, Лиззи.

— Ты зашел так далеко, давай, сбрось это с себя.

— Это была ты. Ты, кто прикоснулась ко мне. И ты заставила меня прикоснуться к тебе. — Слезы потекли по его лицу.

У Лиззи отвисла челюсть.

— Какого черта, Роб?

Глава 72

1989

Мейплдонская церковь

Воскресенье, 4 июня — за 45 дней до

Мюриэл поспешила через церковные ворота, одернув платье, затем провела пальцами по волосам, чтобы привести их в порядок. Она провела тыльной стороной ладони по лбу, стирая влагу с кожи. Мчаться по дороге в такую жару было не самой лучшей идеей, но она опоздала. Она никогда не опаздывала в воскресную школу. Преподобный Фарнли будет гадать, что ее задержало. Правда заключалась в том, что она была слишком поглощена протоколом встречи в Мэйплдоне в четверг, стремясь записать основные моменты. Стремясь добиться прогресса хотя бы с одним из них. Большинством из них.

Она открыла тяжелую церковную дверь так тихо, как только могла, чтобы не помешать чтению викария, но ей повезло... его нигде не было видно, когда она вошла. Было нехарактерно тихо. Мюриэл огляделась в поисках других служащих, но их там не было. Неужели воскресная школа была отменена без ее ведома?

— Эй, — неуверенно позвала она.

Ничего.

Где дети?

Пикник. Мюриэл фыркнула. Она совсем забыла о прогулке. Преподобный Фарнли сказал на прошлой неделе, что они поведут детей по Мейплдону, чтобы рассказать о его истории. Странно, что она не встретила их по пути через деревню.

Шум из ризницы привлек ее внимание. Мюриэл напрягла слух, придвигаясь ближе к комнате. Изнутри доносились голоса. Она подняла руку, чтобы постучать в дверь, но замерла. Низкий голос, приглушенный тяжелой деревянной дверью, казался настойчивым. Мюриэл была уверена, что это преподобный Фарнли. Почему он не пошел вместе с остальными? Вместо того чтобы постучать, она прижала ухо к двери. Она не знала, почему чувствовала себя обязанной слушать, почему просто не дала знать о своем присутствии — это было чувство, намек на то, что что-то не так. Его голос понизился до такой степени, что она не могла разобрать ни слова. Она отошла от двери, решив подождать в главной церкви возвращения остальных. Может быть, он совершал важный звонок. Она не должна его беспокоить.

Мюриэл занялась уборкой детского уголка, поправила наколенники на скамьях и привела в порядок стопку сборников псалмов. Минут через десять или около того она услышала, как открылась дверь ризницы. Наконец, преподобный Фарнли вышел. Мюриэл направилась к нему, но выражение смутения на его лице заставило ее резко остановиться.

— В чем дело, преподобный? — Мюриэл бросила на него встревоженный взгляд. — Вам нехорошо?

— Мюриэл. Я... ты... — он запнулся, затем глубоко вздохнул, собираясь с духом. — Тебя здесь не было, когда остальные ушли. Я предполагал, что ты сегодня не придешь. — Говоря это, он все время поворачивал голову, чтобы посмотреть назад.

— Извините, что я так поздно прибежала, у меня были срочные дела.

Фарнли поднял бровь, но ничего не сказал. Казалось, он колебался, не зная, идти ли ему обратно в ризницу или выйти в церковь.

— Хорошо, — сказал он. — Да, у меня было примерно такое же затруднительное положение. — Он улыбнулся, но улыбка вышла неловкой.

— О? Все в порядке?

Он снова повернул голову в сторону ризницы.

— Это Элиза, — тихо сказал он. — Она больна, и я пытался дозвониться до Билли, чтобы он приехал и забрал ее.

Мюриэл вытянула шею вокруг преподобного, чтобы заглянуть внутрь ризницы. Но дверь была прикрыта.

— Ну, мы не должны оставлять ее там одну, — сказала Мюриэл, направляясь к двери. Преподобный Фарнли схватил ее за руку. — Сейчас с ней все в порядке, Мюриэл. Не нужно суесться. — Что-то в его голосе заставило ее остановиться.

— Я могу отвезти ее домой, преподобный. Это не проблема.

— Дай ей минутку.

— Почему? — Мюриэл не смогла скрыть недоумения в своем тоне.

Лицо преподобного Фарнли вспыхнуло. Мюриэл, терпение которой иссякло, прошла вперед и толкнула дверь ризницы. Маленькая Элиза сидела на полу — на подушках, взятых с деревянной скамейки, — прижимая к себе куклу, и плакала.

— О, бедная Элиза. Ты плохо себя чувствуешь, дорогая? — Мюриэл присела на корточки рядом с ней. Элиза кивнула, не поднимая глаз. — Давай, милая. — Мюриэл протянула руку. — Давай отвезем тебя домой. Может быть, тебе нужно лечь в постель и отдохнуть.

Когда Мюриэл выпрямилась, держа Элизу за руку, она почувствовала, что преподобный Фарнли стоит прямо у нее за спиной. Она повернулась, врезавшись в него.

— Извините, — сказала она, пятась и обходя его, чтобы добраться до двери.

— Мюриэл, подожди минутку. Мне нужно с тобой поговорить. — На лице преподобного Фарнли застыло торжественное выражение. — Наедине. Элиза может подождать еще немного.

И тут Мюриэл осенило.

— Она вам что-нибудь рассказала? — Вспышка надежды на то, что Элиза, возможно, рассказала о том, что делал с ней отец, придала ей сил. Мюриэл наконец-то нашла способ избавиться от Билли Коули, изгнав его из своей деревни.

— Не совсем, нет. Но я думаю, будет лучше, если ты никому об этом не расскажешь.

— Не расскажу о чем? Что она больна?

Преподобный Фарнли глубоко вздохнул.

— Нет, Мюриэл. Что есть... ну... подозрение, скажем так, что Билли каким-то образом... э-э... пренебрегает ею.

— Значит, она все-таки что-то сказала. — Мюриэл поджала губы, ее лицо стало каменным. — Послушайте, мне очень жаль, преподобный, но вы не можете держать такие вещи при себе. Это важно...

— Важно, чтобы мы не раскачивали лодку без необходимости, Мюриэл. Было бы нехорошо, если бы я пытался уговорить ее рассказать мне что-то сейчас, не так ли? Что, если она вернется домой и расскажет своему отцу, что я задавал вопросы?

— Что, если он действительно причинит ей боль, а вы все это время знали, но ничего не сделали? Как бы это выглядело, если бы человек, которому она доверилась, который оказался ни много ни мало викарием, остался в стороне и позволил такому случиться?

— Ну, я прошу тебя пока ничего не говорить, Мюриэл. Нет веских доказательств, и бедняге уже пришлось несладко с тех пор, как он переехал в Мейплдон, — сказал преподобный Фарнли спокойным, но твердым тоном, бросив на Мюриэл взгляд, который не

оставлял места для интерпретации; с таким же успехом он мог бы сказать: «Из-за тебя, Мюриэл». — Я не хочу быть тем, кто провоцирует преследование, понимаешь?

Мюриэл кивнула, думая, что с того места, где она стояла, преподобный, казалось, боялся Билли Коули так же, как и деревенские дети. Она открыла рот, чтобы сказать это, но преподобный Фарнли поднял руку, заставляя ее замолчать.

— Ты же знаешь, как люди говорят, Мюриэл. Ты, как никто другой, знаешь. Как я уже сказал, я бы предпочел, чтобы Билли не подвергался пристальному вниманию только в результате одного разговора с ребенком, который явно уязвим. Это может привести к всевозможным проблемам. Мне не следовало пытаться поговорить с ней без профессионала... социального работника или, по крайней мере, учителя. Это было глупо с моей стороны, и Господь свидетель, я должен был знать лучше...

— Вы хотите сказать, что я должна игнорировать свои подозрения, преподобный? Позволить собственному отцу издеваться над ней?

— Нет, Мюриэл, конечно, нет. — В его голосе звучало раздражение. — Я думаю, мы оба добиваемся здесь одного и того же результата? — Он поднял обе брови, его глубокие медово-карие глаза впились в Мюриэл. — Если ты поможешь мне здесь, я смогу помочь тебе с твоей «миссией»?

Мюриэл подняла брови, чтобы соответствовать выражению лица преподобного. Что именно он имел в виду? Она усомнилась, действительно ли он знал о ее миссии, потому что его нынешнее предложение заставило ее поверить, что он не мог. Казалось, он слишком стремился защитить Билли, а не избавиться от него деревню, что и было ее целью.

Если только он не знал чего-то, чего не знала она. Он был посвящен в то, чего не знала она, будучи слугой Божьим. И многие жители деревни доверяли ему свои личные дела. Возможно, у него была информация, которая могла бы ей пригодиться.

— Вообще-то, у меня есть кое-что, над чем я работаю, — наконец сказала Мюриэл. — Я уверена, что в какой-то момент в будущем вы будете полезны.

Он улыбнулся, обнажив крупные квадратные зубы.

— Хорошо. Пути Бога неисповедимы, Мюриэл. Он обеспечит безопасность паствы.

Мюриэл не была в этом так уверена. Она не могла так сильно полагаться на Господа, только на себя.

Глава 73

Анна

2019

Четверг, 18 июля

Анна подняла свой мобильный повыше, пытаясь получить полный сигнал, прежде чем позвонить Кэрри. Она дошла до конца дороги матери не только из-за сигнала, но и потому, что хотела быть вне пределов слышимости. Поболтав с Кэрри, она захотела рассказать Джеймсу о том, что узнала о своем отце. Ей нужен был кто-то, кто знал ее, кто-то, кто знал ее историю, чтобы обсудить это до конца.

Наконец, набрав четыре деления, Анна набрала номер. Кэрри сняла трубку после первого гудка.

— Мама! Где ты была? Почему ты мне не позвонила?

Сердце Анны упало. Ее бедная дочь страдала от ее отсутствия.

— Мне так жаль, любимая. Я не думаю, что задержусь надолго. — Анна поморщилась; она не должна давать ложных обещаний. — Если будет похоже, что это займет больше

времени, я возьму бабулю с собой домой.

— Почему я не могу приехать туда с тобой?

— Тебе было бы здесь так скучно, Кэрри. Тут буквально нечего делать. Разве ты не помнишь, как я рассказывала тебе, как скучно мне было здесь расти? Поверь мне, ничего не изменилось.

— Но я была бы с тобой. Я скучаааааааааю без тебя, — причитала она.

— Я тоже скучаю по тебе, милая. У меня такое чувство, что в ближайшие несколько дней все может уладиться само собой. — И у нее действительно было такое чувство... она не лгала об этом. Нутром Анна понимала, что дело близится к развязке... должен был состояться какой-то грандиозный финал. Учитывая, что тридцатилетняя годовщина фактического исчезновения Джони была завтра — в пятницу, 19 июля, — это казалось наиболее вероятным днем, когда все, чем бы «это» ни было, закончится. То, чем это закончится, было тревожным, неизвестным фактором.

После дальнейших заверений Кэрри в том, что они скоро увидятся, она с радостью передала телефон Джеймсу.

— Значит, все идет не по плану?

— Не совсем. С другой стороны, я больше не думаю, что у мамы слабоумие.

— О? Тогда почему она вела себя так странно?

Анна вкратце рассказала ему о том, что происходило, время от времени слыша резкий вдох. Она закончила свой монолог той частью, где ее отец якобы бросил ее из-за поведения Мюриэл. Причина, по которой он никогда не связывался с Анной, по-видимому, заключалась в том, что ее матери так было легче. Очевидно, он любил Анну. Даже озвучивание этого Джеймсу заставило ее недоверчиво покачать головой.

— Что это вообще значит? — спросил он.

— Вот именно! Если бы он любил меня, то не сдался бы так легко. Что-то не сходится, не так ли? Зачем облегчать жизнь моей матери, а не мне?

— Я полагаю, мы не знаем, как похищение Джони и последующее предположение, что она была убита, повлияли на его отношения с твоей мамой. Или с тобой, если уж на то пошло. К счастью, это не то, с чем мы когда-либо сталкивались. Мы не можем знать причин, по которым твой отец решил уйти к другой женщине и жить с ней в другой стране; у нас есть только одна сторона истории. — Последовала пауза, прежде чем Джеймс заговорил снова. — Разумно ли тянуть с этим сейчас? Я имею в виду, у тебя были годы, чтобы усомниться в этом...

— Не начинай, — фыркнула Анна. — Похоже, все испытывают отвращение к тому, чтобы что-то раскапывать!

— Прости, но почему именно сейчас?

— Из-за ситуации, — сказала Анна пронзительным тоном. Она сделала глубокий вдох. — Вот почему я не посещаю Мейплдон, Джеймс. Вот почему я редко вижу свою мать. Поскольку теперь я провела много времени в ее обществе, я не могу не подвергать сомнению все. Легче оставить спящих собак лежать, когда есть расстояние.

— Хм, — сказал он. — Может быть, твой отец тоже так считал. — Его голос был почти шепотом, как будто он боялся реакции Анны.

Анна хотела разозлиться на него, отпустив саркастический комментарий в ответ, но почувствовала будто вся энергия покинула ее.

— Неважно.

— У тебя есть его контактные данные...

— Боже, нет, Джеймс. Я не разговариваю с ним и не вижу его. Мне все равно, какие у него были причины. Насколько я понимаю, они были достаточно хороши, чтобы оставить десятилетнюю дочь. Ты бы бросил Кэрри?

— Ну, нет. Конечно, нет.

— Вот именно. Ничто не смогло бы заставить тебя бросить ее. Мой отец был эгоистичным и слабым, конец. А моя мать позволила ему уйти и теперь пытается как-то оправдать его действия, говоря, что он ушел из-за нее, а не из-за меня. Ты знаешь, потому что он все еще любил меня. Ну, это чушь собачья.

— Я согласен, это слабо. Но, может быть, он заслуживает того, чтобы высказать свою точку зрения, а не просить Мюриэл говорить за него?

Анна закрыла глаза, мысленно представляя песочно-каштановые волосы своего отца, падающие на его высокий лоб. Его холодные голубые глаза. Она слышала его успокаивающий голос, чувствовала его теплые объятия.

— Когда-нибудь, может быть. Но сейчас мне нужно довести это дело до конца. — Она вернула разговор к настоящему; она разберется со своим прошлым в другой раз.

— Ты думаешь, что тебе грозит опасность? Или Мюриэл? — Голос Джеймса был полон беспокойства.

— Я меняю свое мнение об этом почти ежечасно, Джеймс. Я говорила об этом с бывшим копом, но до сих пор официально не обращалась в полицию.

— Думаю, тебе следует. Разве они не могли поставить патрульную машину возле дома? По крайней мере, ты будешь чувствовать себя в большей безопасности.

— Возможно. — Анна погрузилась в свои мысли. Это было очевидное решение — привлечь полицию. Части куклы вместе с записками, несомненно, были достаточным доказательством того, что кто-то хотел причинить им вред? Полиция что-нибудь предпримет. — Мама, похоже, по-прежнему старается избегать вмешательства полиции.

— Почему? В голосе Джеймса звучало недоверие.

— Она считает, что это усугубит ситуацию, сделает ее еще хуже. Может быть, она чувствует, что он начнет свою игру или просто найдет другой способ добраться до нее. Я не знаю. Но есть вероятность, что она все еще не рассказывает мне всего. Я уверена, что она утаивает ключевую информацию. И именно поэтому она не хочет звонить в полицию... потому что это поднимет вопрос о прошлом, которое она так старалась похоронить.

— Тогда, я думаю, пришло время ей признаться во всем, по крайней мере, тебе. Для тебя, Анна. Для Кэрри. В настоящее время ее поведение подвергает вас риску. Она действительно этого хочет?

Слова Джеймса звучали у нее в голове, пока она шла обратно к дому. Входная дверь была пуста. За ночь к ней не приколотили ни одной новой части тела. Анна гадала, когда же это произойдет. Когда Пэт пришел прошлым вечером и Анна показала ему детали куклы и заметки, он предложил посидеть снаружи в машине и понаблюдать за домом. Мюриэл, конечно, отказалась.

Но это навело Анну на мысль, что, может быть, ей стоит не спать — нести вахту — посмотреть, кто их посещает. Ей следовало установить камеру, как только был оставлен второй предмет, чтобы самой поймать их с поличным, как предлагала Сэнди. Но она предположила, что кто бы это ни был, он был умен... он бы учел что-то подобное и был бы замаскирован. Тем не менее, им было бы полезно иметь какие-либо визуальные

доказательства — по крайней мере, можно было бы определить, был ли это мужчина или женщина. Возможность исключить Лиззи из числа подозреваемых позволила бы Анне полностью довериться ей. На самом деле, она была единственной, с кем Анна могла работать, чтобы докопаться до сути того, что случилось с Джони Хейз.

Анна почувствовала прилив сил при мысли о том, чтобы сделать что-то более конструктивное. Она даже не рискнула выехать из Мейплдона с тех пор, как приехала туда — поездка в Бови, ближайший город, чтобы купить камеру слежения, была бы облегчением. Позволить ей немного освободиться от деревни, которая в некотором смысле начинала казаться тюрьмой.

Анна наслаждалась несколькими часами вдали от Мейплдона... и своей матери. Как будто грозовая туча рассеялась в ту секунду, когда она ушла. Анна помнила это чувство, оно было таким же, какое она испытала двадцать лет назад. Но беззаботное настроение Анны омрачилось в тот момент, когда она остановила свою машину на маминой дороге. Даже на расстоянии она могла сказать, что на двери что-то было. Если бы только они могли подождать, пока она установит камеру. Как будто они знали, что она задумала.

Она медленно вышла из машины, пытаясь оттянуть неизбежное. Вот оно: следующая часть тела — рука. Анна неподвижно стояла перед дверью, держа в руке сумку с фотоаппаратом. Черт возьми. Осталась только одна часть. Во всяком случае, таково было общее мнение. Туловище должно было стать последней частью, и Анна догадалась, что это будет завтрашнее подношение. Был последний шанс заснять преступника на камеру.

— Мама! — позвала Анна, входя в дом. — Мама?

Анна толкнула дверь гостиной, но Мюриэл нигде не было видно. Поставив сумку на обеденный стол, Анна вышла в сад за домом, окликая на ходу. Хлопнула дверь.

— Здесь! — крикнула Мюриэл, и Анна увидела, как она вышла из задней двери Сэнди. Наконец, она отважилась зайти к своей соседке, и, как правило, это было тогда, когда рука была прикреплена к двери. — Ты не торопилась, — сказала она, ее слова были резкими.

— Извини, было нелегко найти магазин в Бови, где продавался бы фотоаппарат того типа, который я хотела. Это должен был быть прибор ночного видения.

— И все же тебе удалось раздобыть один? — Мюриэл закрыла калитку, разделявшую ее дом и дом Сэнди, и неторопливо направилась к задней двери. Она была более сгорбленной, чем казалась раньше: ее плечи округлились, спина изогнулась. Она выглядела намного старше шестидесяти пяти — Анна видела более бодрых девяностолетних. Это было так, как будто она съеживалась, с каждым новым днем все больше погружаясь в себя.

— Да. И у нас есть еще одна кукольная часть.

Лицо Мюриэл побледнело.

— Я думала, сегодня нам это сошло с рук.

— Да, я тоже. Ты что, ничего не слышала?

— Нет. — Мюриэл со вздохом покачала головой. — Ничего. Мы с Сэнди были на кухне. Если бы мы были в гостиной, я бы, возможно, услышала. Хорошо, так что же там написано?

— Давай посмотрим, хорошо?

Они обе сели за стол, Анна держала шампур наготове.

— Тогда продолжай, — сказала Мюриэл. Анна вытащила листок бумаги:

КТО-ТО ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬСЯ. СЕЙЧАС! ВРЕМЯ НА ИСХОДЕ.

Мюриэл что-то пробормотала себе под нос и поднялась со стула. Не глядя на Анну, она вошла в гостиную. Анна немного посидела, размышляя.

Кто-то должен признаться. Сейчас. Время на исходе. Что должно было произойти, когда истекло нераскрытое время? Вот в чем был вопрос. Если человек не сознается, что будет? Не могло быть достаточно доказательств правонарушения, иначе они наверняка передали бы это в полицию, а не терроризировали бы ее мать. Они, должно быть, блефовали, или собирались взять дело в свои руки и добиться того, что они считали справедливостью. Если этот человек был так убежден, что Билли Коули был ошибочно осужден, как далеко они готовы были зайти, чтобы очистить его имя? Если за этим стоял сам Билли — Анна могла бы поспорить, что он пойдет довольно далеко.

Но, возможно, это не входило в его намерения.

Как она уже думала, у полиции не могло быть достаточно улик, так что это, должно быть, способ отомстить кому-то исключительно для собственного удовлетворения. Правильно это или нет, но они решили, что Билли невиновен, а кто-то другой виновен. Снять вину и переложить ее на кого-то другого, возможно, было способом избавиться от чувства вины. Или поделиться им.

Единственное, что знала Анна, так это то, что ее мать сыграла важную роль в том, что Элизу забрали из-под опеки Билли. Но что, если на этом все не закончится?

Глава 74

2019

Лиззи

Дом тихонько похрапывал, когда она вернулась в комнату прошлой ночью. Лиззи наблюдала за ним, по ее лицу катились тихие слезы. Она все еще была потрясена воспоминаниями Роба о том, что произошло в ее спальне, когда ей было восемь лет, его слова эхом отдавались в ее голове:

— Это была ты. Ты, кто прикоснулась ко мне. И заставила меня прикоснуться к тебе.

Она никогда не испытывала такого ужаса.

Ее собственная реакция была быстрой, пропитанной недоверием:

— Мне было восемь лет, Роб... почему ты это говоришь? Зачем тебе лгать о чем-то подобном?

Но, когда он рухнул в кресло, закрыв голову руками, она поняла. Он не лгал. После того, как он взял себя в руки, он рассказал Лиззи все, что помнил о том дне. Как он взбесился. Как он думал, что Билли убьет его, если увидит, или если Элиза расскажет ему. Кто поверит мальчику постарше, а не восьмилетней девочке? И уж точно не отец девочки. Она будет рассматриваться как жертва, а не он. Роб сказал, что он выбежал из бунгало и вернулся в безопасное место в магазине, а потом несколько недель боялся, что Билли Коули придет за ним.

Он никогда ни с кем не говорил о том, что произошло. После многих лет игнорирования это отодвинулось на задний план — на смену инциденту пришли другие проблемы: Элизу увезли, Джони похитили и убили. Он рассказал Лиззи, как сначала думал, что каким-то образом свалит вину на Джони. Как будто кто-то мог узнать о нем и Элизе, сложить два и два и получить десять. Предположим, что он был преступником, тем, кто прикасался к девочкам, и люди подумали бы, что он тоже причинил вред Джони.

Сердце Лиззи болело за него. Его детство было перевернуто, разрушено. Невинности потеряна.

Так же, как и у Лиззи.

Только она была причиной страданий Роба.

— Мне так жаль, — сказала она.

— Ты не можешь винить себя. Ради бога, ты была ребенком, а дети экспериментируют. Просто то, что ты сделала, было более, ну... взрослым, чем большинство. Обвинение... в оскорблении, которое тебе причинили.

Лиззи отвернулась от своего спящего мужа и медленно выдвинула нижний ящик комода, доставая кусок ткани — тот самый, который она нашла в голове куклы. Она сидела молча, вертя в руках окровавленную полоску материи. Она изучала его. Материал был из ее платья, она узнала выцветшие желтые цветы по фотографии Элизы, на которой оно было надето. Одна из немногих фотографий, на которых она видела себя с детства. Инстинкт подсказал ей взять его, когда она была в сарае Анны.

Должно быть, это ее отец вложил полоску ее одежды в голову куклы. Но почему? Лиззи работала над пониманием того, что Билли пытался показать, что он невиновен в похищении и убийстве Джони Хейз. И, может быть, показать, кого он считал действительно ответственным. Но Лиззи не могла понять, какое отношение ко всему этому имела ее окровавленная одежда.

На долю секунды ужасающая мысль пришла ей в голову. Была ли она там? Присутствовала ли она при убийстве Джони Хейз?

Она покачала головой, сделала глубокий вдох. Нет, конечно, ее там не было. К тому времени она уже была взята под опеку. Красное пятно могло быть ее собственной кровью или краской. Ничего общего с Джони. Услышав историю Роба и держа в руках часть ее одежды, ее выбило из колеи, и ее мысли путались. Она должна была сдерживать эмоции, мыслить логически.

Теперь, в холодном свете дня, проспав лишь урывками, Лиззи открыла свой ноутбук. Дом проснулся рано, принял душ и отправился на прогулку по садам отеля типа «постель и завтрак», чтобы «подышать деревенским воздухом». Она избегала вступать с ним в разговор. Ее разум был слишком переполнен, ей нужен был покой, чтобы собраться с мыслями. Лиззи начала читать заметки в файлах, которые она сделала на каждого интересующего ее человека. Где-то там может быть ссылка на недостающий кусочек головоломки. Фотографии на стене в доме Роба тоже не выходили у нее из головы. Первое мая. Тина Хейз наблюдала, как Джони танцует вокруг майского дерева. Билли Коули стоял рядом с ней, плечом к плечу.

Если она сможет снова увидеть Роба, было бы неплохо поближе рассмотреть фотографии и спросить Нелл, сохранились ли у нее еще какие-нибудь с того времени. Просматривая старые фотографии, она могла бы докопаться до правды, выяснить, что скрывали жители Мейплдона. Лиззи взяла мобильный, чтобы написать сообщение Робу. Раздался поток звонков. Она нахмурилась. Это было ужасно много уведомлений с момента последней проверки. Однако сигнал появлялся и пропадал, так что, скорее всего, тогда и просочилась целая куча сообщений. Она пролистала их, чтобы посмотреть, есть ли что-нибудь срочное, с чем нужно было разобраться. Все они казались несрочными — на одно письмо от редактора, который заказал статью о Билли Коули, требовался ответ, но остальные могли подождать.

Затем одно из сообщений привлекло ее внимание. Анна написала ей сообщение в среду днем. Действительно, была задержка в получении уведомлений, если это заняло так много времени.

«Привет, Лиззи, просто чтобы держать тебя в курсе — мы получили ногу, как и ожидалось. Записка внутри: КТО-ТО ЗНАЕТ, ГДЕ ОНА. Я говорила об этом с Пэто

Верном, но мама по-прежнему непреклонна, что мы не должны беспокоить полицию. Я хочу пойти и повидаться с Нелл и Робом — подумала, что было бы разумно, если бы мы пошли вместе. Ты не могла бы приехать завтра днем?

Анна.»

Лиззи была на удивление озадачена ножкой и запиской — как сказала Анна в тексте, это было ожидаемо. Но она была смущена ее предложением пойти вместе навестить Нелл и Роба. После вчерашнего откровения Лиззи предпочла бы вернуться одна. Ей не нравилась мысль о том, что все это всплывет перед Анной. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы обдумать это, прежде чем отправить ответное сообщение.

«Извини, только сегодня утром получил твое сообщение. Я могу прийти после двух часов дня, если ты не против?»

Ей придется отодвинуть случившееся на задний план, у нее это хорошо получалось. В конце концов, у нее была практика всей жизни.

Глава 75

1989

Внутри грузовика Билли

Пятница, 2 июня — 47 дней до

Он пытался очень долго, он действительно пытался. И все же все, что он получил, — это горе, а не принятие. Эта стерва, Мюриэл Фишер, ее муж — на самом деле все мужья — ужасные люди. Чего они так боялись? Только потому, что его жена умерла, это не означало, что он охотился за ними. Боже, да кому вообще могут быть интересны эти фальшивые женщины?

Глаза Билли были устремлены вперед. Он пристально наблюдал за ней из безопасного укрытия своего грузовика с работающим на холостом ходу двигателем. Она была красивее других. Не только физически, она была красивее и внутри. Или была, когда ее не было с ними. Если бы он мог оставить ее в покое, побыть с ней наедине какое-то время, он мог бы выпустить часть сдерживаемого гнева. Если бы давление было снято изнутри него, из его головы, он смог бы лучше справиться со смертью Розы, с осознанием того, что теперь ему придется воспитывать Элизу в одиночку.

— Папа, мы можем сходить в магазин и купить сладостей? — спросила Элиза. Она вернула его мысли к тому, что было здесь и сейчас. Она тихо сидела рядом с ним, в то время как его внимание было отвлечено.

— Нет, не туда. Мы поедem в город. — Он включил передачу и умчался. Подальше от нее. Ему придется больше наблюдать за ней, узнать ее распорядок дня. Придумать подходящее время, чтобы подойти к ней.

— О, но это так далеко, — пожаловалась Элиза, сильно хлопнув руками по коленям.

— Но в городе есть сладости и получше. Тебе нужно набраться терпения, Элиза. Хорошие вещи приходят к тем, кто ждет.

Глава 76

Анна

2019

Четверг, 18 июля

Анна бросилась к входной двери, крикнув Мюриэл через плечо, как только заметила, что машина Лиззи свернула на дорогу.

— Это ненадолго, мам. Позвони, если я тебе понадобится.

Она не стала дожидаться ответа. Мюриэл, казалось, немного успокоилась, когда муж Сэнди установил камеру видеонаблюдения на стене слева от входной двери — внутри ниши, чтобы ее было нелегко увидеть, ее объектив был направлен на дверь. Анна проверила это до приезда Лиззи, несколько раз подходила к дому и дотягивалась до того места, где были оставлены части куклы. Затем она убедилась, что видео записано, проверив качество захваченных изображений. Хотя Анна была довольна своей покупкой, она злилась на себя за то, что так долго ждала, чтобы сделать это.

— Ты готова? — спросила Анна, садясь в машину и пристегивая ремень безопасности.

— Такой, какой я всегда буду, — монотонно произнесла Лиззи. Затем она добавила: — Я очень хочу получить некоторые ответы, выяснить, кто этот «кто-то», который знает, где она находится.

— О, после этого была еще одна записка, — сказала Анна. — Это была другая рука. Записка гласила: «Кто-то должен признаться. Сейчас! Время на исходе.» Еще одна часть осталась?

— Господи. Что ж, я надеюсь, что это так. Как бы мне ни нравилось раскрывать свои истории, должна признать, что это было слишком близко к дому. Я бы очень хотела, чтобы это закончилось прямо сейчас.

— О, я тоже. Я покончила с Мейплдоном.

Лиззи слабо улыбнулась Анне.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За веру в то, что не я прикрепляю конечности Полли к твоей двери. — Глаза Лиззи заблестели. Но она быстро заморгала и резко развернула машину, отъезжая с дороги Мюриэл, не сказав больше ни слова. Анна не ответила. Она не могла сказать ей, что у нее все еще есть сомнения. Она также воздержалась от упоминания о новой камере. Доверие нужно было заслужить, и она не была уверена, что Лиззи уже достигла этого уровня. Еще один день или ночь, и она будет уверена.

Лиззи припарковалась перед магазином «Брук Коттедж», и Анна вышла. Лиззи не пошевелилась.

— Войдешь? — спросила Анна, наклоняясь, чтобы посмотреть на нее.

Лиззи выпустила воздух из своих надутых щек.

— Ага. Думаю, да.

— В чем дело? Как будто ты не хочешь этого делать. Если ты хочешь, чтобы я ушла...

— Нет, нет. Я готова. Я просто настраиваю себя на это.

Анна нахмурилась, когда Лиззи наконец вышла из машины.

— Это сложно, Анна — возвращаться к демонам, которых я подавляла так сильно, что у меня больше нет воспоминаний о них. Это все равно что вскрыть старую глубокую рану.

— Да, ты права. Это именно то, что мы делаем.

Две женщины обошли магазин сбоку, подошли к помещению позади и позвонили в колокольчик. Ничего.

— Они оба могли работать в магазине? — спросила Лиззи.

Они вернулись через парадный вход, Анна вошла в магазин первой, Лиззи неохотно попятилась.

— Добрый день, Нелл, — сказала Анна. Нелл Эндриус стояла в конце ближайшего прохода, выдвигая товары на переднюю часть полки.

— Привет, Белла. Я слышала, ты вернулась. — Нелл повернулась к ней лицом. — Упс, извини. Роберт сказал мне, что теперь ты предпочитаешь называть себя Анна. Как дела, дорогая? Мама в порядке? — радостно спросила она.

— Да, с ней все в порядке, спасибо. Ты чувствуешь себя лучше?

Нелл бросила на нее вопросительный взгляд, прежде чем ответить:

— О, э-э... да. Спасибо.

— Все хорошо. Роб здесь?

— В кладовой. Зачем он тебе? — Ее тон сразу изменился.

Анна была ошеломлена ее резкостью.

— О, просто быстро наверстаем упущенное. Но надеюсь, что он тоже сможет кое с чем помочь, прежде чем я вернусь домой.

Нелл наморщила лоб.

— Ну, думаю, я могла бы обойтись без него. Но я не могу сама разобраться с доставкой, а она должна быть с минуты на минуту, так что...

— Я не буду его задерживать, Нелл. — Анна выдавила из себя улыбку.

Нелл исчезла в кладовой, оставив Анну в одиночестве стоять в проходе. Ее не было несколько минут, а Роба все еще не было видно. Анна подкралась к закрытой двери, прислушиваясь к голосам. Это звучало так, как будто Нелл пыталась напасть на Роба, ее голос был резким, требовательным. Однако она не могла расслышать слова. Шаги приближались; Анна отпрянула от двери.

— Привет, Анна, — сказал Роб, врываясь, его лицо покрылось красными пятнами.

— Роб, привет. Могу я ненадолго оторвать тебя от работы?

Он украдкой оглянулся на Нелл, которая стояла прямо за ним.

— Э-э... да, я могу уделить тебе несколько минут.

Анна знала, что хочет его дольше, чем это, но смирилась.

— Хорошо. Лиззи тоже здесь, — сказала она, указывая на улицу.

— Ох. — Его лицо вытянулось. Анна гадала, что произошло между ними, вспоминая нежелание Лиззи выходить из машины.

— Мы можем зайти внутрь? В твой дом?

— Конечно. — Он пожал плечами, вышел из магазина, поздоровался с Лиззи, не глядя ей в глаза, и зашагал за угол магазина. Анна и Лиззи последовали за ним.

Затхлый запах ударил ей в ноздри, когда Роб провел их в первую комнату справа, когда они вошли. Анна не могла припомнить, чтобы бывала внутри, когда была моложе, они с Робом не были особенно дружны; они не общались с одной и той же компанией. Ее сразу же привлекли фотографии в рамках, занимавшие две стены, и она подошла поближе, чтобы рассмотреть их. Лиззи подошла к ней сзади.

— Что ты заметила на этой фотографии? — спросила она, указывая на фотографию, изображающую первомайские торжества в Мейплдоне. Анна позволила своим глазам пробежаться по фотографии. Ее сердце подпрыгнуло.

— Билли Коули там, смотрит, как танцуют девушки.

— Да, но посмотри, с кем он.

— Это тетя Тина, — сказала она, выпрямляясь, не в силах скрыть удивления в голосе. — Но на самом деле это ничего не значит, большая часть деревни, если не вся, была бы там.

— Но так близко? Они соприкасаются, видишь? В этом нет необходимости. Вокруг них достаточно места — это не значит, что их давят толпой. — Теперь Лиззи казалась

взволнованной, как будто она пила энергетические напитки, и они только начинали действовать.

Но она была права, Тина и Билли выглядели очень комфортно, стоя плечом к плечу. Анна поискала на изображении Марка, но не смогла его увидеть, только своих маму и папу, преподобного Фарнли и Нелл.

— Но, честно говоря, Лиззи, тот факт, что он с Тиной Хейз, только указывает на связь между твоим отцом и Джони. Если, как я полагаю, ты думаешь, они с Тиной были близки, даже имели роман, все это доказывает, что у него был доступ к Джони. Это увеличивает вероятность того, что твой отец похитил ее, насколько я могу судить.

— Нет. Ты упускаешь главное, Анна.

Анна раздраженно вздохнула.

— Тогда на что ты пытаешься намекнуть?

— То, что у моего отца какие-либо отношения с Тиной, автоматически не означает, что он похитил бы ее дочь! Такое мышление нелепо. Я думаю, что это доказывает то, что мой отец не был таким человеком, каким его все представляли. И Тина это видела. Она увидела в нем что-то хорошее там, где никто другой не мог или не хотел даже пытаться. Его преследовали все время, пока он жил в этой деревне, и она, возможно, была единственным человеком, который был на его стороне. Бьюсь об заклад, это не понравилось женщинам на чертовом собрании в Мейплдоне. — Лиззи ткнула пальцем в фотографию, висевшую дальше на стене. — Думаю, именно они играют ключевую роль, — сказала Лиззи. — Те, кто знает.

Анна двинулась вдоль стены, следя за пальцем Лиззи.

— Что заставляет тебя так думать? — Роб наконец обрел дар речи, который молчал с тех пор, как он их впустил. — Это всего лишь фотографии. Деревня невелика; вы обязательно увидите одни и те же лица, появляющиеся снова и снова. Это ничего не значит. И это тоже. — Он кивнул головой в сторону фотографии, перед которой теперь стояли Лиззи и Анна.

— Это женщины с собрания в Мейплдоне. — Голос, громкий и внезапный, заставил Анну вздрогнуть. Она обернулась, когда Нелл вошла в комнату.

— Да, я вижу, — выдавила Анна.

— Почему они вас так интересуют? — Нелл закрыла за собой дверь.

— Я люблю смотреть на старые фотографии... они могут рассказать так много, — произнесла Анна.

Нелл поджала губы.

— Они действительно говорят, что фотография может рассказать тысячу слов, но я не уверена, что согласна. Ты же не можешь рассказать все, не так ли? Люди прячутся, даже если они у всех на виду. Я имею в виду, ты же не можешь видеть зло, таящееся в нем, например, не так ли? Не с этой фотографии. — Нелл указала на майскую фотографию, которую они рассматривали до ее прихода.

— Может быть, потому, что там нет зла, которое можно увидеть. — Лиззи говорила так тихо, что ее голос был едва слышен.

Нелл фыркнула.

— Ты бы так сказала.

Анна почувствовала, что атмосфера изменилась, и быстро вмешалась, прежде чем ситуация накалилась. Ее заинтересовали женщины на фотографии, и она хотела узнать больше.

— Это фото, — сказала она. — Оно датировано четвергом, 1 июня 1989 года. У вас должно быть, был миллион встреч; почему была взята эта? — Анна отметила, что женщины, стоящие на переднем плане картины — Тина, Мюриэл, Нелл — казались «главными». Как будто они были самыми важными.

Нелл пожала плечами.

— Понятия не имею. Вероятно, это была одна из немногих встреч, на которых присутствовали все, или что-то в этом роде, или, может быть, это была годовщина — сколько бы лет ни прошло с тех пор, как мы впервые начали их проводить. Я не могу вспомнить. — Нелл отступила назад. — В любом случае, мне нужно, чтобы Роб вернулся в магазин. Я оставила его без присмотра.

— Может быть, Роб может вернуться, а ты останешься здесь ненадолго? — внезапно спросила Лиззи.

Нелл ощетинулась.

— У меня нет времени на эту чушь.

— В выражении лица Тины есть что-то тревожное, тебе не кажется? — спросила Лиззи, игнорируя комментарий Нелл. — Что вы обсуждали на этих встречах, Нелл?

— Для вас миссис Эндрюс, — отрезала она.

Анна не видела Нелл много лет до этого визита; возможно, она всегда была резкой, отрывистой. Но она так не думала. Лиззи задела ее за живое.

— Извините. Что происходило на собрании, миссис Эндрюс?

Нелл выпятила грудь.

— Все, — сказала она. — Как я теперь должна помнить? Мы затрагивали много тем: как собрать деньги на новое оборудование для детских площадок, как сделать дороги безопаснее для детей и тому подобное.

— И как сделать детей в целом более безопасными? — спросила Лиззи.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, никто из жителей деревни не делал секрета из того факта, что они не доверяли моему отцу, не так ли? Его не любили. Итак, вы обсуждали это на своих встречах? Вы говорили о том, что с ним делать? — Голос Лиззи повысился, когда она заговорила, ее лицо приобрело глубокий розовый оттенок.

— Это было так давно, что нет смысла ворошить прошлое, — сказала Нелл.

У Анны кровь застыла в жилах.

— Забавно, — сказала она. — Это слово в слово то, что сказала моя мать.

Нелл склонила голову.

Сейчас Анна больше, чем когда-либо, задавалась вопросом, что же происходило на этих встречах. Почему ее мать и Нелл так уклончиво относились к ним? Это было почти так, как если бы это было какое-то тайное общество. Как будто Лиззи прочитала мысли Анны, она подошла к Нелл и сказала:

— В Мейплдоне царит атмосфера степфордских жен, не так ли? Я не знаю, как вы это выносите — это душит. Вы в ловушке, не так ли? Думаю, что правда освободила бы вас, Нелл. Извините, миссис Эндрюс.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. — Нелл попятилась от Лиззи. — Ты приходишь сюда, притворяясь тем, кем ты не являешься, вороша прошлое ради собственной выгоды. Ты отвратительна. Совсем как твой отец. — Лицо Нелл сморщилось в непривлекательный клубок морщин, в уголках рта появилась слюна.

— Мама! — сказал Роб, подняв руку в сторону своей матери. — Достаточно.

— Что ж! — Нелл встряхнулась, как будто хотела избавиться от чего-то прилипшего к телу. — Если бы не они вдвоем, эта деревня жила бы как обычно. И бедная Джони Хейз была бы сейчас здесь. Когда ты уходишь, тебе не суждено вернуться, — сказала Нелл, ее слова почти шипели, как змеи.

Анна, Лиззи и Роб хранили молчание, когда Нелл выбежала из комнаты, каждый, казалось, был так же шокирован вспышкой гнева, как и другой.

Анна повернулась к Лиззи.

— Думаю, на данный момент мы выяснили достаточно. Пойдем, ладно?

Если Анна и была уверена в чем-то, так это в том, что эти женщины сделали нечто большее, чем просто забрали Элизу Коули у ее отца.

Глава 77

2019

Лиззи

Лиззи в ошеломленном молчании ехала обратно к дому Анны. Хотя она была рада, что тема посещения их бунгало Робом в детстве больше не поднималась, она не ожидала такого поворота событий. Она была так рада, что Анна присутствовала при этом. Она была еще одним свидетелем вспышки гнева Нелл.

— Думаю, ты должна быть здесь завтра, — сказала Анна, когда Лиззи остановилась у ее дома. Ее тело было повернуто к Лиззи, глаза пристально смотрели.

— Потому что сегодня годовщина?

— Да. После этого странного представления, думаю, мы должны встретиться лицом к лицу со всем, что нас ждет.

— Ладно. Но мы не узнаем, когда.

— Ты могла бы остаться здесь на ночь, на всякий случай?

Лиззи сморщила нос.

— Я не уверена. Мой муж приехал прошлой ночью, и сейчас он тоже остановился в отеле типа «постель и завтрак».

— О? Как так вышло?

— Долгая история. Но, по сути, он не знал. — Лиззи поникла. — То есть он не знал, кто я такая. Кто мой отец. Его освобождение оказало такое огромное влияние. На самом деле, больше, чем я себе представляла.

— Мне очень жаль. Все, через что ты прошла, и теперь ты переживаешь это заново, как будто смотришь DVD, но с бонусным материалом.

Лиззи рассмеялась.

— О, что ж, я рада, что ты все еще можешь смеяться, — сказала Анна. — Это уже кое-что.

— Как там говорить? Если я не буду смеяться, я буду плакать?

— Ага! — Анна отвернулась и открыла дверцу машины. Прежде чем закрыть ее, она снова опустила голову. — Что бы ни случилось, Лиззи, какую бы правду мы ни нашли, если мы действительно доберемся до правды, надеюсь, что ты наконец сможешь двигаться дальше. Наслаждаться своей жизнью, как тебе и положено.

Лиззи проглотила болезненный комок в горле.

— Спасибо. Я действительно надеюсь на то же самое и для тебя. Давай помолимся, чтобы правда оказалась не такой болезненной, как ложь.

Анна кивнула и захлопнула дверь. Лиззи смотрела, как она идет по дорожке и входит в парадную дверь. Она доехала до конца дороги и остановилась, чтобы позвонить, пока у нее было несколько полос сигнала. Телефон по-прежнему переключался на голосовую почту.

— Привет, Дом. Извини, но я пока не вернусь в отель типа «постель и завтрак». Мне нужно съездить в город, чтобы взять интервью у одного интересного человека. Я позвоню тебе еще раз, когда смогу, сигнал ненадежный, так что не волнуйся, если я не дам о себе знать. Я вернусь к темноте.

Она повесила трубку, затем нажала на Google Maps, ища фермы, расположенные примерно в десяти милях от Мейплдона. Она надеялась, что поблизости не так уж много мест с фургонами. Появились две фермы: Блейзд-Дейл и Хейтор-Вейл. Лиззи решила, что Блейздейл подходит под описание, данное ее отцом. Предвкушение, растущее в ее животе, заставило ее отправиться в путь.

Рулевое управление было тяжелым; ей приходилось по-настоящему тянуть руль, чтобы вести машину по грунтовой дороге, приближающейся к ферме Блейздейл. Она оставила машину у стены сарая и продолжила путь пешком к воротам, которые, похоже, вели на задний двор и, если повезет, к фургонам. Ей было интересно, сколько их на земле и как легко будет найти дом Билли. Было бы предпочтительнее найти его, не спрашивая никого, она не была уверена, какие подробности он бы рассказал, и не хотела сказать что-то не то. Лиззи открыла деревянную калитку, вошла внутрь и закрыла ее за собой. Никого не было видно; она даже не слышала никаких звуков, которые ассоциировались бы у нее с работающей фермой. Может быть, это больше не работающая ферма.

Лиззи почувствовала, как ее мышцы расслабились, когда она завернула за угол и увидела всего два фургона в поле недалеко от фермы.

Пожалуйста, пусть это будет правильное место.

Она поплелась в поле и приблизилась к первому фургону, встав на цыпочки, чтобы заглянуть в окно. Он выглядел пустым. Если и другой такой же, ей придется ехать на следующую ферму. Что, если Билли солгал о том, где он был? Эта мысль раздавила ее. Другого способа найти его не было. Ей придется подождать, пока он сам придет к ней. Она чуть не рассмеялась над иронией.

Она затаила дыхание, глядя сквозь единственное чистое пятно на грязном окне второго фургона. Затем резко выдохнула. Билли был внутри. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя, затем она постучала в дверь. Костяшки ее пальцев глухо стукнули по пластику.

— Так, так. Это сюрприз, — сказал Билли, открывая его. — Не думал, что увижу тебя в ближайшее время.

— Я тоже, если честно, — сказала она.

— Заходи, если хочешь.

Лиззи вошла в фургон, до нее донесся слабый запах испорченной еды. Она обвела взглядом небольшое пространство.

— Это не так уж много. Но это лучше, чем тюремная камера. — Он улыбнулся, быстро окинув взглядом интерьер фургона. — Садись. Чего ты хочешь?

Лиззи осторожно переместилась в конец фургона и села, выпрямив спину.

— Я хочу знать всю историю. Настоящую. Никакой лжи, никакого дерьма. Прямо о том, что со мной случилось, почему меня забрали, почему жители Мейплдона так сильно хотели, чтобы ты уехал. Все это. Мне нужно знать, что они сделали и пришел ли ты сюда, чтобы

отомстить. — Лиззи перевела дыхание.

— Хммм... — сказал Билли, присаживаясь на край квадратного дивана, который тянулся вдоль одной стороны фургона. — Мне показалось, что ты не была готова или даже не хотела слышать об этом, когда я видел тебя на днях.

— Нет. Тогда я не была готова. Но теперь это так.

— Хорошо, я скажу тебе то, что ты хочешь знать. Но ты должна верить тому, что я говорю. Не все из этого будет иметь для тебя смысл. Большая часть этого не будет звучать правдоподобно. Конкретно одна часть. Но я обещаю тебе сейчас, что то, что выйдет из моих уст, будет правдой. Я не собираюсь тебе врать. Ты должна быть уверена, что хочешь знать. Ты должна быть уверена, что сможешь справиться с последствиями. Потому что все, чего я хочу сейчас, — это спокойной жизни, и почему-то у меня такое чувство, что после этого разговора дерьмо, так сказать, попадет в вентилятор. Как, кажется, гласит популярная в Мейплдоне поговорка: если не хочешь запачкать руки, не копайся в грязи. А ты, моя девочка, копаешь глубоко.

— Я в курсе этого. Но пришло время, папа. Пришло время узнать правду. Даже если это означает еще большую боль.

Билли кивнул и соскользнул вниз, так что он сел на диванную подушку рядом с ней.

Лиззи уловила запах «Олд Спайс». Она повернула свое тело так, чтобы быть полностью лицом к нему. Сегодня он был чисто выбрит и одет в простую черную футболку, не заправленную в темно-синие джинсы. Он привел себя в порядок с тех пор, как она впервые встретила его. Она почти улыбнулась, по какой-то причине его опрятный внешний вид, тот факт, что он прилагал усилия и гордился собой, заставил ее почувствовать к нему теплоту. Он казался спокойным и контролирующим себя, когда снова заговорил; он начал медленно, его голос был низким и размеренным.

— Ложь началась очень рано. Те, кто распространил по деревне слухи о том, что я плохо к тебе отношусь, были одними из первых. Но самая большая ложь из всех была произнесена через два дня после того, как пропал Джони Хейз. И вот тогда я все понял.

— Понял что? — Лиззи неловко поерзала на диване с твердой подушкой, создавая немного большее расстояние между ней и Билли.

— Понял, что все, что я говорил, было пустой тратой времени. Никто не собирался верить чудаку Жуткому Коули, не так ли? Кто поверит одиночке и растлителю малолетних?

— Но ты не был осужден, не было предъявлено никаких обвинений в жестоком обращении со мной, не так ли?

— Потому что я был невиновен! — внезапно закричал он, запустив пальцы в свои седые волосы. — Но к тому времени это уже не имело значения. Дерьмо прилипает, Элиза. Как говорится, нет дыма без огня. И они это знали. Вот как это получилось.

— Как получилось, что сработало?

— Их план. Они знали, что я буду изо всех сил пытаться выбраться из того бардака, который они для меня создали. Сцена была подготовлена, и я был подозреваемым номер один. Единственным подозреваемым в их сознании. Единственным, кого они когда-либо хотели.

Глава 78

1989

Резиденция Фишеров

Среда, 19 июля — день, 6.15 вечера

Белла не могла отдышаться. Она бежала домой всю дорогу, ни разу не остановившись. Она не могла, она была слишком напугана. Слишком боялась оглянуться назад. Теперь, оказавшись в безопасности за своей входной дверью, она рухнула на землю, хватая ртом воздух.

— В чем дело, Белла? — Ее мать появилась из дверного проема гостиной, а затем бросилась к ней, склонившись перед ней.

Белла не могла говорить.

— Притормози, сделай глубокий вдох, — уговаривала она, беря руки Беллы в свои и ожидая, пока та успокоится. — Ты дрожишь, — сказала она, озабоченно наморщив лоб.

Белла слышала всхлип. Это исходило от нее, из глубины души, бурля и шумно извергаясь. Слезы жгли ей глаза.

Ей не следовало убегать. Но разве был другой выбор?

Дрожь усилилась, ее зубы яростно стучали друг о друга. Мюриэл притянула Беллу поближе к себе, крепко обхватив руками ее дрожащее тело. Она пригладила рукой золотистые волосы Беллы, шепча ей на ухо успокаивающие «тише».

Они вместе раскачивались на полу, ничего не говоря.

— Я дома! — позвал Эрик, открывая заднюю дверь. Он повернулся, чтобы постучать ботинками по задней ступеньке, чтобы стряхнуть грязь.

— Ты опоздал, — сказала Мюриэл.

— Что здесь происходит? — спросил он, игнорируя ее заявление, когда вошел в гостиную, его глаза прищурились на Мюриэл и Беллу, прижавшихся друг к другу на диване.

Мюриэл взглянула на него, мягко покачав головой.

— Я не знаю, Эрик. Но это, должно быть, плохо... она еще не произнесла ни слова. Она в таком состоянии с тех пор, как прибежала час назад.

— Давай, дорогая, — сказал Эрик, присаживаясь перед ними на корточки. — Расскажи папе, что случилось. Ты снова поссорилась с Джони?

Рыдания Беллы возобновились.

— Что она натворила на этот раз? — взревел Эрик. — Скажи мне, и я пойду туда прямо сейчас и разберусь с этим.

— Эрик! Это не поможет, — сказала Мюриэл, сердито глядя на него. Она снова обратила свое внимание на Беллу. — Папа волнуется. Я волнуюсь. Ты должна рассказать нам, что случилось, дорогая.

Белла оттолкнулась от своей мамы и, со слезами, стекающими по ее все еще красным щекам, сделала несколько глубоких вдохов. Она пристально посмотрела отцу в глаза, изучая их. Эрик отвел взгляд.

У Беллы заболел живот. Ее конечности все еще горели от бега. Ей хотелось пойти в свою комнату, нырнуть под одеяло и никогда не вылезать. Но она знала, что не сможет. Она должна была что-то сказать.

— Он... он... преследовал... нас, — заикаясь, произнесла она. — Билли. — Рыдание сотрясло ее тело. — Это... Джони... Я оставила ее. Это... моя вина.

Глава 79

Анна

2019

Пятница, 19 июля

Нервный, тугой комок тяжело засел у нее в животе.

Сегодня был тот самый день. Ровно тридцать лет назад Джони Хейз пропала без вести. Тридцать лет назад, по сей день, жизнь Анны изменилась. Она перестала быть Беллой. Она перестала быть ребенком. Ее воспоминания о том дне в среду были все еще смутными, временная шкала расплывчатой. На днях Пэт Верн сказал ей, что они с Мюриэл сообщили в полицию о похищении Джони только в пятницу, что ей все еще было трудно понять. Она, очевидно, страдала от шока, но с тех пор, как она поняла, что произошел временной провал, Анна гадала, не намеренно ли она никому не рассказывала, потому что втайне хотела, чтобы у Джони были неприятности. Хотела, чтобы она страдала.

Но эти причины казались слишком непостижимыми, чтобы быть правдой; тот факт, что она даже рассматривала это, ужаснул ее... десятилетняя Белла не была бы способна на такое мышление. Она была слишком молода, слишком невинна. Она видела, как ее подругу похитил Жуткий Коули. Это испугало бы ее, а тот факт, что она ничего не делала почти сорок восемь часов, должно быть, был вызван онемением от шока. Это было единственное возможное объяснение. Ей просто хотелось точно вспомнить, что произошло, чтобы успокоиться.

Анна уставилась на свою мать, ковыряющую кусочек холодного тоста. Мюриэл всегда нарезала тосты на четыре аккуратных треугольника. Анна вспомнила, как ее мать складывала треугольники в блестящую серебряную подставку для тостов, выкладывала на тарелку горшочек с маслом и один с джемом и подавала Эрику на обеденном столе. Это был завтрак ее отца каждый день в течение многих лет, которые он провел дома. Все десять лет жизни Анны он был рядом.

— Ты проверила входную дверь? — спросила Мюриэл.

— Нет. Я готовилась к этому. Я почти не спала, постоянно вздрагивала от каждого малейшего звука. Однако я не слышала никакого громкого стука или чего-то в этом роде. Может быть, там ничего нет. Пока.

— Я первым делом взглянула на коврик у двери, но ждала, пока ты проверишь дверь. Не уверена, что мое бедное сердце выдержит еще, если честно.

— То же самое, — сказала Анна. — И если и будет что-то «большое», то это произойдет сегодня. Я это чувствую.

— Может, сначала проверим камеру наблюдения?

— Да, хорошая идея. Тогда мы будем готовы.

Мюриэл и Анна поднялись наверх в комнату для гостей — кладовку в передней части дома, где были установлены диктофон и монитор. Анна выглянула из-за занавески. Поблизости никого не было.

— Ты знаешь, как это делается, Анна? — Мюриэл сняла очки, водрузила их на кончик носа и уставилась поверх них на пустой экран монитора. Анна улыбнулась. Зачем надевать очки, а потом смотреть поверх них? Она не потрудилась озвучивать вопрос.

— У меня была практика, это очень просто, — сказала Анна.

— Ну, это для вас, молодежи, не столько для меня.

— Не волнуйся. Будем надеяться, тебе не нужно становиться экспертом...

Анна нажала несколько кнопок, и на экране появилось изображение входной двери.

— Черт.

— Это тело, — сказала Мюриэл, ее тон был побежденным. — Я этого не слышала. Должно быть, не только сошла с ума, но и оглохла.

Одно из любимых изречений ее матери.

— Хорошо, но мы можем, по крайней мере, вернуться к записи. Может быть, мы поймем его с поличным и сможем идентифицировать ублюдка...

Мюриэл бросила на Анну тяжелый взгляд.

— Извини. Я остановилась, не так ли? — запротестовала Анна, снова чувствуя себя ребенком.

— Мне страшно смотреть, — тихо сказала Мюриэл.

— Тогда не смотри. Я найду нужный фрагмент, посмотрю, есть ли там что-нибудь полезное. Ты можешь принять решение, если захочешь узнать потом.

На мгновение Мюриэл выглядела смущенной, но потом выпрямилась и согласилась, что будет лучше, если Анна сначала проверит. Она попятилась из комнаты.

Анна перешла к началу отснятого материала. Минуту за минутой она наблюдала за инфракрасным серо-белым неподвижным изображением входной двери. Затем, когда время показывало 2.13 ночи, Анна заметила изменение яркости. Свет факела на двери? Она наклонилась вперед, ее сердце бешено колотилось при мысли, что она вот-вот кого-то увидит. Человека, который оставлял части куклы, оставлял записки. Она затаила дыхание, когда темная фигура приблизилась к двери.

Рука в перчатке потянулась вверх, поддерживая то, что должно было быть телом куклы, в то время как другая рука что-то прижимала к нему. Похоже, у него не было молотка; должно быть, это просто булавка. Но внимание Анны отвлеклось от рук в перчатках. Оно было сфокусировано на фигуре в капюшоне. Она знала, что не сможет определить личность игрока «Тук — тук» — он был готов и прикрывал себя настолько, насколько это было возможно. Но Анна могла различить телосложение, как она и надеялась.

И Анна была уверена, что она не наблюдала за Билли Коули у своей двери.

Она перемотала отснятый материал и смотрела снова и снова.

Она была уверена, что это была женщина.

Была ли Мюриэл права с самого начала? Это была Элиза Коули — Лиззи?

Женщина подняла руку довольно высоко, чтобы прижать тело к двери. Может быть, это указывало бы на то, насколько она была высока.

Анна бросилась вниз по лестнице и распахнула дверь, обнаружив торс. Торс Полли. Он был прикреплен только большой булавкой, на этот раз без гвоздя. Чтобы убедиться, что на этот раз она и Мюриэл ее не услышат? Видела ли неопознанная женщина или знала о камере?

— Я проверила запись с камеры, мам. — Анна вошла в гостиную, держа торс в руке.

— И что? — Мюриэл повернулась, и ее лицо вытянулось, когда она заметила, что держит Анна. — О.

— Это женщина. Это не Билли делает это с тобой.

Мюриэл, казалось, немного съезжилась. Облегчение смягчило ее лицо.

— Это уже кое-что. Но почему? Почему женщина делает это? Если только я не была права, что Лиззи нельзя доверять, что это она, и именно она хотела отомстить за своего отца.

— Это вполне возможно. Думаю, что пока мы должны исходить из предположения, что это она. Она действительно казалась особенно расстроенной, узнав, как вы с Нелл записали ее признание. И она очень хотела привлечь внимание к Тине.

— Тине? Как так вышло? Ты никогда не говорила мне об этом.

— Только что произошло, у меня не было возможности обсудить это с тобой. Лиззи

думает, что в Мейплдоне происходит что-то вроде «степфордских жен» — что ежемесячные собрания женщин были в некотором роде ключом к плохим событиям в деревне. Ключом к тому, чтобы ее отца посадили в тюрьму.

— Это абсурд, — сказала Мюриэл. — Чем больше ты говоришь, тем больше я уверена, что это она. Она очень испорченная молодая женщина, Анна. Там тебе нужно быть осторожной.

— Я так и сделаю. В любом случае, давай посмотрим, что у нас есть в этом торсе. — Анна просунула два пальца внутрь углубления, через отверстие, где должна быть нога, и вытащила сложенный листок бумаги. Она уже собиралась положить тело на стол, когда кое-что еще привлекло ее внимание. — Тут что-то еще.

— О, и что теперь? — Голос Мюриэл звучал подавленно.

Анна ожидала чего-то в дополнение к телу куклы, чего-то значительного, поскольку это была годовщина, но все же она почувствовала прилив паники. Ее пальцы дрожали, когда она схватила маленький круглый предмет и вытащила его. Она уставилась на покрытый тканью шарик, лежащий у нее на ладони.

— Открой, — сказала Мюриэл. Ее голос потерял всякую силу. Она была напугана. Это напугало Анну.

Она осторожно развернула маленький сверток. У Анны перехватило дыхание, когда она поняла, что держит в руках.

— Черт! — выдохнула Анна. Мюриэл не ругала ее за использование языка. Анна почувствовала, что она думает о том же. — Как? Почему? — Анна не могла привести в порядок свои мысли.

В ее руке лежал маленький серебряный медальон в виде сердечка на изящной цепочке.

И они обе знали, кому он принадлежал.

Ни один из них не смотрел на другого.

— Записка могла бы все объяснить, — прошептала Анна.

— Нет! Не читай! — Мюриэл наклонилась вперед, пытаясь взять бумажку со стола. Анна оказалась проворнее.

— Боже, мам! Почему? Мы можем... и на самом деле нам это нужно. Мы должны знать, о чем там написано и почему? Не говоря уже о ком?

Лицо Мюриэл исказилось. Слезы потекли из ее прищуренных глаз. У Анны сжалось в груди. Что, черт возьми, это была за реакция?

— Не надо, Анна. Это будет ложь, вздор. Как и все остальное. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Про то, чтобы копаться в прошлом, да, я знаю. Вы с Нелл очень хотели мне это сказать. Вы обе что-то скрываете — не думай, что я не знаю. А теперь давай. Пришло время правде всплыть на поверхность.

Мюриэл покачала головой, слезы все еще текли по ее лицу.

Неужели Анна вот-вот узнает, что натворила Мюриэл? Она, очевидно, думала, что все это вот-вот выйдет наружу. Вот почему она не хотела, чтобы Анна читала записку.

Внимательно наблюдая за матерью, Анна развернула бумагу.

КТО-ТО ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬСЯ, СЕЙЧАС ЖЕ!

Анна собиралась закричать, сказать, что это повторение записки, найденной в ноге. Но слова продолжались.

Ноги Анны ослабли. Ее рука налилась тяжестью, она опустила руку, и записка выпала

из нее. Мюриэл медленно наклонилась, чтобы поднять ее. Она прочла, затем протянула руку Анне.

— Дорогая, прости меня.

Анна уставилась на нее, открыв рот. В этом не было никакого смысла. Слова были неправильными. Должно быть, она неправильно их прочла. Она выхватила листок из рук матери и посмотрела еще раз.

Нет, она не ошиблась. На этот раз она прочла слова вслух.

— И ЭТОТ КТО-ТО — ТЫ, БЕЛЛА.

Глава 80

2019

Лиззи

— Я думаю, тебе нужно вернуться на несколько шагов назад. Расскажи мне с самого начала.

— У тебя впереди вся ночь? — Билли слабо улыбнулся.

— У меня есть столько времени, сколько потребуется, — сказала Лиззи. Она взяла свой мобильный телефон и набрала сообщение Дому. Сигнала, как и ожидалось, не было, но она надеялась, что Дом получит сообщение до того, как у него будет время по-настоящему беспокоиться о ней. Затем она настроила свой телефон на запись, положив его на маленький квадратный меламиновый столик перед ними.

Билли закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Это странно. Я хранил это в себе тридцать лет. Почти столько же, сколько я был за решеткой. Мне кажется почти неправильным снова говорить об этом сейчас. Может быть, мне следует оставить спящих собак лежать.

— Но какая от этого польза? Если ты невиновен, как ты говоришь, значит, виновен кто-то другой. Почему это должно сходить им с рук?

— Я и не жду, что ты поймешь, Элиза.

— Можешь называть меня Лиззи, пожалуйста?

— Конечно. Кажется, никто больше не хочет быть самим собой. Может, мне тоже стоит сменить имя?

— Вообще-то, я думаю, тебе следует. В любом случае, хватит тянуть время. Я хочу услышать твою точку зрения. Мне нужно знать. Я понимаю, что тебе, должно быть, трудно говорить об этом все эти годы спустя, но для меня важно знать правду. Тебе не кажется, что я этого заслуживаю? А Тина Хейз? Эта бедная женщина ужасно страдала, гадая, где ее девочка.

При упоминании Тины Лиззи заметила, что лицо Билли побледнело. Она была права. Когда она увидела, как близко они стояли на фотографии, она поняла, что между ними было больше, чем кто-либо другой знал. Именно ее имя теперь казалось волшебным словом, которое заставило Билли Коули начать свой рассказ.

— Верно. Хорошо. Итак, Мюриэл Фишер начала это дело. Вся кампания по изгнанию меня из деревни исходила от нее. Она была силой, стоящей за всем этим. Сначала я подумал, что ее сердце на правильном месте. Ты была странным ребенком. — Билли посмотрел ей в глаза, склонив голову набок. — Извини, но это правда. Не то чтобы это была твоя вина...

— Все в порядке. Я поняла. Продолжай, — сказала Лиззи.

— Я думаю, она увидела в тебе повреждения еще до того, как я по-настоящему это понял. Но вместо того, чтобы искать настоящую причину, она предположила, что я...

издеваюсь над тобой... — Он с трудом произнес эти слова. — Как только она вбила себе это в голову, ее уже было не остановить. Она искала доказательства этого, но когда не нашла ни одного, решила вместо этого все выдумать. Я уже дал ей идеальную биографию, ты знаешь, что деревенские дети решили, что я чудак, и преследовали меня?

— Да. У меня нет никаких воспоминаний об этом, но я все слышала об играх «Тук, тук, Джинджер» и о том, что ты всегда был главной мишенью.

— Да, и через некоторое время, помня о том, что я был в горе и беспорядке, я сдался и подыграл.

— Что ты имеешь в виду?

— Это стало так утомительно, постоянный стук в мою дверь, камни, брошенные в окна. Полицейский ничего не собирался делать, дети каждый раз обгоняли этого жирного педераста.

— Пэта Верна? Он сейчас с Тиной Хейз, — сказала Лиззи.

— Да, я знаю. — Билли пожал плечами. — В любом случае, я подумал, что если не могу победить этих маленьких засранцев, то могу с таким же успехом немного повеселиться с ними. Итак, я сам начал преследовать их. Бежал за ними по тупику, крича «синее убийство», угрожая устроить им такое, чего они никогда не забудут. Слышать, как они кричат, как младенцы, доставляло мне некоторое удовлетворение. Иногда я хихикал, когда возвращался домой, надутый и раскрасневшийся. В итоге это был единственный раз, когда я когда-либо смеялся!

— Но это добавило тебе пугающего имиджа. Укрепило всеобщее убеждение, что ты чудак, и дети должны тебя бояться. Все, что ты натворил, это сделал себя еще большей мишенью, потому что ты стал вызовом. Если ребенку удавалось подобраться поближе к бунгалу — или даже внутрь, — это повышало его авторитет среди товарищей.

— Вот именно. И все это вернулось, чтобы укусить меня за задницу, когда пропала Джони Хейз. — Билли наклонился вперед, положив сцепленные руки на бедра. — Она была одной из тех детей, которые регулярно играли в Тук-тук. Она и врушка.

— Врушка?

— Да. Та, которая рассказала полиции о том, что видела в тот день.

— Белла Фишер.

— Ага... дочь той сучки.

— Она дала описание твоего грузовика, который был легко узнаваем для всех присутствующих, и сказала полиции, что видела, как Джони садилась в него, и вы уезжали. Вон из деревни.

— Да, она так и сказала. Но девушка солгала, Лиззи. Она должна была это сделать.

— Но они нашли улики ДНК в твоем грузовике?

— А, ты имеешь в виду подброшенные улики? Да, хорошо. То, что они нашли, было куском одежды, платьем, на котором была кровь. С таким же успехом они могли натравить на меня собак прямо там и тогда. Никто в деревне даже не стал дожидаться, чтобы выяснить, чье оно. И так уж получилось, что это было платье Элизы — твое платье. Это была моя кровь. Но вместо того, чтобы они подумали: «О, мы были неправы», эта так называемая улика, казалось, стала последним гвоздем в крышку гроба. Если бы я мог причинить боль тебе, я мог бы причинить боль Джони Хейз. Они думали, что я взял ее, чтобы заменить свою дочь. Чтобы заменить тебя. Чтобы сделать с ней то, что, как они всегда думали, я делал с тобой. Но я никогда не прикасался к тебе. Как я уже сказал, кровь была моей. Ты несколько

раз набрасывалась на меня. Ты вела себя так странно, что на самом деле пугала меня. Я списал это на шок от потери матери. Это было нечто большее, но у меня не было возможности это выяснить. Потому что эта гребаная сука манипулировала тобой, заставляя говорить на людях, что я что-то с тобой делал. Отвратительные вещи. Немыслимые. Это уничтожило меня.

— Да, теперь я знаю об этом. Мюриэл призналась.

— Но это был не я. Я тебя не трогал.

Лиззи нахмурилась.

— Что это значит? Ты думаешь, надо мной надругались?

— О, да. Я это знаю.

— Кто? Кто это сделал? Ты знаешь?

— У меня есть подозрение, я вернусь к нему позже. Но, как и все остальное в этом чертовом месте, жители деревни спрятали его. Они заботились о своих собственных интересах. Я был очевидным виновником. Они не стали утруждать себя поисками в другом месте. Я был настроен на это, а потом они повесили на меня и Джони. На аутсайdere, которому больше нечего было терять.

— Но каким образом? Я понимаю, ты заработал себе репутацию, которая затем укрепилась, когда меня увезли, но чтобы тебя обвинили в похищении и убийстве? Я не понимаю, как кто-то мог этого добиться.

— Многое было косвенным. Даже платье, которое, как позже выяснилось, было твоим, и кровь, которая была моей, не выдержали бы в суде. Но свидетельские показания маленькой девочки в полиции, в которых подробно описывалась моя машина и говорилось, как я преследовал ее и ее подругу Джони, как я затем схватил Джони и запихнул ее в грузовик... что ж, они выслушали это и поверили. Поскольку у меня не было алиби или, скорее, никто не признался бы, что видел меня где-то еще в то конкретное время, это было сочтено ключевым доказательством. И когда полиция обыскала бунгало... вот тогда они его и нашли.

— Что?

— Ее ожерелье. Они сказали, что я, должно быть, взял его в качестве трофея.

Глава 81

1989

Резиденция Фишеров

Среда, 19 июля — день, 7 часов вечера

— Белла дома, с тобой?

— Да, Тина. Она уже давно дома, — сказала Мюриэл. Заметит ли Тина дрожь в ее голосе по телефону?

— И Джони с ней нет? Она была с ней? Ты можешь спросить ее?

— Успокойся, любимая, — беспечно сказала Мюриэл. — Да, она была с ней раньше, они снова играли в ту дурацкую игру в Блэкстоуне. Но Белла сказала, что ей это надоело, и убедила Джони пойти вместо этого в деревенский парк.

— Значит, она оставила Джони в парке? Это последнее место, где она ее видела?

— Я не уверена, Тина. Мне жаль. Она была расстроена, когда вернулась... я думаю, Джони ушла сама по себе. С тех пор Белла почти ничего не говорила.

— Ради бога. Где она, черт возьми?

— Может быть, она пошла в дом другой подруги... ты всех проверила?

— Пока нет. Я позвонила тебе первой, потому что предполагала, что она будет с

Беллой.

Мюриэл слышала, как в голосе Тины послышались слезы. Ее сердце заколотилось, в голове стало пусто. Она не могла придумать, что сказать.

— Тогда я сейчас отключусь, — сказала Тина. — Попробую у других. Не могла бы ты еще раз поговорить с Беллой, пожалуйста? Возможно, она что-то забыла. Может, Джони сказала ей, куда она направляется.

— Идет. Держи меня в курсе. — Мюриэл повесила трубку и повернулась к Белле. — Все в порядке, — сказала она. Покрасневшие глаза Беллы резко выделялись на ее молочно-белом лице. Мюриэл обняла ее. — Не волнуйся. Все будет хорошо.

Рыдания Беллы были приглушены рубашкой Мюриэл. Мюриэл крепко зажмурилась, желая, чтобы ее собственные слезы не хлынули. Она должна быть сильной.

Всем нужно, чтобы она была сильной.

Через несколько минут Белла оторвалась от груди Мюриэл.

— Где папа?

— Он пошел искать Джони.

— О. — Белла выглядела задумчивой. — Он пошел туда, куда я сказала?

— Да, дорогая. Он ушел, как только ты сказала нам, где была в последний раз.

— Когда он вернется?

— Я не знаю, Белла. Я ожидаю, что он призовет на помощь и других. Он пробудет там столько, сколько потребуется.

— Пока он не вернет Джони? Я хочу, чтобы она сейчас же вернулась домой, мам.

Мюриэл посмотрела на Беллу сверху вниз, обхватив ее лицо руками. Она больше не могла сдерживать слезы.

— Чего бы это ни стоило, моя дорогая девочка.

Глава 82

Анна

2019

Пятница, 19 июля

— Признаться в чем? Что, черт возьми, я наделала? — Анна тяжело опустилась на стул. — Мама? Почему ты сказала, что сожалеешь? Потому что меня, черт возьми, обвиняют в том, что ты сделала?

— Прости, — повторила она. Мюриэл склонила голову.

— Почему ты даже не можешь посмотреть на меня? Что ты сделала, мама?

— Я сделала то, что чувствовала, что должна была сделать. — Голос Мюриэл был лишен эмоций. Мертвый. Анна чувствовала, как ее гнев поднимается и сжимается в груди, застревая там, как раскаленный шар лавы. Было типично, что теперь Анне придется страдать из-за драматических выходов своей матери тридцатилетней давности.

— Во что ты меня втянула? Ради бога, мама, мне нужно думать о Кэрри. Быть здесь всю неделю вдали от моей дочери было достаточно плохо. Но теперь я обнаружила, что ты что-то скрывала от меня, и, вероятно, все это время знала, для чего была эта гребаная игра в Тук-тук... и не смей отчитывать меня за ругань, у меня есть на это полное право, но почему-то именно я должна признаться? Это мне этот человек хочет как-то отомстить? Разве это справедливо? — Анна выбежала, запыхавшись.

Ее голова кружилась от ложных знаний, от разрозненных воспоминаний — от гнева, который, как она теперь поняла, зрел в ней уже давно. Что бы ни случилось в Мейплдоне

много лет назад, какую бы ложь ни говорили, какую бы правду ни скрывали, Анна знала, что за всем этим стоит ее мать. И теперь Анна собиралась заплатить за это. Эта женщина, которая оставляла части куклы, записки, явно считала, что наказать нужно Анну.

Что было дальше?

— Папа, — сказала Анна. Внезапное, ясное воспоминание вспыхнуло в ее мозгу. — Он поздно вернулся домой в тот день, когда пропала Джони. Я помню, как ты спрашивала его, почему он опоздал. Но потом он снова ушел. В то время я была расстроена, не думала об этом. Где он был, и куда направился?

— Я не помню.

— Да. Ты знаешь. — Анна встала, вошла в гостиную и начала расхаживать по комнате. — Ожерелье. — Анна нахмурилась, затем подошла к обеденному столу, чтобы взять маленький матерчатый шарик, который был засунут в туловище куклы. Она вошла обратно и остановилась перед Мюриэл. — Его нашли в бунгало Билли Коули. Это была одна из ключевых улик, не считая моих свидетельских показаний.

Мюриэл безучастно смотрела на Анну.

— У меня было точно такое же ожерелье. Я помню, как отец Джони подарил их нам тем летом на барбекю. Он сказал, что у него есть такие же для «ужасных близнецов». Но я не помню, чтобы кто-нибудь упоминал об этом, когда ожерелье было найдено в доме Билли Коули. — Анна сняла серебряное ожерелье с ткани и сунула его Мюриэл в лицо.

— Они нашли не твое ожерелье, — сказала Мюриэл, отступая на шаг. — Значит, не было необходимости упоминать об этом.

— Но откуда ты это знаешь?

— Очевидно, потому что у тебя оно было.

— Нет. — Анна покачала головой. — Я не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь видела его снова после того, как Джони пропала.

— Ну, твои воспоминания о том времени всегда были смутными, ты сама это говорила. Ты просто не можешь вспомнить, что у тебя оно было. Но оно было.

— Нет... — сказала Анна, ее разум теперь работал на пределе. — Ты взяла мое, не так ли? — Внезапное и шокирующее осознание поразило ее. Ее охватило головокружение. — Ты заставила папу положить его в бунгало Билли, чтобы полиция заподозрила Билли в похищении Джони? — Обвинение прозвучало недоверчиво, хотя именно она произнесла эти слова. Она молилась, чтобы ошиблась.

— Но Билли действительно забрал ее, Анна. Ты видела его своими собственными глазами. — В голосе матери слышалась мольба. Кожа Анны покрылась гусиной кожей, в голове проносились обрывки разговоров, коллаж образов... ни один из которых в данный момент не имел смысла.

И ее мать не отрицала обвинения.

Глава 83

2019

Лиззи

Вооружившись, наконец, тем, что, по ее истинному мнению, было правдой, Лиззи развернула машину обратно с фермы и помчалась по проселкам в сторону Мейплдона. Было поздно, ночь быстро сгущалась вокруг нее теперь, когда солнце село. Она часами внимательно слушала то, что говорил Билли Коули — ее отец. Она чувствовала себя так, словно была в огне, все ее синапсы загорелись одновременно, адреналин несся по венам с

головокружительной скоростью. Все ее внимание было сосредоточено на одном: наконец-то раскрыть грязные секреты, которые Мейплдон скрывал в течение тридцати лет; вывешивание жителей деревни, участвовавших в сокрытии, на просушку. Она почувствовала темноту в тот момент, когда шесть дней назад въехала в Мейплдон. Затем она расспросила источники, углубилась в предысторию этой истории, а также жителей сообщества степфордских жен... и теперь у нее были ответы.

Но она не могла справиться с этим в одиночку; ей нужна была помощь. Кто-то, кто будет свидетелем.

Как только она добралась до окраины деревни, она остановилась, чтобы позвонить, пока у нее еще был сигнал. Получатель, казалось, не удивился, получив от нее весточку, и даже сообщил ей еще кое-какую важную информацию. Теперь ничто другое не могло ее шокировать. Он договорился встретиться с Лиззи в предложенном месте. Ее телефон запищал уведомлениями. Дом пытался дозвониться и написал ей семь раз. Лиззи быстро набросала ответ, краткое объяснение. Затем она снова завела машину и свернула на Мейплдон.

Глава 84

1989

Встреча в Мейплдоне

Четверг, 20 июля — на следующий день после

— Спасибо, что пришли. Я знаю, что выбор времени кажется... трудным. Но на самом деле лучше и быть не могло. Мы можем сделать что-нибудь, чтобы помочь. Что-то позитивное, — сказала Мюриэл.

— Но что, например, Мюриэл? Джони пропала, полиция не нашла никаких ее следов. Прошлой ночью мы прочесывали деревню, вересковые пустоши на окраине... и ничего. Что еще мы можем сделать? — сказала Эллисон, жена советника Ферлонга.

— Мы можем быть уверены, что тому, кто это сделал, это не сойдет с рук! Да ладно... мы все знаем, кто несет за это ответственность, давайте не будем придавать этому значения. Билли Коули забрал ее, и что бы он ни планировал с ней сделать, мы можем предположить, что это нехорошо. Мы знаем, что он сделал со своей собственной дочерью...

Женщины, все пятнадцать, начали бормотать между собой. Мюриэл и Нелл обменялись взглядами.

— Леди, леди, успокойтесь на минутку. Это очень важно. Мюриэл перенесла эту встречу по уважительной причине, — сказала Нелл.

— Спасибо, Нелл. — Мюриэл встала перед женщинами. — Нам нужно придумать план.

— Чтобы сделать что?

Мюриэл вздохнула, театрально закатив глаза.

— Очевидно, чтобы убедиться, что полиция его поймает.

— Как? У нас нет никаких доказательств, что он забрал ее, Мюриэл. — Венди, одна из участниц, которая обычно была очень уступчивой, покачала головой, и шум начался снова, громкий гул разговоров наполнил зал.

— Ну, вот тут ты ошибаешься! — Мюриэл повысила голос.

Женщины прекратили болтовню и уставились на Мюриэл.

— Если у тебя есть доказательства, почему ты до сих пор не сообщила в полицию? — спросила Эллисон.

— Завтра. Я отведу ее завтра.

Нелл встала и направилась к двери в гостиную.

— Что происходит? Кого отведешь? — подала голос другая женщина.

— Заходи, милая, все в порядке. — Нелл схватила Беллу за руку, втащила ее в комнату и поставила рядом с Мюриэл.

— Как вам известно, моя дочь — лучшая подруга Джони. И она была с ней. — Мюриэл улыбнулась Белле, протягивая руку, чтобы обнять ее. — Хорошая девочка, все будет хорошо. Не волнуйся, — прошептала Мюриэл ей на ухо, прежде чем повернуться к женщинам. — Она была в шоке. Она не могла сказать мне об этом до самого вашего приезда. Белла, дорогая. Просто скажи им то, что ты сказала мне.

Белла заплакала, и Мюриэл крепче сжала ее плечо.

— Все в порядке. Продолжай, — сказала она более твердо.

— Я... я и Джони... — Ее нижняя губа задрожала. — Мы играли весь день... — Она всхлипнула и вытерла нос тыльной стороной ладони. — Тук-тук, Джинджер. Как обычно. Он гнался за нами. — Ее голос повысился. — Мы сбежали, но Джони подумала, что это было забавно, и захотела сделать это снова. — Белла сделала паузу и посмотрела на Мюриэл.

— Давай, расскажи им, что было дальше.

— Я-я... не могу, — всхлипнула Белла и, вырвавшись из объятий Мюриэл, выбежала из комнаты. Ее шаги громко стучали, когда она взбежала по лестнице. Мгновение спустя дверь ее спальни захлопнулась.

— Она обезумела, бедняжка. Ей потребовалась целая вечность, чтобы открыться... до сих пор она едва произнесла слова; моя дорогая Белла была травмирована и в глубоком шоке, — сказала Мюриэл, сделав ударение на слове «глубоком». — Я пока не могу заставить ее обратиться в полицию... она взбесится. И она была свидетельницей этого, так что ее заявление будет важным; она должна сделать это правильно с первого раза.

— Что она видела, Мюриэл?

В комнате воцарилась мертвая тишина.

Мюриэл позволила паузе затянуться, прежде чем ответить.

— Белла видела, как Джони садилась в грузовик Билли.

— Господи! Она уверена? — спросила Венди.

— Конечно, она уверена. Этот грузовик не совсем обычный, не так ли? Она знает, что видела.

— Тогда ты должна сообщить в полицию прямо сейчас, Мюриэл. Ты не можешь тратить на это время. Он может делать ужасные вещи с бедной маленькой Джони, пока мы разговариваем, и уже было потрачено слишком много времени впустую. — Все женщины пробормотали свое согласие с заявлением Эллисон.

— Я знаю, знаю. Но я также должна защищать свою дочь, разве ты не понимаешь? Это может разрушить всю ее оставшуюся жизнь. Она чувствует себя такой виноватой, что бросила свою лучшую подругу, когда та нуждалась в ней больше всего, убежав в испуге и никому не рассказав о том, что видела. Я не могу допустить, чтобы ей причинили вред, потому что она была в шоке и напугана. Я не потерплю, чтобы люди говорили, что это ее вина. Я не позволю этому случиться, вы меня слышите? И вообще, мы взрослые люди. Мы позаботимся об этом. Деревня сплотится, как это всегда бывает. И мы все пройдем через это.

— Если это не очень хороший исход, Мюриэл, то я не думаю, что Тине Хейз будет так легко пройти через это.

— Я понимаю твою точку зрения, Венди, — Мюриэл громко вздохнула. — Я поговорю

с Пэтом Верном после собрания, предупреджу его, чтобы он начал искать подходящего человека. Но, Венди?

— Что?

— Помни, что ты являешься членом сообщества Мейплдона, и ты участвуешь в этих собраниях. Ты знаешь, что мы работаем на благо всей деревни. Не забывай об этом.

— Я предлагаю оставить здесь нескольких наиболее продуктивных — и верных — членов после того, как остальные уйдут, Мюриэл, — прошептала Нелл, когда все остальные разговаривали между собой.

— Ты права. Тогда мы составим надлежащий план, — быстро проговорила Мюриэл, прежде чем перейти к следующему пункту повестки дня, и в комнате снова воцарилась тишина.

— Как прошла встреча? Пришли ли вы к согласованному плану действий? — спросил Эрик, когда они забрались в постель.

— Да. Мы договорились. Завтра я отвезу Беллу в участок, — сказала Мюриэл. Она отвела глаза, не в силах смотреть на своего мужа.

— Марк уничтожен. Тина сходит с ума от беспокойства. Я не уверен, что смогу с этим справиться.

— Ты должен, Эрик. Что сделано, то сделано. Тебе следовало подумать о последствиях раньше, не так ли?

— Взаимно, Мюриэл. Взаимно.

Глава 85

Анна

2019

Пятница, 19 июля

— Я приготовлю нам Хорликс, — сказала Мюриэл, ее голос был бодрым и беззаботным, как будто они не сидели в полной тишине, не глядя друг другу в глаза, последние несколько часов. Мюриэл ничего не сказала после обвинения Анны. Поразмыслив об этом, Анна теперь была уверена, что ее отец никогда бы не согласился подбросить фальшивые улики, чтобы обвинить невиновного человека. Ее мать не была настолько убедительна; он бы ей противостоял. Не так ли?

— Который час? — спросила Анна.

— Должно быть, уже поздно. — Мюриэл вошла в кухню. — Девять двадцать.

Анна была измучена. Умственно и физически. Если бы она могла сейчас лечь спать, она бы так и сделала. Но она знала, что не заснет. И тревожное чувство, что день еще не закончился, что впереди еще много чего, витало вокруг нее, слоняясь без дела, как злобная сила, ожидающая подходящего момента, чтобы выпустить свое опустошение.

— Ладно. Конечно, — сказала она.

Мюриэл вернулась в гостиную десять минут спустя с бокалами в каждой руке и поставила их на кофейный столик.

— Не могла бы ты взять еще одну подставку, Анна? Они на комод.

Анна протянула руку и взяла одну из старых подставок, они купили их во время семейной однодневной поездки в Лу, в Корнуолле, целую жизнь назад, и, делая это, она вспомнила о письмах, которые были в верхнем ящике. У нее не было возможности обыскать комнату матери, и из-за всего происходящего она почти забыла о них. Но теперь, обеспокоенная тем, что ее отец мог быть причастен к отправке Билли в тюрьму, содержание

этих писем стало еще более значительным. Если они были от Эрика, конечно. Даже если это было не так, была причина, по которой Мюриэл хранила их, и тот факт, что она скрыла их от Анны, был четким указанием на то, что они были связаны с тем, что происходило сейчас. К тому, что происходило тогда.

— Держи, — сказала Анна, кладя коврик и ставя на него кружку. — Мама? — Она ждала, когда мать обратит на нее внимание. — Когда я приехала в прошлую субботу, ты попросила меня достать блокнот из верхнего ящика. — Анна указала на комод. — Я видела там пачку старых писем. — Она наблюдала за реакцией Мюриэл.

— Да, не знаю, зачем я храню такие вещи. Ужасный скопидом, — сказала она, пожимая плечами.

— От кого они были?

— Ты всегда была любопытной, — сказала Мюриэл, делая глоток из кружки.

— Нет. Я действительно не собиралась, мам. — Анна знала, что ее мать тянет время. Не желая разглашать автора писем. — Они от моего отца, не так ли?

— Нет, нет. Просто друг по переписке. Боже мой, твой отец никогда бы не прикоснулся пером к бумаге.

— Я тебе не верю. — Анна больше не могла утруждать себя вежливым, затянутым подходом, который она использовала со своей матерью. — Покажи мне.

— Я... я разорвала их в клочья. Они занимали слишком много места...

— Когда ты это сделала?

— О, я не помню. На днях, когда ты была по соседству с Сэнди, я думаю.

— Правда? — Анна встала с дивана и наклонилась перед Мюриэл. — Посмотри на меня, мама.

— Что? Что теперь, Анна?

— Ты лжешь мне. Дерьмо. Ты лгала мне всю мою жизнь, не так ли?

— Конечно, нет, — сказала Мюриэл. Но в ее тоне не было ни капли убежденности.

Мышцы челюсти Анны напряглись; ее зубы болезненно сжались. Она должна была держать себя в руках — потеря самообладания сейчас ни к чему ее не приведет.

— Я понимаю, что ты сказала немного неправды, — сказала Анна, зная, что выразилась очень мягко. — И я знаю, что ты, вероятно, беспокоишься о том, что я о тебе подумаю. Как я отреагирую. Но, мам, мне нужно знать сейчас. — Анна взяла руки Мюриэл в свои. — Это выходит из-под контроля, и я боюсь, что люди пострадают из-за того, что ты сделала, или что сделал папа. Или что сделали жители Мейплдона. Я понимаю, что сделано, то сделано, мы не можем изменить прошлое, но мы можем гарантировать, что никто больше не пострадает сейчас. Все, чего я хочу, это чтобы ты доверилась мне, сказала мне правду. В конце концов это должно выйти наружу. Что бы ты ни сделала, я прощу тебя. — Анна попыталась тепло, ободряюще улыбнуться. Она не была уверена, что сможет простить ее, но чувствовала, что это то, что она должна была сказать, чтобы заставить Мюриэл заговорить.

— О, Анна. Все это такой беспорядок. Никто из нас и понятия не имел, что до этого дойдет, я тебе обещаю. — Мюриэл обхватила голову руками.

Узел в животе Анны усилился. Никто из нас?

— Все в порядке, мам. Неужели твои попытки заставить Билли уехать из Мейплдона превратились в снежный ком? Ты использовала исчезновение Джони, чтобы убедиться, что получила то, что хотела? — Ощущение холода пробежало по ее коже.

— Дело было не только в этом, — сказала Мюриэл. Когда она подняла глаза, Анна

увидела, как слезы катятся по ее лицу, извиваясь в глубоких морщинах. Боже. Была ли ее мать причиной исчезновения Джони?

— Что еще? — спросила она. Ее голос дрожал от дурного предчувствия, она боялась ответа.

Мюриэл начала трясти головой, движения становились все более и более резкими.

— Мама! Прекрати это, ты заработаешь себе головную боль. — Анна положила руки по обе стороны от головы матери, чтобы остановить ее.

— Прости, Анна, — сказала она.

— За что? Скажи мне.

Телефон Анны зазвонил, резкий сигнал заставил их обеих подпрыгнуть. Она вздохнула. Худшего времени и быть не могло; от разговора спас звонок. Мюриэл вздохнула с облегчением, когда Анна выпрямилась и взяла свой мобильный с подлокотника дивана.

— Господи, — выдохнула она. Она посмотрела на Мюриэл. — Ну, у меня такое чувство, что все, что ты скрываешь, может вот-вот выплыть наружу, — сказала Анна.

— Почему? Кто это? — На лице Мюриэл отразилась паника.

— Это сообщение от Лиззи. Она говорит, что это срочно. Она хочет с нами поговорить.

— Не сейчас, конечно? Уже десять часов.

— Судя по всему, сообщение было отправлено час назад, — пробормотала Анна. Чертов сигнал в Мейплдоне сводил ее с ума. — Но да. Мы должны ехать прямо сейчас. И, мама... — Анна посмотрела прямо в водянистые, бледно-голубые глаза Мюриэл.

— Что, Анна? Ради бога, не затягивай это так драматично!

— Она хочет, чтобы мы поехали в Блэкстоун-Клоуз. В бунгало Билли Коули.

Глава 86

2019

Лиззи

Лиззи припарковалась на подъездной дорожке у Блэкстоун-Клоуз. Это было странно... особенно потому, что это место не вызывало много воспоминаний. Она явно проделала очень хорошую работу, разделив их на части, похоронив глубоко в той части своего мозга, где они были безвозвратны. Она вылезла из машины, взяв рюкзак с заднего сиденья. Гравий захрустел под ногами, когда она подошла к входной двери. Билли дал ей свой ключ. Он также дал ей строгие инструкции.

Нервы сжали ее внутренности, когда она вставила ключ в замок и толкнула дверь. Она сопротивлялась; ей пришлось несколько раз сильно толкнуть ее, прежде чем та открылась. За ней лежали стопки нераспечатанной почты; неудивительно, что она боролась. Она откинула большую часть с дороги и сделала неуверенный шаг внутрь — душный воздух, запах сырости и пыли быстро забили ее ноздри. Она трижды чихнула, затем прикрыла нос рукавом. Она щелкнула ближайшим выключателем, прекрасно зная, что он не работает, поскольку электричество было выключено давным-давно, затем продолжила путь по коридору. Используя свободную руку, чтобы направить свет своего мобильного телефона, Лиззи направилась в переднюю комнату — ту, что выходила в сад. Она хотела увидеть прибывающих людей.

Лиззи надеялась, что то, что она собиралась сделать, работает. Надеялась, что Билли Коули наконец получит по заслугам.

Искушение.

Автомобильные фары осветили конец тупика, лучи света упали на десятифутовую

живую изгородь, на мгновение ослепив Лиззи. Машина остановилась прямо перед бунгалом, на другой стороне подъездной дорожки, преградив дорогу машине Лиззи. Хотя она догадывалась, что они уедут раньше нее. Затем Лиззи заметила две фигуры, медленно бредущие по тротуару. Осторожные в своих движениях. Вплотную за ними следовали еще два человека.

По крайней мере, они пришли. Лиззи была удивлена... она предполагала, что они будут сопротивляться, что ей придется приложить больше усилий, чтобы заставить их согласиться встретиться с ней у Билли Коули. Казалось, всем было достаточно любопытно, чтобы захотеть узнать, для чего Лиззи собрала их вместе. Ей было интересно, как долго это продлится.

Сколько времени прошло, прежде чем их любопытство уступило место гневу, страху и инстинкту самосохранения.

Лиззи знала, что не все выжили. Некоторые из людей, причастных ко лжи, сокрытию — они не будут присутствовать: Марк Хейс был мертв — исследование Лиззи показало, что это было самоубийство; преподобный Фарнли находился в доме престарелых — неспособный связать предложение воедино, по словам бывшего сокамерника ее отца, который навёл «кое-какие справки»; Эрик Фишер — он был в самоволке после заключения Билли Коули, и ещё несколько жителей деревни, которые сыграли свою роль и продолжали хранить секреты — были более второстепенными игроками, и Лиззи не беспокоилась о них. Лиззи, да и сам Билли, не интересовались этими мелкими рыбешками. Только крупные игроки — те, кто лгал и манипулировал в своих собственных целях.

Лиззи зажгла две масляные лампы, которые принесла с собой, затем целеустремленно направилась к входной двери; она хотела казаться спокойной, уверенной и контролирующей ситуацию, как бы сильно она ни чувствовала обратное. Она посторонилась, чтобы впустить их. Мюриэл и Анна. Тина Хейз и Пэт Верн. Нелл и Роб Эндрюс.

Они были избранными. Они были теми, кто увековечивал ложь, скрывал правду и был счастлив позволить тем, кто действительно ответственен, ускользнуть и оставаться скрытыми. Остаться невинными в глазах закона.

Они были теми, кого изображали как невинных, пострадавших от трагедии жителей деревни Мейплдон. Хотя среди присутствующих были люди, которые были более невинны, чем другие, каждый должен был присутствовать, чтобы появилась полная история. Лиззи хотела, чтобы они все знали.

— Что происходит, Лиззи? — Роб был первым, кто задал ей вопрос, первым, кто произнес хоть слово. Остальные были серьезными, бледными и нервными. Лиззи испытала странное чувство удовлетворения. Но, с другой стороны, она всегда беспокоила этих людей. Они всегда считали Элизу Коули странным, испорченным товаром. Ребенком, который оттолкнул их. Она догадывалась, что они все еще чувствовали то же самое, хотя она больше не отрывала конечности куклам.

Если, конечно, кто-то из них не поверит, что она это сделала, и что это она приколачивала кукол в двери.

Какими недалёковидными они были.

— Вы все здесь по одной причине, — сказала Лиззи, провожая их в гостиную. Густая пыль, темные тени, запах гнили — все это усугубляло атмосферу, заставляло их съеживаться еще немного.

— Какой именно? — спросила Анна.

Лиззи мгновение смотрела на нее, прежде чем ответить, отмечая ее поникшие плечи, измученное выражение лица. Что-то изменилось — в ее глазах появилась холодность, которой раньше не было. Безнадежность? Когда Лиззи впервые встретила ее, она почувствовала связь — сразу же. Она не производила впечатления человека с темными секретами.

— Вот увидишь, — сказала Лиззи.

— Это нелепо! В чем твоя проблема, юная леди? — потребовала Нелл. — Перестань играть в игры. У нас есть дела поважнее, чем тратить наше время. — Она повернулась и на ощупь направилась к двери в гостиную.

— Я бы не стал, — сказал Пэт Верн.

Нелл резко обернулась.

— Я бы не стал? — повторила она. — По-моему, это звучит как угроза, Пэт?

— Нет, Нелл. Конечно, это не так. — В его голосе уже звучало раздражение. — Но тебе нужно остаться. У Элизы есть вещи, которые она хочет прояснить. Она тоже заслуживает того, чтобы услышать это от тебя.

— Что услышать? Послушай, Пэт, я понимаю, что это, должно быть, трудное время для тебя и Тины, — сказала Нелл, указывая пальцем на молчащую Тину. — Но тянуть с тем, что случилось с бедной Джони, не имея возможности добиться какого-либо завершения, — это подло. Это эгоистично. А Элиза — Лиззи — здесь только для того, чтобы стать свидетелем новых страданий и попытаться оправдать своего жестокого, ублюдочного отца-убийцу!

Лиззи услышала вздох со стороны Мюриэл. Эта женщина была чем-то другим. Как Мюриэл могла так обидеться на сквернословие после того, что она сделала?

— Кто сказал, что я не могу предложить Тине какое-либо завершение? — спросила Лиззи.

Все потрясенные лица повернулись, чтобы посмотреть на нее.

— Как я уже сказала, — продолжила Лиззи. — Вы здесь не просто так. Причина заключается в том, чтобы раскрыть правду. Хотя я знаю, что некоторые из вас знают некоторые аспекты правды, другие знают о ней очень мало.

— Продолжай, Лиззи, — сказала Тина. Ее голос был тихим звуком из угла комнаты. Лиззи кивнула ей.

— Хорошо. — Лиззи слабо улыбнулась. Попытка смягчить то, что должно было произойти. Некоторые из более поздних откровений сильно ударили по Тине. Она посмотрела на Пэта, который наклонил подбородок в знак признания, прежде чем обнять Тину.

— Ты солгала, Анна, — сказала Лиззи, поворачиваясь и направляя свет своего мобильного телефона на Анну. Лиззи наблюдала, как лицо Анны, казалось, теряет свою форму... мышцы расслабляются. Ей не нравилось видеть дискомфорт Анны, но это была необходимая часть откровения. Лиззи позволила словам повиснуть в воздухе на несколько секунд, а затем добавила: — Маленькая Белла Фишер сказала не всю правду, и ничего, кроме правды. Так ли это?

Глава 87

1989

По пути в полицейский участок Бови

Пятница, 21 июля — 36 часов после исчезновения Джони Хейс

Мюриэл ехала по узким дорогам медленно, чтобы избежать дартмурских пони и дать

себе время притормозить перед любыми машинами, едущими с противоположной стороны. И дать ей время обсудить сценарий с Беллой. Она должна была все сделать правильно.

— Еще раз, — сказала она. — Тебе нужно говорить более уверенно.

— Я устала, я не могу.

Они проехали Хейтор, машина тряслась на решетке для скота. Голова Беллы ритмично билась о пассажирское окно, но ее пустой взгляд не дрогнул.

— Ты должна, Белла. Теперь с самого начала: где вы были, когда впервые увидели грузовик Билли?

Она вздохнула.

— Ладно. Мы с Джони направлялись в парк, поэтому пошли по Элмор-роуд, и тогда я увидела грузовик Билли Коули.

— Ладно. Ладно, только не говори, что это грузовик Билли с самого начала. Опиши его, — уговаривала Мюриэл.

— Красный грузовик, желтая полоса, кукольная голова. Да, мама, я поняла.

— Не огрызайся на меня, Белла.

— Ну, я не хочу этого делать, мам. — На ее щеках заблестели свежие слезы.

— Я знаю, дорогая. Но нам это нужно. Ты понимаешь, не так ли?

Белла повернула голову, ее глаза нашли Мюриэл и встретились с ними.

— Да. Я понимаю. Я просто хотела бы, чтобы мы могли вернуться к тому, что было раньше. Лучше бы мы никогда не начинали играть в эту дурацкую игру. Хотела бы я...

— Хватит, Белла. Нет смысла перебирать «что, если» и «я хочу»; мы ничего не можем сделать, чтобы изменить то, что произошло. Мы можем только попытаться исправить это как можно лучше.

— Но ведь это невозможно исправить, не так ли? Джони пропала. — Ее взгляд оторвался от Мюриэл и вернулся к простирающейся сельской местности, ее лицо ничего не выражало.

— Но мы можем облегчить задачу тете Тине.

Белла фыркнула.

— Ты имеешь в виду, что вам с папой будет легче.

Мюриэл молча ехала дальше, надеясь и молясь, чтобы ее десятилетняя дочь справилась, как только она окажется в полицейском участке.

От этого зависело их будущее.

Глава 88

Анна

2019

Пятница, 19 июля

Осознание этого обрушилось на Анну со всей силой.

Она не видела, как Билли Коули похитил Джони Хейс.

Ее младшее «я» — маленькая Белла Фишер — даже не видела грузовик там, где, по ее словам, видела.

Все, что она рассказала полиции, было ложью. История, которую ее мать научила ее понимать правильно. Мимолетное воспоминание о том, как она репетировала эту историю перед тем, как отправиться в полицейский участок, промелькнуло у нее в голове.

Должно быть, именно поэтому была задержка с обращением в полицию; почему она не рассказала им сразу о том, что видела.

Потому что этого не произошло.

А ее мать придумала историю, в которой Билли Коули выглядел виноватым, чтобы избавиться от него в деревне. Историю, при которой план ее матери воплотился в жизнь.

Анну затошнило.

Все взгляды в комнате были устремлены на нее, ожидая объяснений, которые она не могла — не хотела — им дать. Ее воспоминания все еще были настолько перемешаны, что она не доверяла себе говорить. Не верила, что она сможет дать какой-либо точный отчет после всех этих лет.

— Мои воспоминания... они... ну, мутные... — заикаясь, произнесла она.

— Да, я уверена, что это так. Ты была ребенком, я понимаю, — мягко сказала Лиззи. — Я тоже. Но есть вещи, которые ты действительно знаешь, Анна. Вещи, которые помнишь; но, возможно, отложила эти воспоминания в сторону, потому что они не те, которые тебе хочется вспоминать. Они не соответствуют историям, которые тебе рассказывали всю твою жизнь. Жители Мейплдона не оказали нам никакой услуги, Анна. Мы обе так или иначе пострадали от их рук. Нами обеими манипулировали. Теперь ты это видишь, не так ли?

Дыхание Анны вырывалось неровными рывками. Комната сжималась, ложь душила ее. Лиззи была права, были вещи, которые она помнила, и эти воспоминания были ее, а не те, которые она сформировала за эти годы из-за того, что ее мать пересказывала историю, которую она хотела, чтобы Анна приняла за правду.

— Я могу. Да, — сказала она.

— Анна, прекрати, — вмешалась Мюриэл. Она резко повернулась к Лиззи. — Ты лжешь.

— Слушайте, слушайте, — пропищала Нелл. — Единственная причина, по которой ты пришла сюда, — это разворошить все ради собственной выгоды. Ты журналист, ты бы попыталась раскопать что угодно и манипулировать этим, чтобы сделать хорошую историю. Ты здесь только из-за денег.

— Нет, ты так далека от правды, что это пугает. — Лиззи рассмеялась... смех прозвучал глухо в скудной, пыльной комнате.

— Правда? Тогда почему у нас есть доказательства того, что ты прибавала конечности своей куклы к моей двери? — Мюриэл рванулась вперед, тыча пальцем Лиззи в грудь. — Ты и этот злой человек играете с нами в игры. Все знают, что вы оба не в себе и хотите заставить других страдать только потому, что вы оба это сделали!

Анна почувствовала, как что-то сдалось; какая-то часть ее разума сдалась. Ее мать все еще настаивала на своем все эти годы спустя, несмотря на то, что теперь против нее накапливались улики. Анна хотела остановить мать, но у нее не было сил. Пусть она выроет себе яму побольше — Анне было почти все равно.

— Я не уверена, какие доказательства, по твоему мнению, у тебя есть, но я этого не делала, — сказала Лиззи. — Ты и это доказательство сфабриковала, Мюриэл?

— Ты несешь чушь. И у меня есть реальные доказательства... я засняла тебя на камеру слежения, которую Анна установила, чтобы наблюдать за входной дверью, — сказала она, ее голос был полон самодовольства.

— Ах. Понятно, — сказала Лиззи.

Анна почувствовала, как ее тело расслабилось. Ее мать была согласна с этим, но она ошибалась. Она поняла, что Лиззи была слишком высокой, после того, как встала на пороге и воспроизвела растяжку женщины, чтобы прикрепить туловище куклы к двери — это не

Лиззи была поймана на камеру — это был кто-то пониже ростом.

— Я рада, что у тебя есть эта запись, Мюриэл, — сказала Лиззи. — Поскольку это докажет мою невиновность — точно так же, как я сейчас здесь, чтобы доказать невиновность моего отца. Женщина, которая играет свою версию «Тук-тук, Джинджер», — это не я. Это она. — Лиззи подняла руку, указывая пальцем. Анна последовала за ним, ее взгляд остановился на Тине Хейз.

Глава 89

2019

Лиззи

— Продолжай, Тина. Теперь у тебя есть шанс все объяснить, — сказала Лиззи.

Пэт Верн убрал руку с плеч Тины, когда она двинулась вперед. Он сказал Лиззи, что подозревает, что это Тина затеяла эту жуткую игру. Когда он разговаривал с Лиззи по телефону ранее, он признался, что заметил изменения в Тине за последние несколько лет. Как он наблюдал, как она становилась все более и более злой, но в то же время подавленной, не так часто выходила на улицу, становилась более замкнутой и отдалялась от друзей и общественных мероприятий. Она давным-давно перестала ходить в церковь, но все еще участвовала во многих деревенских мероприятиях, хотя последние десять месяцев, в частности, она бросила все. Вместо этого она снова стала одержима делом Джони. Возвращаясь ко всем старым вырезкам, которые она хранила со времени ее исчезновения и суда над Билли Коули. Пэт сказал, что она убеждена, что все поняли все неправильно.

Что Билли Коули, в конце концов, невиновен.

— Все это было настолько очевидно, что я не могу поверить, что мне потребовалось столько лет, чтобы увидеть это; собрать все воедино, — сказала Тина. Ее голова качнулась, как будто она была слишком тяжелой, чтобы держаться прямо. — Боже, эта деревня. Вы все так хорошо умеете что-то скрывать, не так ли? — Она посмотрела на каждого из людей в комнате по очереди. — А еще хороши в том, чтобы сбивать с толку. Ты даже заставила меня думать, что Билли — насильник, которого нужно бояться. Даже несмотря на то, что я чувствовала по-другому. — Тина прижала руку к сердцу. — Я знала, что Билли не способен на те ужасные вещи, в которых вы все его обвиняли. В глубине души я знала. Но я позволила вам всем убедить меня в обратном. Боже, я даже попросила Пэта провести поиск в прошлом, проверить его, потому что вы все думали, что в нем было что-то плохое. — Тина отступила назад и взяла Пэта за руку. — Ты так много сделал, чтобы помочь мне, Пэт. Ты всегда делал все возможное, и я благодарна тебе за это.

— И Пэт не обнаружил ничего предосудительного, не так ли? — спросила Лиззи.

— Ничего. И именно тогда я начала немного отступать от встреч в Мейплдоне, потому что я больше не хотела быть частью воющих волков, жаждущих напасть на Билли. В какой-то момент мы с Билли действительно сблизились — втайне, поскольку я знала, что подумают другие, — но я снова отдалилась от них из-за того, что было сказано. Слухи. Как только я поняла, что они необоснованны, я попыталась восстановить с ним связь. Предложить мою поддержку. Но, похоже, было уже слишком поздно. И вот тогда мой мир рухнул — Тина провела рукой по щекам, вытирая слезы. — Я была в отчаянии, когда Билли обвинили в похищении Джони. Когда Мюриэл сказала мне, что Белла была свидетелем того, как ее посадили в грузовик Билли и увезли, я была в ярости на себя за то, что меня обманули, за то, что я поверила Билли, а не своим друзьям или жителям деревни. Я винила себя в том, что потеряла свою дочь.

В комнате повисла тяжелая тишина, и головы всех присутствующих тоже опустились. Из жалости, печали или стыда.

— Ты не должна была винить себя, Тина. Ты была хорошей мамой, — сказала Анна. Ее голос звучал неуверенно, и Лиззи задумалась о значении этих слов.

Взгляд Тины остановился на Анне.

— О, Анна. Маленькая, наивная Белла. Я всегда приветствовала тебя в своем доме любила, когда ты приходила поиграть с Джони. Как ты могла так солгать? Почему?

— Она не лгала, Тина. Оставь ее в покое, — сказала Мюриэл. Лиззи почувствовала, что она вот-вот разразится тирадой, но она не позволила Мюриэл взять под контроль комнату.

— Я связалась с Билли. Моим отцом, — сказала Лиззи, прежде чем Мюриэл смогла продолжить.

— Видишь! Я знала это. Вы оба в этом замешаны.

— О, заткнись, Мюриэл, — вмешалась Тина. — Ты и так причинила достаточно вреда. Самое время твоей дочери узнать, на что ты способна.

Лиззи наблюдала за реакцией Анны. Все, что она заметила, был шок. Неужели она действительно не знала?

— Послушай, Лиззи, я понимаю, почему ты это делаешь, — сказал Роб, пользуясь возможностью вмешаться. — Я знаю, что расстроил тебя тем, что сказал на днях. Но очевидно, что это не касается нас напрямую. — Роб перевел взгляд с себя на маму. — У тебя разногласия с остальными, продолжай без нас. Тебе не нужно втягивать в это мою мать. Она не сделала ничего плохого.

— И я понимаю, почему ты это делаешь, Роб, — возразила Лиззи. — Ты один из них, инсайдер. И ты защищаешь своих собственных. Особенно, когда на линии огня твоя собственная мать. Я понимаю. Но это не может продолжаться вечно. Этой отвратительной лжи было позволено тлеть слишком долго. Может быть, ты не знаешь, что произошло на самом деле. Возможно, ты в таком же неведении, как и я.

— Ты бредишь, дорогая, — сказала Нелл.

— Нет. Я думаю, что у тебя монополия на это. — Гнев и горечь были заключены в словах Лиззи. Сохранять спокойствие становилось все труднее. Эти люди были ужасны, просто омерзительны. — Я сказала, когда вы приехали, вы ВСЕ здесь по какой-то причине, никто не уйдет, пока мы не услышим правду.

— Ты не можешь держать нас здесь, мы вольны уйти, когда захотим.

— Конечно, я не беру тебя в заложники, если ты так думаешь. Но тогда все здесь уже заложники.

Никто не возражал. Все остались в комнате; их собственное любопытство, чувство вины и упрямство удерживали их там. Даже Роб.

— Тогда продолжай, давай покончим с этой шарадой, — сказал он. Его лицо противоречило словам. Лиззи поняла, что он знал, к чему все идет. Он был так же поражен, как и остальные, зная, что бы ни случилось, это, скорее всего, разорвет тщательно выстроенный образ деревни.

— Скажи мне, Тина, что заставило тебя понять, что ты все это время была права, — попросила Лиззи.

— Билли. Он написал мне, когда сидел в тюрьме. Рассказал мне все.

— Как ты можешь верить человеку, который убил твою дочь?

— Прекрати сейчас же, Мюриэл. Остановись, — сказала Тина. Она слегка

улыбнулась. — Пожалуйста, отбрось притворство. Все кончено. Разве ты не понимаешь? Ты сделала то, что, по твоему мнению, должна была сделать, чтобы защитить себя и свою семью. Теперь тебе нужно признать свои ошибки. Я верила и продолжаю верить Билли. Потому что все, что он говорил, имело смысл. Я вышла за пределы себя, этой деревни, и посмотрела на нее с другой точки зрения. И, как я уже сказала, тогда это стало очевидно.

— Что? — спросил Роб.

— Кто на самом деле был ответственен за исчезновение Джони. Кто тщательно спланировал козла отпущения, кто организовал все это. Кто подбросил фальшивые улики. Кто прибрал, замазал и спрятал настоящие улики.

— Тогда, я полагаю, ответ — Мюриэл. — Голос Роба звучал так, будто он был разочарован доводами Тины.

— Да, Мюриэл делала все это, — сказала Тина.

— Это нелепо. Я больше не собираюсь слушать эту чушь. — Мюриэл потянулась к двери, открывая ее, но Пэт перегнулся через нее и захлопнул дверь.

— Но не одна. — Тина подняла руку, призывая всех к молчанию. — Мюриэл не была той, кто все это сделал.

— Это был мой папа, — сказала Анна. Но ее слова потонули в эхе хлопнувшей двери.

— Повтори, Анна? — спросила Лиззи. Она хотела, чтобы Анна произнесла эти слова громко и ясно.

— Это был Эрик, мой отец, не так ли? — повторила Анна более уверенно. — Это он вломился сюда и подбросил ожерелье. Оно принадлежало мне, а не Джони; у нас были одинаковые.

Глава 90

2019

Эрик

Это был его день расплаты.

Эрик знал, что однажды это произойдет. Но знание этого не помешало его внутренностям превратиться в жидкость. Это не предотвратило паралич его легких, острую боль в сердце. Может быть, он умрет прямо здесь и сейчас. Спасись от участи гораздо худшей.

Хотя на самом деле он не мог жаловаться. Он прожил свою жизнь так, как считал нужным, наслаждаясь годами свободы, которой не заслуживал. Годами чрезмерного баловства: женщины, выпивка, еда. Он не сдерживался, никогда не зная, сколько времени у него осталось.

Уже недолго, догадался он.

Он обернулся, почувствовав кого-то позади себя: волосы на его шее встали дыбом в предвкушении.

Было ли это оно?

Он схватился за грудь, пытаясь отдышаться.

Там никого не было.

Еще нет.

Но они будут. Скоро.

Его время истекало.

Глава 91

2019

Анна

Она не была уверена, почему чувствовала себя такой потрясенной. До сообщения от Лиззи ранее она ждала, что ее мать расскажет все начистоту — признает, что письма писал ее отец, признает, что он подбросил фальшивые улики, чтобы еще больше обвинить Билли. Они хорошо и по-настоящему подставили беднягу. Анна была ответственна за ложные свидетельские показания, ее отец был ответственен за поддельные улики; ее мать была ответственна за манипулирование всем душераздирающим эпизодом, чтобы добиться своего.

Все для того, чтобы убрать Билли из Мейплдона, потому что она считала его угрозой для их сплоченного сообщества — риском для их детей. И оказалось, что он не был ни тем, ни другим. Он был просто кем-то, кто не «вписывался» в идеалы ее матери. Не соответствовал ее ожиданиям, ее стандартам. Мюриэл решила, что Билли Коули здесь не место, и все тут.

Но если Билли был невиновен, то кто на самом деле виноват в исчезновении Джони?

— Я не уверена, что понимаю все это, — сказала Анна. — Если верить рассказу Билли его ошибочно обвинили в похищении и убийстве — подстава от моей матери и даже моего отца. Но ничто из этого не приводит нас к выводу о том, что случилось с Джони. Куда ее увезли? Кто?

Мюриэл бросилась вперед, обнимая Анну своими жилистыми руками.

— Прости, дорогая. Мне так жаль.

Анна оттолкнула ее.

— За что? — Она посмотрела на лица в комнате. Ее взгляд остановился на Тине. — Ты делала это с куклами, потому что мои мама и папа подбросили улики?

— Отчасти да, — призналась Тина.

— Отчасти?

— И чтобы указать тебе правильное направление, — сказала Тина.

— Значит, отрезанные конечности куклы были для меня, чтобы я поняла, что мои родители были замешаны в преступлении? — Анна все еще чувствовала себя сбитой с толку.

— Они совершили преступление — на самом деле несколько — и сделали тебя соучастницей. Кое-что, о чем ты, кажется, очень кстати забыла.

— Я была ребенком, Тина. — Лицо Анны горело, кожу покалывало от неприятного тепла.

— Да, я понимаю, что ты сама была совсем ребенком, — сказала Тина. — Я понимаю, что Мюриэл затуманила твои воспоминания, помешала им, а затем манипулировала ими. — Тина бросила на Мюриэл ледяной взгляд. — Я не злой человек, Анна. Горький, да, но не злой. С самого начала, когда я поверила лжи твоей матери, мне было трудно простить тот факт, что ты не пошла в полицейский участок немедленно. Это разъедало меня, зная, что эти потерянные часы были жизненно важны, Джони могли бы найти живой, если бы только ты действовала сразу. Это причина, по которой мы с твоей матерью отдалились друг от друга. Моя неспособность отпустить это, вкупе с моей обидой на то, что была похищена моя девочка, а не ее, означали, что мне пришлось отказаться от дружбы. Но с годами... и обсуждая все это с Пэтом, а затем и с самим Билли, я пришла к пониманию, что должна быть почти нежной, по крайней мере, с тобой. Позволить тебе прийти к правильным выводам медленно, в свое время. Ну, с небольшой помощью.

— Я бы сказала, довольно сильный толчок, — сказала Анна. — Оторванные части куклы, загадочные улики, наполненные кровью пакеты на коврике у двери.

— Они были не только для тебя, они были и для Мюриэл. Чтобы дать ей знать.

— Знать что?

— Что я узнала правду. Я оставила и другие улики, чтобы она была уверена. Не только записки, но и ожерелье, разорванная, окровавленная одежда...

— Какая одежда? Там ничего не было. — Анна нахмурилась.

— Нет, я взяла ее, когда ты не смотрела, — сказала Лиззи. Она молчала, пока Мюриэл, Анна и Тина разговаривали.

— Оу. Почему?

— Я думала, что это было важно для меня. Я думала, что это все для меня, ведь это была моя кукла, Полли. И материал выглядел как часть моего платья, которое было у меня, когда мне было восемь. Я думала, если ты это увидишь, то никогда не согласишься, что это сделал не Билли.

— Да, Лиззи, оно было твое. Или, скорее, это было похоже на него... точно так же, как кукла была почти идентична той, что была у тебя раньше, — сказала Тина. — Твой отец рассказал мне о том, как платье было найдено в его грузовике и изъято в качестве вещественного доказательства. Я поискала в Интернете близкое совпадение, оторвала кусочек и окрасила его красным пищевым красителем. Я помню, как Мюриэл рассказывала об этом женщинам на собрании в Мейплдоне. Однажды она видела в нем Элизу, заметила пятна крови и сделала свой обычный неверный вывод. Она, конечно, понятия не имела, что кровь принадлежит Билли; она предположила, что это кровь Элизы. И она бы не узнала, если бы его постирали или выбросили в промежуток времени между тем, как Элизу забрали социальные органы, и убийством Джони. Но она помнила об этом и знала, что это будет плохо выглядеть для Билли, добавит к восприятию общественности, что он был злым детоубийцей, как только новости выйдут, поэтому она нашла его и попросила одного из местных мальчишек открыть замок на грузовике Билли и запихнуть его внутрь, прежде чем Белла передала полиции ее свидетельские показания. Зная, что сначала они обыщут его грузовик.

— Местный мальчик был? — спросила Лиззи.

— Я думал, что делаю что-то хорошее для Элизы, — сказал Роб. — Вот почему я согласился это сделать.

— Роберт! Не говори больше ни слова, — сказала Нелл.

— Все в порядке, мам. Тебе не нужно меня защищать, — сказал он. — Мюриэл рассказала мне, что Билли сделал с Элизой, какое насилие он ей причинил, и из-за того, что произошло... — Лицо Роба покраснело. — В любом случае, я знал, что Элиза пострадала, и хотел помочь. Сделать так, чтобы Билли был наказан. Только много лет спустя я понял, что мне солгали.

— Ты даже не знаешь, как взломать машину, Роберт, не будь таким глупым. Тебе было всего девять. — Глаза Нелл были широко раскрыты. Разве она не знала, что Мюриэл попросила помощи у ее сына?

— Да, и я месяцами вламывался в магазин и выходил из него, мама. Вскрывать замки было легко, так что я не думал, что грузовик будет слишком тяжелым. И как бы то ни было, он все равно был не заперт. Но я никому об этом не говорил, потому что хотел казаться крутым.

— Боже, так ты втянула в это всех? Как тебе удалось скрыть все это от Тины и Марка? — Анна посмотрела прямо на Мюриэл, но затем снова вмешалась, отвечая на свой

собственный вопрос. — Ой, погоди, не говори мне. Дай угадаю. На благо общества. Ты сказала всем, кто был замешан во лжи, что они должны молчать, сомкнуть ряды, потому что Мэйплдон заботится о своих. Настоящих жителях деревни, а не чужаках.

— Что-то в этом роде, — пробормотала Мюриэл.

— Послушайте, мы можем вернуться к главному, — сказал Роб разочарованным тоном. — Зачем Эрику подбрасывать улики? Это кажется довольно радикальным поступком — повесить похищение на Билли только для того, чтобы окончательно избавиться от него в деревне. Разве Эрик не понимал, что это позволило настоящему похитителю выйти сухим из воды? Шансов на то, что Джони найдут живой, было бы ноль, полиция прекратила бы поиски, как только у них появился бы кто-то для этого. Как, черт возьми, ты могла позволить этому случиться, Мюриэл?

— Вот именно, Роб. Как она могла? — спросила Тина.

— Не было никакого похитителя, не так ли, Мюриэл? — спросила Лиззи. — Не было никакой спешки с поиском Джони Хейз, потому что она была мертва с первого дня.

Все взгляды были устремлены прямо на Мюриэл Фишер.

— Это она также могла узнать только одним способом, — сказал Роб.

— Да. Потому что она знала, кто это сделал, — сказала Лиззи, взглянув на Анну.

— Черт возьми, Мюриэл, — выдохнул Роб. — Зная, что Джони уже мертва, ты не беспокоилась о том, что полиция не будет искать дальше. Ты заставила Анну солгать им о том, что она видела, чтобы получить то, что ты хотела. Билли ушел из деревни.

— Но это не главная причина, — перебила Лиззи. — Мюриэл позаботилась о том, чтобы невиновного человека отправили в тюрьму, чтобы защитить кого-то другого.

Анна почувствовала, что у нее подкашиваются ноги.

— Это Эрик Фишер убил Джони, — сказала Лиззи.

— Нет. Нет, ты ошибаешься. Мой отец никогда бы никому не причинил вреда. Зачем ему это? — сказала Анна.

— Почти все остальные в этой деревне тогда были соучастниками, — сказала Мюриэл, игнорируя огорчение Анны. — Не забывай об этом, когда будешь показывать пальцем и осуждать меня. Если это выплывет наружу, мы с Эриком будем не единственными, кто пойдет ко дну. Я полагаю, вы слышали о совместном предприятии, пособничестве, соучастии, искажении хода правосудия и всем таком? Мы возьмем тебя с собой.

— Господи, мам. — Анна разинула рот. — Я не могу поверить, что слышу это.

— Я бы сказала, что мне очень жаль, Анна. Но нет, — сказала Тина.

— Это правда, мама? — спросила Анна. — Папа убил Джони? Я не могу... я имею в виду... это невозможно.

Ее мать ничего не сказала. Анне хотелось наброситься на нее, трясти до тех пор, пока она не даст ответы. Какая причина могла быть у ее отца, чтобы убить Джони?

— Это был несчастный случай, мам? Я полагаю, это был несчастный случай?

— Прости, дорогая.

Анне нужно было знать больше. Каждую деталь. Но, похоже, ее мама на данный момент отключилась.

— Что мы будем делать дальше, Тина? Что именно ты хочешь, чтобы мы сделали? — спросила Анна, вся сила в ее голосе исчезла.

— Я просто хочу знать, где моя маленькая девочка. — Лицо Тины сморщилось, годы боли были очевидны. — Я слишком устала, чтобы что-то делать; я не заинтересована в том,

чтобы идти в полицию. Билли отсидел свой срок. Это не значит, что мы можем сократить годы, которые он потерял в камере. Но сейчас он на свободе и заслуживает, по крайней мере, знать, что его оправдали, тебе так не кажется? И я заслуживаю завершения.

— Ну, мам. Ты знаешь, где она, не так ли? — вмешалась Анна. — Эрик — единственный, кто может сказать нам, куда он ее отвез. Если, конечно, ты не знаешь?

Мюриэл отшатнулась назад, ее хрупкое тело ударилось о стену гостиной. Несколько кусков штукатурки откололись и упали у ее ног.

— Да. Я знаю, где она. Нет, я не знаю, где... где тело. — Ее голос звучал ошеломленно. Анне почти стало жаль ее. Но это было недолго. Ее мать солгала, скрыла убийство, подставила невинного человека и помогла настоящему убийце скрыться. Она понимала, что Мюриэл любила Эрика, но защищать его до такой степени, превыше всего остального, было непостижимо. Если бы Джеймс убил ребенка, и она знала об этом, она бы ни за что не смогла солгать ради него. Особенно за счет ее лучшей подруги. Неудивительно, что Тина годами не разговаривала с Мюриэл. Как она могла ждать до сих пор, чтобы что-то сказать?

Ее мать была такой же злой, как Эрик.

— Мне так жаль, Тина, — сказала Анна. Ей действительно было жаль. Ее семья причинила ей так много страданий. Даже Анна была замешана в этом деле — солгала полиции о том, что видела, как Джони садилась в грузовик Билли. Как она могла это сделать? Она попыталась вспомнить, что была всего лишь ребенком и делала то, что ей говорили. Она не хотела, чтобы ложь причинила боль людям. Мюриэл постаралась бы вдолбить ей в голову, что она должна поступать правильно по отношению к своему отцу. Анна так сильно любила его; она всегда была папиной дочкой. Она знала, что сделала бы то, о чем ее просили, если бы это означало его безопасность. Если бы только она знала тогда, что он все равно встанет и уйдет от нее.

— Да. Я в этом уверена, Белла.

Но у Анны все еще были вопросы, бушующие в ее голове. Самые важные из них: как и почему ее отец убил Джони?

Глава 92

1989

Обочина дороги в Мейплдоне

Среда, 19 июля — день

Она была мертва. Сомнений не было, ее красивые голубые глаза остекленели и слепо смотрели в пестрое небо. Огромная шишка торчала у нее на лбу, из-за чего ее миниатюрное личико казалось слишком большим для ее тела. Деформированное — почти фальшивое — как сломанная кукла. Его охватила паника, дыхание стало учащенным, неглубоким, кислород не поступал в легкие.

Думай, думай.

Времени на раздумья не было, только действие. Кто-нибудь мог пройти мимо и поймать его, если он не будет осторожен. Он протянул свои дрожащие руки, просунув их под ее тело. Ее кожа была прохладной на ощупь.

Глупый, глупый человек.

Он лихорадочно огляделся вокруг. Он никого не видел. Сойдет ли ему это с рук? Он поднял ее, она была такой легкой. Слезы текли по его лицу; сопли собирались на верхней губе и попадали в рот.

Что ему теперь делать? Должен ли он пойти в деревню, признаться? Сказать, что это

был несчастный случай: она выбежала перед его машиной; он не видел ее, пока не стало слишком поздно. Тина и Марк были бы в отчаянии, но они не могли винить его. Полиция не могла винить его. Или могли?

Будет ли вскрытие свидетельствовать об обратном?

Еще больше паники. Его сердце бешено колотилось, голова шла кругом. Он не мог сейчас потерять сознание.

Давай, Эрик. Соберись.

Что бы сказала Мюриэл?

Он положил безжизненное тело Джони Хейс в багажник машины.

Затаив дыхание, прислонившись к водительской двери, Эрик еще раз внимательно огляделся вокруг. Он был уверен, что никто не видел, как он это делал. Теперь все, что ему нужно было сделать, это избавиться от тела.

Его вырвало, он согнулся пополам, боль пронзила его внутренности.

— Господи Иисусе, прости меня.

Глава 93

1989

Резиденция Фишеров

Среда, 19 июля — день, 10.15 вечера

— Конечно, все не так, как должно было быть. Но это случилось сейчас. Ты должен сохранять спокойствие, Эрик.

— Но то, что я сделал...

— Дело сделано, Эрик! Все в порядке.

— Как ты можешь так говорить? Как это нормально, Мюриэл? Ты что, черт возьми, спятила?

— Нет. Но ты ведешь себя именно так. Как ты можешь отвернуться от меня? Я защищаю тебя. А теперь слушай, — сказала Мюриэл. Она взяла его за руку, перевернула ее и положила что-то ему на ладонь. — Возьми это.

Он ошеломленно покачал головой.

— Серьезно, Эрик! Правильно — ты должен пойти к Билли Коули и попасть внутрь. Не вламывайся, во всяком случае, не очевидно. Надень также перчатки, нигде не должно быть твоих отпечатков пальцев. — Голос Мюриэл был резким. — Ты меня правильно слушаешь, Эрик?

— Да, да.

— Войди внутрь, оставайся незамеченным, не оставляй отпечатков. Но оставь это.

Она указала на ожерелье.

— Но это ожерелье Беллы, Мюриэл. Я не понимаю.

— Оно идентично тому, что было у Джони.

— Тогда почему бы мне просто не взять у Джони?

— Она у тебя? — огрызнулась Мюриэл.

Эрик на мгновение тупо огляделся вокруг.

— Я думал, что я сделал...

— Если это всплывет потом, это снова будет преследовать нас. — Мюриэл прикусила нижнюю губу. — Если оно у Тины и Марка, или его найдут на месте преступления... Черт, Эрик. Тебе следовало быть более осторожным.

— Прости, Мюриэл. Это было не так, как если бы я мыслил здраво.

— Ты вообще ни о чем не думал.

Он склонил голову.

— А пока возьми у Беллы, а мы поищем у Джони. Надеюсь, мы найдем его раньше полиции.

— Кстати, о полиции, что мы будем делать с тем, чтобы позвонить им?

— У меня есть план, который может сработать. Мне понадобится помощь, но я в долгу перед несколькими людьми, и остальные согласятся, когда я расскажу им, как таким образом мы можем избавиться от Билли Коули.

— Ты думаешь, что после того, как они узнают, они помогут нам? Возможно, ты переоцениваешь веру людей в «благо общества» в этом вопросе, Мюриэл.

— Может быть. Может, и нет. Мы должны попытаться. Я уже заложила основу, прежде чем это произошло. Это должно сработать.

— Я не думаю, что смогу это сделать. Позволь мне сдать себя полиции...

— Только через мой труп, Эрик. Билли получит по заслугам... он идеальный ответ на нашу проблему.

— Ты не чувствуешь себя виноватой?

— Я не могу себе этого позволить.

Глава 94

Лиззи

2019

Пятница, 19 июля

Казалось, все шло по плану. Правда выплыла наружу, как и предсказывал ее отец. Почти в том порядке, который он и предсказал. Лиззи огляделась в тусклом свете мобильных телефонов и двух масляных ламп. На каждое пепельное лицо. Ей стало интересно, как они будут выглядеть через минуту.

— Итак, мы убедились, что Билли Коули невиновен в преступлениях, за которые его приговорили, да? — сказала Лиззи, ее голос был сильным и ясным. Головы медленно, молча кивнули. Если честно, то, что она отвечала за это разоблачение, немного взбодрило ее. Она представила себе заголовки, которые будут сопровождать эту сенсационную историю. Уильям Коули оправдан по делу об убийстве тридцатилетней давности. Жители Мейплдона виновны в сокрытии. Лиззи сунула руку в карман куртки, сжимая пальцами маленький цифровой диктофон. Последний заголовок, пришедший ей в голову, был тем, который мог занять больше времени. Настоящий убийца раскрывает, где он выбросил тело десятилетней Джони Хейз.

— Хорошо. — Лиззи сделала глубокий вдох, прежде чем произнести свою следующую реплику — ту, которая, как она знала, вызовет бурную реакцию. — Но я думаю, ты должна сказать Билли Коули в лицо, — сказала Лиззи.

Головы вскинулись. Собравшиеся обменялись тревожными взглядами.

Дверь в гостиную открылась, и вошел Билли.

Лиззи почувствовала напряжение в комнате, заметив неловкое шарканье ног. Билли сильно отличался от того молодого человека, который покинул Мейплдон. Больше не выглядящий тощим, нескладным. Он был коренастым, мускулистым, суровым на вид. Если бы Лиззи не знала его лучше, она бы также предположила, что он был тем, кого нужно бояться: жесткий, с готовностью сражаться с кем угодно, и с напряженными, угрюмыми глазами.

— Прошло много времени, — сказал он.

Глава 95

2019

Анна

Весь воздух покинул ее легкие.

Человек, которого она и ее семья подставили, стоял среди них. Он выглядел не так, как она его себе представляла; ничто в нем не напоминало образы из ее детства. Но она действительно чувствовала тот же страх, который испытала, когда играла в «Тук-тук, Джинджер». Сейчас у нее было такое же желание убежать. Его плотная фигура загородила дверной проем, и даже в тусклом свете она могла видеть напряженность в его глазах. Была ли это ненависть?

Внутри нее нарастала тошнота. Но если Тина верила в него, то, возможно, с ним все было в порядке. Возможно, он преследовал их не ради мести.

Эта мысль не развеяла сотни бабочек, которые сейчас порхали у нее в животе.

Ее отец должен быть здесь. Он был тем, кто должен был встретиться лицом к лицу с Билли Коули.

Анна опустила глаза, боясь, что привлечет его внимание, если поднимет взгляд.

Была ли она трусихой? Это должно быть семейное.

Его приход высосал звук из комнаты — тишина, последовавшая за его вступительной репликой, затянулась дольше, чем было удобно. Кто-то должен был ее нарушить.

Первой заговорила Тина.

— Я думаю, что этим людям есть что сказать тебе, Билли, — сказала она, подойдя к нему и осторожно положив руку ему на лицо. — Прости, — прошептала она.

Анна хотела что-то сказать, но почувствовала себя парализованной. Отец Лиззи получил тридцатилетний тюремный срок за то, что сделал ее отец. Много лет, потраченных впустую на преступление, которого он не совершал.

Эрик Фишер был убийцей.

У Анны это никак не укладывалось в голове. Как ее мать скрывала это от нее? Самосохранение, по-видимому, было постоянной темой для Фишеров. Анна поняла, что никто не смотрит в сторону Билли, она была не единственной, кто надеялся не попасться ему на глаза. Хотя она чувствовала, что сегодняшний день будет «важным», поскольку это годовщина исчезновения Джони, она должна была признать, что это было не так, как она себе представляла. Такой исход она даже не рассматривала. Но тогда это не могло быть окончательным результатом, во всяком случае, не тем, который предполагался. Потому что настоящего преступника, того, кто совершил это преступление, даже не было в комнате.

Как Билли мог отомстить, если рядом не было нужных людей?

— Что ты собираешься с нами делать? — Голос звучал жалко, слабо. Нелл, ее голова все еще была опущена, но глаза смотрели вверх, она заламывала руки, когда говорила. Анна внезапно почувствовала презрение к этой женщине.

— Это связано с тобой? — спросил Билли. Он рассмеялся. — Ты что, не слушала ничего из того, что было сказано?

— Э-э... да, — сказала Нелл.

— Тогда тебе не стоит спрашивать, — Билли пожал плечами.

Нелл казалась озадаченной; ответ был недостаточно хорош.

— Я хочу знать, — сказала она.

— Ради Бога, женщина. У меня была целая жизнь или то, что мне казалось похожим на нее, — размышлять, думать и планировать. Если бы я собирался что-то сделать в отместку, это не означало бы привести вас всех в мое старое бунгало, запереть вас, поджечь его, и смотреть, как оно сгорает дотла, а вы все кричите внутри, не так ли?

Ужас, отразившийся на лицах всех присутствующих при этом предложении, был почти комичным. Шаркающие ноги направились к двери. Билли заблокировал проход.

— Вы когда-нибудь научитесь? — пробормотал он. — Я хочу то, что Элиза... Лиззи... говорила, — повторил Билли громче. — Чтобы вы все признали, что вы сделали... и извинились.

— Потому что то, что мы извинимся, компенсирует это? Да, точно, — сказал Роб.

— Этого не произойдет, нет. Но это доставит мне некоторое удовлетворение.

— Разве наказание нас не принесет больше удовлетворения? — спросила Мюриэл.

— Я думаю, ты, возможно, уже сделала это.

— Но она не закончила, не так ли? — сказал Роб. — Я имею в виду, что у вас даже нет человека, стоящего за этим здесь. Ему это сошло с рук. Снова. — На его лице застыло выражение обиженного подростка.

Билли медленно кивнул.

— На самом деле их два.

Анна заметила, что ее мать покачнулась. Она бросилась к ней, думая, что может упасть в обморок.

— Ты хорошо себя чувствуешь, мам?

— Нет. Может быть, мне нужен врач, я могла бы... Я могла бы...

— С ней все в порядке! — огрызнулся Билли. — Оставь ее. Она остается. Она играет с тобой, как играла со всеми вами.

Анна с трудом сглотнула. Очевидно, что еще многое предстояло сделать. Она не была уверена, что сможет вынести дальнейшие откровения.

— Продолжай в том же духе, — сказала Мюриэл, которая, по-видимому, заметно поправилась.

— Ну, ты же знаешь, не так ли, Мюриэл? — Он криво улыбнулся Мюриэл. — Один из них давным-давно сошел с ума. Другой все равно потеряет свою жизнь, это не обязательно должно быть от моей руки.

— Почему? Что ты знаешь? — Вмешалась Анна, предположив, что Билли имел в виду ее отца, потерявшего свою жизнь.

— Вина Эрика очень глубока. У него был каждый день, чтобы подумать о том, что он сделал, и он будет знать, что я вышел из тюрьмы. Я не думаю, что он долго протянет.

— Ты хочешь сказать, что он собирается покончить с собой? Зачем ему это сейчас, только потому, что ты на свободе? Ты, должно быть, дал ему повод думать, что собираешься отомстить, убить его, — сказала Анна.

— Я не давал ему никаких оснований подозревать это. Но он поверит в это, потому что именно так бы он думал, если бы роли поменялись местами. Его мозг будет работать сверхурочно. Потому что он полностью владеет собой и знает, что заслуживает наказания. У него не помутился рассудок, как у честного члена общины и человека Божьего, преподобного Фарнли. — Билли вскинул руки в воздух, как будто он представлял их Богу.

— Какое отношение к этому имеет преподобный Фарнли? — спросила Анна, внезапная перемена застала ее врасплох.

— Твоя дорогая мама лаяла не на то дерево со мной, Белла.

— Теперь я — Анна.

— Хм. Ладно, Анна, все это время Мюриэл совала свой нос в мои дела, пытаюсь найти что-то на меня — брешь в моей броне — ее драгоценный преподобный был тем, кто издевался над моей дочерью.

— У тебя нет абсолютно никаких доказательств этого, — закричала Мюриэл.

— У тебя тоже не было доказательств, что это был я, но это не помешало тебе добиться того, чтобы подозрение пало на меня. Но ты знала, что он прикасался к ней; ты знала, что именно о нем говорила Элиза, когда использовала свою куклу, чтобы показать тебе, что он с ней сделал, не так ли? Ты позволила ему выйти сухим из воды только для того, чтобы повесить это на меня. Это низко, Мюриэл. Непростительно. Но поскольку у тебя тогда было что-то на преподобного, ты использовала его, чтобы получить то, что хотела. Он был тем, чьи так называемые улики склонили чашу весов. Это было решающим заявлением, которое побудило социальные службы забрать у меня Элизу.

Это было слишком много информации за один раз, чертов викарий был тем, кто издевался над Элизой? Анна посмотрела на Лиззи, ее лицо было непроницаемым. Но как Билли вообще узнал, если сама Лиззи ничего об этом не помнила? У Анны разболелась голова, когда она пыталась распутать нити. Приближалась полночь, и все, чего она хотела, это выбраться из этого пыльного шара и принять душ, забраться в постель и провалиться в глубокий сон, чтобы забыть о том, что она узнала. По крайней мере, на несколько часов. Все, что говорил Билли, возвращалось к тому, что сделала Мюриэл. Ее мать была причиной всего этого.

— Итак, позвольте мне разобраться в этом правильно. Моя мать, — Анна бросила на Мюриэл пронзительный взгляд, — знала, что это викарий издевался над Элизой, но ничего не сделала, кроме того, что втянула его в это дело, чтобы помочь ей обвинить Билли? Просто чтобы получить то, что она хотела? — Анна сердито посмотрела на мать. — Как, черт возьми, ты могла? Ты говорила о том, чтобы обезопасить деревенских детей, а затем сознательно позволила хищнику оставаться в его доверенном положении...

— Нет, нет, — сказала Мюриэл, качая головой. — Я не знала наверняка, и поначалу думала, что его странное поведение было вызвано тем, что он покрывал Билли, пытался играть в доброго викария, который давал всем шанс, не желая раскачивать лодку, выдвигая такие обвинения. Но потом было несколько случаев, когда он заставлял меня спрашивать, как обстоят дела с Элизой. Долгое время я действительно верила, что Билли издевается над Элизой. А когда с Робертом произошел инцидент в бунгало, Нелл подумала, что Билли, должно быть, тоже что-то с ним сделал, и это подлило масла в огонь. Я на некоторое время отодвинула преподобного Фарнли на задний план.

— Ты имеешь в виду, пока он тебе не понадобился? Затем ты обратилась к нему со своими подозрениями и дала ему условие о выходе, шантажируя его, чтобы он помог тебе повесить это на Билли, или ты расскажешь всем, кем он был, — сказала Анна.

— Послушай, как только Билли оказался в тюрьме, я позаботилась о том, чтобы преподобный Фарнли уехал. Я ясно дала понять, что ему больше не рады в Мейплдоне. Он все понял, будь уверена.

— Будь уверена? Действительно? Боже, мам. Отлично, значит, ты позаботилась о том, чтобы он покинул эту деревню, но при этом подтолкнула его и его педофильские наклонности к другому ничего не подозревающему сообществу? Хорошая работа.

Мюриэл решительно скрестила руки на груди.

— На самом деле, после всего, что случилось, у него случился нервный срыв, он стал затворником... он не причинил бы вреда другим детям. — Голос Мюриэл звучал почти торжествующе. Анна почувствовала тошноту в животе.

Если бы она не ответила на звонок матери в пятницу, если бы она не оставила Кэрри и не поехала в гребаный Мейплдон, она могла бы продолжать ничего не знать. Она прожила без этих истин большую часть своей жизни, она была уверена, что могла бы счастливо продолжать жить в своем блаженном неведении.

Но как насчет Джони Хейс?

Разве она не заслуживала того, чтобы ее нашли? Отрицая правду, Анна отрицала свою подругу. Анна больше не могла смотреть на Мюриэл. Она повернулась спиной и посмотрела на Билли.

— Если ты вернулся не для того, чтобы отомстить, зачем заставляешь Тину играть в дурацкую игру «Тук-тук»?» — спросила Анна.

— Он этого не сделал, — сказала Тина. — Я поговорила с Билли обо всем, что произошло. Мы долго разговаривали по телефону, писали письма. Я даже навещала его несколько раз. Я прекрасно понимала, через какую боль ему пришлось пройти. Очевидно, мне тоже было больно. Так было с того дня. Это я почувствовала потребность в возмездии. Я хотела, чтобы те, кто был в этом замешан, были каким-то образом наказаны. Мне пришла в голову эта идея, и я убедила Билли помочь, удостоверившись, что у меня есть правильный «материал». Лиззи не имеет ко всему этому никакого отношения, прежде чем ты тоже начнешь, Нелл. Она пришла сюда не за статьей, чтобы продать ее газетам. Она пришла сюда за своей историей. Чтобы узнать правду о ее детстве. — Я думаю, что теперь мы все узнали некоторые истины. Но, Мюриэл? — Тина вздернула подбородок в сторону Мюриэл. — Независимо от того, почему и зачем, и без каких-либо других целей, кроме закрытия, я все равно должна знать, где моя Джонни. И ты должна мне сказать.

Глава 96

1989

Окраина Мейплдона

Четверг, 20 июля — послезавтра, 2.30 утра

Эрик подождал, пока погаснут уличные фонари. Подождал, пока, по его мнению, жители Мейплдона будут крепко спать. Во всяком случае, все, кроме одного. Теперь он посмотрел на этого человека и содрогнулся. Преподобный Фарнли пристально посмотрел на него, заставив его почувствовать, что он смотрит прямо в его душу.

Но он не мог судить.

Мюриэл заверила Эрика, что он может положиться на его помощь. Она рассказала ему, почему была так уверена. Что этот человек виновен в своих собственных преступлениях.

Преподобный Фарнли сел в машину, и Эрик медленно выехал из Мейплдона. Он направился к обширной вересковой пустоши на южной стороне деревни. Достаточно большое расстояние от деревни, чтобы быть уверенным, что полицейские ресурсы не простираются так далеко. И в еще более отдаленном районе вересковых пустошей, чем те, которые популярны у любителей пеших прогулок. Эрик слышал о телах, которые хоронили на вересковых пустошах — телах людей, которых так и не нашли. Взрослые, дети, потерянные для земли. Он должен был надеяться, что это захоронение также останется незамеченным. Навсегда.

Это было зрелище, которое он не мог себе представить даже в самых страшных кошмарах. Безвольное тело ребенка, брошенное на землю двумя мужчинами. Отец и преподобный. Эрик поднял глаза к небесам.

Дерьмо. Пожалуйста, не позволяй существовать Богу. Не позволяй никому узнать, что я сделал.

На выполнение этой задачи ушло несколько часов, и она была выполнена практически в тишине. То же самое, что и на обратном пути в Мейплдон; Эрику нечего было сказать Кристоферу Фарнли. Как мог человек Божий вести себя неподобающим образом с ребенком? Он хотел что-то сказать. Ему отчаянно хотелось плюнуть в него, сказать, какой он мерзкий. Ударить его.

Но как он мог сейчас? После всего этого?

Он знал, почему Мюриэл попросила его о помощи. Эрик не смог бы сделать это в одиночку. Ни один другой сельский житель — как бы сильно они ни поддерживали Мюриэл и ее дело — не стал бы скрывать это до такой степени, чтобы похоронить ребенка. Только кто-то такой же виновный, как он.

Кто-то еще, кому нужно было хранить секреты для собственного выживания.

Боже. Жители деревни боялись того, что Билли Коули может сделать с их детьми, хотя все это время им следовало опасаться их любимого викария.

И теперь он мог добавить себя в список людей, от которых Мэйплдон должен избавиться. И он знал, что Мюриэл не остановится, пока каждый из списка не исчезнет, так или иначе.

Когда он разделся и забрался в постель рядом с теплой женой, Эрик заплакал. У него были секреты в прошлом — разве не у всех? Но это было больше, чем секрет. Последствия этого были огромны. Чтобы сохранить это в тайне, не дать правде выплыть наружу, ему придется уйти. Он ни за что не смог бы каждый день встречаться с людьми, зная, что он натворил.

Как он мог когда-нибудь снова посмотреть своей дочери в глаза?

Он придвинулся вплотную к Мюриэл, скользнув руками по ее талии, притягивая ее ближе.

— Дело сделано, — прошептал он ей на ухо.

Она пошевелилась.

— Эта часть. Впереди еще долгий путь, Эрик.

Он перевернулся, щелкнув выключателем лампы. Свет покинул комнату.

Покинул его.

Глава 97

Лиззи

2019

Пятница, 19 июля

Когда Билли упомянул преподобного Фарнли, был момент, когда Лиззи подумала, что собравшаяся группа этому не поверит. Не преподобный. Не тот человек, который проповедовал своей пастве все о Боге. Человек, который, казалось, заботился о своих прихожанах и изо всех сил старался убедить Билли позволить его дочери посещать воскресную школу. Возможно, его намерением всегда было ухаживать за ней, она была идеальной жертвой. Лиззи гадала, была ли она единственной. Как бы она ни надеялась, что это так, у нее было плохое предчувствие, что она была не первой и даже не последней, кто

пострадал от рук викария. Старик действительно сошел с ума, или это тоже было инстинктом самосохранения?

Это стало шоком, когда Лиззи была в фургоне с Билли, и он рассказал ей об этом, и о том, как он подозревал, что Мюриэл покрывала преподобного и Эрика. Но Билли был убежден, и его доводы казались здравыми. Прокручивая события снова и снова, принимая во внимание то, что он помнил из показаний свидетелей и читая газетные статьи, вместе с версиями Тины и Пэта, это было единственным логичным объяснением. Имея так много времени на размышления и проработку каждой детали, Билли проработал множество теорий, но эта прижилась, и именно та версия событий имела для него наибольший смысл: Эрик был ответственен за смерть Джони, а преподобный Фарнли помог избавиться от ее тела. Билли считал, что Мюриэл знала, что он замышляет недоброе, и использовала это как рычаг давления — фактически шантажируя его, чтобы он помог ей скрыть то, что сделал Эрик. Билли помнил, как Элиза вела себя после каждого занятия в воскресной школе, и как только бывший сокамерник Билли передал ему информацию, которую он узнал о быстром уходе преподобного из Мейплдона и его последующем нервном срыве, он был убежден, что преподобный был тем, кто издевался над Элизой, так что был идеальный человек, к которому могла бы обратиться Мюриэл.

Лиззи знала, что кое-что из того, что они с Билли рассказывали группе жителей деревни, было всего лишь предположением — серией гипотез, на формулирование которых ее отец потратил годы. Но, наблюдая за ними всеми — за их реакцией — она должна была признать, что он, вероятно, был прав. Никто, казалось, не подвергал это сомнению до такой степени, как она полагала, если бы все это не было правдой. Однако на самом деле никакой спланированной мести не было. Как бы нервно ни стояли те, кто явно думал, что это было намерением Билли, они ошибались. Билли сказал, что не хотел, чтобы они когда-нибудь смогли обернуться и сказать:

— Видите, мы были правы насчет этого чудака Билли Коули, вы слышали, как он отомстил Мюриэл и Эрику Фишерам?

Нет, он только хотел услышать, как они скажут, что были неправы. Они сожалели. И он хотел помочь Тине — это то, что он повторял Лиззи снова и снова, пока они сидели и разговаривали.

Лиззи почувствовала прилив сочувствия к своему биологическому отцу, когда слушала, как его жалкая жизнь становилась все хуже и хуже. Как его сделали козлом отпущения за ужасное преступление. После целой жизни, когда она думала о Билли Коули самое худшее, верила историям, сплетням и полуправде, она обнаружила, что испытывает теплые чувства к этому человеку, который, по общему мнению, пожертвовал своей свободой, зная, что с ним поступили несправедливо вместе с Джони Хейз. Когда Билли говорил о Тине, это было с такой теплотой. Он рассказал Лиззи, что у него всегда были чувства к Тине, даже когда он не мог эффективно выразить их, и к тому времени, когда он это сделал, было слишком поздно, ужасные события среды 19 июля 1989 года настигли их, и она избегала его.

Он поклялся выйти из тюрьмы, чтобы найти преступника, доказать Тине раз и навсегда, что это был не он, поэтому он прошел все курсы реабилитации правонарушителей, продолжая говорить о своей вине, несмотря на свою невиновность, просто чтобы он мог выйти. Теперь, когда он вышел, он сказал Лиззи, что чувствует себя совершенно спокойно; его гнев несколько рассеялся. Он многому научился в ходе своих реабилитационных программ, которые заставили его взглянуть на вещи по-другому. Признание его

«исправившимся» позволило комиссии по условно-досрочному освобождению прийти к решению, что он может быть освобожден пожизненно. Однако, собрав все воедино, он понял, что правосудие, которого он изначально хотел, было не таким простым, и оно не имело бы удовлетворительного результата, которого он жаждал. Но он знал, что кое-что он мог сделать. Акт самоотверженности, чтобы попытаться ограничить дальнейший ущерб.

Теперь его целью было найти тело дочери Тины и убедиться, что она наконец-то сможет устроить настоящие похороны Джони.

Все, что им было нужно, это чтобы Мюриэл сказала им, где найти Эрика.

Глава 98

2019

Эрик

Он сразу же позвонил Мюриэл, как только ему сообщили об освобождении Билли Коули. Предупредил ее о том, что может произойти. Что будет дальше. Сказал ей не высываться. Просто на случай, если это все-таки пройдет. Но он знал, что ему не может так повезти. Эрик был в долгу перед Билли. И не просто какой-то долг: он был обязан ему своей жизнью. Был только один способ, которым он мог отплатить за это. И если бы он не предложил вернуть долг полностью, тогда Билли забрал бы его лично. В этом он не сомневался. Прошла почти неделя с момента его освобождения. В жизни Эрика было два случая, когда время тянулось, казалось бесконечным, когда момент агонии казался бесконечным. Один был тридцать лет назад. Другой был сегодня — ждал своего наказания. Он надеялся, что это будет быстро, к настоящему времени все закончится. Билли тянул время, заставляя его страдать.

Он не мог винить его.

Билли, при всех его недостатках, при всех плохих вещах, которые они пытались на него повесить, был невиновным человеком. Было тогда, было и сейчас. На секунду он проклял Мюриэл. Она запустила мяч, и как только тот набрал скорость, его уже было не остановить, он сбивал с ног любого, кто попадался на его пути. Если бы она понимала, кому это повредит, может быть, только может быть, она бы передумала. Ему нравилось так думать. Она сказала, что любит его, хочет защитить. И, честно говоря, так оно и было. Она поддерживала с ним связь даже тогда, когда он вернулся в Сомерсет. Она была зла, что он переехал поближе, всего в одном округе от нее. Ей нравилось, что он был в Шотландии. Расстояние помогло ей почувствовать себя в большей безопасности. Но в конце концов она одумалась. И она продолжала информировать его о жизни дочери, сообщая ему, когда та вышла замуж, когда сделала его дедушкой...

Рыдание вырвалось из его напряженной груди, когда он попытался представить, как выглядит его внучка. Он так отчаянно хотел, чтобы Мюриэл прислала фотографии Кэрри, но они знали, что это неразумно. Письма были достаточно рискованными. Он хотел, чтобы Билли понял, что его тоже наказали. Он также потерял надежду увидеть, как его дочь превращается в женщину, пропустил все главные события в жизни. Главным для Эрика было то, как он упустил шанс стать дедушкой, принять участие в жизни Кэрри.

Мюриэл однажды назвала его трусом. Это пронзило его насквозь, он буквально упал на землю, его ноги подкосились. Как она могла так сказать? Потому что он ушел... сбежал как можно дальше? Он сделал это не только для себя. Он сделал это ради нее. Для них.

Это был несчастный случай.

Трагический, ужасный несчастный случай. Момент, о котором он будет сожалеть всю

жизнь. В течение нескольких дней, месяцев и лет после этого все другие мыслимые исходы прокручивались в его голове. Тот, который не был связан со смертью десятилетней девочки. Если бы он сделал что-то по-другому, возможно, все сложилось бы для всех?

Сидя у окна и наблюдая за проезжающими мимо машинами, ожидая и гадая, какая из них подойдет ему, Эрик размышлял, стоит ли ему возвращаться.

Обратно в Мейплдон, чтобы расплатиться за все свои поступки.

Он был мертв независимо от того, остался ли он в Сомерсете или поехал туда. С таким же успехом он мог бы сделать что-нибудь хорошее, прежде чем за ним придет Жнец.

Эрик Фишер набил сумку какой-то одеждой. Затем, с подкрадывающимся чувством обреченности, сел в свою машину и отправился в то место, которое он когда-то называл домом.

Глава 99

2019

Анна

Как только Билли, казалось, удовлетворился тем, что правда наконец-то была раскрыта, после тридцати лет, когда Мейплдон скрывал ее, он открыл дверь гостиной, посторонившись, чтобы пропустить людей мимо себя. Роб и Нелл быстро приняли приглашение уйти, быстро выбежав из комнаты, вероятно, опасаясь, что он может передумать. Но Тина и Пэт Верн держались в стороне. И Анна тоже, несмотря на то, что Мюриэл бросила на нее вопросительный взгляд, когда сама придвинулась ближе к двери. Анне все это почему-то казалось незаконченным. И она также чувствовала потребность в подтверждении того, чего именно ожидали от нее и Мюриэл дальше. Как только с Эриком Фишером связались.

Независимо от того, что Билли и Тина говорили о нежелании привлечь полицию, Анна была уверена, что они скоро навестят Фишеров. Если бы Тина хотела, чтобы Эрик сказал ей, куда он отвез тело Джони, они, очевидно, хотели бы достойных похорон — полных похорон. Таким образом, полиция была бы вовлечена, хотели они этого или нет.

Секреты Мейплдона станут достоянием общественности. Это было неизбежно.

Если только Билли не планировал по-прежнему брать вину на себя. Если бы он был тем, кто раскрыл местонахождение тела Джони, никто другой не должен был бы быть замешан. Может быть, он сказал бы, что это его последнее признание. Однако, конечно, возможность очистить свое имя перевесит все остальное. В голове у Анны пульсировало. Все это было слишком сложно принять; слишком многое нужно было обдумать прямо сейчас, за полночь, в этом заброшенном, призрачном бунгало. Пока шестеро из оставшихся, стояли, беспокойно глядя друг на друга, Мюриэл начала бормотать.

— Дело в том, что у вас нет никаких доказательств... На самом деле нет, все это просто слухи и косвенные улики.

Анна рассмеялась. Истерический смешок, который она не могла контролировать. К ней присоединились слезы, и, прежде чем она осознала это, она уже рыдала.

Как могла ее мать быть такой чертовски ироничной? Неужели она сама себя не слышит?

— Успокойся, Анна, — сказала Лиззи, подходя к ней. Она обняла Анну за плечи. — Это были чертовски трудные несколько часов, не так ли?

Это был один из способов выразить это. Анна без предупреждения переходила от одной эмоции к другой. Она была опустошена. Ее мысли были в хаосе. Она сделала несколько

судорожных вдохов, достаточных, чтобы восстановить самообладание, не вдыхая больше частиц пыли.

— Я не могу успокоиться! Мы только что слышали одну и ту же историю, не так ли? — Анна недоверчиво посмотрела на Лиззи и стряхнула ее руку. — Когда ты все это узнала, Лиззи? Или ты приехала сюда, уже зная ответы?

— Нет, честно; я была в таком же неведении, как и ты, во всяком случае, пока не добралась до Мейплдона. Затем пришло медленное, ползучее осознание того, что все было не так, как казалось вначале. Как только я встретила Билли и выслушала его версию, часть лжи выплыла наружу. Затем он рассказал мне истории, которые потрясли фундамент, который я построила, заставили меня усомниться в том, что, как я думала, я знала. Конечно, это было не все от Билли. Пэт также помог заполнить некоторые пробелы. Как и Гвен из «Булли Бартон». Я была удивлена ее знанием жителей деревни, поскольку она относительный аутсайдер, хотя, я думаю, большая часть этого была основана на сплетнях. Но те, кто присутствует здесь сегодня вечером, подтвердили, что большинство из них — правда.

— Собери вместе комнату, полную людей, — все они пытаются скрыть секрет, — выдвини одно обвинение и наблюдай, как начинается паника», — сказал Билли. — Не требуется много времени, чтобы первый человек сломался, а за ним последовали остальные; правда обычно выплывает наружу, каждый пытается обвинить другого. Инстинкт самосохранения в лучшем виде.

— Именно поэтому я попросила всех собраться здесь. Это был самый быстрый способ связать все нити воедино, добраться до сути дела, — сказала Лиззи.

— Это заняло слишком много времени, но, по крайней мере, теперь у нас есть ответы на некоторые вопросы, — сказала Тина, ее тело было заключено в объятия Пэта.

— Тебе нужно заставить Эрика говорить сейчас, Мюриэл, — сказал Пэт.

Анна посмотрела на свою мать. Она увидела старую женщину, ту, которая казалась неспособной на те действия, в которых ее обвиняли сегодня вечером. Теперь она надеялась, что Мюриэл сможет дать Тине то, о чем она просила. Она и так слишком долго защищала Эрика. Она должна была отказаться от него сейчас.

— Тогда, я полагаю, у тебя есть контактный номер Эрика? — сказала Анна.

— Твоего отца, — поправила Мюриэл.

— Я не думаю, что он заслуживает такого статуса, а ты?

— Нет, дорогая, заслуживает.

— После всего этого ты все еще поддерживаешь его? Он хладнокровный убийца детей, мама.

— У тебя есть способ связаться с ним, Мюриэл? — спросила Тина.

Мюриэл вздохнула, долго не решаясь ответить.

— Да.

— Как только она заговорит с ним, что тогда? Что, если он откажется сказать нам, где Джони? — сказала Анна. Сейчас было бы огромной неудачей, если бы Эрик Фишер не смог им рассказать. А что, если Билли был прав насчет того, что прошло совсем немного времени, прежде чем Эрик покончит с собой, вместо того чтобы признаться в своем преступлении? Они никогда не узнают, и все это будет напрасно.

— Когда ты будешь говорить с ним, Мюриэл, — медленно произнес Билли, — скажи ему, что я здесь. Жду его ответа. И если он не будет сотрудничать, его дочь «исчезнет».

— Мне казалось, ты сказал, что тебя не интересует месть? — сказала Анна высоким

голосом. Здорово, что она была разменной монетой.

— Меня нет. Как таковая. Это не было причиной моего возвращения в Мейплдон. Я был здесь только для того, чтобы навестить могилу своей жены, а не для того, чтобы сеять смуту или тревожить старых призраков, — сказал Билли. — Однако я встретил Элизу, и потребность в том, чтобы она знала правду, овладела мной. Ситуация сейчас, сегодня вечером... все изменила. И потребности должны быть удовлетворены.

— Прекрасно. Я позабочусь, чтобы она сказала ему об этом. — Анна не была уверена, что купилась на фразу «Я был здесь только для того, чтобы навестить могилу моей жены». Она нутром чувствовала, что у этого есть скрытый мотив. Она подошла к матери и, взяв ее за руку, вывела из гостиной, обратно через холл и наружу. Она глубоко вдохнула чистый воздух. Мюриэл делала то же самое. Или у нее было учащенное дыхание, Анна не была до конца уверена.

— Мы будем ждать и наблюдать, — крикнула им вслед Тина. — Сделай этот звонок сегодня вечером, Мюриэл!

Анна и Мюриэл отправились в утомительный путь домой. Продвижение было медленным, ни у одного из них, казалось, не было сил идти быстро.

— Но на вопрос «почему» ответа не последовало, не так ли? — спросила Анна. — Я имею в виду, зачем отцу убивать Джони?

— Я не думаю, что мы когда-нибудь узнаем это, Анна.

— Ты должна знать. Разве ты не спросила его тогда? Разве ты не спросишь его сейчас, когда будешь говорить с ним снова?

— Мы можем оставить это? На сегодня. С меня хватит, я просто хочу быть дома.

Анна тоже была опустошена. Казалось, узнавать правду — это изнурительный опыт. Ей было интересно, как поживают остальные.

— Но как только мы вернемся домой, тебе нужно позвонить ему.

Может быть, уже перевалило за полночь, но их ночь еще не закончилась. Хотя задача связаться с отцом была пугающей перспективой, она ни за что не позволила бы Мюриэл откладывать ее. Анна теперь не заснет, пока все это не закончится.

Глава 100

2019

Лиззи

— Все прошло так, как ты планировал? — Лиззи сидела в своей машине, Билли — на пассажирском сиденье. Четверо из них, которые остались в гостиной после ухода Мюриэл и Анны, еще немного поговорили, обсуждая идеи о том, как заставить Мюриэл выполнить требование связаться с Эриком. Кроме Билли... он был тихим, мало что добавляя к разговору. Это было так, как будто он что-то скрывал. Не горя желанием делиться своим планом действий. Это заставляло Лиззи нервничать.

— А, вроде того, — сказал он, склонив голову набок.

— Только отчасти. На что еще ты надеялся?

— Ну, они не совсем извинились за то, что заставили меня провести почти всю мою взрослую жизнь за решеткой, не так ли?

— Не так многословно, нет. Но я думаю, что некоторые, по крайней мере, очень сожалели. Даже если эти точные слова не были произнесены. Выражения их лиц, когда начала всплывать правда... — Лиззи широко раскрыла глаза. — Это, должно быть, принесло определенное удовлетворение?

— Я не успокоюсь, пока она не будет найдена, Лиззи.

Услышав, как Билли произносит ее имя, а не использует Элизу, она почувствовала, как по ее телу пробежал электрический разряд. Может быть, теперь она смогла бы наладить с ним что-то вроде отношений отца и дочери. Или это было невозможно после такого огромного разрыва... после всего, что произошло?

— Ты действительно веришь, что Эрик Фишер сознается? Что, если он не помнит?

— О, он сознается, это точно. И поверь мне, — сказал Билли, его глаза горели, — он помнит.

Лиззи не знала, как на это реагировать, поэтому вместо этого поерзала на сиденьи, положив руки на руль.

— Хочешь, я отвезу тебя обратно на ферму? Я могла бы попытаться засунуть твой велосипед в багажник.

Билли покачал головой.

— Нет, спасибо. Я здесь еще не закончил.

Глава 101

2019

Эрик

Снаружи дом не изменился.

Эрик припарковался в двух улицах от дома и пошел пешком, нырнув в боковой вход и постучав в заднее стекло. Внутри горел свет, но никто не ответил. Ему следовало позвонить перед отъездом. Он посмотрел на часы.

Полночь.

Где, черт возьми, Мюриэл? Не может быть, чтобы она отсутствовала так поздно. Перед гаражом, принадлежащим дому Мюриэл, стояла машина. Не ее... он предположил, что это могла быть Анна. Если они обе были здесь, было ли это потому, что была проблема?

Его пульс стучал в ушах.

Билли здесь.

Эти слова промелькнули у него в голове.

Это было единственное объяснение. Он расхаживал взад и вперед по саду, пытаясь избавиться от внезапного прилива адреналина. Он не позволит Билли сделать это. Не после того, как он провел большую часть тридцати лет вдали от своих девочек, чтобы обеспечить их безопасность. Он не собирался позволять Билли причинять им боль.

Глава 102

2019

Анна

Анна первой добралась до входной двери, осмотрев ее еще раз — на всякий случай. Войдя, она бросила беглый взгляд на камеру. Мюриэл поплелась за ней.

— Думаю, я сразу же отправлюсь наверх, Анна. Я так...

— Э-э... нет, мам. Извини. Тебе нужно позвонить папе.

— Анна. Уже до смешного поздно. Я не буду звонить в такое время ночи.

— Серьезно, я не могу спокойно лечь в постель и уснуть после всего, что только что было сказано. Как, черт возьми, ты можешь? — Лицо Анны вспыхнуло от гнева на пресыщенное отношение ее матери.

— Хорошо, — устало сказала она. — Я позвоню, но в этом не будет смысла, потому что он будет спать.

— Мне было бы лучше, если бы ты хотя бы попыталась, спасибо, — сказала Анна, отступая в сторону, чтобы пропустить Мюриэл в гостиную впереди нее.

Время, которое потребовалось ее матери, чтобы найти номер мобильного телефона и позвонить, показалось ей неоправданно долгим. Анна постукивала ногой по ковру, пока Мюриэл набирала номер на телефоне.

Вдалеке Анна слышала музыку.

— Что это? — Она повернулась и пошла на кухню. — Мама? Оставьте телефон звонить и иди сюда. — Мюриэл сделала, как велела Анна, подошла и встала рядом с ней. — Послушай.

— Он здесь, — сказала ее мать. Она отперла заднюю дверь. — Заходи, Эрик.

У Анны пересохло во рту. Слезы печали, гнева и предательства хлынули у нее из глаз, когда она впервые за тридцать лет столкнулась лицом к лицу со своим отцом.

— Привет, Анна, — сказал Эрик. Налитые кровью глаза, водянистые и печальные, искали взгляд Анны.

— Почему? — Она покачала головой. — Почему ты это сделал?

— Это не то, что я могу легко объяснить, — сказал он хриплым голосом. — Мне так жаль.

— Мне так жаль? О, боже мой. Я буквально не знаю, что тебе сказать, — сказала Анна, поворачиваясь спиной и направляясь в гостиную.

Она слышала шепчущие голоса. Даже сейчас, подумала она, они хранят секреты. Вынашивают план. Пытаясь найти выход из этой передраги так, чтобы ни один из них не оказался в тюрьме. Анне хотелось закричать: «Все, что ты там говоришь, ты можешь сказать мне в лицо, ты же знаешь».

Ее мать и отец присоединились к Анне в гостиной. Это была сцена, которую она и представить себе не могла. И при других обстоятельствах она вполне могла бы обрадоваться, восприняв это как возможность снова узнать своего отца. Но не сейчас.

Все тело Анны дрожало.

— Где она? Куда ты отвёз тело Джони Хейз после того, как убил ее?

Эрик поморщился.

— Твоя мама только что сказала мне, что Билли здесь, в Мейплдоне.

— Да, но это не ответ на вопрос, — резко сказала Анна.

— Я отвечу. Я скажу Билли, где ее найти. — Его голос был слабым, пропитанным поражением.

— Что ж, это великодушно с твоей стороны. Потребовалось всего тридцать гребанных лет. — Гнев вырвался из нее. Это был не просто гнев за то, что он убил Джони, но и за то, что он оставил Анну, когда она нуждалась в нем.

— Я должен был держаться подальше, не иметь с тобой никаких контактов. Ты ведь понимаешь это, не так ли?

— Да, папа. Ты должен был держаться подальше, чтобы тебя не посадили в тюрьму за твое преступление. Ты позволил невиновному человеку быть обвиненным в убийстве, провести годы в камере, и все это для того, чтобы ты мог быть свободен. Думаю, я понимаю, да.

— Я никогда не был свободен, Анна, — сказал он.

— Скажи это Билли Коули. Скажи это Тине. Ты трус, это ясно и просто. — Анна протиснулась мимо них.

— Куда ты идешь? — крикнула Мюриэл ей вслед.

— Позвонить, — сказала Анна, выходя из дома.

Анна дошла до конца улицы и, как только у нее появилось несколько служебных баров, набрала номер Лиззи.

— Лиззи. Он здесь. Приезжай к Мюриэл... и привези Билли.

Глава 103

2019

Лиззи

Сердце Лиззи подпрыгнуло.

Он здесь. Привези Билли.

Слова Анны эхом отдавались в ее голове.

— Ты никогда в это не поверишь, — сказала она, поворачиваясь к отцу.

Билли издал тихий гнусавый смешок.

— Эрик Фишер приехал в Мейплдон, — сказал он.

— Да. Черт возьми. Как ты узнал, что он приедет сюда?

Билли уже убедил Лиззи остаться после того, как они заперли бунгало. Он попросил ее подъехать к Мюриэл и припарковаться через улицу.

Они сидели в машине и разговаривали, когда раздался звонок.

— Нутром чую, — сказал он.

— Тогда, может, пойдем отсюда пешком? — спросила она его.

Анна стояла у открытой входной двери, когда Лиззи подошла к дому вместе с Билли.

— Как бы он этого ни заслуживал, не причиняй ему вреда, — сказала Анна, когда они вошли в коридор.

Лиззи чувствовала напряжение в доме, как электрический разряд. Она хотела сказать Анне, чтобы та не волновалась; никто не собирался причинять вред Эрику. Но она не могла дать этого обещания, потому что не знала. Будучи взрослой, она дважды встречалась с Билли до сегодняшнего вечера, она понятия не имела, что он может планировать, когда столкнется с человеком, который должен был отбывать наказание вместо него. Просто потому, что он сказал Лиззи, что он здесь не для мести и не собирается никому причинять боль, не означало, что она на сто процентов ему поверила. Она не чувствовала себя достаточно компетентной, чтобы выносить такое суждение.

Билли смотрел на Анну, казалось, несколько минут, как будто кто-то нажал кнопку паузы. Лиззи протянула руку и коснулась его локтя, надеясь вывести его из неподвижного состояния.

— Не буду, — сказал он, наконец.

Все трое вошли в гостиную. Все тело Лиззи напряглось, когда она посмотрела на Эрика Фишера и Мюриэл, съездившихся на диване, их бледные, полные страха лица, когда они увидели ее и Билли. Эрик медленно поднялся на ноги.

— Пожалуйста, не впутывай в это Мюриэл и Анну. — Глаза Эрика умоляли Билли. — Я скажу тебе, зачем ты здесь, а потом ты сможешь делать со мной все, что захочешь. Но не причиняй им вреда.

— О, Эрик, Эрик, — сказал Билли, придвигаясь к нему ближе. — Я уже сказал, я здесь не для того, чтобы причинить вред тебе или им.

Вспышка замешательства, или, может быть, это было недоверие, промелькнула на лице Эрика.

— Ты не хочешь отомстить? Ты не хочешь, чтобы я страдал из-за того, что все эти годы

это сходило мне с рук?

— Моя ненависть к тебе и твоей семье уменьшилась с тех пор, как меня впервые подставили, — сказал Билли. — Хотя я не могу сказать, что не обижаюсь на тебя. Я все еще думаю: «Почему я?» — это беспокоит меня сейчас так же сильно, как и тогда. Хотя думаю, что собрал все кусочки воедино, я все равно хотел бы услышать вашу точку зрения. Выслушать причину, по которой вы с Мюриэл выбрали меня. То, что я сделал, было настолько неправильно, что ты был счастлив наблюдать, как я сгораю за то, в чем не был виновен. Но, как я уже объяснял твоей жене, дочери и остальным, я не такой уж плохой. Тридцать лет саморефлексии, принятия решений о том, что важно, а что нет, заставили меня оценивать вещи по-другому. Есть что сказать за самоотверженность, Эрик. Разве нет?

Между ними промелькнул взгляд, который Лиззи не смогла прочесть. Лицо Эрика вспыхнуло, и он разволновался.

— Я отведу тебя к ней, — сказал Эрик, вскакивая на ноги. — Ты хочешь сделать это сейчас?

— Через некоторое время, — сказал Билли.

Лиззи обменялась обеспокоенным взглядом с Анной. Было ясно, что Билли хотел сказать еще что-то. Лиззи увидела, как Анна наклонилась вперед.

— Смотри. Я знаю, что то, что он сделал, было абсолютно отвратительно, и ты пострадал за это, Билли. Но ты сказал, что не собираешься никому причинять вреда...

— Но у меня еще есть кое-какие незаконченные дела... — сказал Билли. Его голос был мягким, но умудрялся звучать угрожающе. Лиззи перевела взгляд с него на Эрика.

— Пожалуйста, Билли, нет. — Эрик молитвенно сложил руки. — В этом нет необходимости.

— Боже, Билли. Подожди! — крикнула Анна. — Ты не можешь причинить ему вреда, ты обещал.

— Я. Пришел. Не. За. Этим, — медленно произнес Билли, поворачиваясь лицом к Анне. — Я знаю, что он делал то, что, по его мнению, должен был сделать.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Анна, наморщив лоб.

— Если бы у меня была возможность бороться за свою дочь, я бы сделал это в мгновение ока, — сказал Билли. — Я понимаю, почему он это сделал, но я не могу его простить. Тина тоже знает. Но мы смирились с ложью. — Он повернулся к Эрику. — Пока ты можешь дать ей то, что она хочет, я дам тебе то, что ты хочешь.

Эрик кивнул головой.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? — сказала Анна.

Эрик громко, прерывисто вздохнул.

— Садись, Анна, — сказал он. — О, Боже милостивый. Это то, о чем я никогда, никогда не хотел тебе говорить.

— Нет, нет, нет! — Мюриэл бросилась к Эрику, высоко подняв кулаки. Лиззи с изумлением наблюдала, как Мюриэл осыпает Эрика ударами в грудь.

— Хватит! Мама, ради Бога, — сказала Анна, потянув Мюриэл за руки, заставляя их опуститься по бокам. — Что здесь происходит? — Анна посмотрела прямо на Эрика.

— Ты не хотела причинить ей боль, — сказал Эрик, его голос дрожал, когда слезы потекли по его щекам.

У Лиззи отвисла челюсть. Она бросила на Билли вопросительный взгляд. Очевидно, он рассказал ей не все. Билли Коули утаил от нее этот последний кусочек головоломки, утаил

от всех, кто собрался в бунгало несколько часов назад. Он ждал, когда Эрик Фишер включит его в игру.

Билли повернулся так, чтобы видеть лица всех присутствующих.

— Анна убила Джони Хейз, — сказал он. — И Эрик взял на себя вину за то, что сделала маленькая Белла Фишер.

Лиззи беспомощно стояла рядом, наблюдая, как Анна оседает на пол.

Глава 104

Белла

1989

Среда, 19 июля — день

— Беги, Белла, беги! — завизжала Джони, пробираясь по Блэкстоун-Клоуз.

Белла слышала крик, наблюдая, как Джони исчезает за углом, оставляя ее позади. С Жутким Коули позади нее, кричащим и размахивающим руками. Джони бросила ее. Как она могла это сделать? Белла осмелилась оглянуться через плечо, пытаясь бежать на дрожащих ногах. Он собирался поймать ее. Слезы обожгли ей глаза, горло сжалось. Это было оно. То, о чем предупреждала ее мать. «Не раздражай Билли Коули», «Никогда не ходи к нему домой», «Это небезопасно». Все предостережения матери теперь вопили у нее в голове. Когда она почувствовала, как чья-то рука схватила ее за волосы, Белла поняла, что ее мама была права с самого начала.

— Думаешь, это смешно, да? — Жуткий Коули проревел ей в ухо. Белла почувствовала, как теплая жидкость потекла по внутренней стороне ее бедер. У нее болела голова в том месте, где он держал ее за волосы. Он потянул за них, заставляя ее тело развернуться. Теперь она смотрела прямо на него. Его горячее дыхание коснулось ее лица; сильный, затхлый запах заполнил ее ноздри.

— Пожалуйста... — взмолилась Белла. — Мне очень жаль.

— И ты думаешь, это все объясняет, да? Недели за неделями вы, маленькие засранцы, стучите в мою дверь, и все, что вы можете сказать, это извиниться?

Белла не могла пошевелиться. Страх заставил все ее мышцы замереть. Она собиралась умереть. Жуткий Коули собирался убить ее. Внезапно ее ноги пришли в движение. Она этого не делала. Он тащил ее. Это было оно. Он тащил ее обратно в свое бунгало. Она никогда больше не увидит своих маму и папу.

Что-то хрустнуло. Взрыв энергии пришел изнутри нее, и она потянула его за руки, освобождаясь от его хватки. На этот раз она не остановилась, чтобы оглянуться через плечо, а просто побежала. Когда Белла завернула за угол, она заметила Джони в конце дороги, прислонившуюся к стене.

— А, вот и ты. Ты не торопилась... я уже начала беспокоиться, что он тебя достал, — сказала Джони, прежде чем разразиться смехом.

Обжигающе-горячее ощущение пронзило тело Беллы, заставляя ее лицо чувствовать себя так, как будто оно было в огне. Она крепко сжала кулаки.

— Не могу поверить, что ты бросила меня, — сказала она, стиснув зубы.

— Ну, а чего ты ожидала? Тебе нужно научиться бегать быстрее, — сказала Джони. Затем ее взгляд опустился. — О, Боже мой! Не может быть! — Джони указала на ноги Беллы. — Ты описалась? — И она снова согнулась пополам от смеха.

— Я ненавижу тебя. — Белла сильно толкнула Джони. Она слышала, как воздух вышел изо рта Джони, когда та ударилась о стену. Белла не околачивалась поблизости. Она

побежала по проходу, боясь, что Джони действительно причинит ей боль в ответ. Ей бы не понравилось, если бы ей дали отпор.

— Вернись сюда, ты, слабачка! — Голос Джони преследовал ее.

Белла запаниковала. Она поняла, что проход в конечном итоге приведет обратно к Жуткому Коули, к живой изгороди, которая тянулась вдоль его тупика; та, в которой они обычно прятались перед игрой в Тук-тук, Джинджер. Может быть, если она спрячется там сейчас, Джони не найдет ее; она не ожидала, что Белла будет достаточно храброй, чтобы подойти туда сразу после того, как он поймал ее.

Белла только добралась до травянистого участка, недалеко от огромных кустов, когда Джони бросилась к ней, толкая ее на землю. Они катались по траве, Джони дергала Беллу за волосы.

— Как ты смеешь толкать меня! — закричал Джони.

— Тебе не сойдет с рук вот так оставить меня, Джони. Ты подлая хулиганка.

— Ааа, ты собираешься пойти поплакаться папочке, да? Не будь ребенком, — сказала Джони. Теперь она сидела на Белле, оседлав ее живот и прижав ее руки вниз. Белла боролась под ее весом, пытаясь освободиться. Но это было бесполезно. Джони была сильнее.

— Получай. Прочь от меня! — Белла билась изо всех сил, сумев протащиться по траве несколько дюймов, но Джони снова схватила ее.

— В чем твоя проблема? — крикнула она.

— В тебе, Джони. Ты — моя проблема. Всегда заставляешь меня делать то, что ты хочешь. Ты эгоистка, и я больше не хочу быть твоей подругой. — Белла почувствовала облегчение, произнеся эти слова вслух. Слова, которые она репетировала в своей голове месяцами. Она хотела освободиться от Джони Хейс.

— Жестко. Мы друзья, и все тут. Наши мамы — лучшие подруги, так что мы должны ими быть.

— Нет, мы не подруги! — Белла еще раз дернулась всем телом и, наконец, вырвалась на свободу. Она поскреблась по траве, ее ноги соскальзывали. Она почти добралась до кустов, до щели, через которую могла протиснуться, когда рука Джони потянула ее за лодыжку, и она рухнула животом обратно на траву. Вспыхнул гнев. Белла вытянула руку перед собой, ее пальцы сомкнулись вокруг большого камня. Она перевернулась на спину, и когда Джони приземлилась на живот, Белла взмахнула рукой. Камень издал глухой звук, ударившись о лоб Джони.

На мгновение Джони просто выглядела ошеломленной, но потом, казалось, пошатнулась.

Белла с тихим ужасом наблюдала, как на голове Джони вздулась огромная шишка. Казалось, она становилась все больше и больше, пока она смотрела. Она лопнет?

Джони снова села на траву. Она медленно подняла руку, и когда коснулась шишки, ее глаза расширились.

Белле показалось, что она увидела в них ненависть. Она должна была уйти от Джони. Сейчас. Потому что это выглядело так, как будто она собиралась полностью рассчитаться с Беллой.

Она быстро швырнула камень в кусты и встала, готовая убежать.

— Что ты наделала? — сказала Джони, сжав обе руки в кулаки.

Она собиралась снова напасть... Белла знала это. Пока Джони была на земле, девочка должна была быть уверена, что та останется там. Белла двинулась вперед, и когда она

оказалась рядом с Джони, она подняла ногу, пнув ее в грудь. Джони снова схватила Беллу за лодыжку, потянув за нее, чтобы та упала. Но она не упала, а осталась стоять прямо.

— Ты сука, Белла! — завопила она. — И вообще, ты мне никогда не нравилась. — Она отпустила ногу Беллы. Что дало Белле прекрасную возможность нанести еще один удар. Джони упала на спину, ударившись головой о землю. Белла колебалась. Гнев и разочарование, вырвавшиеся из нее, стали для нее шоком, но это был первый раз, когда она взяла верх над своей подругой. Она стояла над Джони, решив в этот момент, что должна извлечь из этого максимум пользы.

— Хорошо, — сказала Белла. — Я больше никогда не хочу тебя видеть.

Джони издавала странный булькающий звук. Белла наклонилась, близко к ее голове. «Как обычно, слишком остро реагирую», — подумала она, взявшись за медальон Джони и потянув его. Цепь порвалась.

— Тогда тебе это больше не понадобится, — сказала она, пряча ожерелье в карман.

Джони не ответила.

— Эй! Я сказала, что тебе это больше не понадобится.

Джони не пошевелилась.

Белла подтолкнула ее ногой. Ничего.

— Джони? Хватит валять дурака.

Белла схватила лицо Джони обеими руками, тряся его из стороны в сторону.

Из ее уха сочилась кровь. Джони молчала.

Что она натворила? Белла отшатнулась назад, чувствуя, как поднимается тошнота.

Она огляделась вокруг. Больше там никого не было. Никто не видел, что произошло.

Белла отвернулась от Джони и протиснулась сквозь щель в живой изгороди. Ей следует обратиться за помощью. Ей нужно вызвать «скорую».

Выйдя с другой стороны кустов на Блэкстоун-Клоуз, она заколебалась. Может быть, ей стоит постучать в дверь Жуткого Коули. Он обязательно выбежит, и тогда она сможет сказать ему, чтобы он позвал на помощь. Но когда она подошла к бунгало, то увидела, что грузовик уехал. Его не было дома.

Ей нужно было идти домой. Ее отец знал бы, что делать. Она бросилась бежать. С каждым гулким шагом слова: Белла убила Джони, Белла убила Джони, звучали у нее в ушах.

Глава 105

Анна

2019

Пятница, 19 июля

Обеспокоенное лицо Мюриэл было первым, что Анна увидела, нависшее над её собственным, когда пришла в себя.

— Анна, дорогая. Ты напугала меня, упав в такой обморок.

Анна села. Все взгляды были прикованы к ней. Последние слова, которые она услышала перед тем, как ее окутала тьма, повторились в ее голове: «Анна убила Джони Хейз. И Эрик взял на себя вину за то, что сделала маленькая Белла Фишер».

— Я... я не понимаю, — сказала она. — Как? Почему? — Анна запиналась. Все эти годы она считала Билли Коули виновным в убийстве Джони. Несколько мгновений назад она обнаружила, что на самом деле ее отец, Эрик, был детоубийцей. Теперь, внезапно, они навесили этот ярлык на нее. Все это не имело смысла. Даже Лиззи, казалось, испытывала трудности с этой новой информацией.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше? — Лиззи нахмурила брови, когда повернулась, чтобы посмотреть на Билли. — Когда ты якобы раскрывал всю правду обо всем, что происходило. Зачем намеренно опускать тот факт, что настоящим убийцей была Анна?

— Я не скрывал это от тебя. — сказал Билли. — Это просто должно было быть раскрыто в нужное время. Или то, что я считал подходящим временем. Это что-то вроде разорвавшейся бомбы, которую можно сбросить на кого угодно.

Анна не могла с этим не согласиться. Но это была разорвавшаяся бомба, с которой она теперь не знала, как справиться. Было непостижимо, что она, десятилетняя девочка, могла убить другого ребенка. Билли, должно быть, ошибается.

Но ни Эрик, ни Мюриэл не оспаривали обвинения Билли.

Значит, это должно быть правдой.

— Почему ты такой снисходительный? — спросила Лиззи.

Лицо Билли смягчилось; его глаза закрылись, когда он сделал долгий вдох, а затем медленно выдохнул.

— У меня было много времени, чтобы все это обдумать... я прошел множество реабилитационных программ, и хотя я не был тем, кто нуждался в этом, или даже должен был сидеть в тюрьме, я нашел их полезными. Я научился новым навыкам управления своими эмоциями и тому, как смотреть на вещи с разных точек зрения. Я поставил себя на место других и немного походил вокруг да около, — сказал Билли. Его глаза были сосредоточены на Эрике. — Ты защитил свою дочь, что я хотел бы сделать для Элизы. Наверное, часть меня ревновала, а другая часть восхищалась тобой.

— Но Билли, папа... семья Фишер тебя упекла! Сделала тебя подозреваемым, а затем, благодаря их лжи и помощи других отвратительных людей этой деревни, добилась того, что именно ты сел за это. Я не понимаю, почему ты ничего не собираешься с этим делать. Теперь ты вооружен правдой. Иди и сообщи в полицию! — сказала Лиззи.

— Правда сделает тебя свободным, — сказал Билли, улыбаясь.

— Вот именно, так что убедись, что все знают, что это был не ты.

— Теперь я свободен. И правда выплыла наружу. Те, кому нужно знать, знают.

— Разве ты не хочешь увидеть Эрика за решеткой? Даже Анну?

— Эй, погоди, — вмешалась Мюриэл. — Ты не можешь этого сделать. Анна даже не знала, на самом деле. Она была всего лишь ребенком. Это был несчастный случай.

— Все в порядке, Лиззи, — сказал Билли. Он слабо улыбнулся, затем положил руку ей на плечо. — Ты только что узнала об этом, так что потребуется много времени, чтобы это усвоилось. Еще дольше, прежде чем ты поймешь, что я прав, позволяя спящим собакам лежать. Они уже пострадали, поверь мне. Годы пребывания в ловушке их лжи. И во многих отношениях Эрик был таким же пленником, как и я, и он тоже чуть не потерял свою дочь. Мой тюремный срок закончился. У него его не будет. А у Анны все только начинается. Им не нужны решетки.

— Правильные люди должны быть наказаны, человек, совершивший убийство, должен потерять свою свободу.

— Я отсидел за это срок, Лиззи. Я уже стар, я не вижу смысла упекать Анну в тюрьму, у нее есть своя дочь. Я не собираюсь быть тем, кто разорвет семью Фишер на части. Я не так плох, как они. — Билли позволил своему взгляду медленно переместиться на Мюриэл, затем на Эрика и Анну. — И, кроме того, я отдаю окончательное решение в руки Тины...

— Подожди, Тина с самого начала знала, что это я? Почему она ничего не сказала раньше? — сказала Анна.

— Да, она подозревала еще до того, как я изложил ей свою теорию. С самого начала Тина злилась на тебя и твою мать за то, что они не пошли прямо в полицию, когда вы якобы были свидетелями того, как Джони садилась в мой грузовик. Она также не купилась на эту шокирующую историю. Мы долго говорили, как во время ее визитов в тюрьму, так и в письмах, о том, что она чувствовала, что хотела сделать.

— Значит, она придумала эту странную игру «Тук-тук», чтобы дать нам понять, что она знает, но на этом все? Этого достаточно, не так ли? Кажется маловероятным, — сказала Мюриэл.

— Это может подействовать на тебя. Важными вещами для Тины были поиски тела ее дочери и обеспечение того, чтобы те, кто был вовлечен, сказали или были вынуждены сказать правду. Это она решила пощадить Анну. И Эрика с Мюриэл тоже. Она умеет прощать, гораздо больше, чем я. У меня есть возможность возобновить свою жизнь. Я могу, возможно... — Он посмотрел на Лиззи. — Ну, может быть, я наконец смогу наладить какие-то отношения со своей дочерью, присматривать за ней. У Тины этого нет. Все, чего я хотел, — это чтобы она смогла похоронить своего ребенка. И теперь Эрик будет хорошим, не так ли, Эрик? — Он снова обратил свое внимание на ее отца.

— Да. Мне так жаль, Анна. Тебе никогда не суждено было узнать об этом... не так.

— Но она уже знала, — сказала Лиззи. — Анна знала, что это она убила Джони. Что ты имеешь в виду, говоря, что она никогда не должна была узнать?

— Шок от того, что произошло, каким-то образом заставил ее похоронить воспоминания об этом, — сказала Мюриэл.

Анна опустила голову, услышав тонкое, пренебрежительное фырканье со стороны Билли.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Лиззи.

— Потому что она действительно никогда не казалась взволнованной, когда говорили о смерти Джони. После того, как она дала свои показания, она как будто начала верить, что это сделал Билли, а не она. Я даже сама начала в это верить. Я полагаю, что объяснение, которое я дала, то, о котором сообщалось, было для нее проще. Это лучше, чем думать, что она лишила жизни свою подругу.

— Ты не забыла, Анна? Я имею в виду, разве не было никаких воспоминаний о событиях того дня? — спросила Лиззи.

— Да. Да, так оно и было. Но мама права. Я действительно помнила только то, что, как мне сказали, произошло. Это были воспоминания, которые я унесла с собой. Тогда я также стала Анной, я думаю, это помогло. Я больше не была Беллой. Белла не была частью меня. Я не хотела и не нуждалась в ее воспоминаниях.

— А как насчет сейчас? Теперь ты знаешь, что это была ты, разве это не вытеснило из тебя никаких воспоминаний об этом?

В воображении Анны возникло лицо Джони... огромная шишка, выступающая у нее на лбу. Она вспомнила свой гнев, силу своего удара. Звук удара черепа Джони о землю и вид крови, вытекающей из ее уха.

— Не совсем, нет, — сказала она. Ложь давалась легко. Она потратила всю жизнь на создание этого повествования... она еще не была готова отпустить его. Ей придется смириться с этим в свое время. Она ничего не должна Лиззи.

Даже когда она думала об этом, она знала, что ошибалась.

Она была обязана этим людям всем. Ее жизнью. Жизнью Кэрри.

Как она вообще сможет двигаться дальше после всего этого?

— Думаю, сейчас самое время. — Эрик подошел к Анне и сжал ее плечо. — Мне так жаль, моя девочка. Я вернусь, чтобы увидеться с тобой позже.

Эрик поцеловал Мюриэл в щеку и вышел за дверь. Билли последовал за ним.

— Что ты теперь собираешься делать? — спросила Анна у Лиззи.

— Мне нужно увидеть своего мужа.

— Как ты думаешь, они ее уже нашли?

Было три часа ночи; мужчины ушли чуть больше часа назад. Мюриэл, несмотря на то, что была готова лечь раньше и хотела лечь в постель, сидела с Анной с тех пор, как все ушли, ее рука обхватила тело Анны так далеко, как только могла дотянуться.

— Это кажется ненастоящим, мама.

— Я знаю, дорогая. Я знаю. — Мюриэл погладила Анну по волосам — так, как она делала раньше, когда та нуждалась в утешении.

— Но я была так ужасна с тобой. Говорила ужасные вещи о папе. Все это время ты хранила молчание, чтобы защитить меня.

— Да. Кое-что из того, что ты говорила, было обидным. То, как ты иногда обращаешься со мной, похоже на пинок под дых. Но это моя вина. Этого бы не случилось, если бы не я. Все могло бы быть совсем по-другому, если бы я не пустила мяч в ход. Моя одержимость вытащить Билли Коули из Мейплдона взяла верх над всем. Я потеряла из виду все, что действительно имело значение. Из-за всего этого я потеряла твоего отца, потом тебя. Но именно твой отец принял на себя основную тяжесть всего этого, ему пришлось пойти и найти ее, а затем избавиться от ее тела. Он был сломлен. Сломлен, потому что его любимая маленькая девочка сделала что-то настолько ужасное, сломлен, потому что он скрыл это. После этого он никогда не мог смотреть тебе в глаза. Он действительно ушел, потому что любил тебя. Я не лгала об этом, Анна, — сказала Мюриэл, сжимая руку Анны.

— Другой женщины не было?

— Нет, никогда.

— Так вот почему ты так и не сняла обручальное кольцо?

Мюриэл посмотрела на свои руки, поворачивая золотое кольцо.

— Я ненавидела то, что произошло, ненавидела тот факт, что ему пришлось покинуть нас. После того, как он ушел, это превратилось в отвратительный кошмар — ложь на лжи — чтобы ты не поняла, что это ты убила Джони Хейс. Я провела с тобой несколько часов, рассказывая о Билли и о том, как он похитил Джони, пытаюсь запечатлеть это в твоём сознании, в твоей памяти. Нелл тоже. Она всегда была верна мне. Она была единственной, кто знал, что мы защищаем тебя.

— Как она могла захотеть помочь защитить меня после того, как узнала, что это была я?

— Ты не хотела убивать Джони... ты рассказала нам о драке. Это был несчастный случай. Мы с твоим отцом знали это, и Нелл тоже. Мы все видели, какой была Джони. В ней было много такого, что не совсем сходилось... даже в десять лет у нее была репутация противной. Оглядываясь назад, мы думали, что у нее были признаки расстройства личности. Но Тина и Марк проигнорировали ее поведение. У Нелл действительно были сомнения по поводу попытки свалить это на Билли. Но она действительно была убеждена, что он виновен в жестоком обращении с Элизой... то, как Роберт повел себя после того, как был в бунгало в

тот раз, укрепило ее веру, поэтому она поддержала меня. Всегда придерживалась истории, никогда не колебалась. Даже сегодня вечером.

— Даже после того, как узнала о преподобном Фарли.

— Я знаю. И я знаю, что ты и другие теперь думаете обо мне. Однако я действительно не могла просто так позволить этому сойти с рук. Я обещаю тебе. Как только Билли исчез из поля зрения, я переключила свое внимание на него. Твой отец тогда еще был здесь, так что он помог Фарли продвинуться дальше.

— Но другие дети, мама, ты могла бы предотвратить появление новых жертв, если бы сообщила о нем...

— Возможно, я и не передала его полиции, и к тому времени я не смогла бы этого сделать без того, чтобы вся история, которую я сплела, не рухнула, а твой отец не попал в тюрьму, но я предприняла все, что могла, чтобы гарантировать, что его возможность продолжать любое насилие была ограничена.

— Каким образом?

— Я выяснила, в какой приход он переехал, а затем анонимно сообщила им об этом. Я рассказала им ровно столько информации, чтобы мое обвинение в педофилии подтвердилось. Его репутация была разорвана в клочья; в конце концов, никаких реальных доказательств не потребовалось, а потом у него случился нервный срыв. Остальное ты знаешь.

— Похоже, в наши дни никаких реальных доказательств не требуется, — сказала Анна, качая головой.

— В его случае это было заслуженно.

— Но не в случае Билли.

— Нет. Нет. Хотя я не могу сказать, что не сделала бы этого снова, если бы пришлось, — сказала Мюриэл. — Если бы это означало защиту моей семьи.

Затем воцарилась тишина, пока Анна пыталась осознать все происходящее. Слои лжи. Так много вещей беспокоило ее, и, без сомнения, в ближайшие дни их будет еще больше. Одна из вещей, которая беспокоила ее прямо сейчас, заключалась в том, как ее мать поощряла маленьких Беллу и Джони дружить, если то, что она сказала, было правдой. Если бы их все время не сталкивали друг с другом, ничего этого бы не случилось.

— Если ты думала, что Джони — плохая, почему ты позволяла мне играть с ней?

Мюриэл вздохнула и пожала плечами.

— Потому что мы с Тиной были лучшими подругами. Я хотела, чтобы вы двое тоже были хорошими друзьями. — Мюриэл опустила голову. — Это облегчало жизнь; мы с твоим отцом могли бы проводить больше времени у Тины и Марка или наоборот, если бы вы играли вместе.

— Верно, — сказала Анна. У нее было предчувствие, что многие ответы на ее вопросы будут такими: «это облегчало жизнь». В какой-то момент она хотела задать все вопросы. Анна так устала, что ее веки налились свинцом. Она не была уверена, что сможет дождаться возвращения отца с Билли. И телом Джони.

Она вздрогнула.

— Похоже, это все время возвращается к тебе, мам. Не то чтобы я могла винить тебя за мои действия.

— Да, это так. Не волнуйся, я тоже виню себя. Я была так шокирована, когда ты наконец сказала, что причинила Джони боль, оставила ее лежать, не дыша, на траве возле

живой изгороди по другую сторону тупика Билли. Когда Эрик вернулся с пепельно-серым лицом и рассказал мне, как он нашел ее, мы не были достаточно уверены, чтобы нам сошло с рук сказать, что это был несчастный случай. Как бы это ни было ужасно, я увидела в этом возможность брать Билли... в этом они были правы. И я бы предпочла, чтобы он сел за убийство, чем мои дочь или муж.

— Почему Билли не привел Нелл сюда? Не дал ей понять, что ему известна вся правда?

— Потому что, я полагаю, он знал, что за этим стою я. Тогда я была такой же хулиганкой, какой они считали Джони. Но я была взрослой... я должна была знать лучше. Тина, Билли, они хотели, чтобы я была тем, кто заплатит за это. Только не Нелл. Не ты.

— Как мне жить с осознанием того, что я убила ее; что я убийца детей, а не Жуткий Коули?

— Я не могу ответить на этот вопрос, дорогая. Но до прошлой недели ты жила хорошей жизнью, делала хорошие вещи. Продолжай делать это. Только время покажет, как ты будешь с этим справляться. Мне жаль, что это вышло наружу, правда жаль.

Эпилог

2019

Мейплдонская церковь

Четверг, 2 августа

Гроб был белым. Крошечным.

Тина Хейз шла рядом с Пэтом, склонив голову, когда он нес останки Джони по проходу.

Она ждала тридцать лет, чтобы упокоить свою дочь, наконец-то заполнить пустую могилу, за которой ухаживала все это время. Слезы, текущие по ее лицу, были слезами облегчения. Она потратила все слезы на горе за эти годы. Наконец-то она смогла попрощаться.

Лишь горстка людей присоединилась к Тине и Пэту, чтобы засвидетельствовать свое почтение, сидя тихо и очень неподвижно на первой скамье. Тина высказала свои мысли до начала службы: жителям Мейплдона здесь не рады. Это была только семья и честные друзья. Билли Коули там тоже не было. Как бы Тине ни хотелось, чтобы он был там, она знала, что его не подпустят ближе чем на десять миль.

Она разговаривала с ним несколько раз после того, как он нашел кости Джони. Он взял вину на себя, как и обещал. После того, как Эрик показал ему место, где они с преподобным Фарнли похоронили ее, Билли связался с полицией. Сказал им, что с тех пор, как его освободили, он был полон решимости вспомнить, где находится тело маленькой Джони Хейс, сказав им, что он посетил этот район, вспомнил местоположение и хотел поступить правильно.

Он знал, что интерес прессы будет повышен, но Лиззи помогла, она организовала эксклюзивное интервью с «человеком, который убил Джони Хейс», убедившись, что рассказала только то, что было необходимо, и завершила статью тем, что Уильям Коули был условно-досрочно освобожден из своего тридцатилетнего тюремного заключения и доказал, что он способен измениться; его опасность для общества была снижена благодаря успешному завершению необходимых программ реабилитации. Она повторила, что он останется на условно-досрочном освобождении до самой смерти, и что сейчас он пытается восстановить ту жизнь, которая у него осталась.

Лиззи была удивлена, что Билли отказался обращаться в высший суд, чтобы получить новую личность, предпочитая оставаться Уильямом Коули, несмотря на возможные

последствия. Однако он держался в тени, оставаясь в фургоне на земле фермера. У Лиззи была настоящая история, записанная на ее телефон той ночью; она сохранила ее на всякий случай. Там было два отдельных аудиофайла: один из бунгало, а затем тот, который она инстинктивно начала записывать, когда вошла в дом Фишеров позже тем же вечером. Это был тот, который она скопировала на USB-накопитель.

Билли оставил записку для Тины. Дал ей открытое приглашение навестить его как-нибудь, если она захочет. Тина знала, что поддержит его. Это было самое меньшее, чего он заслуживал. Он совершил самоотверженный поступок, за который Тина никогда не сможет полностью отплатить ему. Уж точно такого, чего не смогли бы сделать Фишеры.

Несмотря на то, что Билли не смог присутствовать, Лиззи пришла. Они с Домом специально приехали сюда и снова остановились в отеле типа «постель и завтрак» «Булидж Бартон».

— Спасибо, что пришли, — сказала Тина, когда они шли к могиле на церковном дворе, к месту последнего упокоения Джони.

Лиззи улыбнулась.

— Спасибо, что пригласили нас.

После того, как гроб опустили и на блестящую белую крышку посыпали пригоршни земли, они пошли обратно к воротам.

— Приятно видеть вас с Домом такими счастливыми, — сказала Тина. — Я рада, что из этого вышло что-то хорошее.

— Мы тоже. Это было долгое путешествие. Я рада, что все закончилось, — сказала Лиззи. — Извини, — быстро сказала она, — я не имела в виду... это было так бестактно.

— Все в порядке, Лиззи. Пожалуйста, не надо. Не нужно ходить по яичной скорлупе. Для меня это завершение. — Она улыбнулась, похлопав Лиззи по руке. Но Лиззи уловила легкое подергивание губ Тины, когда она произносила эти слова, увидела блеск в ее глазах. Было ли этого закрытия действительно достаточно?

— Спасибо. На самом деле мы говорим о создании семьи. — Лиззи посмотрела на Дома.

— О, это фантастика! — спросила Тина.

— Так и есть, не так ли? — Дом просиял.

— А как насчет тебя и Билли? Вы собираетесь поддерживать связь? — спросила Тина.

— Да, таков план. Я хочу присматривать за ним, регулярно навещать, чтобы убедиться, что он справляется с жизнью на воле, — сказала Лиззи. Она не добавила, что также хотела убедиться, что он не сделал ничего такого, что могло бы снова посадить его в тюрьму. Они поговорили по душам о преподобном Фарнли после того, как выяснилось, что именно он жестоко обращался с ней в детстве, и у Лиззи сложилось отчетливое впечатление, что Билли считает, что этот человек недостаточно страдал.

Они подошли к воротам и некоторое время стояли молча.

— Приедете к нам как-нибудь? — спросила Тина. Ее глаза заблестели от слез.

— Конечно.

Они обнялись, и Лиззи воспользовалась возможностью, чтобы сунуть маленькую флешку в карман Тины, прежде чем они разошлись каждый своей дорогой.

Церковные колокола перестали звонить.

— Все кончено, — сказала Мюриэл.

— Так ли это? — Анна допила остатки кофе из кружки и поставила ее в раковину.

— Спасибо, что пришла сюда сегодня, Анна. Я не могла вынести одиночества, зная, что происходит прямо по дороге.

— Да уж, это не самый легкий из дней, не так ли? — сказала Анна. — Но это конец. По крайней мере, для некоторых.

Мюриэл кивнула, а затем весело сказала:

— Кстати, твой папа передает тебе привет. Он был здесь вчера, заскочил перед отъездом домой.

— Где сейчас его дом?

— Где-то в Сомерсете. Он живет там уже много лет.

— Мне показалось, ты говорила, что он уехал в Шотландию?

— Он был там, когда все это случилось. Но он не мог выдержать такой погоды. Заработал артрит.

— А, точно. Он не собирается возвращаться сюда сейчас? Учитывая, что правда вышла наружу, конечно, он мог бы?

— Нет. Слишком много воды утекло для этого, дорогая.

Анна сделала движение к двери. Она хотела вернуться домой. Кэрри была вне себя от беспокойства, что ее не будет дольше обещанного дня. Неудивительно, что она не доверяла Анне после того, как та оставила ее почти на две недели в июле. С тех пор как Анна покинула Мейплдон после того вечера, когда выяснилось, что она убила Джони, ей потребовалось время, чтобы привыкнуть к своим недавно приобретенным знаниям. Понемногу она вспоминала тот ужасный день в среду, фрагменты которого всплывали перед ней в замедленной съемке, как сцены из фильма.

Она надеялась, что однажды сможет простить себя, но не очень-то в это верила. Самое большее, на что она была способна, — это жить хорошей жизнью сейчас; быть хорошей мамой. Этим она обязана своему отцу. Эрик сделал то, что сделал, потому что думал, что это единственный способ защитить ее. Только так он мог обеспечить ей счастливую жизнь. Заслужила ли она эту возможность вместо Билли Коули — вот вопрос, который она задавала себе ежедневно.

— Поедем со мной, мам. Уезжай из Мейплдона, живи со мной и Кэрри, — сказала она, подходя к входной двери.

— Я бы никогда не выжила за пределами этой крошечной деревни, Анна. Это мой дом. Здесь мое место. — Мюриэл открыла дверь, и Анна заметила ее быстрый косой взгляд, чтобы убедиться, что к ней ничего не прибито. — Мейплдон заботится о своих, дорогая, — сказала она.

— Так ли это? — сказала Анна, целуя маму в щеку. — Как ты думаешь, Тина разделит бы это мнение?

Анна не стала дожидаться ответа. Она знала, что такого не было.

Поднимаясь на холм, Анна посмотрела в зеркало заднего вида, наблюдая, как ее мать машет рукой на пороге, пока та не скрылась из виду. Когда она проезжала мимо припаркованной машины, та резко отъехала от тротуара. Она прищурилась, проверяя зеркало, чтобы увидеть, кто был за рулем. Похоже, это была женщина, но она не могла разобрать, кто именно. Анна не придавала этому особого значения, поскольку машина следовала на небольшом расстоянии позади нее.

Она свернула на главную дорогу, ведущую из Мейплдона.

Оставив деревню и ее призраков позади.